

84(2 = 411.2)

А 318

Александр Демченко

ТУЙСКИЕ ЗОРИ

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1954

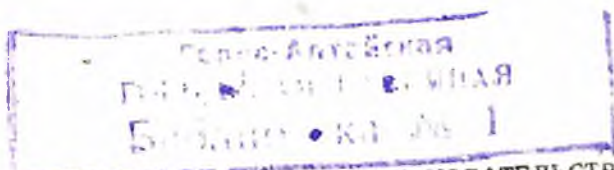

p2
D 30

Александр Демченко

ЧУЙСКИЕ ЗОРИ

Роман

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Барнаул 1954

0.✓
392507

✓

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Шел 1945 год. Хорошие приметы и вести ознакомили его приход. Впервые за много лет в Куягаше выпал снег и только мартовское солнце не дало залежаться ему. Но люди видели, как вода, омочив гальку, ушла вниз.

— Это к счастью, — говорили старики. — К богатству.

Словно ласточки, перелетали стремительно от одной стоянки к другой вести, обещавшие большие перемены. На тракте, который разрезал поперек Куягашскую высокогорную полупустыню, появлялось больше машин, и даже бег их, казалось, в эту весну был стремительней и веселей.

Люди, вставая, выходили из айлов и первым долгом смотрели на дорогу. Все радости и вести шли по этому тракту, связывающему аймак со страной.

В начале мая стоянки переместились в центр Куягашской равнины, и секретарь райкома прямо с полуторки, улыбаясь и волнуясь, сказал:

— Победа! Мы победили, товарищи!

Лицо секретаря многим показалось совсем мальчишечьим, а движения резкими и несдержанными.

Верно, не совсем обычно вели себя в этот день даже старики. Они, всегда степенные и невозмутимые, искурили в несколько часов дневной запас табака. Хорошую весть сообщил секретарь. И хоть ждали ее и верили в нее, но все же она пришла неожиданно.

...Мурзагуловы, знатные люди в колхозе, жившие в листовничном пятистенном доме, пасли скот в верховьях реки Апаш-Су. Сам Мамий Мурзагулович, высокий, худой старик, смотрел за верблюдами. Его сын Карым — пас копей, спиха Кульзах — овец и коз. Все эти дни Кульзах старалась побыть дома. И Мамий многозначительно поглядывал на жену.

— Ждет. Боятся радость расплескать при всех. Скоро должен прийти Магузум.

Счастливая семья у Мамия Мурзагуловича. Ничего не скажешь. Кто в аймаке не знает черноглазой Кульзах? Кто не слышал про ее опыты на отаре? Это она подкармливала на солончаках своих овец и пробовала чесать пух с коз. Разве не о ней шла все эти годы, тяжелые годы войны, добрая слава лучшей пастушки? О ней. А она ведь жена его старшего сына Магузума, который несет победу с фронта. Нет, ничего не может сказать Мамий плохого про свою семью. Честно трудились в колхозе. Вот и Карым — тоже. Он еще как буйный трехлеток-жересбчик. В нем все ветры и все бури. Но что это за молодость без горячего солнца в крови? Отстоит и Карым. Его время еще придет. А пока и он не осрамил своими конями семью.

А вот как прибудет Магузум...

Мамий щурил свои узкие глаза, и морщинистое желтоватое лицо его разглаживалось. Он смотрел, заслоняясь ладонью от солнца, через Апаш-Су, на тракт.

— Придет и новое счастье, перешагнет через порог твоего дома, Мамий, — шептал он. — Может, Кульзах мальчонка тогда родит, и ты будешь с ним около окока возиться. Посадишь на колени и станешь его кормить, выбирая всякий раз самый жирный кусок баранины из котла. Может быть такое, Мамий. Может.

Старик садился на своего коня и объезжал выросший за годы войны табун верблюдов.

«Было ль когда-нибудь такое богатство в колхозе, Магузум? — с тихой гордостью шептал старик, обращаясь к фронтовику. Не было, Магузум. А ведь это

не легкое дело — вырастить такой табун. За твое отсутствие не пошла вниз семья Мурзагуловых. Не потеряла своей доброй славы. Ты можешь зайти в Куягаше в ай-мачный Дом культуры. Там в списке лучших людей ай-мака Мурзагуловы. Да».

Мамий, прямой, длинный в седле, сдвинув на затылок меховой треух, махал руками на фыркавших верблюдов, отгоняя их к берегу Апаш-Су, заросшему колючими кустами верблюжьей травы — чия. Потом выезжал на высокий берег реки и смотрел на тракт, который блестел на солнце и гудел, гудел проводами-струнами. Будто где-то за горой пел неведомый богатырь-топшурист. И неслась его песня над Куягашской каменной равниной, вызывая томительное чувство ожидаемой радости. Тракт, пересекая равнину, исчезал вдалеке, у синих гор, будто проваливаясь в зелень едва различных деревьев. А песня звенела...

Мамий долго смотрел в сторону гор, не мигая, не отрывая ладони ото лба. И представил себе, как вырвутся из той зелени на равнину несколько машин с голосистыми, веселыми парнями. Как эти машины минуют Куягаш и помчатся около Апаш-Су. И все увидят табун прекрасных верблюдов. «Ого! — скажут они удивленно. — Кто же это так постарался!» И, конечно, узнают его. У небольшого ручья, вон против Желтого камня, встретят они тучные стада Эркемеев Мартанакоев. Хорошие коровы у соседа. Ничего не скажешь. Добрый был заместитель председателя колхоза Иван Мартанакоев. Может, с Магузумом и придут вместе.

А вон дымок Салбашевых. Посмотрите-ка, посмотрите на его овец! А Сакмаровские кони! Ого! Мамий гордо огляделся и произнес вслух задумчиво:

— А ведь и горе есть. На чужом веселье горе будет еще сильнее. Есть оно в наших семьях. Принесла война. Но оно будет легче, когда у плеча чувствуешь добрую сильную руку своего колхоза. Никто не покачнулся из стариков. Ни Эркемеев, ни Сакмаров. Что же помогало нам не упасть? Вот этот самый день, когда на тракте с машин раздастся веселый смех. Давно не было хорошего сильного смеха на этой дороге.

Мамий весело посмотрел за Апаш-Су, на тракт.

— Да, Магузум, — тихо добавил он. — Еще, Магузум, — вера. Да, как дерево питают соки земли, так эта

вера в то, что будут еще резвиться у окока дети, поднимала нас. Давала нам силы, мой сын. Вот какие стали старики. Магузум. Приезжайте быстрее и посмотрите, а если хотите проверить, заезжайте в Дом культуры. Там есть... Там такой большой список висит.

Мамий потеревил реденькую бородку, и глаза его блеснули.

— Проверь. Проверь, Магузум. Это лучше.

Старик тронул коня коленями и тихо поехал вдоль берега.

* * *

Кульзах и действительно стала заглядываться на себя в круглом зеркальце и даже в маленькой заводи Черного ключа, из которого любила, наклонившись, пить студеную вкусную воду. Она подолгу смотрела на свое отражение и тихо, радостно улыбалась. Черная толстая коса падала с плеч на грудь, и трудно было отличить сплетения волос от перекатов ручья.

Сегодня отец был очень ласков с ней.

— Знаю, — сказал Мамий, — хотела обрадовать мужа пухоносами. Не так ли?

— Так, — согласилась Кульзах.

— Он и без них, наверно, не меньше будет рад.

Кульзах, счастливо улыбаясь, промолчала. А старик давно не был таким разговорчивым. Недаром есть пословица: «Радость язык развязывает и молчунам».

— Ты заставила и меня поверить в сказочную отару, — сказал Мамий, — Турубаева помог вам уломать. Купили породистого козла. Через моря плыл, говорят. Какой он породы?

— Ангорской.

— Красив. А вот козляток не видно пока. Таких, чтоб в него... пушистых.

— Отец! — посмотрела укоризненно на старика Кульзах. — И ты?

— Я и сам не меньше вашего стараюсь. Турубаев на каждом шагу напоминает.

— Пусть жалуются. Пухоносы будут. Так говорит Анна Васильевна.

— Я верю Анне Васильевне, — согласился старик, — но ведь прошло уже сколько? Пять?

— Да. Пять лет.

— Что же получается? Не ошиблись вы?

— Нет. Ведь улучшенных целая отара. А вот пуху... Пуху мало было.

— Смотрите. Смотрите. Дело большое затеяно, а как бы не сорвалось.

«Даже отец перестал верить, — горько подумала Кульзах, вспоминая этот неприятный разговор. — Может, действительно, пустая эта затея? И виновата во всем я. Я буду перед колхозом виновата».

Она вспомнила, как все это произошло. Козы хорошо живут на Куяганской высокогорной равнине. Их десятки отар в каждом колхозе. Почему довольствоваться только козлинным мясом и шкурой? Разве не известно, что они могут давать и пух? Пух! Это же такое богатство для колхоза!

И Кульзах потихоньку начинает отбирать своих лучших коз. Она заметила: почти у всех белых коз больше пуху. Уже на второй год у Кульзах в особой отаре было таких коз десятка два. Она попробовала их вычесать гребнем. Пух был. Но его было очень мало. Как развести пуховых коз? И есть ли они вообще? Потихоньку Кульзах стала выпрашивать у зоотехников. Перечитала все, что было в библиотеке о пуховых козах. Есть такие козы! Только вот на Алтае их пока нет!

Встреча с Анной Васильевной Русаковой решила все. Русакова уже несколько лет жила на центральной усадьбе колхоза «Кызыл Аскер». Она заведовала опорным пунктом Красногорской опытной животноводческой станции. Кульзах не раз видела высокую, худую женщину, разъезжавшую по степи, бывавшую в отарах.

Оказывается, об опытах Кульзах она уже кое-что знала.

— Хороши. Хороши козы, — похвалила она первых пухоносов. — Давай будем вести научные наблюдения.

Она сняла образцы пуха. Измерила длину ости, глубину отложения. Просила Кульзах ежемесячно описывать изменения. Так они почти два лета вели наблюдения за козами. Отбирали лучших. Вычесывали их.

— Нет, Кульзах. Надо иначе. Надо это дело всерьез и по-настоящему ставить. Ты — инициатор большого, нужного и очень важного дела, — сказала горячо Русакова. — Если козы дадут пух, колхоз станет получать

большие прибыли. У хорошего, большого дела стоим мы, Кульзах. Только начинать пужно с другого конца. Козы есть. Вот в этой твоей отаре лучшие представители собраны, теперь бы настоящего породистого козла с хорошим пуховым отложением. Есть такие пухосы. Но они далеки и дороги. Пойдет ли навстречу правление? Тулубаев, Токушев?

— Сколько... Сколько ж он стоит? — спросила взволнованно Кульзах.

— Не знаю, но, конечно, дорого.

Кульзах задумалась. Она верила Анне Васильевне. Да и можно ли было не верить ей, когда они вместе не одну бессонную ночь провели у костра, когда столько было искренности в ее делах, в ее работе.

— Я скажу отцу, — решила Кульзах. — Он ведь член правления. Если поверит, то поможет уговорить других.

И вот они добились своего. Дорогого породистого козла, наконец, доставили в Куяган, а оттуда в «Кызыл Аскер».

В отаре Кульзах теперь уже ежедневно была или сама Анна Васильевна или ее помощница Варя Огнева.

Прошло еще два года. Окоты были благополучны. Но отложения пуха были немногим больше, чем у доморощенных коз. Анна Васильевна ждала больших изменений от третьего поколения. Но и оно не дало желаемых результатов. Пуха было попрежнему мало. Кульзах потихоньку ругала себя.

Зима 1943 года была суровой. Стояли невиданные морозы, и круглые сутки Куягашскую полупустыню жгли холодные ветры. В отаре начался падеж. Анна Васильевна просила построить для подопытной отары помещение. Тулубаев затянул строительство. Спасли козла и несколько коз второго поколения. Тулубаев сообщил директору зональной станции Грошеву о «самочинных» действиях Анны Васильевны. Грошев писал: «Всякое отвлечение за экспериментами, не имеющими ничего общего с научными темами, с заданиями станции, считаю нарушением трудовой дисциплины и буду рассматривать как преступление».

— Этого можно было ожидать от Грошева, — сказала Анна Васильевна, приехав как-то вечером в отару Кульзах. Она была очень расстроена. На небольшом

остром лице ее горели каким-то упрямым светом глаза. — Но разве возможно отказаться после всего того, что сделано? Ты представь себе, Кульзах: отары пухоносов во всех колхозах аймака. Сначала Куягашского, потом Кызылукского. Потом во всей области! Миллионные доходы. Пух... Нет, он должен быть. Ну, если в третьем поколении нет, может, будет в четвертом? Мы будем продолжать нашу работу, Кульзах.

И вот позавчера, перед тем как уехать в Красногорск, Анна Васильевна зашла в общую отару.

— Что это за козочка? Посмотри, Кульзах! — поймала белоснежную козу Русакова.

— Это Зорька, — вспомнила Кульзах.

— Она же была в подопытной отаре?

— Была. А потом, когда и со вторым поколением ничего не вышло, вы велели пустить ее в общую отару.

— Да ты посмотри, посмотри, какой пух! — воскликнула Анна Васильевна, разваливая на козе ость. — Обязательно проследи за ней. Посмотрим, что даст второе поколение, развиваясь «в себе».

Кульзах стояла, опустив руки. Сердце ее зашлось от радости. Она отбила козу в загончик.

— Значит, могут быть пухоносы, Анна Васильевна?

— Могут. Развиваясь «в себе», животные могут дать лучшие качества породности.

И вот как-то утром Кульзах услышала нежное бляение. Она подбежала к загонке и увидела маленьких козочек, от которых шел пар. Она вскрикнула и бросилась к ним. Зорька принесла двойняшек. Кульзах тщательно осмотрела их. Длинная шерсть пока будто подпалена, но она будет белой. Ноги крепкие, короткие. Сильная грудь. «Не похожи, не похожи на других», — обрадовалась Кульзах.

* * *

«Зачем, — думала Кульзах, — Анну Васильевну вызвали? Может, Турубаев с бухгалтером Токушевым начинают действовать?» Но что со мной? Все эти дни я похожа, наверно, на дуру. Песня какая-то поет во мне. Может, Магузум уже в Кызылук заехал, к матери? Хорошо б его там встретить. Интересно, какой он стал, Магузум. Про две медали писал».

Кульзах улыбаясь смотрела на тракт. Вся она светилась в эти дни радостью и счастьем.

«Вот, может, буду виновата за пухоносов перед колхозом, а все равно мне так легко-легко. Что это? Кажется, к Куягашу спустились две машины?» Сердце ее дрогнуло, замерло, потом бурно забилося. Она ударила поводом коня и вскачь вынеслась на высокий, крутой берег.

Внизу шумит Апаш-Су. Далеко-далеко виднеются горы, окружившие Куягашскую равнину. Блестят кое-где озера. Шумят немногочисленные ручьи. Через месяц ни озер, ни ключей не будет. Их выпьют солнце, песок. Апаш-Су уйдет глубже в землю, закрываясь редкими кустами. Вылезут белыми пятнами на поверхность земли, будто лишайники, солонцы. Их будет с каждым днем все больше и больше. Стада и отары уйдут ближе к горам. Скучно тогда на голой степи. Галька. Песок. Ветер. Солнце. Скучно... Но сейчас еще хорошо.

Кульзах снимает шапку и кладет ее за пазуху. Ветер освежает разгоряченное лицо. Она смотрит в сторону Куягаша. Машины, действительно, остановились за мостом через Апаш-Су и понеслись вверх по тракту.

До нее доносится какой-то шум. Он ближе, яснее. Это летит над трактом песня. Кульзах взволнованно прислушивается. А песня ближе, ближе. Она заглушает гул моторов. И вот перед глазами растерявшейся пастушки, на той стороне Апаш-Су, проносятся две машины. Из кузова, заметив ее, кричат что-то, машут ей руками и пилотками веселые фронтовики.

— Здесь нет. Здесь нет его, — шепчет Кульзах, — это из соседних колхозов.

Она машет им обеими руками и, завернув коня, в буйной радости мчится вниз вдоль реки, вслед машинам.

Прошел еще день. Оказалось, что фронтовики, которых видела Кульзах, были демобилизованы из ближних госпиталей.

На Куягашской равнине появились холодные ветры. Они налетали откуда-то из-под белков и, вырвавшись из ущелий в каменистую степь, подымали тучи песка, ворошили, перекачивали с места на место гальку. Равнина звенела, будто одетая в кольчугу.

Кульзах наблюдала за козочками.

«Варя должна сегодня приехать, — вспомнила она. — А все-таки никто не решит без Анны Васильевны».

К вечеру приехала Варя. Она подняла на руки козочку.

— Темно. Завтра рассмотрим и запишем, — сказала Варя, хотя обем не терпелось узнать, какие качества принесли с собой новорожденные.

Разожгли костер. Кульзах повесила котел с чаем. Обе уселись к огню. На лицах играли отблески пламени.

Сухонькая, подобранная, со строгим худошавым лицом, Варя обхватила колени и, не мигая, смотрела на костер. Она была очень озабочена. Как же! Решалась судьба, может быть, всего дела.

Кульзах изредка посматривала на молодого зоотехника, всегда замкнутую, неразговорчивую девушку с серьезными серыми глазами, и от нетерпения уже два раза бралась перезаплетать косу.

«Что же будет? А вдруг ость большую половину всей шерсти займет», — думает Кульзах. Глаза ее вспыхивают. Она напряженно глядит на Варю. Та, покачиваясь, смотрит неотрывно на огонь. Потом тихо говорит:

— Анне Васильевне приписывают падеж молодняка за все годы.

— Кто приписывает?

— Председатель Турубаев и бухгалтер Токушев. Они, кажется, жаловались в облисполком. Анна Васильевна ведь не может официально заниматься пухотосами. Наверно, будет директор Грошев там. Достанется ей. А она от чистого сердца. Какое у ней сердце, Кульзах!

— Я знаю. Большое сердце. Как у настоящего человека, — сказала Кульзах и резким движением отбросила за спину косы. — Она ни в чем не виновата. Кульзах виновата.

— Милая Кульзах, — улыбнулась Варя, и улыбка так хорошо преобразила ее лицо, всегда серьезное и хмурое, что на миг Кульзах увидела перед собой девочку-подростка. — Ты очень-очень славная, Кульзах. Не отвечать будем все. А может... Может, и не будем, а? — Варя схватила козочку и посадила ее себе на колени. Курчавившаяся вначале шерсть уже была мягкой и эластичной. Варя уткнула подбородок в нее. — Мягенькая..

Пушистая, — сказала она и взглянула на Кульзах. — Может, и не будем, Кульзах?

Та улыбнулась тоже и вздохнула.

Где-то на реке раздалось бульканье. Зазвенели гальки на перекате. Кто-то торопился проскочить брод.

Кульзах встала. Прислушалась.

— Отец, — тихо сказала она. — Каждый день бывает у Сакмаровых. Ждет Магузума.

— А ты словно и не ждешь, Кульзах, а? — сказала Варя.

Кульзах, улыбаясь, покачала головой и прошептала:

— Жду. Так жду. Так...

— Счастливая ты. Небось, тогда и пухоносов забудешь?

Кульзах засмеялась и едва успела открыть дверь, как к стоянке подскочил всадник. Это был Мамий. Кульзах взяла из его рук повод.

— Какие вести, отец?

— Хорошие. А у вас? Да ты не одна?

Мамий шагнул в аил.

— Дьякши! Дьякши, — ласково сказал он, подходя к Варе.

— Здравствуйте, Мамий Мурзагулович. И у нас вот новости. Только не знаем еще, радоваться или горевать.

— Пусть враги горюют. Зорька окотилась? Уже хорошо. А там видно будет. Ну, угощай нас чайком, Кульзах. Попьем, тебе новость скажу.

Кульзах стала разливать чай в деревянные чашки. Ей очень не терпелось услышать новость, но неприлично выказывать нетерпение. Мамий пил медленно, прищмыкивая от удовольствия и закрывая глаза. Потом набил свою маленькую трубочку с длинным окованным чубуком, раскурил ее, затянулся. Сплюнул, вытирая конец чубука рукавом халата, и загадочно произнес:

— Мороз раскалывает камень, радость — сердце. Почему такая сила? — Он хитро, вприщур смотрит то на Кульзах, то на Варю. — Камень превращается в песок и никогда больше не будет камнем — крепким и твердым. Человек становится вдвойне сильным. С открытым сердцем человек сильнее. Заметили?

— Радость — большое чувство, — сказала Варя, стараясь разобраться в загадочной речи старика.

— Верно. Но радость делает человека и прозрачным. Видели?

Кульзах весело рассмеялась.

— Это я такая все эти дни, — сказала она, принимая на себя все загадки пронизательного старика. Мамий довольно улыбнулся. Догадливая сноха. Умная. Кульзах выжидающе посмотрела на него.

Помедлив еще немного, Мамий раздельно сказал:

— Летят наши орлы. Уже проехали Кызылук. Завтра можно ждать. — Он блеснул глазами и взволнованно зачмокал губами. Кульзах схватилась за грудь и задыхнулась. Варя встала и схватила ее руку:

— Поздравляю, Кульзах.

Та благодарно сверкнула глазами и, не вытерпев, выбежала из анла. Мамий укоризненно качнул головой и спокойно заметил:

— Надо и радость уметь сдерживать — дольше не израсходуется.

Варя с удивлением посмотрела на него. Как это верно!

ГЛАВА ВТОРАЯ

В Красногорск Анна Васильевна прибыла на другой день вечером. Едва успела принять ванну в гостинице, позвонили из обкома. В трубке узнала грубоватый басок Обручевой. Заведующая отделом животноводства выговорила ей сразу за все: и за то, что не пришла к ней на квартиру, и за то, что ничего не писала ей целый месяц, и, не вытерпела, — пожурила за пухоносов.

— Погоди. Всыплю тебе по первое число, — пообещала она, но тут же успокоила: — Не трись, Анна. Готовься к бою.

— Значит, к бою, — задумчиво произнесла Анна Васильевна, вешая трубку. — Что ж, постараемся выиграть его.

В дверь постучали. Вошел маленький человек, степенный, с копной волос на голове. Он поднял усики и брови и пошел с протянутой рукой по комнате.

— Наконец-то. Здравствуйте!

— Здравствуйте, Виталий Юрьевич.

«Грошев, кажется, ждал», — подумала она.

— Что случилось? — воскликнул он, садясь на диван.

— Я думаю, вам лучше знать, — тревожно посмотрела в лицо директора Русакова.

— В том-то и дело, душа моя, ничего не ведаю! Звонят: «На исполком». В чем дело? Не знаю. Я все думаю, думаю. И не могу понять. Уж не наделали ли вы чего-нибудь там в колхозном стаде?

— Что ж я могла наделать?

«Светский человек, — подумала Русакова. — Говорит одно — думает другое. Готовит камень — третье».

— Ну, знаете... Всякое ведь может быть. Сейчас так строго с нарушениями. Вы уже готовы?

— Да, — кивнула Анна Васильевна, оглядывая наспех свое отражение в зеркале. Они вышли.

— Нарушений полно — это верно, — твердо сказала Анна Васильевна. Она всегда стеснялась ходить по улице с человеком, который ниже ее ростом, а директор едва доходил ей до плеча. Его степенность и важность, с какой он старался вышагивать, отдуваясь и помахивая батистовым клетчатым платком, вызывала в ней, с одной стороны, чувство какой-то неловкости и вины за свой рост, с другой — досады. «Хороши мы, пожалуй, со стороны», — думала она, стараясь шагать размереннее и в такт.

— Есть, говорите? Все может быть. Только вы, душа моя, берегите честь станции. Да, кстати, как молодые пухоносы? — повел он в ее сторону носом.

— Жду от второго поколения, — сухо ответила Анна Васильевна, чувствуя лицемерие Грошева и в этом вопросе, зная, что директор уже встречался с Турубасвым.

— Ну, а прежние? — воскликнул Грошев. — Гибли? Как печально! Ну, разве я не прав был, говоря, что на этой каменной плите только местные еще кое-как выживают.

— Ангорец чувствует себя прекрасно.

— Гм... А вот настоящего потомства не дает.

— Даст.

— Я вам завидую и...

— Что и?

— И не совсем. Колхоз может возбудить дело.

— За что?

— Как за что? Хотя бы за те убытки, которые понес колхоз из-за падежа ваших коз. А не я ли вам говорил, что ангорец не для Куягаша. Надо его было заставить

хотя бы здесь вот, в условиях Красногорска, дать потомство.

— Через три года вы будете гордиться работой Куяганского опорного пункта.

— Вы неисправимы. А, кстати, последний журнал не видели «За социалистическое животноводство»?

— Нет, а что?

— Снова пишут о нашей гибридной группе коров. Хвалят. Уже третья статья. Так и пишут: сотрудникам Красногорской областной зональной животноводческой станции удалось добиться получения гибрида от скрещивания яка с коровой-симменталкой. Станция имеет будущее... и так далее, знаете, в таком оптимистическом тоне.

— Поздравляю.

— Завидуете?

— Нет, — честно созналась Анна Васильевна.

— Да? — обидчиво вздернул нижнюю губу директор.

— Да.

— Понимаю. Вы ведь почти не принимали участия в выведении этой группы. Не поэтому ли? О, я вас знаю. Вы очень самолюбивы.

— Это верно, но в данном случае счастлива от того, что не прикасалась к вашим непрактичным гибридам. Гбридов вы получали двадцать лет, а дальше?

— Но ведь расшатал наследственность!

— Прекрасно, зачем ее расшатывать, если эта затея не имеет практического смысла?

— Двадцать лет в науке — это, знаете, мизерный срок. — Грошев нервно выхватил папироску из кармана и закурил. — Но это, знаете, лучше, чем ничего или неудачи, да еще с такими убытками.

— Можно подумать, что вы, скорее, завидуете моим неудачам!

— Упаси бог!

— Что ж вас так волнует побочная работа пункта?

— Мне честь учреждения дорога. Учреждения, которыми руковожу более двадцати лет.

Они подошли к пятиэтажному зданию с белыми колоннами у подъезда, около которого сновали легковые машины. Анна Васильевна вздохнула, но с прежней суровой прямоотой сказала:

— Придется вам потесниться, Виталий Юрьевич.

— С какой стати? Для кого?

— Для наших будущих пухоносов оставьте место, Виталий Юрьевич.

— Вы несправимы. Ну, не я виной всех ваших затруднений и несчастий.

Русакова внимательно посмотрела на директора и поняла, что он и сегодня ведет с ней двойную игру.

...И она не ошиблась.

* * *

— Вызов тебя на исполком Совета, — шеннула ей Клавдия Степановна Обручева, — дело рук Турубасева и Грошева. Но ты будь твердой.

Анна Васильевна вздохнула и, схватив руку подружки, строго спросила:

— Ты веришь, Клавдия, в пухоносов?

— Верю.

Исполняющий обязанности председателя облсовета Колонаков, подвижной, пизенький алтаец, к удивлению Анны Васильевны, не имел какого-либо желания разобраться в причинах гибели молодняка первых окотов и представил дело, как «грубейшее нарушение Устава сельхозартели со стороны научного сотрудника опорного пункта Русаковой и несоблюдение последней элементарных условий содержания подопытной отары».

— Убыток, нанесенный колхозу, — сказал Колонаков бесстрастным прокурорским тоном, — исчисляется в несколько тысяч рублей. Дело ясное. Мы не можем допускать. Виновные должны понести соответствующее наказание.

Пока говорил Колонаков сухим, неприятным голосом, с безразличным покашливанием и отрывками на телефонные разговоры, перед Анной Васильевной промелькнула знойная полупустыня, песок, гальки. Отары овец. Ночевки под открытым небом, у костра, а то и просто у камня. Зимние холодные ветры. Поездки в метель к зимовщикам в горы. Особенно одна помнится, когда она и Кульзах теплом собственных шуб, прижавшись сами спиной друг к другу, чтобы не замерзнуть, спасали новорожденных козочек.

Вспомнилось, как под Синьком, в метель, больная, часто терявшая сознание, она всю ночь караулила отару одна, ожидая приезда с центральной усадьбы Кульзах.

«Зачем же она туда ездила? — старалась вспомнить Анна Васильевна. — Ах да, к Вениамину Романовичу, к врачу, за...»

— Анна! Анна! — зашептала Обручева, толкая ее в бок.

— А? — очнулась Русакова и огляделась. От стола послышался скрипучий, недовольный голос:

— Вы признаете всю ответственность... э-э-э... совершившегося?

— Да, да, — поспешно кивнула Русакова. — То есть... Ну конечно, да.

— Ясно. Передать дело следственным органам, — сказал, даже не глядя в сторону Русаковой, председательствующий. — Мы здесь в тылу... Э-э... А тысячи наших... э-э... солдат там грудью... защищали. И вдруг такие вещи. Кто может простить такое дело?

— Колхоз понес убытки, — сказал кто-то. Знакомый голос. Русакова присматривается к сидящим и узнает Тулубаева.

«А ты что, как вареная курица?» — шепчет сердито Клавдия Степановна и берет слово.

— Дело не совсем ясно, — говорит она резким баском. — Русакова патриот... ученый...

— Ну, знаете, если ученые начнут разорять колхоз, — повысил голос Тулубаев.

— А ты помолчи. Насчет разорения мы еще будем с тобой говорить, очевидно, в обкоме партии.

— Что такое, товарищ Обручева? — всполошился Колонаков. — Разве исполком облсовета не... — он развел руками.

— Да, — отрезала Обручева, и лицо ее, всегда такое добродушное и ласково-шутливое, было суровым и гневным. — Не объективен.

— Вы забываетесь, товарищ Обручева, — угрожающе бросил Колонаков.

— Там будет видно, товарищ Колонаков, кто забывается из нас. О фактах растранижирования колхозного имущества председателем колхоза Тулубаевым известно обкому партии.

— При чем я? Исполком разбирает Русакову или Тулубаева? — вскочил Тулубаев. — Провокация!

— Известно также и о некоторых покровителях этого заворовавшегося, разложившегося человека, — продол-

жала, сверкая гневно своими большими черными глазами, Клавдия Степановна.

— Это позволяется у вас, Иван Колонакович? Оскорблять, ругать человека? — прошипел Турубаев.

Колонаков взялся за колокольчик и стал им стучать об стол, потом, спохватившись, потряс им в воздухе. — Тише! Тише!

Обернувшись к Обручевой, он, хмурясь, перешитительно бросил:

— Интересно... э-э... Вам известно, а нам неизвестно. Как так? Игнорирование?

— Не будем сейчас об этом говорить, Иван Колонакович. Это разговор большой и ответственный. О работе пункта Русаковой. Я была в Куягашской степи всего месяц назад. Вы можете себе хоть на минуту представить ту огромную работу, которую ведет кандидат биологических наук Русаков на пункте? Работе этой цены нет. За три—четыре года в Куягаше пункт подготовил более двухсот человек осеминаторов, дважды проводил курсы чабанов, доярок, табунщиков, изучил по-настоящему кормовую базу Куягашской степи и начал очень перспективную работу по разведению коз-пухоносов. Вы знаете, что это такое? Вы можете себе вообразить, какое богатство открывается колхозам, если пухоносы прижмутся? Надо всеми силами поддерживать начин Русаковой. И тем, кто мешает ей, — Обручева посмотрела в сторону Турубаева и Грошева, — тем отрезать крылья.

Турубаев вскочил, замахал руками. Он выкрикивал горячо, возмущаясь выводами Обручевой.

— Это какой такой исполком, чтобы честных людей позорить, обзывать нехорошими словами? Это какая такая мода есть? Командуете в колхозе? Будем дальше жаловаться. Никто не позволит!

— Почему отказались строить кошару для породистого молодняка? — перебила его Обручева.

— Какие кошары в Куягаше? — воскликнул Турубаев насмешливо. — Зачем нам такая порода, которая не будет тебеневать?

— Разрешите мне пояснить, — поднялся Грошев и стал вежливо поучать председателя колхоза. — Если колхоз пошел на то, что купил дорогостоящего ангорского козла, в пользу которого в условиях Куягаша я очень и очень сомневаюсь... Но это мое личное мнение.

— Видите? Директор зональной станции сомневается, а вам головы вскружила Русакова, где вы были?

— Одну минуточку. Одну минуту, — поднял руку Грошев. — Сомневаться — это одно, а уже если делать, — то другое. Новая порода, товарищ Турубаев, требует лучшего ухода. Козы, если они будут, конечно, должны приспосабливаться к местным условиям. Но молодняк нужно сохранять в кошаре. Ведь в Куягаше будто в трубе, не так ли? Ветры. Ветры. Зимой и летом. Кошару надо строить. Тут вы свою вину не спрячете, товарищ Турубаев. Не свалите на пункт. Добросовестность Русаковой известна всем. Другое дело — целесообразность всей этой работы над выведением пухоносов. Я считаю, что работа эта бесплодна. Зачем Куягашу такие козы, для которых не только нужно строить дворы, но ведь придется и завозить корм за тридевять земель. Не так ли?

Турубаев вскочил.

— Тогда зачем ругают Турубаева? — закричал он. — Турубаев каждый день говорил Русаковой: «Брось. Эта затея — ненужная затея». Вон ведь ваш гибрид не требует же каких-то особых условий? Нам нужно ваших гибридов в Куягаш, товарищ Грошев. Там яки! Там коровы!

Директор многозначительно посмотрел на Русакову, на Обручеву и кивнул важно головой:

— Мы подумаем. Подумаем, товарищ Турубаев! Собственно, товарищ Русакова без нашего ведома занялась экспериментами с пухоносами. Я считаю, что ангорец принес колхозу немалую пользу: он улучшил породу коз. Козы стали массивней. Не так ли?

— Так, — кивнул Турубаев.

— Шерсть их стала мягче, с большим пуховым отложением, чем раньше. Не так ли?

— Так. Так.

— Поэтому считаю, что кандидат наук Русакова проделала большую работу и обвинять ее в падеже первых козочек просто как-то... Посудите сами, — Грошев развел руками, улыбнулся. — Ведь правда же, товарищ Колонаков. Она помогла. Дальнейшую работу по выведению пухоносов мы ей запрещаем.

— Анна Васильевна, — обратился он к Русаковой, — весь коллектив научных работников берет на свою со-

весть ваши ошибки. Да, товарищ Колонаков. Коллектив станции просит и заверяет облизполком.

Женщины покинули зал заседаний и, выйдя на улицу, долго шли молча, обескураженные и пораженные происшедшим.

— Погоди, — сказала Клавдия Степановна, беря подругу за плечо. Они остановились около свободной скамейки в скверике. — Садись, Анна. Давай разберемся, что произошло.

— Обернул вокруг пальца, — вздохнула Русакова. — Каков, а? Сначала припугнул судом, а потом... Этаким бесом. И Турубаев рад. Ведь замнут его дела с растранижением мяса и продажей шерсти.

— О нем не беспокойся, — обком вмешается, а вот Грошев...

— Постой. Постой. Как это он сказал: «Разве нужны чистопородные козы Куягашу? Ведь чистая порода требует совершенно другого ухода. Разве ваш ангорец умеет тебеневать? Коз он улучшил — и хорошо. Спасибо».

— Ловко!

Анна Васильевна пожала плечами:

— Не совсем... Я большую надежду возлагаю на развитие второго поколения. Скоро должен пачаться окот.

— Так что же ты молчала? — воскликнула Обручева. — Ах, как жаль, Коломин в область уехал.

— Не торопись. Подождем. Новорожденных посмотрим. А вдруг? Сама знаешь. Может, и прав Грошев. Жаль, что окот поздний. Если будет удачным, где держать козочек и маток зимой?

— Не унывай, Анна.

— Я и не унываю. Итак, пухоносы запрещены. Получить их темой нечего и думать.

— Да. Видишь вон ту парочку?

Анна Васильевна посмотрела с недоумением на высокую девушку с золотистыми пышными волосами и стройного юношу, настороженно поглядывавших издали на них.

— Кто это?

— Сейчас узнаешь. Ищут тебя. Были у меня не раз.

Обручева помахала рукой. Молодые люди быстро подошли к ним. Девушка оказалась сестрой Вари Огневой.

— Мы все очень восхищаемся вами, Анна Васильевна, — бойко сказала она.

— Вот как! Чем же это я вас пленила?

— Не говорите! Не говорите! Вы ведете героическую жизнь в этом страшном Куягаше!

— Да? — рассмеялась Русакова. — Кто это вам сказал?

— Мы знаем. Знаем. И уже многие из студентов будут нынче проситься к вам. Да-да. И мы вот... первые. Можно?

— В Куягаш? — вдруг стала серьезной Анна Васильевна.

— Нам это еще интересней, — сказал паренек и покраснел. — Мы решили туда, где трудно-трудно.

Анна Васильевна расчувствовалась. Кто бы подумал, что эта всплакнувшая вдруг женщина живет уже столько лет в далеком и трудном Куягаше и не раз стойко переносила ураганные ветры, поднимающие тучи жгучего от холода песка в долине, ночевала в пастушьих аилах, встречалась с метелями Камлакского ущелья в горах.

На другой день Анна Васильевна покинула Красногорск. «Хорошая, славная молодежь у нас, — вспоминая про эту неожиданную встречу, думала взволнованно Анна Васильевна. — Нет, не будет тишины для тебя, Турубаев, в Куягаше. Глупый... пингвин». — Она улыбнулась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Утро наступило удивительно чистое и свежее. Вдали над золотыми сверкающими отрогами горных хребтов, подернутых голубым туманом, вспыхнуло ослепительное, но нежаркое солнце. Оно, как сказочная птица, приветливо взмахнуло лучами-крыльями, трепыхнуло ими, появляясь из-за гор.

Варя на миг залюбовалась солнцем. Заслонясь рукой, смотрела, чуть прищурясь, прямо в самую кипень его, и ей передавалась его бодрая и светлая энергия.

«Как чудесно! Как чудесно!» — прошептала она, чувствуя еще непонятную ей радость. «Что же такое произошло?» — подумала она взволнованно и вдруг все вспомнила.

Ведь вчера... первые пушистые козочки. Где же они? И тут она заметила, что отары за пряслом в загонке нет. Не видно и Кульзах.

Варя побежала к берегу и сразу увидела всю отару. Она поднималась с водопоя.

— А козочки? — воскликнула Варя.

— Они там, в аиле. Разве их нет там? — испуганно бросила кверху широкие черные брови Кульзах.

— Ах, там, — спохватилась Варя. — Я и забыла. Почему они молчат?

— Они под моей шубой. Выпускала их кормить, потом опять занесла.

Голос Кульзах дрожал. Глаза влажно поблескивали.

Варя быстро умылась и, вздрагивая от холодной воды, побежала к стоянке. Через несколько минут она уже внимательно осматривала молодых пухоносов. Да, это были первые настоящие представители новой породы. Крупное тело, сильные ноги. Длинная ость, наполовину распушенная нежной лебяжьей изморозью. Словно была подбита их шубка белоснежной ватой.

— Настоящие, настоящие, — прошептала Варя, целуя прямо в мордочку новорожденную. В это время в аил вбежала Кульзах. Она взглянула на Варю, легким, едва заметным движением выдав свою взволнованность. Варя поняла:

— Да, Кульзах. Настоящие, — сказала она, вынимая из сумки тетрадь, — самые настоящие.

Кульзах наклонилась к козочкам и подняла одну из них. Та тыкалась своей мордочкой в ее лицо и кричала.

— Вот вы какие! — сказала, улыбаясь, Кульзах. — Что долго не были, а? Расстроили Анну Васильевну.

— Она была уверена, — весело сказала Варя и посмотрела в открытую дверь, за реку, на тракт. — Может, приедет сегодня?

Девушки задумчиво стали смотреть вдаль.

Вдруг где-то далеко в степи послышался стук копыт по твердой земле. Варя и Кульзах молча посмотрели друг на друга. Далеко, со стороны Желтого камня, показался всадник. Он быстро приближался. В поводу его была запасная лошадь.

— Это Карым! — узнала Кульзах брата своего мужа.

— Эй! Эй! — крикнула она, махая огорченной белым мехом, теплой мягкой шапкой.

— Эй! Эй! — откликнулся Карым. В его голосе Кульзах услышала радость. «Может, проехал где стороной. Или ночью», — молнией мелькнула догадка.

— Едут! Едут! — закричал Карым, подъезжая к анлу, круто сворачивая по тропинке на Апаш-Су. Рядом, вытянувшись, шла запасная лошадь.

— Кто? Что такое? — воскликнула Варя, которая в этот миг подумала почему-то о том, что они должны теперь ехать и встречать Аниу Васильевну. «Но ведь Карым-то еще ничего не знает о пухоносах», — быстро одумалась Варя и поняла, что речь идет о фронтовиках.

— Едут? Кто сказал? — чувствуя, как заносит вдруг сердце в терпкий жар, едва проговорила Кульзах.

— Из Куягаша сообщили. Отец велел мне встречать брата.

— И я, и я, — заторопилась Кульзах, но Карым многозначительно посмотрел на отару. Варя поняла.

— Но я могу побыть с козами! — сказала она.

— Когда он проедет к дому, сюда можно послать сакманщиц, — сказал Карым и тронул коней.

Он спустился к броду, потом выехал на крутой левый берег. Девушки провожали его взглядом.

— Вот может же сразу две радости быть, а? — рассмеялась Кульзах, собираясь.

— Горе одно не ходит, говорит русская пословица, — сказала Варя. — Может, и радость научилась так же?

Они рассмеялись.

...К обеду со стороны Куягаша поднялось легкое облачко пыли, а еще через час к броду через Апаш-Су спустилось несколько всадников. За ними шла двуколка на высоких колесах.

— Эй, эй, там, за рекой! — крикнул всадник, на рыжем горячем коне, прямо и легко сидевший в седле.

— Мартанакон! — ахнула Кульзах и побежала к реке. — Эй, эй! — крикнула она на ходу, задыхаясь, ища в толпе всадников Магузума и Карыма. Но их тут не было.

— Здравствуй, Кульзах!

Всадники торопливо стали переезжать реку. Подошла Варя. Она смотрела на статного Мартанакова, и легкая тревога вдруг легла ей на сердце. Красивый, стройный всадник в легком коротком бушлате и высокой фуражке, охватившей козырьком полудужья его бровей, привлек

девушку. «Вон ты какой... Иван Мартанаков», — подумала неволью Варя.

А Мартанаков между тем первым поднял коня в галоп и, вылетев на берег, соскочил на землю.

— Здравствуйте, — кивнул он в сторону Вари. На одно мгновение замялся, потом улыбнулся и, быстро шагнув в ее сторону, подал ей смуглую, тонкую руку.

Иван Мартанаков, — представился он.

Варя, — прошептала девушка. — Я знаю вас.

Он быстро взглянул на Кульзах, и удивление, мелькнув, тут же сменилось в его глазах восхищением. Глаза его вспыхнули.

Он протянул руку Кульзах.

— Дьякши, дьякши, Кульзах. Ой, какая ты стала!

Где... Где, — зашептала она.

— А-а! Магузум? — весело сказал Мартанаков и, подойдя к коню, вскочил в седло. — Не бойся. Он приехал. Задержался в Куягаше. Карым просил передать тебе, чтоб ехала. И чтоб отец ехал.

— Он ранен? Он не может? — воскликнула Кульзах.

— Да нет! Нет! — Мартанаков почему-то засмеялся. — Он здоров. Почти! Немножко залил... За ухо! — подмигнул весело и тронул коня, потом обернулся: — Не бойся! Просто заупрямился.

Кульзах испуганно и растерянно посмотрела на Варю.

— Ты успокойся. Это ж... бывает, — проговорила Варя, подходя к Кульзах и украдкой следя за удалявшимся Мартанаковым. Перед ней все еще тепло и ласково горели его глаза. Тепло, тревожно и смутно было на сердце.

— Езжай за отцом, — сказала она Кульзах. — Я побуду здесь. Пришлешь сакманщицу.

Кульзах стала быстро собираться. Варя помогла ей оседлать коня.

— Интересно: женат он? — вырвалось вдруг у нее.

Кульзах молча посмотрела на Варю. Та смутилась и поспешно добавила: — Так я...

«Вот дура, — подумала она. — Так и надо тебе».

— Иван? — догадалась Кульзах. — Был... Теперь не знаю.

— Да так я. Глупое любопытство, — покраснела Варя.

Кульзах ничего не ответила. Она почти ничего не слышала и не видела вокруг.

* * *

Перебравшись через Апаш-Су, Мамий и Кульзах скоро въезжали в Куягаш. На Кульзах была новая шапка с красивой длинной кистью и легкая шуба с отороченными лапами. Быстро миновав окраину с глинобитными домиками, всадники направились к центру.

Тут около чайной было много народу.

У коновязи стояли лошади с чемоданами, привязанными к седлам. Из чайной слышался разноголосый шум. Мамий и Кульзах уже подошли к крыльцу, как вдруг услышали звон разбитой посуды и громкий смех:

— Так ее, Магузум! За что воевали? У нас хватит!

Старик схватился за сердце. Лицо его посерело. Он остановился и прошептал:

— Магузум? Такие слова и смех над кем? Над моим сыном, Кульзах?

В это время в чайной кто-то стукнул кулаком об стол, выругался и пьяно закричал:

— Я, может, Европу прошел, а?

Мамий судорожно схватил за плечо Кульзах.

— Ты слыхала? Ты слыхала? А я... я ничего не слышал. Я не могу такое слышать.

Старик пошел к коню.

— Отец, погоди. Он же пьян, — горячо зашептала Кульзах.

Мамий грозно постучал палкой о землю:

— Разве у пьяного две головы на плечах?

Он сердито посмотрел на Кульзах, потом вдруг ослаб и тут же присел на завалинку, обхватив обеими жесткими руками конец своей палки и задумчиво смотря куда-то в улицу.

— Я сейчас, отец, — сказала Кульзах и быстро пошла в чайную. У порога стояли любопытные. Перед ней сейчас же расступились и пропустили ее вперед. Она узнала Карыма за столиком у окна. Он что-то сказал военному, сидящему рядом с ним с расстегнутым воротником и осоловевшим распухшим лицом.

Кульзах шагнула к ним. «Неужели... Неужели это...

Магузум?» — больно резанула мысль. Она в перешителности остановилась. На нее обратили внимание.

— Кульзах! — позвал Карым. — Да иди же. Вот он!

Карым был красный и глупо улыбался. Кульзах поняла: парнишка тоже «хватил». Несколько военных вскочили от соседних столиков и наперебой стали подходить к Кульзах, откровенно восхищаясь ею.

Поднялся Магузум, пьяно закричал:

— Жена! А ну все прочь! Прочь от моей жены, гвардия! Ха! Нет, вы посмотрите, в какой она шапке парядной. Ха-ха-ха! — Он упал на стул и несколько минут держался за живот. Потом вскочил и, свирепо вращая глазами, стукнул кулаком об стол: — Муж... по Европе, а она ходит черт знает в каких допотопных... а? Я спрашиваю?

Кульзах, красная от стыда, стояла посреди комнаты, не зная, куда деть руки.

Магузум все кричал, одергивая гимнастерку с звеневшими медалями:

— Ты смотри, ты почему на мужа не глядишь, а? Вот видишь заслуги? За-слу-ги! Поняла, дура? Я, может, всю Европу вдоль и поперек, а ты меня скром... промпо... метируешь!

Он нагнулся быстро под стол, раскрыл чемодан, и перед глазами собравшихся, сверкнув яркокрасным верхом и огромным пером от невиданной птицы, предстала шляпа. Магузум погладил ее и, шагнув к жене, сорвал с нее шапку и натянул на ее голову заграничную шляпу.

Все ахнули. А Магузум, довольный, отошел назад и огляделся:

— Ловко... ха! — он криво ухмыльнулся и невольно сам загляделся на красавицу-жену. — Черт возьми! Какая у меня жена. Ребята, а? Фу-ты. Пожалуйста, мадам! Ха-ха! Мерси!

Кульзах сорвала с головы шляпу и, сломав в руках перо, скомкала ее, бросив под ноги, сама решительно повернулась к двери.

— Так, Кульзах. Так, — услышали все взволнованный старческий голос. — Молодец, Кульзах. Пошли. Мы ошиблись дверями. — За толпой любопытных, нахлобучивая шапку, стоял высокий старик, глаза его гневно поблескивали.

Карым, стукнув снизу коленями стол, за которым сидел, поспешно вскочил на ноги:

— Отец!

— Отец? — поднялся и Магузум. — А-а, старик! — шагнул он вперед, вытянув руки. — А я тебе такую жалетку привез! Во!

Мамий резко повернулся и с минуту молча, скорбно смотрел на сына.

— И это ты говоришь... отцу? Ты скажи, где мой сын душу подменил? Почему он в чужой шкуре домой приехал? Кто его отпустил таким обратно? Не скажешь?

Магузум выпрямился, качнулся назад. Лицо его потемнело.

— Так встречаешь заслуженного... сына? — тихо и трезво проговорил, занкаясь, Магузум.

— По заслугам, — прошептал Мамий и вышел из чайной.

Уже за порогом он расслышал злой выкрик:

— Спасибо, отец! Спасибо. А я наплевал на ваш Куягаш! Наплевал! Дикий край. Сарлыки!

Мамия будто плетью ударили эти безрассудные слова. Он схватился за сердце.

— Сын мой... Сын, — прошептал он, и голова его затряслась. К нему подскочила Кульзах и молча взяла под руку. По лицу ее текли слезы.

Вечерело, когда они покинули Куягаш. Ехали всю дорогу молча, подавленные происшедшим, и только когда миновали Апаш-Су, Мамий остановил коня, внимательно посмотрел на Кульзах, спокойно проговорил:

— Тяжело потерять близкого человека, но вдвойне тяжелее, когда близкий становится чужим, когда мертвяки остаются жить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Варя, как могла, успокоила Кульзах и выехала на опорный пункт. Ее потрясло семейное горе Мурзагуловых, и она старалась разобраться в происшедшем. «Что с человеком? Почему он так пренебрег всем? Он хочет в город? Но разве нельзя иначе, по-человечески? Убил и старика и Кульзах убил. Они так ждали его... Теперь Мамия будто сожгли суховеи — похудел, помрачнел. То, что случилось с Магузумом, — что это такое? Просто

вывих в психологии? Следствие войны? А может... Может, он скрывал прежде все плохое, эгоистическое и не было случая показать то, что вдруг обнаружилось вчера?»

На другой день девушка встретила у колхозной конторы с Мартанаковым. Он узнал Варю и, весело кивнув ей, подал руку. Она, сама не зная чему, обрадовалась, смутилась. Потом они сидели одни на бревне около опорного пункта и Варя рассказала, как переживает семья Мурзагуловых. Мартанакон стал серьезным. Коротко бросил:

— Мы, думаешь, не переживаем?

— Что же случилось с человеком? Потрясли бои?

— Бои? — вскинул крылатыми бровями Мартанакон и спрятал улыбку в свои черные короткие усики. — Он не был в боях.

— Не был? Разве... Разве так можно там? На фронте? — удивилась Варя.

— Конечно. На фронте тоже не все воюют. Вот он, например, был у командира эскадрона коноводом.

— Коноводом?

— Ну да, отводил и приводил ему коня. Чистил. Ухаживал за ним. Конечно, в открытой атаке он должен быть с командиром. Оберегать должен его. Помочь, если надо. После атаки — позаботиться об еде, о корме для коней. Не так уж сложно все и страшно. А вы думали?

— А я воображала себе все иначе, — засмеялась Варя.

После этого разговора Варя двое суток не видела Мартанакова. На третий он приехал вместе с председателем Турубаевым, который только что вернулся из Красногорска.

Турубаев был угрюм и неразговорчив. Прошел слух, будто его с работы... «Неужели Мартанакон будет?» — подумала Варя.

Сегодня он неотступно стоит перед ней, красивый, подобранный. «А бывает так, чтоб он алтаец, а она русская?» — подумала вдруг Варя и рассмеялась, чувствуя, что краснеет от волнения, от смелой мысли. «Зачем же это тебе такое понадобилось знать, а? — спросила она себя, глядясь игриво в зеркальце. — «Странно. Очень странно, Варвара Николаевна». «Нет-нет, — все говорило в ней. — Ничего, кажется, тут нет странного. Ни-че-го».

Она вспомнила, что, ожидая приезда Анны Васильевны, не была сегодня весь день у Кульзах. Думала вместе с Анной Васильевной съездить. «Что-то ей там сказали? А, может, по работе пункта вызывали?» — думала девушка, заранее радуясь тому, как встретит известие о пухоносах Анна Васильевна.

— Она может от растерянности сесть на пол, — засмеялась Варя, кутаясь в одеяло.

...Часа в три утра вдруг на усадьбе «Кызыл Аскера» появился шустрый «ГАЗ-67». Он промчался по сонным улочкам поселка и, просигналив, остановился у самых дверей опорного пункта. А через минуту к двери его подошла высокая женщина, она взялась за скобку и, осторожно подергивая дверь, сказала:

— Это я... я, Варюша, открывай.

* * *

А в семье Мурзагуловых в эти дни произошло новое событие. Мамий вечером сидел на берегу Апаш-Су, недалеко от отары Кульзах. Магузум прибыл в ту же ночь, но от этого стало еще тяжелее в доме. Магузум ни на что не смотрел, ни за что не брался. То лежал молча часами, то нервничал, злился, беспричинно кричал на Кульзах, швырял домашние вещи.

Мамий наблюдал за ним издали и все больше убеждался в том, что потерял, навсегда потерял сына.

Весть о безобразном поведении Магузума облетела все ближние стоянки. Вчера приехал старик Сакмаров. Они сидели у очака и пили чай. Потом вытащили трубки. У Сакмарова она оказалась необыкновенной работы — длинная, изогнутая, с серебряными кольцами на мундштуке, — подарок вернувшегося сына. Мамий сделал вид, что не заметил трубки. Сакмаров крикнул, сказал:

— Мой-то, не утерпел уже. Табун принял. Боевой стал.

— Мгм, — кивнул головой Мамий, понимая его, довольный тем, что Магузум куда-то скрылся из дому, не показываясь на глаза.

— Смену дождались, хорошую смену, Мамий, — прищурясь, говорил Сакмаров.

А Мамий молча кивал ему. Тот не вытерпел, рассердился и уехал, так ничего и не выведав.

Когда уехал Сакмаров, Мамий вышел из дому и столкнулся на крыльце с сыном. Магузум со злостью спросил:

— Что ему надо? Что вынюхивает здесь эта лиса?

— Я никакой лисы не видел, — спокойно сказал Мамий. — Ты нас всех за зверей считаешь?

Магузум, не отвечая отцу, пробурчал:

— Знаю — обо мне беспокоятся.

— А хотя бы и так. Разве это плохо?

— Я в заботах не нуждаюсь. Пусть о своих подумают... героях. Ишь, расхвастался. Принял? А я не приму! И его сын, и Мартанакон по канавам валялись на фронте, как барсуки в норы зарывались. А я у полковника в блиндаже. На чистой постели. Им не привыкать. А я не могу. С души воротит от ваших отар, от аилов и столянок.

— Понимаю, сын, понимаю, — покорно кивнул головой старик, и глаза его потускнели. — У каждого свой путь. Только по-твоему выходит, что мы всем колхозом на грязной дороге? Разве не в наших силах сделать так, чтобы было у нас все, чего хочешь?

— Куда ты денешь вот эту пустыню? — крикнул, не сдерживаясь, Магузум — разговор с отцом раздражал его. — Разве ее украсишь?

— Люди думают об этом, Магузум.

— Пусть думают, а я не хочу. Они могут и в таких условиях, а я не могу. Отвык. Тут даже парикмахерской нет.

— Да, это верно. Парикмахерских на стоянках нет.

— И не только в этом дело, — уже спокойнее сказал Магузум, оглядывая степь. — Ты вот послушай меня, отец. Ты поймешь. Не выносит у меня сердце.

— Чего?

— Вот я целых пять лет жил с полковником, как с тобой. Мартанакон у меня спрашивал, можно ли к командиру. Как скажу, так и было. Скажу: «Не в духе» — не пойдет. Я был заметным человеком в полку, отец. И вот здесь... в Куягаше... Мартанакон снова заместитель председателя.

— Все ждут, что он председателем скоро будет, Магузум, — тихо, но выразительно сказал Мамий, сурово

посмотрев прямо в лицо сыну. Тот понял: отец в этот миг презирал его.

— Ну вот, ну вот, — пробормотал он, пряча глаза. — А я что? В табун? Лошадей принимать? — Магузум отступил от старика и, брызгая слюной, наливаясь бешенством, закричал:

— Не будет так! Я давно не табунщик! Я не хочу, чтоб он мне приказывал. Да! Не хочу!

Мамий терпеливо подождал, пока Магузум кипел непонятной злобой, выслушал его, потом сказал:

— Делай, как знаешь. Не маленький. Смотри только не ошибись. Неприлично мужчине задом ходить.

— Не пойду, не беспокойся...

— Еще хочу сказать тебе: не мешай Кульзах. У нее большое дело.

Старик прошел к Апаш-Су.

...Мамий смотрел на чистую воду реки, а мысли, тяжелые и безрадостные, хмурыми осенними тучами тревожно пролетали в голове. Он на мгновение залюбовался чистым омутом. Сквозь воду было видно каменистое серое дно. Стайка мелких рыбешек устремлялась то в одну, то в другую сторону. И вдруг картина изменилась. С быстрины что-то юркнуло в зеркальный омут, и вода тотчас вскипела, подернулась серым туманом, будто взорвалось дно. «Хищник кинулся в чистую воду, — подумал старик. — Так вот один может смутить всю чистоту, всю муть поднять кверху, перемешать с грязью. Ах, сын, сын! Какая тебя ядовитая змея укусила? Какой славой ты болен? А мы... старики вот... разве мы не добывали вместе с вами эту славу? И никто не болен от нас. Какая ж она у тебя такая особенная, что сумела поднять, растоптать человека? Выходит, жертвы нужно считать не только по убитым. И живые есть... Жертвы».

Старик смотрел, как в заводь, только что неожиданно замутившуюся, вбежала свежая струя, как закружила чистую воду, как стала она разгонять муть, топить, сносить поднятый со дна песок, и снова становится чище в омуте, снова в нем сверкают светлые солнечные стрелы. Мамий вздохнул. «Может, еще и... прояснится... человек?»

Вдруг от стоянки Кульзах послышался грубый голос. «Опять к ней пришел. Мучает бабу, дурак». Мамий прислушался.

— Уеду. Пусть все идет тут к черту, — выкрикивал Магузум, сплевывая презрительно и зло. — Слышишь? Уеду.

Слышу, — тихо отвечала Кульзах.

У Мамия защекотало в горле от ее спокойного голоса. Что кроется за этим спокойствием, знал Мамий. Хорошо знал!

— Ну, и ты спокойна? — гремел Магузум, распаляясь все больше и больше.

— Нет. Не спокойна, — отвечала Кульзах. — Что мне делать?

— Собирайся. Бросай к черту эту... Эту вонючую отару. Слышишь?

— Да.

— Поседешь?

— Не знаю.

— Как? — заревел Магузум. — Тебе муж что, а? Грамотная стала? Отвечай!

Кульзах молчала. Мамий быстро поднялся на берег и тихо пошел к аилу.

— Говори! Ты что задумала, а?

Магузум бросился на Кульзах с кулаками и, замахнувшись, хотел ударить, но что-то удержало его, он грубо толкнул ее. Кульзах выпрямилась и твердо сказала:

— Теперь скажу. Теперь я знаю, что сказать тебе, Магузум.

— Ну, говори.

— Я никуда с тобой не поеду.

Наступило молчание. Мамий из-за аила слышал, как скрипнул зубами Магузум, как он, тяжело сопя, шел на Кульзах.

— Я не боюсь твоего ножа, Магузум. Пусть... Лучше не жить.

— Ах-х ты, змея... Ах-х ты, волчица степная, — шипел, подходя к аилу, Магузум.

— Пусть, пусть, — торопливо говорила Кульзах, не хоронясь от разъяренного мужа. И тогда из-за аила вышел Мамий. Он нагнул голову, сжал кулаки и пошел медленно, молча на сына. Магузум вздрогнул, остановился. Дрожащей рукой сунул торопливо нож в деревянные ножны, которые висели над правым карманом брюк, и отступил испуганно назад.

— Значит, с бабами... воюем? — с трудом выговари-

вая слова, дрожа всем телом, сказал Мамий, презрительно шуря глаза. Магузум пятился к коню.

— Отойди от коня. Он — колхозный. Иди пешком. Иди на все четыре стороны. Да смотри... не заблудись. Спесивые люди плохо запоминают дороги. А если... если в тебе осядет эта муть, — Мамий говорил уже мирно, без гнева в голосе. Только обидные нотки еще дрожали в нем. — Если осядет — возвращайся. Мы рады человеку. Худшего позора не мог придумать для седой головы отца... матери... честной жены?

Магузум, оправившись, стянул трепетно вздрагивающие брови к переносице, срывающимся голосом крикнул:

— Уйду пешком! Не из трусливых.

— Иди, иди. Ты уже большой стал. Держать не можем...

— Пусть она забудет обо мне. Видали. Видали почище.

Магузум плюнул в сторону Кульзах и пошел к дому. Мамий долго смотрел ему вслед. «Он уйдет. Не может теперь не уйти. Всегда он был таким упрямым, гордым», — подумал Мамий и, подойдя к Кульзах, ласково сказал:

— Спасибо тебе, Кульзах.

Кульзах удивленно воскликнула:

— За что, отец?

— За то, что еще называешь отцом.

Кульзах почувствовала, что не может вдруг справиться со слезами. Они брызнули из глаз и потекли по ее щекам. Старик потрепал ее по плечу и дрогнувшим, но четким голосом произнес:

— Посмотри, Кульзах. Видишь вон у Птичьего клюва чернеют стада?

— Вижу, отец.

— Это стада коров твоего колхоза, Кульзах.

— Да, отец.

— Посмотри сюда, Кульзах. Видишь вон у того увала, где Апаш-Су заворачивает к горам, белое облачко плывет по земле?

— Вижу, отец.

— Это отары овец твоего колхоза, Кульзах.

— Да, отец.

— Посмотри, Кульзах, на эту степь. Много раз она слышала твою песню, твой смех, твою радость, Кульзах.

— Вижу, отец.

— Эта степь — твоя земля, Кульзах. Земля твоего родного колхоза.

— Да, отец, да.

— Когда все это будет не дорого тебе, Кульзах, когда все это будет легко оторвать от сердца и отбросить — тогда скажи мне, Кульзах. Подойди и скажи честно мне.

— Да, отец. Но пусть лучше загноятся мои глаза, если они увидят все это по-другому, отец.

— Спасибо, Кульзах. Я вижу: у горя короче руки, чем у радости, — ты обрадовала меня.

* * *

Анна Васильевна не села от счастливого известия на пол. Она вздохнула тяжело, будто только что преодолела трудный подъем, и устало потерла ладонью лоб. Варя показало, что Анна Васильевна или не поняла ее, или не расслышала.

— Спасибо, Варя, — улыбнулась устало Русакова, узнав о рождении пухоносов. — Я б сейчас так отдохнула.

— Да что ж я. Конечно! Такая дорога.

— Нет. Хорошо схала. С секретарем райкома в дежурной. Он боевой, видно. Ну, посмотрим. Только знаешь. Варюша, мне кажется, что у меня усталость старая-старая, заскорузлая. А вот теперь хорошо б отдохнуть.

Она разделась и легла в кровать. Засыпая, вдруг поднялась на локте и засмеялась:

— А нам, знаешь... Нам с тобой запретили официально экспериментировать с пухоносами.

— Официально? — удивилась Варя.

— Тебе привет от твоей сестры, — тихо сказала Анна Васильевна, тотчас засыпая.

Варя посмотрела на нее, улыбнулась и поправила на ней одеяло. «Замучилась. Столько лет ведь. Теперь не страшны затраты». И вдруг подумала: «Знает ли секретарь? Сказала ему Анна Васильевна? Зима скоро. Где держать пухоносов? Пускать их с козами на тебеневку нельзя. Значит, надо держать с ними и маток, а где? Кто даст корм на зиму?»

Анна Васильевна проснулась под вечер.

— Ох, устала ждать! — обрадовалась Варя. Анна Васильевна смеясь обняла девушку.

— Ты снова мне рассказывай, Варюша. Значит, победа?

— Кажется.

— Ну вот. Теперь пусть запрещают. Грошев так сыграл мастерски против нас — не подкопaeшься.

Анна Васильевна рассказала все, что произошло на заседании исполкома.

— Он пустил в ход всякие аргументы. Но теперь не страшно.

Варя улыбнулась лукаво:

— А официальный запрет?

— Поедем, поедем к Кульзах, Варюша! Там решим все! — заторопилась Русакова.

Дорогой Варя рассказала об уходе Магузума из колхоза. Анну Васильевну взволновала эта новость. До самой стоянки не могла она успокоиться, не понимая, что могло случиться с человеком, и объясняла это в заключение одним словом: «Война!»

На стоянке был вместе с Кульзах и Мамий. Его не сразу узнала Анна Васильевна. Ей до слез было жалко старика, пожелтевшего, постаревшего на несколько лет. Она стиснула руку Кульзах и тихо, проникновенно сказала:

— Будь мужественной. Все будет хорошо.

Кульзах благодарно улыбнулась слабой, усталой улыбкой. Мамий неожиданно сказал:

— Вы хороший человек, Анна Васильевна. Не бойтесь расстроить нас. Как назвать того человека, который наплевал на твои надежды? Не стоит говорить об этом. Давайте о другом. Смотрите новеньких. Те ли, что надо? Не ошиблись тут без вас?

Анна Васильевна поймала первую и подняла на руки. Козочка была как вата — пушиста и белоснежна. Внимательно осмотрев ее, Анна Васильевна развалила надвое шерсть. Пух покрывал чуть не всю длинную ость.

— Та, Мамий Мурзагулович! Та! — сказала дрогнувшим голосом Анна Васильевна.

Мамий шумно вздохнул.

— Ну вот, мы у золотого ручья, — сказал он.

За чаем стали рассуждать о том, как сохранить теперь всех коз второго поколения.

— Их немного. Кажется, не больше десятка, Кульзах? — спросила Русакова.

— Восемь.

— Отбить в отдельную отару, — подсказал Мамий. — Отбить и не пускать со всеми в горы на зиму.

— Это верно, — согласилась Русакова и рассказала о том, что произошло на облсовете в Красногорске.

— Видите, мы, пункт, не имеем права вмешиваться. А Тулубаев выгонит все отары. И думать нечего, чтоб с ним говорить об этом.

— Как так? — вскипел вдруг Мамий. — У самого источника богатства загрязнить всю воду?

— Он не думает об этом.

— Тогда к секретарю райкома! Сам поеду!

— Он еще недавно здесь. Побоятся Устав нарушить, — покачала головой Русакова. — Я ему даже ни слова не говорила про наши опыты. Он не знает.

Наступило тяжелое молчание. Оно продолжалось несколько минут. И вдруг Кульзах просто сказала:

— Есть выход. Кормить только чем?

— Какой выход? — воскликнули женщины.

Мамий прищурясь, с интересом посмотрел на сноху.

— Мне причитается пятнадцать коз дополнительной оплаты получить.

Варя обжигаясь отхлебнула горячего чаю, вскочила и первой обняла Кульзах.

— Молодец, Кульзах, — сказал Мамий, — как я не догадался раньше! Проживем без дополнительной. А пухоносы могут зимовать у нас. Есть же крыша для молодых верблюдов. Карым с парнями стену заплетут. Бабы обмажут коровяком. А сено... Сено надо покупать.

— Если б купить машины две — деньги найдем, — сказала Анна Васильевна. — Но где?

— В Кызылуке. Только там. Двести километров. Дорого провоз станет.

— Больше выхода нет.

— Ну ладно. Вы не беспокойтесь, Анна Васильевна. Сено будет. Не из бедных Мурзагуловы. Хватит на общее дело.

— Как же это, Мамий Мурзагулович? — обиделась Варя

— А так... А так. Вспомните: как того фамилия, который два самолета купил армии? Ферапонтов?

— Ферапонт Головатый, — подсказала Русакова.

— Головатый. И у нас есть головы на плечах, — улыбнулся Мамий, теребя бородку. — Не так говорю разве, Кульзах?

— Так, отец, так.

* * *

Неожиданно ночью приехал на опорный пункт председатель соседнего колхоза «Дьяны Дьел», маленький, юркий Енчибаев.

— Зачем прячетесь? Знаем. Все знаем, — сказал он с упреком Русаковой. — Ай-яй-яй, как нехорошо. «Дьяны Дьел» может крепко помочь. Взаимная выручка нужна. Конечно, Анна Васильевна.

— Ничего же еще и нет, товарищ Енчибаев! — пробовала отказаться от предлагаемой помощи Русакова.

— Ай-яй-яй. Нехорошо как получается. Вся степь знает. Нехорошо. Таких коз получили. Нехорошо такое говорить. Мы что можем подумать? Смотри. Смотри.

— Тогда вот что: договоритесь с Мамием. Он сам решил сохранить коз и приплод.

— Мамий Мурзагулович? Можно. Пошто нельзя. Человек хороший. Можно говорить, можно молчать, а сено будет. Только получит «Дьяны Дьел» такую козу?

— Что ж. Если все будет удачно. Это же народное, общее дело.

Остаток ночи Анна Васильевна провела за журналами, перечитывая записи последних научных наблюдений и экспериментов. Уснуть она уже не могла.

Однажды вечером Мамий, стоя около загонки с резвившимися козочками-пухоносамн, поймал себя на мысли о том, что жалко будет отдавать в колхоз такое неожиданно свалившееся богатство. «Пух. Ведь это такое богатство. Шутка сказать. Вот подымутся за осень и зиму. И вдруг отдать».

Перед глазами старика поплыли пуховые шали, теплый шарф мягко обнял его старческую шею. Свитер, который ветер не продувает под шубой. Всё это вчера жена наговорила. И разве неправильны ее мысли?

«Фу, черт, — тряхнул головой старик, — и лезет же такое в голову».

Он с трудом отвел глаза от загонки и направился в юрту.

Затем прошел к очагу, присел около огня на корточки, взволнованный, расстроенный. Раскурив трубку и затянувшись, он старался не думать о пухоносах, но мысли упрямо вертелись около них. «Пух... Только сказать... Белой муки на несколько лет можно в запас. Сахару. Да что там».

В это время заговорила жена. И по ее вопросу Мамий понял, что о пухоносах и они беседу вели.

— Так чьи же пухоносы? — спросила она.

Мамий не оглянулся. Он протянул блеснувшие глянец руки к огню и прислушался.

Кульзах подняла голову от новой белой кошмы, которую расшивала красными нитками, увидела — Мамий окутался дымом, не глядя на них.

— Зачем от богатства отказываться? — продолжала свекровь спокойно. — Не хочет правление — не надо. Возьмем себе. Или у нас некуда его деть?

Кульзах откачнулась от этих слов. Обида захлестнула сердце, но сдержалась — ведь это мать говорит. Неужели и отец того же мнения? Старик попрежнему сидел, невозмутимо попыхивая трубкой, смотря в сторону. Это и показалось Кульзах подозрительным. Сомнение кольнуло ее. И тогда, поднявшись, дрогнувшим голосом сказала:

— Козы эти не наши, отец. Если вам жалко для колхоза — я найду людей, которые возьмут и сохранят.

Старик выхватил изо рта трубку и, сморщившись, обернулся к женщинам.

— Как у тебя язык повернулся сказать такое! Слушаешь глупую старуху. Мурзагуловы не нищие. Сами сможем сохранить добро. Разве я не говорил о том же при Анне Васильевне и Варе?

— Мне показалось, отец, — сказала нерешительно Кульзах.

— Когда человеку кажется — лучше промолчать, — сердито нахмурился старик, поднялся и вышел.

«Обидела его, — огорчилась Кульзах. — Но как его было понять, когда он молчал».

На улице Мамий подошел к загонке и, оглядываясь, почесал затылок: «Живуче проклятое, — подумал он. — Так и толкает под руку: «Возьми, забори. Богатый бу-

дешь». Отчего так? Как можно поддаться недостойным мыслям? Ай, Мамий, Мамий. Неужели стар стал?» Горько было старику от того, что произошло в их доме.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Наступила зима. Стада и отары ушли в горы на тебеневку. У Мурзагуловых, за легкими плетневыми стенами пригона, осталось зимовать восемь маток из дополнительной оплаты Кульзах. Козочек держали ночью в доме.

Стояли морозные дни. Степь, едва припорошенная легким снежком, была однообразной, голой.

Как-то Мамий отлучился в Куягаш. Приехал вечером и видит... Что такое? У пригона целый стог зеленого душистого сена. Посмотрел на след — машина. Кинулся к жене:

— Кто был?

Та пожала плечами.

— Не нашего колхоза.

— Спрашивала? — рассердился Мамий.

— Не сказали.

— Фу-ты... До чего ж бестолковы бывают бабы! Скажи пожалуйста, куда рассудок девается, когда ему надо быть в голове!

На другой день Мамий пожаловался Анне Васильевне. Русакова, смеясь в душе ловкости Енчибаева, посочувствовала старику, но о действительных виновниках происшедшего умолчала.

Вскоре одна за другой окотились остальные матки. Новорожденные все были пухоносы. Богатым пуховым отложением отличалась низкая, но длинная и крепкая на ногах козочка. На лбу ее будто слегка кто-то припалил шерсть — курчавилась она золотисто-рыжеватой метинкой. Козочка отличалась от других большой подвижностью и крепостью ног.

— На заре родилась, — сказал Мамий. — Ишь, будто и обожгло зарей.

— Так и назовем — Зарница, — записала в журнал Анна Васильевна. Она, волнуясь, осмотрела козочку и, довольная, опустила ее. Мамий задумчиво сказал:

— Получается, будто в подполье растим пухоносов. Как это так, Анна Васильевна?

— Считают, что миссия ангорца закончилась с улуч-

шением коз. Остальное — наши причуды, опыты. Поэтому и запретили.

— А главное-то и упустили. Как так? Кто головы обложил туманом руководителям там, в Красногорске?

— Нашлись такие. Нашлись, Мамий Мурзагулович.

— А народ разглядел. Донимают расспросами. Сено подбросили. Помогают. Значит, народу видней. Народ понял хитрость Кульзах, не верит, что это лично ее козы.

— Надо сохранить козочек и дать пух.

— У вас доброе-доброе сердце, Анна Васильевна, — сказал Мамий. — И при таком сердце — золотые руки.

Русакова смутилась:

— Это долг ученого, Мамий Мурзагулович.

— Долг? — Нет, не так сказала ты, — не согласился старик. — Долг — это когда без сердца. Когда часы отработывает человек. Тогда, если и трудно, он скажет: «По долгу службы». Не так говорю разве? Был такой у нас бухгалтер. Всегда говорил так. Но сердце жесткое имел.

Он весело посмотрел на Русакову. Анна Васильевна рассмеялась.

— У тебя другое. У тебя сердце кричит. Сердце просит: «Иди, делай. Это народу надо». Я знаю. Я понимаю. Большое дело начато. И мне около этого дела легче. Согревает.

У Мамия дрогнули веки. Он опустил голову и задумчиво стал глядеть на огонь. И Анна Васильевна поняла, что не заживает еще рана. Сочится. Не дает покоя.

— Тяжело вам. Кульзах тяжело. В горах сейчас, одна со своей думкой.

— Из-за нее вдвойне больно, — тихо проговорил Мамий. — Мы все ее любим. Только глупый не оценит такую женщину.

— Весной ее вызовут в Красногорск. Вот как прозвучит, посмотрим. Пока и козы у нее лучшие в области.

— Ес. хоть куда. Хоть в Москву, — горячо сказал старик. — Она из тех, на которую оглядываются. Столько лет она была нашей гордостью. И все может случиться.

Анна Васильевна почувствовала в последних словах старика тревогу и боль. «Они боятся, как бы не ушла от них Кульзах», — подумала Русакова и постаралась успокоить старика.

— А я вот все думаю, думаю. Может, лучше рядом побыть с ним, чтоб меньше спотыкался он? Может, поехать в город и убедить его? Ведь что делает-то? Каким-то экспедитором маралосовхоза работает. Служащий! Чистая работа! — Мамий презрительно сморщился и сплюнул к двери. — С шоферами пьянствует. Веселая жизнь. Пьет — совесть топит.

Мамий вздохнул и, помолчав, добавил:

— Ехало вот много их по одной дороге — и Мартанков, и Сакмаров, и другие, а споткнулся один. Споткнулся на пороге в дом. Почему такое? Собираюсь все к новому секретарю съездить. Примет? Я тоже думаю... Посоветоваться. Пусть наставит старика.

Болит, кровоточит тяжелая рана. Берedit, тревожит стариково сердце. Анна Васильевна и Варя старались чаще бывать у Мурзагуловых. Они помогали ухаживать за молодыми пухоносами, наблюдали за ними. Иногда Анна Васильевна читала газеты или книгу.

Ехать Мамию в райком не пришлось, секретарь сам появился на стоянке Мурзагуловых. Он был невысокого роста, лобаст, рыжеват. Глаза веселые. В движениях быстр. Немногословен, что особенно понравилось старику. Он прошелся у стены, на которой во всю ее длину висели грамоты Мамия. Похвалил за верблюдов. С Анной Васильевной встретился как хорошо знакомый. Степено пил чай. Больше помалкивал, оценивал, присматривался.

«Мужчина», — решил Мамий и доверчиво спросил, нравится ли ему Куягашская каменная равнина.

— Признаться, не очень. Не устроена она. Мало уюта.

— Да, уж она такая. Зимой без снега. Летом без травы, без зелени, без дождя. Тут так.

— А, наверно, можно бы здесь по-иному жить?

— Конечно, — кивнула Анна Васильевна.

— Вот, например, поднять Апаш-Су и пустить по арыкам. Пусть пьет земля. Может, расщедритсЯ, даст зелень, а?

Шелест испытующе посмотрел на Мамия, потом на Анну Васильевну.

— Дело большое, — неопределенно сказал Мамий.

— Да, большое, — согласился Шелест и, поблагодарив за чай, закурил. — Большое, но стоящее дело. Пустить воду, машинами вспахать землю поглубже. Под-

сеять травы. Кто знает, может, через десяток лет от полупустыни и следа не останется? — Секретарь блеснул глазами, но вдруг нахмурился, тут же себе ответил: — Надо подумать. Крепко подумать об этом — народу все-му подумать.

Прощаясь, Шелест, кивнув в сторону привозного сена, шутливо бросил:

— Однако не хочешь, чтоб твои коровы и овцы тебе-невкой жили, а? Правильно, правильно: подкармливать надо.

Секретарь, тепло распрощавшись, уехал, а через час приехал сосед Сакмаров.

— Секретарь был? — спросил он, выпив чашку чаю.

— Погостил, — сказал Мамий и вопросительно взглянул на соседа.

— Так я. Он все стоянки объездил уже. Внимательный, — спрятал глаза Сакмаров.

— О больших государственных делах советовался? — спросил, приосанившись, Мамий.

— О воде говорил. О травах.

— Крепко задумал.

— Для всего народа задача, — согласился Сакмаров. — Только, я думаю, пустое это.

— Так и ему сказал?

— Нет. Язык присох.

— Почему ж пустое? — сощурился подозрительно Мамий.

— Степь высосет всю воду и не оставит ее в Апаш-Су. Что будем пить?

Мамий на минуту представил себе летнюю знойную равнину. Песок. Камень. Солонцы. Ему стало страшно от того, что действительно степь может выпить всю воду. Но он ничего не сказал Сакмарову. Еще рано пугаться...

После отъезда Шелеста. Мамий пожалел, что не на-смелился поговорить с ним о сыне, попросить совета. Ведь стоит перед глазами Магузум. Стоит один, один... И в его глазах такое тяжелое... осуждающее. Может, зря тогда погорячился на стоянке? Может, лучше было иначе поступить?

На другой день Анну Васильевну секретарь райкома вызвал к себе.

— Посоветуйте, как поступить с этим, — он придви-

нул по столу в сторону Анны Васильевны бумажку. Это было уведомление Красногорской областной больницы о гибели... Магузума Мурзагулова.

У Анны Васильевны зарябило в глазах. Она откатнулась к стене.

— Выпейте воды. Вижу, зря показал вам, — пожалел Шелест.

— Иван... Извините, пожалуйста, забыла.

— Ильич.

— Это ужасно, Иван Ильич! А подробности?

— Звонили. Пьяный вылетел из кузова машины на повороте. Ударился о телеграфный столб... Вы очень бледны. Выпейте еще.

— Благодарю вас. Это просто невозможно.

— Нехорошо секретарю быть черным вестником. Я б сам. Да вот — положение. А может, лучше? Как вы считаете?

— Думаю, что лучше. Это не так убьет. Бедная Кульзах! Она в горах. На тебеневке.

— Ей пока не следует сообщать. Надо б исподволь. Потихоньку.

Анна Васильевна посмотрела на дату уведомления.

— Уже больше недели прошло? — удивилась она.

— Да.

— Значит, когда вы были у Мамия...

— Было известно все. Не решился. Подумал о вас. Теперь думаю, вам не справиться.

— Нет, хуже наделаю. Разревуся.

— Хорошо. Тогда я сам, — сурово сдвинув брови в одну линию, сказал Шелест. — Скажите, говорили о воде после моего отъезда?

— Говорят всюду, где вы успели побывать.

— Пусть людей захватит этот план. Пройдет год, сами попросят начать такое дело. В это время разведка потрудится. Неужели никогда всерьез здесь не думали об этом?

— Думали, но... очевидно, что-то мешало. Тут ведь, кажется, даже начинали строительство плотины. Председатель аймакисполкома товарищ Селиванов должен знать: он здесь лет восемнадцать работает, если не больше. Только знаете, откровенно говоря, могут назвать вас не совсем...

— Что? — пристально взглянул на Русакову Шелест.

— Не совсем, извините, серьезным человеком, — Анна Васильевна проговорила это с трудом и покраснела. Она думала, что Шелест рассердится, но он, к ее удивлению, весело улыбнулся, щелкнул портсигаром и закурил.

— А это ничего. Это не странно.

— Но, знаете. С первого дня и...

— А ничего, ничего. Чем больше сомнений сначала, тем больше веры потом. Правда, это похоже на прожектерство. Приехал человек с ветру. Никогда не видел Куягашскую полунустыню и вот начинает строить грандиозный план переустройства. А люди здесь живут годами, десятилетиями. Только, мне кажется, что свежему человеку заметней все язвы и неудобства здешней жизни. Старожилы привыкают к этим недостаткам, теряют постепенно перспективу, смиряются с неудобствами, не замечают их. Везут и везут свой воз. Это страшно.

— Согласна, Иван Ильич. Сама ненавижу рутину и эту одуряющую текучку.

— Игак, это разговор о будущем, — улыбнулся Шелест. — Его куда легче вести. Что вы скажете о Мартанакове?

— Человек энергичный.

— Думаю также.

— Председателем?

— Да.

— А Турубаев?

— Пойдет под суд за растратничанье колхозного добра.

Скупое. Веское. По-деловому. Секретарь еще больше понравился Русаковой. Ей хотелось открыться ему, рассказать о пухносах. Но что-то удержало ее. Домой ехала с твердой уверенностью: «Этот подхватит. Поймет. Поможет». От радостной мысли становилось теплее на пронизывающем ветру. Не замечалось голого, страшного однообразия неуютной равнины. Но стоило вспомнить про Магузума, и холод вновь пронизывал ее до костей.

«Магузум... Магузум, — шептала Анна Васильевна. — Как это ты легко бросил? Плюнул на все. Растоптал столько надежд в семье».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вот и новый май, а казалось, все это — и неожиданная гибель мужа, и строительство кошары для молодых пухоносов, и областная комиссия, установившая виновность снятого и осужденного сейчас Турубаева, и, наконец, первые великолепно прозимовавшие в кошаре, на степи, пухоносы — было только вчера. Так свежо обо всем впечатление.

Бежит, бежит тракт, огибая встречный дикий камень, врываясь в глухомань лесов. Вот он выскакивает на взгорье, смело падает к бурной, горной речке, готовый, кажется, пересечь ее, но в самый последний момент, будто опомнясь, вдруг отскакивает у самого обрыва и шархается снова в сторону.

Пятьсот километров падает он от самого Куягаша все ниже и ниже. Два больших перевала, будто шлюзы огромного канала, опускают вас с высокогорных альпийских лугов на цветущие долины нижних равнин.

«Вот по этой дороге не раз ходил и ездил Магузум», — печально думает Кульзах.

Подготовка и поездка в Красногорск, совместная работа с Анной Васильевной над лекцией об уходе за козами заставили Кульзах отвлечься от горьких и тяжелых дум, но эта длинная дорога снова напомнила пережитое.

Как светлое солнечное пятно, встали перед глазами Кульзах их первые, счастливые встречи.

Кульзах прищурясь, смотрит вперед на дальние верхушки деревьев, навстречу которым стремительно бежит машина. Тихий закат, покрывший позолотой гребни гор, был точно таким же, как тогда, — чистым и ясным.

Кульзах с матерью пасла в то время овец в ущелье Кок-Озек. Она присела на серую каменную плиту, о которую бился стремительный ручеек, и, опустив в его прохладные струи свои за день натруженные ноги, вдруг вспомнила о том, как Магузум вчера, на комсомольском собрании, обиделся на нее. Обиделся, надулся и даже не стал после собрания разговаривать с ней, вскочил на коня и умчался домой, на Апаш-Су. Лицо его было красным. Глаза горели. В них плескалась задетая за живое неумная гордость. А о чем сказала она? Ах, да. Речь шла о молодых табунщиках, которых возглавлял Магузум, и которые соревновались с девушками-ча-

банами и пастушками. По Магузуму выходило, что победили они, табунщики. «А почему? — спросила тогда Кульзах. — Разве каждая из нас не выполнила своих обязательств? Надо хорошенько все проверить». Больше ничего она и не сказала. Ее сторону поддерживали девушки, а Магузум вдруг вспылил:

«Что проверять-то! — воскликнул он. — Комиссия знает. Спросите комиссию, как мы работали!»

«Но мы же не виноваты, что тоже перевыполнили свои задания. Пусть комиссия скажет».

«Да, — сказал Мартанак. (Он? Да, да. Тогда он был секретарем комсомольской организации). — Мы проверили, товарищи, — сказал Мартанак и развел руками. — Мы затрудняемся, товарищи, определить первенство. Все первые». Он тогда был черный, как галчонок, и такой, будто лоза, тонкий и стройный. Да, да. Многие девушки уже тогда засматривались на него. А сердце его покорила Тана. Кто б подумал, что она окажется такой пустой и бесполезной в колхозе женщиной.

«Что же произошло дальше?» — вспоминает Кульзах. — «Да, Магузум вскочил. Он так посмотрел на всех. И крикнул: «Разве можно с вами соревноваться? Мы лучше вызовем соседний аймак и со всем аймаком тягаться будем!» Всегда он был горячим и чуточку заносчивым. Тогда все девчонки засмеялись, а он обиделся, вспылil и уехал... И вот она после того сидела на берегу ручья в Кок-Озек. По быстрой стремнине его плыли, словно букеты огоньков, красные струи заката. Плыли, дробясь на камнях, взбивая алую пену, и не уплывали, теряя краску, бледнея на глазах. И вдруг, где-то в степи, раздался топот. «Он!», — подумала тогда Кульзах. Это сердце отгадало бег его коня. Не натягивая повод, он опустил в ущелье. Слышно было, как горячий аргамак пустил под откос звенящие камни. Словно воробы, пырнули они во все стороны из-под копыт.

Оглянувшись Кульзах и от удивления вскочила: по крутому склону ущелья спускалось к ручью густое облачко пыли. Ни коня, ни всадника не было видно... И все-таки он появился. Будто упал сверху. Весь в пыли. Одни только белые зубы сверкают. Кульзах закрыла лицо руками и рассмеялась.

«Можно подумать, что за тобой стая волков гналась,

Магузум. Посмотри, на кого ты похож!» — сказала она тогда смеясь. Он снял шапку и стал ею хлестать по себе.

«Пыль отскочит, а сказанное слово не отскребешь, — тяжело дыша, ответил Магузум. — Я вчера... такое... Ты обиделась, Кульзах?»

«Неужели из-за этого стоило гнать так коня?» — будто не понимая его, спросила Кульзах.

«Стоило, Кульзах, — проговорил он горячим шепотом и приблизился к ней. — Я приехал... сватать тебя, Кульзах. Я не могу больше!..»

Сердце девичье! Сколько песен в тебе! Все они тогда рванулись из груди Кульзах... Но она сдержалась и удивленно спросила:

«Как? Сватать, сам?»

«Я никому не могу довериться. Я хочу сам сказать первым тебе такие слова, Кульзах!» — воскликнул он.

«Умойся... Я пойду, принесу тебе полотенце», — сказала Кульзах и побежала к аилу.

«Я могу лечь в ручей, Кульзах! — закричал он. — Лечь и двое суток ждать твоего ответа!»

«Тогда кому я буду отвечать?» — засмеялась она.

...Протягивая обратно полотенце, Магузум вдруг шагнул к ней и обнял ее за плечи.

«Я на полотенце твоём прочитал о твоей любви, Кульзах, — сказал он и, как подобает мужчине в серьезных делах, твердо добавил: — Завтра привезу матери подарок».

«Зачем, Магузум? — удивилась Кульзах. — Разве мы по дедовским обычаям живем?»

«Нет, — согласился он. — Я хочу матери Кульзах сделать приятное от души. Не спорь».

Магузум вскочил на коня.

«За тобой последнее слово: когда?» — спросил он.

...Неужели все это было? Совсем не таким вернулся с фронта Магузум. Ей было жалко его. Больно за свое счастье, грубо отвергнутое. Но она могла еще простить ему, случись это все иначе. Это ведь даже хорошо, что он не хотел видеть Куягаш прежним. Так и надо. Вот она тоже не хочет. Она думает о новой жизни для всего аймака. Почему же он только о себе? Ушел один. Ушел, оторвался, как лист от осины, и так страшно погиб.

В невыразимой тоске сжимается сердце Кульзах. Она откидывает брезент и высовывается из кузова. Лицо ее

горит. А может, и не бывает настоящего счастья? Может, это все только выплывает в сердце, ожидается, вымучивается, а в жизни так и бывает — горечь, тоска, страдание?

Кульзах закрывает глаза. Ветер теребит ресницы. Опахивает щеки. Взвигивая, летят из-под колес гальки.

Вот и у Мартанакова. Разве у него лучше? Почему он не живет с Таной? Ее красоте многие завидуют. Правда, о себе только думает Тана, о себе своей. Ленива. Но разве он не видел ее до женитьбы? Анна Васильевна тоже одна. Почему?.. Почему с таким злом кричал на нее Магузум? Он проклинал ее работу. За что?

«Да он просто мне завидовал. И всем, всем завидовал: и Мартанакovu, и Сакмарову, и, может, даже отцу», — пришла неожиданно простая мысль. И она ей многое объяснила в поступках Магузума: «Он потерял себя... Прежнее положение затуманило голову. Положение? Какое? У полковника... Но ведь он не полковником был и даже не его помощником. Он служил ординарцем, ухаживал за конем командира. Неужели даже такое могло вскружить ему голову? Немного ж ему, оказывается, надо было. Неужели она по-настоящему не разглядела его?» — Кульзах тяжело вздыхает.

...Бежит, бежит тракт, взлетая на перевалы и взгорья, ныряя в ущелья и леса. Вот он, развернувшись в блестящую черную ленту, преследует бурную речушку, мчась с нею рядом, вот перемахнул через пропасть и скрылся в утесах.

Длинный путь. Долгие думы. Встречный ветер освежает лицо и легкой, приятной зыбью волнует сердце Кульзах. Еще один перевал, за ним Кара-Кем и Красногорск...

* * *

На областном совещании животноводов в Красногорске была устроена выставка работы зональной опытной станции, передовых колхозных ферм и Куягашского опорного пункта. Для экспонатов станции была отведена большая половина огромного актового зала сельскохозяйственного техникума. Красочный стенд показывал в диаграммах и картинах эволюцию гибридного стада. Тут же на отдельном фанерном щите в ярких рамках висели вырезки из газет и журналов — статьи, написанные в разное

время и разными авторитетами биологической науки. Все они превозносили до небес работу станции, предсказывали большое будущее гибридам от яка и симменталки.

На небольшом простенке между окон висела окаянная планками фанера с заголовком: *«Белое золото Куягаша»*, а ниже мельче: *«Работа опорного пункта зональной станции в колхозе «Кызыл Аскер» по улучшению породы местной высокогорной козы»*. На фанере всего четыре фотоснимка и несколько клочков необыкновенной белой шерсти, прикрепленных к доске.

Но странно, у этой скромной на вид витрины люди давили друг другу пятки и старались хоть одним ухом послушать о том, что говорила строгая высокая женщина в пенсне. И ничего особенного, казалось, не сообщала она, однако ее слушали с большим вниманием. Но слушать и ничего почти не видеть из экспонатов, на которые порой указывала женщина, было неинтересно, и тогда кто-то из задних рядов крикнул:

— Анна Васильевна! Пожалейте нас! Ничего не видим. Нельзя ли щит поставить на стол?

Русакова посмотрела на собравшихся и смущенно сняла очки.

— На стол! На стол! — подхватили слушатели, и толпа качнулась к столу.

— Право... Тут ведь есть распорядители выставки: не нарушу я порядка? — Она беспомощно огляделась. Но уже осторожно кто-то снял щит и потащил к переднему, солнечному простенку зала.

— Просим вас, товарищ Русакова.

Все захлопали в ладоши. И Анне Васильевне (в который уже сегодня раз!) пришлось снова рассказывать об отаре Кульзах.

— Вот это шерсть простой козы, — указала она на длинный белый клочок. — Вот она на фотографии. Одна из первых улучшенных. Из отары Кульзах. Обратите внимание на шерсть. Она больше четверти. Тут почти двадцать пять сантиметров. Но пуховые отложения, как видите, незначительные. Зорька очень сильная сибирская коза. Она высока, мускулиста, энергична. Ноги ее неутомимы. А вот обратите внимание на другой клочок. Шерсть шелковистее, ее будто полировали серебром. Правда? Даже блестит. Такая шерсть не сваливается, не загрязняется. Она значительно короче. Зато смотрите,

как она густа! Это ее пух сгустил. Его здесь значительно больше. Он улучшил ость. А вот пух, — Анна Васильевна перенесла указку на следующий клочок, взбившийся, точно мыльная пена, — это пух Зарницы. Выстригли специально.

— Позвольте посмотреть, Анна Васильевна! — потянулись из толпы руки. — Не бойтесь! Вернем! — в голове просящего светлые нотки веселья и настойчивости.

— Что ж. Пожалуйста. Только, товарищи, верните... у меня в запасе нет ни грамма.

И пушок солнечным зайчиком скользнул по рукам, вызывая удивление и шумный восторг смотревших.

В это время на выставку бодрой походкой, плечистый и улыбающийся, вошел Грошев.

Директор станции солидно кашлянул в кулак и шагнул к своим экспонатам. Около них были редкие новички. Грошев обратил внимание на шум и гвалт толпившихся у стола Анны Васильевны и, подняв голову и сощурясь, пробрался к Русаковой.

— Сенсации? — с явной обидой в голосе воскликнул он.

— Да нет. Смотрят вот... Интересуются, — смутилась Русакова.

— А не рановато ли так популяризировать себя?

— Я рассказываю то, что пока есть...

— Анна Васильевна! — раздалось в это время из толпы. — Каковы перспективы в распространении ваших пухоносов?

— Вот видите? — тихо сказала Русакова. — Люди очень практичны.

— Разве вы не остановились на улучшенной козе и продолжали эксперименты в поисках пухоносов? — Грошев снял очки и, подслеповато щурясь, сердито посмотрел на Русакову.

— Я только проверила свою мысль. Это почти уже ничего не стоило пункту.

— А именно?

— Я проследила за развитием полученных поколений.

— Ну-с?

— И второе дало пухоносов.

— Какой же пачес?

— Будем опытную ческу проводить в июле.

— Козлята тебеневахи?

— Нет... Жили в доме Мурзагуловых.

Русакова обернулась к собравшимся:

— Вы спрашиваете о перспективах. Я думаю, перспективы хорошие. Нынче, в июле, мы будем производить первую ческу нашей небольшой отары пухоносов. Государство принимает от колхозов один килограмм пуха за десять килограммов шерсти. Как видите, дело это очень выгодное.

— Не говорите гоп, пока не перескочите, — небрежно сказал Грошев. — Пухоносы, как и первые, могут оказаться непрактичными и не приспособленными к условиям высокогорного Куягаша.

— Могут, — вздохнула Анна Васильевна и сказала, чтоб слышали все: — Нынешней осенью пухоносы пойдут все вместе с остальными козами на тебеневку.

— Это очень рискованно! — воскликнул кто-то.

— Да. Но необходимо, — сказала Русакова.

— Ведь новая порода тогда порода, когда она отвечает местным условиям, — поучительно вставил Грошев. — Вот, скажем, наши гибриды, — он кивнул в сторону экспонатов станции. — Коровы высокопродуктивны.

— Сколько лет вы их выводили? — спросили из толпы.

— Это не имеет значения, — нахмурился Грошев. — Работали долго — двадцать лет.

— А какая от них польза колхозу?

— Пока... — Грошев развел руками. — Но в скором будущем...

— Еще через двадцать! — Все сдержанно засмеялись. — Непрактичны они у вас. В этом и вся беда.

— Для науки такой срок... — начал Грошев краснея, — такой срок — это не срок.

— Для науки, конечно, а вот для колхозов, — многозначительно сказал кто-то. — Тут неувязка.

Грошев внимательно посмотрел на Анну Васильевну и тихо, очень тихо процедил сквозь зубы:

— Спасибо вам.

— Но, Виталий Юрьевич, — удивилась Русакова.

— Поговорим на станции. Это нечестно, в конце концов, — проговорил он скороговоркой.

— Что нечестно?

— Рекламирывать свою еще далеко не признанную

работу, — бросил он на ходу, протискиваясь назад. — Даже заголовок тенденциозный. Золото!

Взволнованная происшедшим, Анна Васильевна попросила вернуть ей экспонат, но видя, что клочок пуха все еще ходит по толпе, махнула рукой и, подняв щит, отнесла его и поставила лицевой стороной в угол.

* * *

— И ты думаешь, что ты права? — стучала по столу басовитая и прямая Обручева, строжась над Анной Васильевной через полчаса после случившегося на выставке. — Подумай-ка хорошенько, Анна. Это аполитично, по меньшей мере.

— Но заподозрить в таком...

— Ну и пусть подозревает! Он всюду видит своих недоброжелателей. А кто виноват? Разве отдел, например, наш виноват в том, что его коровы не прививаются в колхозах и, по сути дела, никакой революции не внесли в колхозное стадо? А вот пухоносы... Да ты все ли обдумала? Какая перспектива! Народ, он сразу раскусил! А ты — щит в угол! По городу разговор, а она в слезы, истерику... Нет, Анна... Была ты еще, помню, в институте такой, знаешь, неженкой да шепетильной особой, так у тебя и осталась эта дурь.

Обручева взглянула на часы.

— Я опаздываю. Проводи меня.

Она подошла к вешалке и, сняв легкое белое пальто, быстро надела его.

— Ты на станцию? Но прежде дождись Кульзах и пошли ее на выставку.

— Хорошо, — кивнула, поднимаясь Русакова и, разглядывая подругу, улыбнулась: — Завидую тебе, Клавдия...

— Мне?

— Ага. Много у тебя энергии...

Они вышли на улицу.

— Ты расскажи, как обнаружили вашу конспирацию с пухоносами, — засмеялась Обручева. — В обкоме рассказал Шелест, все со смеху покатывались. Расскажи...

— Хорошо.

— Но какова Кульзах! Взяла этих коз как дополнительную оплату...

— Да.

— А Енчибаев! — вспомнила Обручева.

— И про это знаете!

— А ты воображала, что так-то и ничего?

— Но Грошев, кажется...

— Тот — да. Он верит в силу приказа.

— Тогда я не знаю, о чем и рассказывать, — растерянно проговорила Русакова.

— А как вы Шелеста обманывали? Ух, вечер какой!.. А горы!

— Так мне не начать.

— И правда. Я все, понимаешь, увлекаюсь. Засидишься вот так, выскочишь на улицу и не надышишься. Ну, ну, слушаю.

— У нас почти весь февраль дули ветры. Да такие, что носу нельзя было высунуть на улицу: ветер с морозом. А степь-то голым-гола. Сама знаешь. Вот как-то вечером слышим: машины. Не успели подумать, откуда и кто, как в дверь стучат. Я сразу догадалась, что секретарь. «Узнать, — говорит, — приехал. Не забуражило ли вас». Чаю попил. У меня еще немного коньяку оставалось. Все подпайваю нашего холостяка...

— Это кого же? — удивилась Обручева и, догадавшись, засмеялась. — Это Вениамина Романыча-то? Ох, Анна, уморила ты меня.

— Чему ты удивляешься? — обиделась Русакова.

— Да тому, что туговат он на любовь.

— И совсем, может, не любовь.

— Ну-ну, ладно. Шучу. Постой: а, кроме шуток, разве он плохой человек?

— Кроме шуток, человек прекрасный наш врач, — горячо сказала Анна Васильевна и, заметив вдруг слишком восторженный свой возглас, смутилась и густо покраснела.

Обручева быстро взглянула на Русакову, скрывая невольную улыбку.

— Ну, ну, потом? — сказала она, выручая Анну Васильевну.

— Не отказался, коньяку немного выпил. И давай расспрашивать про улучшенную отару Кульзах. — «Жаль, — говорит, — что не проберешься сейчас сквозь ущелья на зимовку». Потом вдруг спрашивает: «А как вы думаете, при простуде молодняку полезно давать

в теплом помещении сеной подогретый отвар?» Говорю, что дело проверенное, помогает. И Вениамин Романович, говорю, рекомендовал такой, как он называл, габер-суп варить. «Вот и хорошо, — говорит, — а то я мог и забыть. Теперь вспомнил». Посмотрела я на него. К чему бы, думаю, он такое? — Не поняла. Как только утихла буря, мы с Варюшей — к своим питомцам, к Мамню. Приезжаем — смотрим: что такое? А у Мамня целый лазарет в дому — вторая комната занята под козочек. Здесь же в камелек котел вмазан. Мамний приспособил литовку, режет ею мелко-мелко зеленое сено и варит «габер-суп». Тут я и догадалась, зачем заезжал к нам секретарь райкома. Он, оказывается, в те буранные дни чуть не ежедневно навещал Мамню. Откуда он узнал про лухоносов — не знаю. Только во все эти трудные дни не спускал с них глаз. Берег. Сам рецепт составил, рацион кормления, когда они почти все попростыли от ветра. Пришлось все рассказать ему.

— Хороший у вас секретарь, Анна. Он, кажется, в прошлом сам зоотехник, — сказала Обручева. — Легко будет с таким работать.

За лухоносов директор спросит еще меня.

— Не бойся, Анна, теперь он нас не обведет, как тогда на исполкоме. Теперь ему со всеми колхозниками дело иметь придется. С таким зубастым, как Шелест. Гляди веселей!

Они от души посмеялись и разошлись.

Приехала Кульзах.

После совещания в облисполкоме к женщинам пришел Мартанак. Он пожал руку Кульзах и поздравил всех с победой.

— Вы понимаете: Куягань, самый отдаленный, самый трудный аймак в области — и вдруг такое небывалое начинание!

Он жал всем руки и был необычайно возбужден. И Варя смущалась под его взглядом, а он восторженно смотрел на Кульзах.

— Так как же теперь нам, Кульзах? Покупать у тебя придется коз? — смеялся он.

— Придется, — смеялась Кульзах.

На другой день Мартанак и Кульзах поехали в обратную дорогу, а Русакова и Варя остались на станции.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Упаковывая вещи, Люба наткнулась на дневник, в который давно уже не заглядывала. Она с волнением раскрыла толстую тетрадь, и недавнее прошлое обожгло воспоминаниями.

«Ирка неправа. Как это можно так: «Любовь есть первое впечатление?» Сколько бывает впечатлений, а любовь одна. Нет, нет. Пойми, Ируся, — это очень легковесное определение».

Дальше, дальше!

Вот майская запись: «Ужасно глупо получилось. Что я натворила! Выболтала Ирке про Анатолия. Он так отнесся ко мне. Ой, болтушка, что я наделала! Мне хочется крикнуть Толе: «Милый... Милый Толечка! Я ведь не нарочно... Я тебя... Ой, не могу!»

Люба закрыла дневник и, красная, с полными глазами слез, выбежала в садик. Старшая сестра Варя насмешливо крикнула вслед:

— Эх ты, нюня. Что с тобой будет в Куягаше?

А Люба, наплакавшись (который уж раз за эти дни!), спокойно стала вспоминать все, что произошло. Произошло что-то большое, страшное и, как чувствовала она, непоправимое.

...В прошлое воскресенье в городском саду Красногорска играл духовой оркестр. Воздух казался медвяным: так густо пахло черемухой. Они шли с Анатолием по любимой аллее, по той, которая у речки Каменки смыкает над гуляющими ветви тополей и кленов.

Они шли под руку, увлеченные друг другом и ничего не замечая вокруг. Любе казалось в тот миг, что все-все в саду было наполнено каким-то небывало радостным и восторженным чувством. Ласковые деревья склонялись к ним и оберегали их тайну.

Теперь они специалисты. Сданы последние экзамены. Как хорошо и приятно чувствовать это!

Анатолий со сбившейся на лоб светлой прядью мягких волос все обламывал маленькие былинки по сторонам, все махал правой рукой и вдруг, остановив Любу, повернув к себе лицом, грозил пальцем:

— Ну, а потом что? Бойшься сказать? А я скажу... Скажу! Вот увидишь. Хочешь при всех?

— Что ты, Толя? — зажимала ему рот ладонью Люба. — Ты с ума сошел?

— А вот и не сошел! Граждане!

— Толька!

— Товарищи! — дурачился он. — Моя законная будущая суп... суп... Какое странное слово, не правда ли? Суп-руга...

Люба хватала его за чуб, и он сдавался. Ах, какой это был вечер!

Еще он говорил, что, кажется, сторит на работе.

— Уж и дорвусь же я до нее! Уж и дорвусь, Любка!

Это было понятно. Чувство нетерпения и ей не давало покоя, особенно в эти, последние дни. Уже почти все разъехались, за исключением тех, кто оставлен в области.

Завтра за назначением. Уже завтра! А утром вдруг стало известно, что Анатолия берут в краевое управление. Люба встретила его на широкой лестнице Дома Советов. Он растерялся. Конечно, его ошеломило это назначение. А как же она? Люба с беспокойством посмотрела на него. И вдруг ей стало все ясно.

Глухим голосом, не подавая руки, сказала: «Ну что ж... Все понятно».

Она побежала наверх. Анатолий догнал ее и стал что-то путанно объяснять. Он говорил, говорил, глядя куда-то отсутствующим взглядом. Люба механически следила за движением его губ и ничего не слышала: глухой шум стоял в голове ее. И вдруг... Или она ослышалась? Нет. Он повторил:

— Ты подумай, такое... заметное положение! Со студенческой скамьи и такое, знаешь... Что с тобой?

— Ничего. Уйди.

Она отстранила его рукой. «Заметное положение...» — стучало в голове. — «Откуда у него это? Что это: эгоизм? Тщеславие? Или... Или еще хуже? Откуда, откуда в нем это?»

Она бежала по коридору и не узнавала встречных. Он схватил ее за руку.

— Люба, — шептал он. — Люба! Ну, понимаешь, это временное обаяние! Я могу отказаться. Я, в конце концов, могу и тебя туда. Понимаешь? Сейчас же пойду и откажусь. — Она не видела искренности в его глазах, голосе.

— Нет уж. Нет, Жуковкин. Поезжайте один! — Она

резко освобождает свою руку. — Зачем, кому эти жертвы? Ради чего? Уже не затем ли, чтобы оберегать твое «заметное положение»?

Какой длинный коридор. Хоть бы не разреветься. Она передохнула у двери и решительно взялась за скобку. Навстречу ей бросился целый сноп ярких солнечных лучей.

Солнце смотрело прямо со стола, из-под толстого бемского стекла. Люба зажмурилась и, очевидно, остановилась, так как тотчас грубоватый женский басок подбодрил ее:

— Пожалуйста. Проходите сюда. К дивану. Вы, кажется, товарищ Огнева?

— Огнева, — прошептала Люба, язык не поворачивался во рту. — Разрешите, — она кивнула на графин, стоявший на столе.

— Прошу. Очень жарко?

Люба выпила воды.

— Да, очень.

— Садитесь. Что с вами?

— Вы не обращайтесь. Это пройдет. Это... я... Простите. — Слезы неожиданно хлынули на блузку, и Люба, не сдерживаясь, разревелась.

Клавдия Степановна Обручева, высокая, с грубоватыми чертами большого лица, но, сразу видно, добрая и славная, встала, обняла ее за плечи и дала выплакаться.

— Ну, а теперь расскажи, в чем дело.

— Откуда у него это? Откуда? — спросила Люба, сильно, по-детски, икая.

— У кого?

— Да у него.

Чувствуя искреннее участие к себе, Люба доверила Клавдии Степановне тайну.

— Ну вот, нашла отчего плакать, — сказала та, добродушно улыбаясь. — Если любит, то никакие «заметные положения» не спасут его — прикатит, как миленький.

— Я не про то. Мы ведь уговорились, чтоб вместе, а его сразу и смутило это «положение». Я поняла, разглядела, что-то другое в нем, непонятное и, как мне показалось, страшное. Нет! Нет! Я и сама не соглашусь теперь! Я еду в Куягаш. Назначайте!

Клавдия Степановна успокоила ее. И с назначением в Куягаш советовала не торопиться.

— Туда не с отчаяния едут работать. Ты подумай. Как следует подумай.

Люба ушла из здания через другую дверь, чтобы не встретиться у подъезда с Анатолием.

А вот сегодня Варя помогла ей упаковать вещи. Сестра приехала с Анной Васильевной с опорного пункта.

— Плюнь на него, на размазню, — говорила она, отчеканивая слова. Варя отличалась в семье прямоотой и резкостью характера. — Где ему до Куягаша! Там белоручкам не место!

— Он не белоручка.

— Ну все равно — кабинетчик!

Варя не уважала кабинетную работу. Сама она пришла на пункт к Анне Васильевне, совсем не разбираясь в зоотехнии, теперь же стала знающим бонитером. Она видела, что всякая поездка на областную зональную станцию обходится Русаковой очень дорого. После этого Анна Васильевна на месяц — полтора бывает почему-то замкнутой, часто нервничает. Все это Варя не без основания приписывала «кабинетчикам».

— Что они в нашей работе понимают? Ничего! — шумела она. — Пусть они докажут пользу от своего сидения, а вам доказывать нечего, у вас новая порода на руках! Не расстраивайтесь!

Узнав от Любы о назначении Анатолия, Варя с презрением выпалила:

— Да как ты его, кабинетчика, раньше не разглядела? Я их за километр вижу. Ты обрати внимание на их глаза: чернила, честное слово! Ни искорки! Словно запотевшее стекло!

Анну Васильевну ждали с нетерпением. Она пришла со станции, как всегда, возбужденная.

— Опять, — заметила Варя.

— Опять, — вздохнула Анна Васильевна и заходила из комнаты в комнату. — Предлагают свертывать. Не верят... «Как? Ангорская коза в Куягаше? Блеф! Мистификация! Пух? Чепуха!» Не верят в массовое распространение чески, в практическую ценность.

— А отара наша тоже мистификация? — сдвинув к переносице брови, сердито спросила Варя.

— Очевидно.

— Ну и как же?

— А никак. Будем попрежнему работать и постараемся доказать всю пользу нашего дела.

— Правильно, Анна Васильевна. Мы докажем. Вот и Любка с нами.

— Ах, так? Люба? Уже? — обрадовалась Анна Васильевна.

— «Не было бы счастья, да несчастье помогло», — смеясь сказала Варя и тут же весело рассказала о Любином горе.

— Ты черствая, Варя, — обиделась сестра.

— Ничего, Любушка. У нас столько замечательной работы! Столько творческих дерзаний! Я тебя уверяю — ты полюбишь суровый Куягаш.

Люба слушала Анну Васильевну, а сама думала об Анатолии. Она краешком уха улавливала малейший шорох за дверью. А вдруг? А вдруг, как раньше, влетит он ураганом в комнату и закружит, завертит ее, спутает все дорожки на полу, сломает на голове ее прическу.

Но никто не приходил, и уже поставлены на ребро ее чемоданы.

* * *

Любе хочется убедить себя в том, что эта поездка — обычная воскресная прогулка в окрестностях Красногорска, но это не удастся. Она смотрит на знакомые, ставшие почти родными придорожные березки, на покрытый тучами Бубурган, на стремительную Кара-Кем и ловит себя на том, что прощается с ними.

Хочется крикнуть: «Я буду приезжать! Ведь я не на все!» Она молчит, но не может скрыть волнения. Варя хитро щурится. Люба видит, что сестре хочется подразнить ее. Кажется, у Прикатунска, красивейшего места на всем тракте, окруженного с одной стороны соснами, с другой — рекой с островами, Варя развела руками и воскликнула:

— Какая прелесть!.. А ведь у нас там ни кустика, ни травинки.

Люба перехватила укоризненный взгляд Анны Васильевны. Отвернулась: «Смейся... Смейся. А все-таки, так жалко!»

Чем дальше прорывается в горы тракт, тем суровее.

местность. Обилие трав сменяется скучным ландшафтом синих гор, яркими цветами Кызылука. Здесь еще созревает все: от огурцов до яблок. Но на границах аймака растительность сбегает поспешно с гольцов вниз и ютится в низинах и ущельях. Придорожные цветы здесь были удивительно ярки. Будто отдала им земля все, что хранила и недодавала в других южных аймаках. Казалось, возьми медунку — и пальцы твои сейчас окрасятся в синий цвет, огоньки обожгут руки...

Они рвали и рвали их целыми охапками. Машина расцветала. Она обращала на себя внимание встречных.

— Так уж повелось, — сказала Любе Анна Васильевна, — кто едет туда (она не сказала — «в Куягаш»), тот старается запастись цветами. Здесь последние цветы растут.

Около тракта сначала справа, потом слева — бежит, гудит, хлопочет диковая Кара-Кем. За Кызылуком она укрывается в надежных щитах: по обеим берегам высятся отвесные скалы, отполированные внизу волной. Женщины любят ее гигантской первобытной силой. Река часто уходит в сторону. Блеснет где-нибудь у поворота белой волной, и тут же скроется, но ненадолго. Глядишь, где-нибудь из-за скалы вынырнет снова и ласкаясь подбежит к самому тракту. Но вот у небольшой деревушки, расселившейся по обе стороны дороги, она круто сворачивает влево и, неся на обоих берегах густые заросли черемухи, исчезает. Тракт перерезает могучий каменный перевал. Извиваясь «восьмерками», дорога идет по перевалу и взбирается до самой его вершины. Река неожиданно появляется много километров ниже. Люба смотрит на ее воды и удивляется: Кара-Кем стала совсем молочно-белой!

— Метаморфоза, — говорит улыбаясь Анна Васильевна, — оттого что река влилась в Катунь.

Вот и Катунь откачнулась от тракта. Горы отходят. Вокруг скудная травка. Кое-где уже выходит наружу песок и галька. Как резко изменился ландшафт!

Когда остается километров пятьдесят-шестьдесят до Куягаша, природа пытается вернуть обедневшим горам их роскошное одеяние: у Каракольского увала она топчет все в пышной зелени. Дорогу обступают могучие красавицы-сосны. На ближних склонах и в прибрежной доли-

не — широкие кроны кедрача, белые стволы берез, темные лиственницы. В низинах у небольших болот еще цветет рябина.

Вдруг все исчезает. Мотор гулко гудит по каменному коридору. Они проезжают гигантские ворота. Стало удивительно просторно. За воротами — ни травинки, ни кустика. Ворота в другой мир. Перед ними сухая серая полупустыня с белыми пятнами солонца.

Горы уходят вправо и влево. Они уносят на себе последнюю зелень. Всю дорогу дальше они манят искрящимися алмазами белков, темнозеленой массой леса, невидимыми, но легко представляемыми родниками и ручьями. Горы идут далеко-далеко, а вокруг все шире, все просторнее каменная степь. Это и есть знаменитая Куягашишкая полупустыня.

Подготовленная заранее к ее суровому виду, Люба, однако, невольно восклицает:

— Так вот она такая!

Перед глазами мелькают и мелькают серые гальки, песок и щебенка — остатки разрушенных скал.

— Да, она очень неприветлива на вид, — сказала Анна Васильевна, держась левой рукой за борт полуторки, правой — за пеньки. — Очень на вид скучна...

— Как же вы... — начала было Люба и осеклась: не узнала этой скромной, всегда молчаливой женщины — лицо ее светилось каким-то вдохновением, в глазах струилась радость.

— Я знаю, о чем ты, — улыбнулась она. — Я люблю эту степь, к ней привыкла. Впрочем, ты, кажется, немножко и права. — Она задумалась ненадолго. — Трудно же, в самом деле, любить ее такую — обнаженную до камня, раздетую, страшную. Я люблю скорей другое. Не ее, а борьбу с ней. Да. Борьбу.

Русакова приподнялась на колени, повернулась в кабинке навстречу ветру и указала вперед.

— Оттуда идет песок.

— Как? — не поняла Люба. — Идет песок?

— Ну да. Очень просто. Он вытесняет из долины все живое. Конечно, постепенно. Когда-то тут вот немало сеяли — теперь же в аймаке всего три колхоза сеют, которые в горах, в лесу. Тысячи квадратных километров пустуют.

— Откуда ж он взялся, песок?

— Он был там. На юго-востоке. Его сдерживали леса.

«Это — одна из загадок Куягаша», — отметила про себя Люба и спросила о плане преобразования, чувствуя, как все больше и больше передается ей энтузиазм Анны Васильевны.

— План? Надо прежде всего оросить степь. Покрыть ее арыками. Потом озеленить. Это будет вторым рождением. И рождением, конечно, лучшим. О, для этого следует здесь поработать!

* * *

В Куягаш прибыли вечером. Несколько домиков без крыш были разбросаны по берегу Апаш-Су. Любу поразил закат. Он выткал на горах какой-то древний восточный орнамент. Тонкие гребни гор светились, причудливо ломаясь в трепетных палевых красках заката. Каждая черточка их жила, расплываясь в невиданные узоры.

Любе показалось, что она где-то видела эти узоры, этот древний яркий рисунок. И вдруг вспомнила: это были узоры, которыми оторачивались ковры и белые праздничные шубы алтайцев.

У большого саманного здания машина остановилась.

— Приехали, — сказал шофер.

Кто-то из окна крикнул:

— Анна Васильевна?

— Да, да, — откликнулась она. — Это ты, Карым? С лошадьми?

К машине подбежал молодой скуластый парень и, взявшись за борт, легко поднялся на руках в кузов. На мгновенье перед Любой мелькнуло его широкое лицо и снова исчезло внизу.

— Здравствуйте, — сказал он с земли. — А у вас беда.

— Какая беда? — насторожилась Анна Васильевна, перелезая через борт.

— В отаре беда.

— Отара? Что с ней? — побледнела Русакова.

— Два козленка сдохло.

— Боже мой! Боже мой! Варя! Варюша! — закричала, засуетилась Анна Васильевна. — Беги за Венямином Романовичем.

— Бегу! Бегу! — на ходу уже крикнула Варя.
 — Что с ними? Что же ты молчишь? — теребила парня Анна Васильевна.
 — Подышают и всё.
 — Да как же это — всё! А Кульзах!
 — Ничего.
 — Фу-ты, господи! Да тебя не проймешь, Карым! — воскликнула Русакова. — Да говори ты, говори!
 — А что говорить? Сдохли и сдохли.
 — Отара-то все еще на Тархане?
 — Там.
 — Вот как уедешь, так непременно что-нибудь да случится. Непременно!

В ночь отряд всадников выехал на Тархану — глубокий ров, высохшее русло речушки. До него от райцентра было километров пятнадцать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Под утро Люба едва держалась на ногах: клонило в сон. Но ни Анна Васильевна, ни Варя особенно не торопились. Они внимательно и попрежнему очень медленно осматривали отару. Казалось, не было этому конца. Веннамин Романович, вскрыв несколько павших козочек, развел руками:

— Повидимому, сквознячком прохватило.

Люба видела, как дрогнули тугие черные жгутики бровей Кульзах, как разошлись в неожиданной улыбке ее полные, красного глянца, губы:

— Значит, в уходе дело?

Она насмешливо прищурилась и посмотрела на врача. Тот повел круглыми плечами и, вытащив платок, стал им обтирать лицо.

— Больше не нахожу причин.

— Ну, вы скажете. — Кульзах резко отвернулась и тяжелая коса скользнула ей на грудь. — Говорит, простуда, — с обидой обратилась она к Анне Васильевне.

— Это правда?

— Думаю, что да. Факт остается фактом.

— Факт остается фактом, — повторила его слова Анна Васильевна. — Если, конечно, это факт...

Она торопливо нацепила на нос пенсне.

— Так, говорите, простывают? — Русакова нагну-

лась. — Странно. Ежегодно здесь овцы котились. Ведь так, Кульзах?

Пастушка живо ответила:

— Конечно. Каждый год.

Вениамин Романович быстрым движением оторвал угол газеты и короткими толстыми пальцами стал быстро вертеть косушку.

— Вы настаиваете, доктор?

Анна Васильевна стала мыть руки.

— Безусловно.

— Ничего не понимаю.

Люба прислонилась к городьбе, закрыла глаза, и тотчас поплыла перед ней серая каменистая степь, запылали перед глазами хлопьями пены белые козы. Она качнулась вперед, заходило, упало сердце. Схватившись за жердь, Люба открыла глаза. Перед ней стояла Анна Васильевна. Она платочком протирала пенные и ласково щурила свои близорукие глаза.

— Устала? А ты не особенно храбрись — это с не привычки. Поработаешь месяц-два — научишься выспаться в седле. Поезжай-ка лучше на пункт. Отдохни с дороги... Карым!

Из юрты выскочил парень, который встретил их в Куягаше. Он остановился перед Анной Васильевной и лихо козырнул ей.

— Вот что, товарищ военный, — улыбаясь сказала Анна Васильевна потому, что Карым, хоть и не был никогда военным, но страстно желал им быть. — Проводи нашего молодого зоотехника на пункт.

Карым посмотрел на Любу, весело блеснул глазами:

— Это можно. Сейчас.

Через минуту, быстро переседлав коней, он подвел небольшого рыжего мерина к Любе. Девушка взглянула на Кульзах.

Та еле заметно улыбнулась. «Ну и что ж, — подумала Люба. — Собственно, что тут особенного? Пятьсот километров пути. Ночь на отаре. И в самом деле, откуда быть у меня этой выносливости?» Она подошла к коню и с трудом поднялась в седло.

— Там под койкой в брезентовом мешке рис, — крикнула ей вдогонку Варя. Люба кивнула:

— Хорошо. А когда ждать вас?

— К вечеру, — ответила за Варю Анна Васильевна.

направляясь снова к отаре, и тут же бросила на ходу врачу: — Не путаете ли вы, Вениамин Романович? Не верю я... Давайте еще поглядим.

Врач недовольно пробурчал что-то, но слов его было уже не разобрать.

Подул легкий ветер, качая редкие метелки какой-то травы, похожей на ковыль. Кони легко поднялись на песчаный бугор, защищавший отару от холодных северных ветров, и лагерь остался позади. Кругом, куда хватал глаз, до знойных струек дали, лежала выложенная мелкой галькой Куягашская полупустыня. Местами ее пересекали серые ремни песка, тянувшиеся с востока. Люба приподнялась на стремянах — справа и слева степь была замкнута горами. Они ехали ближе к левой гряде, до правой было километров тридцать.

— Так ли? — спросила Люба проводника.

— Тридцать? Ого! — весело воскликнул тот. — Весь день будешь ехать на своем коне и не доедешь!

— Сколько же?

— Ровным счетом — восемьдесят.

Люба поразились. Как скрадывает степь расстояние! «Мне бы, пожалуй, и за три дня не доехать», — подумала девушка, с усилием выпрямляя быстро немевшую спину.

Карым сидел в седле, наклонясь вбок, свободно и непринужденно, будто на стуле. Был он невысокого роста. Широкие плечи, казалось, давили на короткое туловище. Весь он был какой-то словно небрежно вытесанный из камня.

Люба вспомнила про Кульзах. К ней Карым относился с неподдельным почтением — это заметила Люба на стоянке.

— Какое странное имя — Кульзах, — сказала Люба. — Что это значит?

— Не знаю, как по-русски. Честное слово! Язык у меня бедный.

— Она славная, — сказала Люба. — Красивая... Верно?

— Все говорят, — уклончиво сказал Карым.

Минутку подумав, он вдруг улыбнулся и добавил:

— Но есть лучше. Честное слово! — Карым взмахнул плечом и рванулся вперед. Потом остановился, горяча

коня, и воскликнул: — Есть такая девушка! Честное слово!

Карым тикнул в каком-то сильном порыве и поскакал. Люба едва не вылетела из седла, так как ее конь тоже раздул поздри и рванулся вперед. Трясаясь и подпрыгивая, она еле сдерживала его.

Поднимался зной. От земли пахло жаром. Никакого пункта впереди не было видно. И вообще ничего не видела Люба, кроме голой, каменистой степи с редкими белыми султанами травы. «Как же я буду жить? — с ужасом подумала девушка. — Я умру с тоски от этого однообразия! И зачем я только решилась в такую даль, на эту раскаленную плиту!» В седле было очень неудобно — немела поясница. Рябило в глазах. Противный пот раздражающе лез под воротник. От бессилия и раздражения хотелось плакать.

«Ну вот... приехала. Работница, — с досадой подумала она. — А что ты думала раньше? Тогда было все равно. Эта даль спасением казалась».

Люба с тоской смотрела в сторону гор. Далекие снежные папахи белков манили к себе, радуя глаз свежестью крутых склонов и темно-бархатными тенями ущелий.

— Хоть бы ветерок оттуда, — вздохнула девушка.

По степи, к горам, медленно шел одинокий сарлык. Завидя всадников, он остановился, посмотрел исподлобья на них, хрюкнул, мотнул гривой и побежал к ближайшей груде камней.

— Нелюдимый, — сказала Люба. — Неприветливый.

— Они такие уж, — согласился Карым. — Любят ходить в одиночку.

* * *

Вот и центральная усадьба колхоза. Несколько домиков из глины, с плоскими крышами, были раскинуты на берегу заросшего осокой и камышом озера. Берег у поселка был словно выбелен известью — это солощцы. У одного большого деревянного здания, тоже с плоской крышей, Люба заметила с одной стороны классные счета, с другой — доску показателей.

«Очевидно, школа и контора вместе» — подумала она. И не ошиблась. Приблизившись к висевшей на углу дома доске, Карым сказал, соскакивая на землю:

Приехали.

Против конторы — небольшая избушка, из которой вышла на площадь молоденькая девушка со связкой больших и малых ключей, привешенных на один шнурок сбоку. На ней было длинное ситцевое платье, перепоясанное черным лаковым ремешком с большой пряжкой. Несколько жидких косичек свисали с плеч на грудь. Она была невысокого роста, но подвижна, проворна в движениях. Ее удивительно большие продолговатые черные глаза, искрящиеся весельем и смехом, сразу располагали к себе. Волосы на ней были аккуратно расчесаны прямым пробором и приглажены. Она от этого казалась еще чище и опрятней. Только сапоги были неестественно велики и неуклюжи.

Люба улыбнулась. Чечек, так звали девушку, дружески кивнула ей и просто спросила:

— Вы к нам? Из города? В командировку или насовсем, работать?

За Любу ответил Карым:

— Это сестра Варвары Николаевны. На пункт.

— Дьякши, дьякши! Здравствуйте! — быстро сказала Чечек, протягивая руку.

Люба засмеялась, неумело слезая с седла.

— Ой, — вскрикнула она и присела, морщась и охая: тысячи игол впились ей тотчас в ступни ног, икры, в голени.

— Что случилось? — испугалась Чечек, приседая рядом, а когда узнала, схватила Любу за руку и побежала с ней вокруг конторы, гремя ключами и весело смеясь. И когда прошло онемение и они, запыхавшиеся, уселись на крылечко конторы, Люба сказала:

— Вот теперь расспрашивайте!

— Хорошо, — тряхнула косичками Чечек и, пристально глядя на Любу, стала один за другим, не дожидаясь ответа, загибать пальцы: — Имя? Отчество? Год рождения? Соципроисхождение? Женат? Холост? Образование? Партийность?

Люба замахала руками. Разве успеешь!

— Это наша анкета. Данные налицо. Будем знакомы. — Чечек схватила ее руку. — Секретарь комсомольской организации колхоза «Кызыл Аскер» Чечек Улапова.

— Добавь, — вставил Карым, выйдя из конторы, очевидно, все слышавший, — Тафун из Тарханы!

— Не Тафун, а Тайфун, — поправила его Чечек.

— Почему? — удивилась Люба.

— А не знаю. Просто так в райкоме комсомола прозвал Салбашев, второй секретарь.

— Не дружно живешь? — не поняла Люба.

— Не-ег. Беспокою шибко. — Чечек встала и, взяв одну из косичек, мило улыбнулась. — Я ведь надоедливая. Вот увидите!

— Что ж, это не так уж плохо. А где тут опорный пункт зональной станции? — огляделась Люба.

— А вот пойдете.

Люба отвязала чемоданы. Карым вызвался донести их, и они подошли вскоре к небольшой избушке, как и все другие, без крыши, с одним залитым глиной потолком. Отличалась она от других только тем, что на потолке ее рос высокий куст полыни.

«Вот так пункт», — разочарованно подумала Люба. Ей хотелось, чтоб он был другим, отличался от остальных домов, хотя бы окнами, что ли.

Они стояли у двери. Чечек возилась с ключами и все говорила и говорила.

— Откуда столько ключей? — спросила Люба.

— А я ведь кладовой заведую. Вот люди, когда уезжают, и отдают мне свои ключи. Доверяют.

Люба вошла в тесную комнатку. Справа от порога стояла печь-камельек, слева у окна — столик, у стены койка, у второй — тоже. Шаг, два, три. На стенах крылья каких-то птиц. Из пазов торчал ровно подстриженный мох.

— Не понравилось? — разгадывая ее мысли, спросила Чечек.

— Как сказать. Не совсем хорошо. Привыкну!

— Конечно: это только сразу. А вообще у нас не плохо.

— А что это за крылья?

Чечек загадочно сверкнула глазами:

— Есть тут геолог один на руднике. Засажает иногда с охоты. Крылья отдает.

— Щедрый, — заметила насмешливо Люба.

— Хороший. Красивый, с черными усами.

Чечек обеими руками показала, какие у него усы, надула щеки и фыркнула.

Девушки посмеялись.

Между двух крыльев — небольшое зеркальце. Люба подошла и приподнялась на цыпочки. На нее глянуло серое от пыли лицо.

— Ай-ай-ай! — хлопнула себя Чечек руками по бедрам. — Разъезжаете по степи с кавалерами, а лицо со вчерашней пылью!

Люба поправила волосы, не сводя с зеркала глаз, губы ее дрогнули, расплзлись в улыбке, образуя маленькие ямочки на щеках, глаза вспыхнули искрой, и отбросились сами собой высокие разлеты тонких красивых бровей.

— Ай-ай-ай! — Чечек рассмеялась. — А Карым — парень не шибко приметливый! Ничего! Пойдемте на озеро — искупаетесь.

Карым распрощался, приглашая Любу к ним на Апаш-Су.

— И отец и мать будут рады, — сказал он.

Люба пообещала.

— Вот осмотрюсь и — с удовольствием!

«Это ведь только на вид она такая строгая и неприветливая, наша степь, — вспомнила Люба слова Анны Васильевны. — А тут и люди замечательные и много вынашивается хороших планов».

Горяча коня, Карым подскочил к окну, заглянул в него и, тряхнув чубом, птицей умчался в степь.

— Любит он скакать, — сказала Люба.

Чечек стала серьезной.

— Как и все парни: хлебом не корми — дай коня.

Люба присела на койку и откинулась к стене. Тело ее приятно ныло. Она задремала. Вздрыгнув, проснулась. В комнате никого не было. Кто-то тихо прикрывал снаружи дверь. Люба улыбнулась и, не раздеваясь, легла поверх коричневого солдатского одеяла Вариной постели.

* * *

Дул теплый порывистый ветер. Он то затихал, то, срывая макушки барханов, летел по степи, больно впираясь в лица людей, в тела животных колючими песчинками. Казалось, где-то там, в темной дали, размеренно и спокойно дышало какое-то гигантское существо, обдавая полупустыню через ровные интервалы своим горячим дыханием. Было уже темно в долине, хотя еще горели чу-

десным огнем строгие линии далеких гор. Горели, переливаясь причудливыми узорами невиданных оттенков и красок. Кажется, над трактом уже выстилал свою чеканную дорогу Млечный Путь. По неширокой улице шла старая. Поднятая ее, грубый женский голос кричал:

Кх-а! Кх-а! Кыш!

Около кладовой лежали полукрутом верблюды. Из раскрытой двери слабо мерцал свет жировушки. Кто-то сердито говорит:

— Неужели не видишь, где расписываться? Смотри, где отчеркнуто ногтем.

Несколько парней грузили на верблюдов кожаные мешки с продуктами. Высоко задрав маленькие головы и совершенно не обращая внимания на работу парней, верблюды жевали жвачку. Пахло кизяком и сырчиком.

Люба посмотрела в стену. Ее охватило жарким ветром. Песок отдавал тепло, полученное за день.

Не забудь. Слышишь, Мурат? — услышала Люба девичий голос, по которому сразу же узнала новую подругу. Высокий парень в большом трюхе взвалил на плечи мешки, спокойно сказал:

— Ладно. Не забудем.

— Повтори, — требовала Чечек.

— Да что там повторять.

— Нет, повтори.

— Ну хорошо, — попрежнему спокойно и ровно гудел басок парня. — Слушай: сказать, чтоб послезавтра собирались на стоянку Оймок Сарусовой... Вот. Что?

— Да кто собирались-то? — горячилась Чечек.

— Девушки.

— Какие девушки? — не отставала она.

— Какие? — Парень замолчал, очевидно, припоминая и опять прогудел: — Сакирова, Табокова, Толток...

— Ну?

— Чарова.

Чечек шумно вздохнула.

— Ох, пере забудешь, Мурат. Пере забудешь.

— Не забудем.

Люба пошла к озеру. Из-за гор показался огромный диск луны. Красный, будто распаренный, видно, трудный путь через горы... Люба присела на камень. Где-то в прибрежных камышах кричала пронзительно ночная птица. Изредка, подхваченные ветром, звенели гальки.

Вдруг Люба почувствовала, что не может, не должна оставаться одна со своими думами. Холодная и мрачная в призрачном лунном свете, голая равнина показалась ей страшной и даже зловещей. Она живо представила себе город, сквер.

«У нас столько работы впереди, Любка», — услышала она знакомый голос и встала.

Лицо ее, обрамленное небрежно спускающимися девичьими локонами, строгий, прямой профиль с мягким подбородком, были в этот миг прекрасны.

— Я, конечно, буду жить, Анатолий Жуковкин, — прошептала она. — Жить, а не хныкать. Жить. Жить! — горячо произнесла Люба вполголоса.

Улыбка скользнула по ее губам, она блеснула искринкой в глазах и погасла на щеках в ямочках.

— Мы еще поспорим, товарищ Жуковкин! — Люба наклонилась к земле, выбрала круглую гальку и бросила ее в озеро. Послышался короткий плеск. Вода раздалась и поглотила гальку. Этим, казалось, утвердила Люба свое решение.

Раздался топот копыт. Люба вгляделась в противоположный берег. Кажется, едут. От поселка к озеру кто-то бежал, смешно размахивая руками.

— Лю-у-у-ба-а! — раздалось оттуда.

Всадники приближались. Вот они уже въехали в поселок. Посреди поселка вспыхнул большой костер. Люба пошла навстречу бегущей девушке.

— Едут с отары! — залпом выпалила Чечек, тяжело дыша.

Тоненькая, как тростинка, с горящими глазами стояла она перед Любой. И на мгновение Любе показалось, что она давно-давно знакома с ней, что уже несколько лет их дружбе. «Да ведь это Дина! — усмехнулась про себя Люба. — Из «Кавказского пленника» — такая милая, несравненная Дина!»

— Пойдем, Динушка, пойдем! — сказала Люба, беря ее под руку.

— Как? Как? — не поняла та.

— Это все равно — Дина или Чечек...

— Дина, я не знаю что такое, а Чечек — это по-русски цветок.

— Ты ведь и есть горный цветок, Чечек! — сказала с чувством Люба.

— Нам бы вот сюда на эти гальки цветы. — вздохнула Чечек. — Настоящие.

— Они будут, — сказала Люба.

Чечек с сомнением покачала головой.

— Обязательно будут. И цветы, и трава... Мне говорила Анна Васильевна! — произнесла Люба.

— О цветах здесь, в степи? — спросила, недоверчиво улыбаясь, Чечек.

— Да, будто такой план уже зародился... Не о цветах, а о воде...

— О воде? — еще более удивилась Чечек. — Конечно, если будет вода, будут и цветы... А скоро?

— Раз есть план, то... Знаешь, ведь мы привыкли выполнять свои планы, — твердо сказала Люба.

— Если... Если начнутся такие работы, — взволновалась Чечек, — я приду к Марташакову и положу на стол эти ключи... Никакая сила, скажу, товарищ председатель, не удержит меня в кладовой...

— Я б, конечно, поступила так же... Это наши? — указала Люба на всадников, которые уже виднелись за озером.

— Бежим! — воскликнула Чечек. — Это они.

Всадники пересекли площадь и свернули к конторе.

— Все еще спорят, — сокрушенно качнула головой Люба. — Как будто нельзя договориться.

— Это их обычный разговор.

Открылась дверь, и в комнату вкатился на своих коротких ножках Вениамин Романович. Он смешно подпрыгнул на пороге и засеменил к столу, отдуваясь, почувуя вкусный ужин, быстро взглянул на плиту:

— Ура! Теперь я с вами совершенно согласен, Анна Васильевна! Меня поразили насмерть эти веские аргументы, — доктор привстал на цыпочки и пальчиком указал на жаровню.

Все засмеялись.

— Вперед будете знать, — наставительно сказала ему Русакова.

— Чуть не проспали. Хорошо, что раньше ужин приготовили, — сказала Люба.

— Спасибо, милая... Мы так проголодались! — поблагодарила Анна Васильевна.

— А я ничего, — сказала Варя.

— У тебя верблюжья выносливость. Бьюсь об заклад. У тебя есть запасная сумка в желудке! — воскликнул доктор.

— Правда. Не могу есть, когда жарко. Оно, если б окрошечку со свежими огурцами.

— Да со сметаной и укропчиком, — щелкнул языком Вениамин Романович. — Впрочем, не знаю вашего личного отношения к окрошке, сегодня я с удовольствием отдаю предпочтение обыкновенному плову.

Врач так же шумно вел себя и за столом. Он смачно чавкал, со свистом сосал бараньи косточки, обливая жиром пальцы.

— Люблю поесть, что и говорить, — делал нарочно скорбное лицо Вениамин Романович, накладывая третью порцию. — Слабость моя...

Чечек, еле сдерживалась от смеха, делала какие-то знаки Любе. Варя лениво ковырнула вилок.

— Кушайте, кушайте, — угощала доктора Русакова.

— В вас еще сохранились чисто женские чувства гостеприимства. А я уж думал — все поглотила отара.

— Ох, остряк, — вздохнула Анна Васильевна. — А ведь ошибся, не понял. Я и не думала вас угощать, а подгоняла.

— Ага. А Васька слушает, да ест, — кивнул врач, отправляя в рот стожок риса.

Раздался взрыв веселого смеха.

— Кстати, о сквозняке, там на отаре, — заикнулась Русакова.

Врач категорически замахал рукой:

— Приема нет. Приема нет, Анна Васильевна!

— Ну хорошо. Кушайте.

После ужина Вениамин Романович сытно и весело икнул, откинулся к стене и попросил разрешения закурить. Дверь была открыта. Билась о стекло большая муха. Где-то шуршал песок.

Спор о сквозняке возобновился с прежней силой. Наконец, Анна Васильевна устало сказала:

— Это, между прочим, меня даже несколько успокаивает. Значит, эпидемии нет и бояться особенно нечего. Завтра будет драчка на правлении из-за Кок-Озек.

— Почему? — не поняла Варя.

— Ты ж видела — перевели отару без разрешения. Надо подготовиться к чesке.

— Не торопитесь. — не выпуская изо рта трубки, промычал врач. — Не советую.

— В отаре двадцать две... Да теперь осталось двадцать козочек.

Ческа! — проищески хмыкнул Вениамин Романович.

— Проведем. Ческу проведем! — решительно сказала Анна Васильевна.

— Как будете чесать? — допрашивал врач.

— Скребиши нет. Придется сделать самим. Обо всем и поговорим.

— А потом не забудьте — впереди зима. Может, не стоит чесать сейчас! Надо учесть условия тебеневки, — возразил Вениамин Романович, запуская десятки колец к потолку.

— При чем тут тебеневка?

— До зимовки всего три месяца, — осторожно заметил врач. — Вы лишите их хорошей теплой подкладки к шубе.

— Что вы этим хотели сказать? — нахмурилась Анна Васильевна и в упор посмотрела на него.

Врач замахал обоими руками:

— Не гипнотизируйте, пожалуйста, прошу вас, у меня нервы.

— Не шалите, Вениамин Романович.

— Не хочу быть черным вестником. Но... сами знаете, можно ли ручаться за климат полупустыни?

— Разговор пустой. Тебеневать пухоносы пойдут.

Вениамин Романович пожал плечами.

* * *

...Всю ночь метался по степи ветер. И всю ночь, даже сквозь сон, казалось Любе, что кто-то невидимый ходил по комнате, царапал осторожно ногтем о стену, шуршал под порогом.

Любе снилось: идет она в жаркий день по горячим пескам, увязая в сыпучих барханах, и всюду-всюду этот проклятый песок: в чуяках, в ушах, на зубах... Ветер, свертываясь на песчаных буграх в живую трубочку, всасывает, всасывает в воронку мелкие песчинки и вдруг окатывает ее с ног до головы.

Она хватает ртом воздух и задыхается... Жесткий песок щекочет в горле. Он даже скрипит во рту. Скрипит...

Еще раз тоненько — с наугутой. Да это ж ее голос! Хоть бы это было во сне!

Люба просыпается. Всккивает с койки. Рядом Варя. Мокрые волосы ее блестят на голове черным лаком.

— А ты что-то не то плакала, не то стонала, — говорит она, накручивая на палец и раскручивая прядь волос. Голос ее, как всегда, ровный, спокойный.

— Душно... Ох, как душно! — с шумом вдыхает Люба воздух. — И ветер, а душно. Он горячий.

— На полотенце. Сходи на озеро. Оно наше спасение.

Люба ловит вафельное полотенце, схватывает из-под койки белые тапочки, на ходу обувая их, бежит из комнаты.

На небе висит вчерашнее солнце, только, кажется, совсем белесое.

Равнина выглядит еще неприглядней. Там и тут, как шкуры белых баранов, выходят наружу солонцы. Над озером скользит белогрудая чайка. Крик ее, резкий, одинокий, наводит тоску. От озера навстречу Любе разогнулась старуха. С руки ее на проволоке свисает небольшой эмалированный котел. Она в шубе, во рту — неизменная трубка.

Люба зачерпнула в тапочки песку, сначала в левый, потом в правый. Досадую на противный песок, она решила снять их. Только нагнулась, старуха поравнялась и остановилась, бесцеремонно разглядывая ее.

— Здравствуйте, бабушка, — сказала Люба, высыпая из тапочек песок.

— Езень, — сказала старуха и сплюнула. — Ты к нам?

— К вам. Работать.

— Подружки тут хорошие. Красивые. Ты, поди, мою внучку знаешь, Чечек ее звать?

— Знаю, как же. Познакомились.

Старуха закивала головой.

— Ты не купаться?

— Купаться.

— Чечек тоже купается, но я ругаюсь за это. — Она выбила трубку и снова сплюнула.

— Почему же ругаетесь? — не поняла Люба.

— Девушкам не положено показывать свое тело ни воде, ни ветру, ни солищу.

Люба растерялась.

— А вы купайтесь. Я по привычке ругаюсь. Чистому и жить чище. Мы раньше всю жизнь чегедек не снимали. Нельзя было. Как оденешь на свадьбе, так и не снимаешь.

Она затрясла головой и пошла. Из-под шапки на морщинистые щеки упали жидкие косички черных с проседью волос.

«Как страшно оно, это старое. Особенно для женщин», — вспоминая слова старухи, подумала Люба. Она наклонилась над озером. Из воды глянуло на нее зыбкое изображение.

— Привет, товарищ! — кивнула ему Люба. — Тебе-то уж не придется носить этот страшный чегедек. — Она схватила в пригоршню воду и разбрызгала вокруг. Вода была холодноватой, родниковой. Присев на корточки, Люба через голову быстрым движением сняла платье, секунду помедлила, преодолевая страх перед водой, затем решительно выпрямилась и бросилась в воду. Ледяной холод был метром ниже. Люба старалась держаться в верхнем слое. Быстрыми саженками, по-мужски, она легко доплыла до середины и повернула обратно.

Домой бежала, подпрыгивая то на левой, то на правой ноге. Вспомнила детскую песенку:

— Мышка, мышка, вылей воду
Под железную колоду.
Мышка, мышка, вылей воду...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Для тех, кто приезжает впервые в высокогорные колхозы, очень странной кажется их жизнь. Долгое время нельзя привыкнуть к той тишине, которая стоит днем на центральной усадьбе, во всем колхозном поселке. Можно час—два стоять посреди улицы и не увидеть ни людей, ни животных. Колхозная контора похожа на штаб какой-то небольшой воинской части. С утра все выезжают на позиции. Остаются один—два дежурных. К вечеру, будто вестовые, съезжаются заведующие фермами, ездовые за продуктами, члены правления. Иной раз председателя не бывает в конторе до полутора месяцев. Все это время он на коне. От одного стойбища до другого — его

маршрут. Колхоз «Кызыл Аскер» богат. Имеет более шестидесяти стоянок. Если все объехать, получается дуга не менее тридцати километров.

Иной тебеневщик по два года не бывает на усадьбе, так и живет с семьей летом в степи, зимой уходит со скотом в горы.

Нужно быть очень оперативным, чтобы держать связь все время со стойбищами колхоза. Жизнь ведь не сбавляет своего бега. Конечно, неплохо бы, скажем, иметь на каждой зимовке телефон, радио, чтоб жили люди сегодняшним днем, чтоб в едином пульсе страны бился горячий пульс этой далекой степи.

Колхоз пока не имеет ни радио, ни телефонов внутри своего хозяйства. А нужда в них велика. Такие мысли не раз высказывал откровенно молодой председатель Мартанак.

— И мне ждать? — горячился Мартанак.

— Ты что кричишь? — останавливал его председатель аймакисполкома Селиванов. — Какие-то вы все горячие стали... Будет время, и радио заговорит на тебеневке и пастух к высшей культуре потянется, — продолжал Селиванов тоном скучного докладчика.

— Уж давно тянется. Да не дают ему ходу, — рубил Мартанак.

Селиванов солидно кривил губы («Вот еще чудака завели беспокойного!»).

— Кто же это не дает ходу? Может, я, товарищ Мартанак! — Брови, мохнатые от самой переносицы, лезли кверху, изгибались коромыслом над удивленными и сердитыми зрачками. — Ну?

Мартанак гас. Нервно ходили желваки на скулах. Безжалостно мялась фуражка.

— Я не говорю обязательно про вас. Но как-то надо решать.

— Придет время, и решим. Не всё враз. А вам вот, молодым, сразу и то дай и другое разреши. Кто ж так делает? Хороший хозяин с оглядкой ко всему подходит. Ну, чего вот ты раскричался, давай конкретно выкладывай.

— Я не могу так руководить.

— Как?

— Как рыба об лед.

— Ты загадки не загадывай. Конкретизируй.

— Вот хотя бы эту связь с людьми.

— Ну?

Ездил месяц.

— Все так ездят, не ты первый, — обречал его Селиванов.

— Не возражаю, что не я первый. Но я хочу, чтоб такая связь при мне последнем была.

— Телефон?

— Хотя б два на узловых пунктах.

— Ишь, чего захотел. Знаю я вас. Будете торчать у телефона — некому и пасти скот будет.

— Неделями время уходит, чтоб маленькую информацию сделать на тебеневке.

— Агитаторов использовать. Нажми на них круче. Силы у тебя много. Посади два раза в неделю на коня бухгалтера, кладовщика. Пусть промнутесь. А бухгалтер, слышно, способный агитатор у вас.

— Значит, ничего не выйдет? — зная склонность председателя к отвлеченным рассуждениям, перебил его Мартанак.

— Не имеем ресурсов, чудная ты голова! Разве жалко бы?

...Уж который раз покидает Мартанак аймакисполком злой, как черт. Вот и сегодня. Даже хотел с горя выпить в чайной, но вспомнил про заседание правления — погнался коня в степь.

За селом неожиданно ожгла новая мысль: пойти и пожаловаться в райком. Но жаловаться было не в натуре Мартанак. А интересно, как бы его встретил новый секретарь? Вспомнил: кто-то сказал, что секретарь уехал в обком неделю назад, о чем-то хлопочет. Горяч. Что ж, это не так уж плохо, если горяч в меру.

Он не заметил, как натянул повод и конь его пошел шагом.

Мартанак весь месяц проездил по тебеневкам и не был еще в райкоме. За это время произошло событие: прибыл новый секретарь райкома. Провели пленум. Шелест сам приезжал на колхозное собрание, когда избирали Мартанак. Зайти б к нему.

Можно б насчет телефонов и промолчать, а так зайти, поговорить... Шелест. Фронтальной комиссар тоже был Шелест. Правда, тот выше ростом и басовитей будет.

Мартанак вздохнул всей грудью и пошевелил же-

ребца. Хорошо на сильной рыси, прищурясь, принять на лицо упругий ветерок. Мысли бегут, бегут, одна резвее другой. Вспомнилось почему-то фронтовое.

...На станцию ворвались полуэскадром. Немцы стали бить друг друга. Дело в том, что вражеский гарнизон сразился со своими маршевыми ротами, которые прибыли на вокзал. А получилось очень ловко: сначала взлетела водокачка. Поднялась паника.

— Русская кавалерия! Русские в городе!

Одним из всадников был Мартанак. Он во-время заметил подходивший эшелон. Оставил коня, подскочил к стрелке и, выхватив клинок, закричал задыхаясь:

— Переведи в тупик! Зарублю!

Стрелочник бухнул чугунную болванку в сторону и перевел стрелку.

— Убегай!

Тот — кувырком с насыпи.

Зарвавшись, Мартанак растерял своих людей и чуть сам не попал в плен.

Некоторые фронтовики восхищались этой смелой операцией, а от комиссара Шелеста Мартанак получил выговор за лихость.

Шелест, Александр Иванович — его больше так и звали, по имени и отчеству. Справедливый был комиссар. Редкой души товарищ. А может, и этот не хуже? Почему не может так?

Вспомнив снова о заседании правления, подтолкнул коленями жеребца. И опять запел за ушами ветер, рикошетом от копыт летела, ввинчиваясь в воздух, галька. Около Апаш-Су остановился на минуту, посмотрел за реку, где белел дом Мурзагуловых, и вспомнил о Магузуме. С ним вместе прошли столько дорог. Правда, он около начальства все терся. Все же земляк. Из одного колхоза. Другой раз поговоришь — и сразу легче на сердце. Будто побывал к Куягаше, на родной степи.

— Ай, Магузум! Ай-яй-яй, — покачал головой Мартанак. — Ну как ты мог сменить все это на какую-то «чистую» работу? Неужели ты легко это сделал? — Он снова покачал головой. Стало грустно, тяжело на сердце. И чтоб рассеять это давящее воспоминание, Мартанак взмахнул поводом, и жеребец рванулся в намет. Тяжелая, как камень, мысль все давила и давила. Спohватившись, он остановил коня и пустил его шагом. Усмехнулся:

Давая плечи. Пережду.

В воспоминании всплыл образ жены. Мартанакон нахмурился.

«Тяжелый день, определенно. Разве я не прав?» — думал он о Тана. Как произошло так, что они врозь, не сошлись. Даже первые воспоминания и те не были приятными. Тана оказалась пустой женщиной, хоть и красивой. Она была влюблена в свою толстую черную косу, в тонкий росчерк бровей и в чуть выпуклые большие глаза. Женится на ней за год до войны и в первые же месяцы понял, как опрометчиво и необдуманно поступил. Властолюбивая и капризная, она работу недолюбливала, была ленива. Это обижало его. Выбивало из привычной колеи. «Чем живет она? Как может она быть довольна собой?» Уходя на фронт, он сказал ей:

— Ну, Тана, пора и за ум взяться. Думаю, что пустяки бросишь. Буду рад твоим успехам.

Однако война ее не всколыхнула. Она осталась прежней. На работе была рассеянной и занималась только собой. Ей даже опасались доверить огару — так и ходила сакманщицей, помощницей чабана. На письма мужа не отвечала. Только перед боем за деревушку Кештелек, недалеко от Будапешта, принес ему почтальон письмо-треугольник.

— Не балуют же тебя, Иван Мартанакон, письмами, — сказал старшина.

Его слова были больнее раны. Мартанакон схватил письмо и, зажав автомат меж колен, примостился на какую-то чурку, тут же распечатав конверт. Но то, что было в письме, заставило перевернуться его сердце. Тана писала: «Немцы, говорят, из Украины и других мест, где были они, посылками своих жен завалили. Они грабили. А ты не грабь, а возьми. Ты, наверно, не хочешь видеть свою Тану нарядной и красивой. По-моему, это так легко. Зашел в дом буржуйки и взял. Что, или жалко тебе се, буржуйку? Нет, ты просто не хочешь. Ведь, если разобраться, ты свое же и возьмешь. Нет, наплевать тебе на жену. Ты шибко честный...»

Это было тяжелое письмо для Ивана Мартанакон. На второй день его ранили, а он хотел, чтоб его убили. Он бросил связку гранат под вражеский танк и, не сгибаясь, ждал взрыва, держа наготове автомат. Кто-то сильный пригнул его к земле, и, прошептав над ухом

ругательство, стащил в окоп. Это был опять же он, товарищ Шелест.

Эх, если б знал о его переживаниях товарищ Шелест! И он узнал. Просто удивительно, от кого и как...

Лежал Иван Мартанак в санчасти. Ему только что вытащили из ноги небольшой осколок. Зашел Шелест. Он куда-то очень торопился. Сказал: «Если будешь так рисковать — строго взыщу. Ты кандидат... Расквашиваться по каждому пустяку не к лицу большевикам. Смотри. Мы еще увидимся и тогда поговорим подробнее».

И Мартанак понял, что комиссару все известно.

...Конь бежал ходкой рысью. Вечерело. Тяжелые мысли прошли. Мартанак с удовольствием вспомнил разговор с Кульзах. Он возвращался из Красногорска на той неделе вместе с ней. На совещании животноводов Кульзах выступила с докладом-лекцией. Хорошо сказала. Тетрадь лежит перед ней, а она стесняется в нее заглянуть и рассказывает все на память. Хорошо получилось.

— Струсил? Откровенно? — спросил Мартанак после лекции. Она покраснела и засмеялась.

— Да. Струсил!

— Ну и как?

— Обошлось. Выходит, зря и трусила.

Она, смеясь, посмотрела на него из-под длинных своих, черных ресниц. И что это за солнце коснулось своим огненным краем его сердца! Он задохнулся от внезапного волнения и тотчас отвернулся к окну. «И нужно же было так вести себя, Магузум! Хотя бы вот ради... ради нее. Ах, Магузум».

Никогда такой приятной не была для Мартанаква дорога...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Верховые стали прибывать в контору к обеду. Первыми, как это и всегда бывало, приехали с дальних стойбищ. Загорелые, обветренные люди ставили нерасседланных коней у прясла и, сняв кожаные мешки, разминаясь, торопились до совещания перебраться друг с другом новостями, впечатлениями от нынешней тебевки.

Скупые на слова, они долго сначала раскуривают

трубки, присев друг против друга прямо на пол. И только после некоторых раздумий скажут одно—два ничего не значащих слова, будто прощупывая настроение собеседника.

Но через полчаса уже было шумно и весело в конторе. Сизым потолком плыл над головами, качался едкий табачный дым. И никто из присутствующих не замечал его, даже Анна Васильевна. Она беседовала с высоким, совершенно лысым стариком, который, пыхая одними углами губ, прищуриваясь, смотрел на то, как быстро бегал ее карандаш на клетчатом листике блокнота.

— Значит, все двенадцать маток окотились благополучно? — допытывалась Анна Васильевна.

— Хорошо окотились, — подтверждал старик. — И чувствуют себя хорошо. Поправились.

— Это очень важно, товарищ Эркелп. Ваша тебевка самая северная и дальняя из всех. Я очень боялась за цыгек.

— Не надо бояться, — спокойно сказал старик, выбывая об поготь трубочку. — Тут родились, значит, отчего же им не жить!

* * *

За стеной конторы, в единственном, но светлом и просторном классе школы собрались приехавшие девушки. Любу встретили приветливо, как старую знакомую. Многие из них уже успели переодеться в новые платья. Как-никак, а главная усадьба колхоза. На расширенные совещания правления не часто приходится собираться.

— Чечек! Чечек! Так-то ты нас встречаешь? — кричали они весело. — Давай патефон!

Чечек бежала в кладовую. И пока ставили пластинку, ее уже тормозили снова.

— Куда парней разогнала? — шутливо кричали они. — Куда?

— Это она нарочно.

— Ой, девочки! — оправдывалась Чечек. — Не видать вам их как своих ушей! Далеко отсюда на верблюдах они качаются.

— Я видела у Желтого клыка, — сказала высокая стройная девушка с большими серьезными глазами.

— Кого?

— Чадая видела, Карыма. С продуктами они.

— Только вчера отправила, — сказала Чечек. — Между прочим, девушки, слушайте: я выезжаю вместе с Любой на стойбище.

— Пора.

— Мы едем сначала к Оймок. — Чечек кивнула высокой девушке с серьезными глазами.

— Ко мне? Хорошо.

— Начнем учебу... Вот Люба. Она скажет вам.

Люба рассказала о плане учебы пастухов, животноводов. Все стоянки разбивались на кусты. Учеба начнется летом, именно летом, а не зимой, как было раньше. Зимой тебеневщики дальше друг от друга.

— Иначе ведь и невозможно, пожалуй, — кивнула Чечек.

— Невозможно. Это так, — подтвердила розовощекая, полная Толток, веселая, энергичная пастушка, девушка, голос которой знают далеко за пределами аймака. Ходила легенда, от которой и сама Толток не отказывалась, будто однажды на ее стойбище забрался медведь. Толток в это время у ручья мыла посуду. Увидев гостя, она вдруг подняла над головой чашки и запела. Она пела и кружилась в танце. Медведь сначала, увидев девушку, встал на задние лапы и, разинув пасть, пошел на нее. Но увидев, что она его ничуть не боится и все поет и все кружится, подошел поближе, да так и застыл на месте, очарованный ее голосом. Так прошло много времени. Толток уже стала выбиваться из сил. Голос ее стал дрожать. А медведь не уходит. Тогда она внезапно оборвала свою песню и, не обращая на него внимания, прошла мимо и скрылась в аиле. Выглянув из дверей, Толток видела, как зверь, озираясь на аил, медленно поковылял в горы.

Все это Люба узнала позже. И многое еще узнала она об этих замечательных девушках. А сейчас ей очень нравилось быть среди них. Хотелось сразу узнать все их нужды, понять особенности тебеневки.

— Вы совсем, совсем не были на тебеневках? — удивлялись девушки.

— Совсем, — призналась Люба.

— Тише, товарищи, тише! — подняла руку Чечек. — Объявляю танцы. Вальс.

Заиграл патефон. Девушки, смеясь, весело закружились по комнате.

Люба несколько досадовала на себя. «Вот почти ничего и не узнала... Как же ты будешь планировать? Намечала и о том, и о другом поговорить, а вышло — ни о чем».

— Хорошо бы иметь на каждой стоянке патефон, — сказала после танцев Оймок.

— Конечно, — подхватила Толток. — Я уже вот о чем думаю, девчонки. — Она весело оглядела всех. — Знаете о чем?

— Ну? Ну?

— В самодеятельной бригаде иметь эту самую, как ее, — девушка задумалась, подняв кверху свой курносый нос и прищурясь, — белошвейку!

— И выкройки! — подсказала одна из девушек.

«Учить шить на месте — это хорошо», — подумала Люба.

— Мне кажется, что мы можем поговорить на правлении, — сказала она, внимательно глядя на Чечек.

Та кивнула головой, достала карандаш и блокнот.

— Давайте свою повестку писать. Так, значит, бригаду?

Она уселась за парту и стала писать в блокноте. Ее окружили.

Приехал Мартанакон. Вскоре открыли заседание правления. Сквозь сизый дым, висевший выбкими полатами, Люба едва разглядела присутствующих. Люди сидели вокруг стола, кто на стуле, кто поджав под себя ноги, прямо на полу.

— Сюда! — услышала она голос Чечек и прошла с ней к столу.

Выступал плотный коренастый мужчина с бритой головой и тонкими стрельчатыми усиками. Он колотил ладонейкой по столу, подчеркивая тем свои слова.

— Сколько можно говорить об этой опытной отаре? — сказал он. — Только ведь о том и речь: простывают, мерзнут, условия создать.

«Бухгалтер, — прошептала Чечек, наклонившись к Любе. — Анна Васильевна решила перебраться отару в другое место. В затишье, а там другая отара».

— Вот и теперь: «Сквозняки», «Ветер», — продолжал оратор. — Когда же мы увидим доход от нее, от этой

отары? Я предупреждаю правление и, в частности, председателя товарища Мартанакова: повешу я на вас эти убытки.

Анна Васильевна вспыхнула.

— Не успеете, товарищ Токушев, — сказала она тихо, но все слышали это. — Уже нынче отара даст колхозу десятки тысяч прибыли.

— Эту сказку пятый год слышим. А убыток налицо. И я, безусловно, как бухгалтер, как глаз колхоза... — он покачал головой. Его перебил Мартанаков:

— Вы кончили, глаз колхоза?

— А что, товарищ Мартанаков? — вспылил неожиданно тот. — Докажите, что я неправ.

— Кто имеет слово по существу? — не обращая на него внимания, обратился Мартанаков к собравшимся. «Вот Кульзах теперь возится там опять одна, — подумал он. — И не приехала. Да разве она отойдет от своих пухоносцев!»

— Кто слово имеет? — повторил он.

— Мне дай, Иван Мартанаквич! — раздалось с порога.

— Говори, Мамий.

К столу подошел высокий старик. Он снял огромный трех и повернул свое сухое, с редкой бородкой и гощими усами, строгое лицо к бухгалтеру.

— Есть такая маленькая зверушка — хорек, — начал он. — Такой совсем незавидный зверек, а верблюды от него бежит. Шибко скверно от него пахнет.

Девушки прыснули и отвернулись. А Мартанаков и другие мужчины откровенно улыбнулись. Чечек успела шепнуть Любе: «Токушев на Мамия зол... Весной сватал Кульзах, — та отказала наотрез... Он сердится на обоих».

— Мамий говорит, — продолжал старик, — отару не дадим в обиду, бухгалтер Токушев. Не дадим.

Красный, вмиг вспотевший, Токушев вскочил из-за стола:

— Я прошу зафиксировать его слова. Прошу. Заставьте его выражаться поудобнее. Тут посторонние, я прошу обратить на этот факт внимание, товарищ Мартанаков!

Он был жалок в этот миг.

— Здесь посторонних нет, — сказала Анна Васильев-

на, как всегда, ровно и спокойно. В колхозе проработала на работу зоотехник товарищ Огнева. Сестра Варвары Николаевны.

Мартанакوف удивленно вскинул брови.

— Да, вас не было, товарищ Мартанакوف, — сказала Люба. — Я в колхоз. На должность зоотехника.

— Это очень хорошо. Мы с вами после, товарищ Огнева, — сказал Мартанакوف, повеселевший от приятного известия. — Что вы предлагаете? — спросил он Мамия и поправил на себе тонкий ремешок.

— А что предлагать, — сказал тот, немного замешкавшись, и вдруг решительно закончил: — Мы уже все сделали. Некогда было ждать правления: начали дохнуть козлята.

Мартанакوف внимательно посмотрел на Аниу Васильевну.

— Да, Иван Мартанакovich, из-за полного разрушения западного кургана образовался вредный сквозняк.

— Куда же вы перевели пухоносов? — спросил Мартанакوف.

— В Кок-Озек. В лощину. Лощина закрыта от господствующих ветров. Очень удобная.

— Надо бы согласовать, — буркнул Мартанакوف.

Токушев подхватил:

— Они перевели. Да вы представляете, что это такое, что значит перевести отару не в свою клетку? Это значит к черту весь учет! Их ведь 180 тебеневочных клеток. Вы что же, шутите? Кто разрешил нарушать решение аймакисполкома?

— Но, мне кажется, лучше переписать клетку, чем... — начала Аниа Васильевна.

За нее докончил Мамий:

— Чем к ногтю пухоносов. Однажды с верблюдом поспорила мышь. Скажи, говорит, верблюд...

— Пухоносов, — ухмыльнулся Токушев, перебивая старика. — Они говорят — пухоносов! Вы еще скажете: золотоносов! Пух в проекте, а деньги — на кон! Так?

«Сколько у него желчи, — подумала Люба, глядя на лоснящееся от пота, медное лицо Токушева. — Что это у него — действительно чувство экономии и бережливости или... проформа?»

Неожиданно вмешались в дело девушки. Выступила Чечек.

— Просто непонятно, почему это товарищ Токушев все, чем люди хотят жить, режет и запрещает? В кого он хочет превратить наших тебеневщиков? На стоянках ни одного патефона! Газет нет. Журналов нет. Кто видит их? А какой ответ мы слышим на жалобы: «Шибко умными станете. Кто скот пасти будет?» Это чей ответ? Это байский ответ. Вот он считается хорошим агитатором. Его ведь там знают, в районе. Там говорят: «У вас есть хороший пропагандист. Вы должны развернуть работу». А что Токушев говорит на стоянках? Вот они девушки. Они скажут. Легенды рассказывает, сказки.

— Это народный эпос, к вашему сведению, — высокомерно пояснил Токушев. — Надо понимать, а потом выражаться.

— Я не знаю, что такое эпос. Я говорю: дайте на стоянку культуру. Ну... нашу, такую, как везде по стране. А вы про богатей. Эпос... Эпос можно потом. Есть предложение — в агитбригаду чтоб и лектора, и музыку, и даже белошвейку. Да, белошвейку. Что вам смешно? — вдруг запальчиво крикнула она на Токушева. — У нас много девушек. Они годами на стоянках.

— Может, вам парикмахерскую, чтоб брови и завивку? — съязвил Токушев. Но его не поддерживал никто. Девушки аплодировали Чечек. Старики подумали и высказали свое полное согласие с выступившей.

— Нам сказками дело не выправить, — сказал Мамий от имени стариков. — Ты вот мне сможешь посоветовать, что сотворить такое, чтобы кони не секлись, подай мне книжку или человека с верным языком.

Решение приняли глубокой ночью. Опытную отару постановили держать в Кок-Озек. В агитбригаду включили лучших участников художественной самодеятельности.

Вечером Люба долго ходила по колхозному поселку. Девушки разъехались. Горели костры. Где-то блеяли овцы. Вдали мелькали огни Куягаша. Кругом — каменная равнина. Справа то ли с облака, то ли с белого венчика горного хребта безучастно смотрела холодным оком луна.

Люба подошла к домику пункта. Небольшой квадрат света падал на землю от окна. В желтой полосе вилась мошкара.

«Я буду продолжать дневник. — Неожиданно решила она. — Без него мне будет трудно».

«Возвращаюсь к тебе, мой дорогой дружище».

Сегодня 12 июля, записала она. — Перерыв два месяца.

Впрочем, уже 13-е. Кажется, над Чуйскими Альпами предутренний белый туман. Хочу рассказать про Анну Васильевну. Боюсь, справлюсь ли? Я коротко. Или — нет. Сделаю вывод из ее слов. Она говорила о том, как человек кует свою волю. А все-таки попробую передать, как сумею, ее рассказ. Могу ведь забыть его содержание!

Зима тогда была очень холодная. Стень с утра до вечера жгла северянка. Овцы замерзали. Анна Васильевна жила на стойбище Чермешевой. Она вела наблюдения за коровами. Изучала методы тебеневки. Но ведь она такая, ей мало задания станции. Вот при наблюдении за стадом (а коровы были у Чермешевой наполовину улучшенные симменталами) заметила она, что все телята улучшенных падают, не выживают и недели. Попробовали нескольких спасти. Возьмут после отела и подержат в айле. В нем холодно, но тихо. Поддержали так с полмесяца и согнали в стадо. Телята остались живыми. Анна Васильевна немедленно едет в правление колхоза. Она хочет добиться, чтобы на каждом стойбище были построены телятники для телят. Ехала двое суток. Почевала в Скалистом ущелье. Отморозила щеку. Приехала на усадьбу — сейчас же к председателю. Было уже поздно. Председатель (ух, бюрократ!) сказал, чтоб пришла утром. Она просила выслушать его. Она говорила, чуть не плача от боли, что речь идет о спасении молодняка. Председатель (забыла его фамилию; кажется, Тулубаев) отвернулся к стенке и захрапел. Всю ночь не спала Анна Васильевна. Утром пришла, а он уехал в Куягаш. Она туда же. В сельхозотдел. Там повертели носами и пообещали поставить вопрос. Анна Васильевна не выдержала, стала ругаться с заведующим отделом, доказывать. Наконец, не вытерпела и в пылу гнева крикнула: «Так могут только вредители!» Правильно сказала Анна Васильевна. Я б просто не знаю что сделала! Уехала обратно она к Чермешевой и построила вместе с сакманщицами, табунищниками, которые недалеко тебеневали с конями, тепляк. Какой там тепляк! Почти из одной коры, а молодняк был спасен. Прошло недели две, ее вдруг

вызывают в Красногорск на зональную станцию и снимают с работы «за партизанщину» и «вмешивание не в свое дело», кроме того, «за скандалы» с аймачным начальством. Два месяца ходила она без работы. Добилась, при поддержке Обручевой, принял ее лично секретарь обкома. Заинтересовался. И все всплыло наружу.

«Я ни на секунду не сомневалась, что буду снова в Куяганской степи», — сказала в заключение рассказа Анна Васильевна. Молодец. Непонятно, почему научные работники станции не поддержали ее? Правильно делала Анна Васильевна. Вот ведь добилась. Тепляки построили почти на всех стоянках. Учись, Любка, быть такой настоящей и дельной. Ох, хватит ли силы!

Уже зарится. Через несколько минут совсем будет светло».

Люба потушила лампу и тихонько вышла за дверь. Она посмотрела в сторону далеких гор и застыла от изумления. Горы были в малиновом одеянии из тончайшего газа. Будто совершали они какое-то утреннее таинство, закрывшись от постороннего глаза. Вот легкие облака постепенно сползают с могучих плеч все ниже и ниже, и уже вспыхнули алмазные вершины, заискрились кристаллами серебра. Гордые и величественные встали перед глазами горы. А облака спускаются еще ниже. Зеленым бархатом оторачиваются склоны. Вырисовываются острые пики кедрача и сосен. Неглубокие ущелья вспыхивают то зеленым, то розовым покрывалом. Это, наверное, цветы. Травы.

— Как красиво! — воскликнула тихо Люба. — И даже эта степь.

Полупустыня преобразилась. Словно замерла от восторга перед зарей. Скользнули по степи первые лучи восходящего солнца.

Люба почувствовала себя легко. Она улыбнулась:

— А ты... в слезы!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Утром чуть свет Чечек стала передавать кладовую. Любу позвал к себе Мартанак.

— Ну, с приездом вас, — сказал он, приподнимаясь ей навстречу. — Как устроились?

Черные глаза его, красивое бледно-матовое лицо отражали усталость.

— У меня ведь сестра здесь.

— Знаю. Строгая, — улыбнулся Мартанак.

Да, шутить не любит.

— У колхозного зоотехника очень много работы. С чего начнем?

— Мое решение такое: побывать на каждой стоянке.

— Верно. Только ехать нужно так, чтобы вперед знать про эту отару все. Вам несколько раз не придется побывать на каждой стоянке до перегона на зимние пастбища — не хватит времени. Возьмите об отарах и гуртах сведения в конторе.

— Это правильно. Хорошо бы заранее съездить и на будущие зимовки.

Мартанак горько улыбнулся и качнул головой:

— Невозможно. Надо иметь машину.

Только сейчас Люба поняла, как неудобно и трудно будет ей работать здесь при такой разбросанности ферм. Мартанак посоветовал ей посидеть дня два за изучением документации по животноводству.

— Обратите внимание на МТФ. Проверить надо подготовку к зиме. И с заготовкой сена плохо там. Съездите в райсельхозотдел. С зоотехниками посоветуйтесь. Не плохо зайти б к уполминзагу, выяснить, почему так много процентов сбрасывают с шерсти. С ними, знаете, не поругаешься. — не протолкнешь...

— Может, загрязненность большая? — спросила Люба. И пожалела: Мартанак вдруг нахмурился.

— Я знаю, какая тут загрязненность! — сказал он мрачно и запальчиво: — Самостраховка — вот что!

— Ему лучше не говорить о таких вещах, — сказала Анна Васильевна, когда Люба передала свой разговор с Мартанаким. — Удивительный человек он: дельный, энергичный, рассудительный. Но страшная недоверчивость к заготовительным организациям. Ему кажется, что всякая продукция его колхоза, будь то масло, мясо или шерсть, должна идти первым или высшим сортом. Если снизят процент — ругается, кричит. Рассердившись, может наговорить глупостей, даже оскорбить.

— Может быть, основания есть не доверять, — подумала вслух Люба.

Анна Васильевна пожала плечами.

Принесли из кузницы первую скребицу.

— Смотри. — сказала Русакова, подавая Варя инструмент. — Будь пастойчива.

К обеду Люба и Варя были уже в Куягаше.

В обвешанном десятком шкур кабинете встретил их Стрункин, заведующий райсельхозотделом. Щупленький, с реденьким чубом волос пепельного цвета на голом черепе, в трофейном мундире яркозеленого сукна с бельмоватыми пуговицами в один ряд, он сидел, громко с кем-то разговаривая по телефону. Зашли они, по всему видно, некстати. Заведующий стал говорить какими-то намеками, мигал, укорял собеседника в непонятливости.

— Одним словом, я позднее позвоню. Слышишь? Позднее, говорю, звякну. Ага. Ну, пока.

Стрункин бросил трубку и быстро взглянул на посетителей, потом выдвинул ящичек стола, достал алюминиевую коробку с махоркой, стал свертывать пожелтевшими пальцами папироску. Потратив на все это минут пять, Стрункин закурил, затянулся раза два—три подряд и важно спросил:

— Ну, молодые-интересные, с чем пожаловали? Да, что ж я? Вы вновь прибывший зоотехник Огнева?

— Да. Прибыла по назначению облзо в колхоз «Кызыл Аскер».

Стрункин поморщился.

— Облзо! Или они там знают, куда нам лучше людей расставить? А может, я найду, что лучше вам в колхозе имени Калинина поработать? Что вы на это скажете?

— Я прошу не менять моего назначения, — сказала Люба, вспомнив, как дорогой говорила ей Варя о Струнке: «Он любит важничать, по тут нужно больше присутствия духа и твердости...»

— Я хочу работать в «Кызыл Аскере», — решительно закончила она.

— Гм. Мало ли что вы хотите, товарищ Огнева. Вы еще молоды. Нас вот, знаете, не спрашивают. Становись, говорят, — и баста! И становишься — дисциплина.

Неизвестно, долго ли продолжались бы его наставления, если бы в это время не прервал их телефон. Стрункин снял трубку.

— Да, я. Здравствуйте, Степан Петрович. Как? По-маленьку. Да. Слушаю. Да. Токушев? Да. Да. Хорошо.

Есть. Будьте здоровы. — Стрункин осторожно повесил грубку. — О чем мы с вами?

— С делами колхоза хочу знакомиться. С животноводством, нашлась Люба, пользуясь его рассеянностью.

— Ах, да, да. Зайдите к Пашченко. Старшему зоотехнику. Он вас ознакомит. У вас что? — обратился он к Варя.

— Образец скребницы привезла.

— Скребницу? Любопытно. Вы там, я вижу, на все руки. И пухоносы, и скребницы.

Варя положила на стол скребницу. Стрункин долго рассматривал ее, повертывая, делая вид, что чешет шерсть.

— И-да, — сказал он, наконец, в раздумье. — Следует изучить... собрать людей. Поговорить.

— И долго?

— Если говорить пунктуально, то я не имею прав утверждать это изобретение... Нужна виза области. Рискованно. Ведь это прибор?

— Ну, какой там прибор!

— Как это — какой? — подскочил Стрункин и вышел из-за стола. Вприпрыжку заходил по кабинету. — Ну не прибор, так инструмент! Не так ли? — он подошел к одной из шкур, висевших на стене, и щелчком сбил муху.

— Положим, что так, — согласилась Варя, чувствуя, что от Стрункина нечего ждать разрешения, и уже думала, куда бы лучше обратиться.

— Ну вот — инструмент. А каждый инструмент должен быть зарегистрирован, то-есть узаконен, принят, значит, на вооружение. — Он снова забегал, махая длинными руками.

— Хорошо, — холодно сказала она. — Узаконивайте, а мы будем чесать пух.

— Я не ослышался? — огорочен Стрункин. — Повторите, как вы сказали?

— Будем вычесывать пух, — повторила Варя.

— То-есть как это «вычесывать пух»? На каком основании? А где у вас регистрационный номер этого инструмента, патент, так сказать, на изобретение? Запомните: калечить животных не разрешу. Ясно? Пока в отделе хозяйства я, и прощу, знаете ли... тут...

— Ясно, что дело темное.

— Слышите? — кричал вслед Стрункин.

— Не слышу, — уже за дверью сказала Варя.

Зоотехника Панченко Люба не застала — уехал в Красногорск. Решила сходить к уполминзагу.

Ее встретил худой, с болезненным лицом, старичок. Он сам подал ей стул и, отвернувшись к стене, долго кашлял.

— Проклятый. Ухх-кхы! Замучил, забодай его. Ух-х.

Вытерев слезы платком, он молча повернулся к Любе, добродушно улыбаясь.

— Вы, наверное, к уполминзагу? Его нет... Я за него. Чем могу служить?

Люба рассказала о цели своего приезда. Старичок выслушал молча, укоризненно качая головой.

— Простите... Любовь Николаевна? Пойдемте, Любовь Николаевна.

Он взял ее осторожно под руку и вывел из комнаты.

— Дуся! — подозвал он пальцем полную женщину лет сорока, стоявшую у окна и торопливо жуящую хлеб. Дуся в это время подняла бутылку с молоком ко рту, сказала басом:

— Сейчас, Николай Иванович.

— Ну, давай покушай. — Они остановились посреди комнаты, уставленной столами, за которыми сидело по два и по три сотрудника. — Вот так всегда, — сказал он. — Жалуются, кричат. А вы посмотрите, что это за продукция! И убедитесь сами. Вы из области?

— Здесь буду работать, в «Кызыл Аскере». Зоотехником.

— А-а-а. Это хорошо. Приветствую. Вы все-таки разберитесь. А то ведь житья нет. Ругается — горячий там у вас председатель. Накричит, на шумит, а нет, чтоб разобраться.

...Шерсть была грязной и страшно перепутанной.

«Нельзя ли организовать ее промывку?» — подумала Люба, возвращаясь от уполминзага. Она спросила об этом Варю.

— Из-за шерсти — целые скандалы, — сказала Варя. — Мыть бы надо. Уж очень много колхоз теряет на этом. Но как? Вот вопрос. Надо возить на Апаш-Су. Сколько времени уйдет!

«Это верно, — подумала Люба. — Где же выход?»

А я должна, должна найти его... Я зоотехник. Растеряешься с первого дня — смеяться будут. Потребовать, чтоб как следует обращались с шерстью во время стрижки? Это, конечно, верно, но разве проследишь за десятками отар?»

Сестры огвязали своих коней и повели их на водопой. По дороге к Апаш-Су промчалось несколько всадников, подгонявших табун сытых, короткохвостых лошадей.

— Чьи это? — спросила Люба.

— С рудника, тут недалеко.

Они перепрыгнули через небольшой ручей. Ниже по течению две женщины колотили на плитах белье.

«Ишь, приспособились, — подумала Люба — до реки далеко, так запрудили ручей — вот и пруд небольшой получился. А вода чистая-чистая». Визуально она подумала о другом: «А ведь можно бы и на стоянках также... Такие бассейны сделать. Со стоком. Есть ли там родники?»

Она спросила об этом Варю.

— Ручьи и родники есть почти на всех стоянках, — сказала Варя, пристально смотря на сестру. — А что?

— Ты знаешь, Варя, — взволнованно, торопясь проговорила Люба. — Если на месте стоянок бассейны, водохранилища соорудить, а?

Мысль была новой. Она очень понравилась Вале.

— Это было бы здорово, Любка! — воскликнула она. — Правда, не на всех стоянках можно это сделать. Воды-то у нас маловато в степи.

...Когда сказали вечером об этом Анне Васильевне, она достала из полевой сумки карту размещения стоянок и долго изучала ее. Девушки с нетерпением ждали, когда Русакова заговорит.

«Надо обязательно скопировать эту карту, — подумала Люба. — Займусь даже сегодня» — решила она.

Ознакомившись с местностью, где были расположены стоянки, Анна Васильевна пришла к выводу, что небольшие водохранилища можно сделать на многих стоянках.

— Поздравляю тебя, Люба, с ценным открытием! — сказала она.

— Какое же это открытие? — удивилась та.

— Да ты только подумай, что дадут водохранилища.

ша! — воскликнула Анна Васильевна. — Ведь дело-то не только в шерсти. Там можно купать животных. Если создадут бассейны — это будет большущий успех! Ну, Варя, как с нашим изобретением?

— Запретил, — спокойно ответила та.

— Что ж. Я ожидала, — быстро сняла пенсне Анна Васильевна. — Эту бюрократическую стену который год пробиваю. Вон бегут из конторы. Небось, позвонил. — Она встала и быстро вышла навстречу посыльному. Через полчаса вернулась в сопровождении Мартанакова.

— Поздравьте, девочки: в категорической форме.

— Что? — не поняла Люба.

— Запретил пользоваться скребницами.

— Я вот что предлагаю: пойдемте с вами в отару завтра же и испробуем их... Согласны? — предложил Мартанак.

— Но ведь вы же знаете, какой он бюрократ. Пока не будет разрешения облотдела, не разрешит чесать.

— Мы не можем терять пух! Пусть он хоть лопнет! — вскричал Мартанак. — В крайнем случае поеду в райком.

— Шелест снова уехал, — сказала Анна Васильевна.

— Что он разъезжает без конца? — нахмурилась, буркнул Мартанак.

— Разве не знаешь? — удивилась Русакова. — Ведь он же в комиссии.

— Ничего не слыхал, — сознался председатель.

— В Красногорске вот уже около месяца живет и работает комиссия из Москвы.

— Что она делает?

— Плохо ведь у нас в области с кормодобыванием, — вздохнула Анна Васильевна, — вообще с развитием животноводства. Вот и изучают. Будет представлена записка в Совет Министров республики. Может быть принято специальное решение. От каждой зоны области есть в этой комиссии представители. От нашего аймака Шелест и зоотехник Панченко. Шелест нет, да и выскочит на день-два в Куягаш, а потом обратно. Скоро закончат работу. Говорил сам. Спрашивал меня о плане обводнения пустыни. Хорошая мысль. Но надо посоветоваться с людьми. Я так и сказала ему.

— Да-а, — поразился Мартанак. Он задумчиво

посмотрел в степь и встрепетулся. Ну, а насчет скребины?

— Не говорила. Но бояться нечего.

Уходя Мартанакон обещал подумать над предложением Любы.

— Может быть, действительно ошибаюсь, — улыбнулся он, намекая на свои отношения с заготовителями.

— Я уверена в том, товарищ Мартанакон, — сказала Люба.

...У конторы девушки играли в старинную игру. Горел костер, освещая лица собравшихся. Мартанакон остановился в тени. Его никто не видел. Вот выходит одна и, импровизируя, поет:

Много звезд на небе ясном,
Разве считаешь все?
Может быть, хожу напрасно.
Подскажи, что делать мне.

Ей отвечал высокий чистый голос:

Я б тебе давно сказала,
Да не знаю, что сказать.
Видно, сердце его салом
Заросло — и не пронять.

«Старая игра на новый лад, — подумал он, проходя к конторе. Его встревожила мысль о водохранилищах. — Видать, мозговитая, — вспомнил он о Любе. — А что, если вот их... — мелькнула мысль, — девушек, молодежь... А? Взять на пробу одну стоянку. Ну, хотя бы у Саруевой, как самой ближней. Провести совещание. Выложить все выгоды... Добиться... Чечек! Вот тебе тут и агитбригада! Развернись! А там... Там подыдем все стоянки! Весь колхоз!»

Он быстро вошел в контору. Там при лампе сидел Токушев.

— Подсчитай, — сказал Мартанакон. — Если из десяти процентов шерсти, которую нам недочисляют и скидывают из-за грязи и тому подобное, отвоюем обратно пять. Сколько вернем рублей в колхоз?

— От всей сданной шерсти?

— Да.

Токушев стал считать. Считал внимательно, шевеля губами.

— Тридцать семь тысяч четыреста три рубля восемнадцать копеек, — произнес медленно бухгалтер, смотря на счета.

— Здорово, черт возьми! — поразился Мартанков. — Эх ты, бухгалтер! Глаз колхоза! Смотри, сколько упускаешь средств из колхозного трудодня!

* * *

В эту ночь и на опорном пункте никто не спал. Люба все расспрашивала Анну Васильевну о стойбищах, о ручьях, которым скоро определен будет новый путь. Всем своим существом рвалась Люба туда, в степь, на тебеневку.

Разгоряченное воображение уже рисовало огромные озера, пруды на всех стоянках. У воды — зеленая кипень тополей и кленов. Заманчивыми оазисами они вырастут там, где были песок да камень... А потом это сделают и другие колхозы. Зацветет, ныне безжизненная, каменистая, равнина. Прилетят птицы. И люди не узнают себя.

...Анна Васильевна была всерьез озабочена очередным самодурством Стрункина. «Ведь как дело повернет, — думала она. — Докажет Селиванову, что не имеем права непатентованным инструментом работать, и дело застопорится. Жаль, уехал Шелест. Тот бы понял».

Русакова знала, что ческу ждет весь аймак. Сотни глаз следят за отарой.

Практические головы давно подсчитали, какой доход в случае успеха может дать эта, пока еще немногочисленная отара пухоносцев. Особенно радуется летний окот. Козлята дали прекрасный пуховой покров и совсем незначительную ость. «А может быть, самовольно? — переключилась мысль снова к скребнице. — Приедут, обследуют, а у нас все в порядке. Поговорят и бросят. Обойдется».

Завтра в отару. Анна Васильевна дотянулась с койки до столика, взяла часы, приподнялась к окну с ними. Шел третий час.

«Как там, у Кульзах? — подумала она. — Ждет, поди, не дождется».

А в глубоком ущелье было спокойно. В широкой, просторной загородке спала отара. Бежал, сверкая и переливаясь лунной дорожкой, беспокойный ручей. Глядишь на эту серебряную дорожку, и кажется, что бежит он не вниз, а вверх. Дежурный сакманщик изредка осматривал отару, да пристально глядел по сторонам. Но не спала и Кульзах.

В аиле горел костер. Кульзах оторачивает узором новую шубу. Быстро идет по рисунку острая игла, оставляя за собой красный след нити. Проворно работают пальцы. Нижутся, нижутся, как узор, бесконечные думы. Опасность для молодняка миновала. Теперь отара в тихом, уютном месте. Сколько ночей не спит Кульзах, и сегодня не хочется. Завтра ческа.

Долго ждали этого дня. Вспомнилось, как в буран, запахнув в шубу двух козлят, ночью лежала она под скалой, спасая их. Потом, когда немножко стихло, еле-еле дошла до стойбища Чермешевой. Там она в первый раз увидела Анну Васильевну. Тогда еще не знали ее имени. Называли «женщиной на ходулях», «овечьим врачом».

Анна Васильевна поняла ее, как никто другой. Кульзах видела: у нее острый глаз и смелые решения. Никому так не открывалась Кульзах, а вот от нее ни одной тайны не утаила. Все свои наблюдения, приметы и даже мечты — все сказала. И ни разу не обиделась на нее Кульзах. Была Анна Васильевна внимательна к ней, терпелива и рассудительна. А станет рассказывать о животноводстве, о Мичурине, о его борьбе с врагами — ничтожными и очень поверхностными кажутся Кульзах собственные знания.

Она помнит ее уставшую, даже постаревшую в последний приезд из Красногорска. Приехала тогда хорошенькая Люба — зоотехник. Анна Васильевна после бессонной ночи сидела у костра и, опустив руки, смотрела задумчиво на кизяки, покрытые, точно сотами, красными клетками угля.

— Вы понимаете, — вдруг посмотрела она, щуря глаза, на Варю, на Кульзах. — Вы понимаете, что они говорят там? — Она ткнула пальцем по направлению к городу. — Грошев сказал, что мы хотим подорвать авто-ритет его гибридов! Пухоносов снова не включил темой.

— Да бросьте вы, Анна Васильевна, — попросила

Варя, зная, как из-за одного воспоминания о станции она расстраивалась на несколько дней.

— Нет, вы подумайте!

— И не буду, — решительно махала рукой Варя. — А это что?.. Это сон, может быть, Грошева? — Она указала на отару. — Двадцать голов. Золотое руно.

— Да, это уже не сон, — сказала Русакова, просветлев. — Зорька! Зорька! — поманила она ласково крупную серебристую козу. — Ну, иди сюда. Иди!

Зорька, помахивая коротким хвостом и покачивая головой с небольшими нарезными рожками, тотчас откликнулась на зов дрожащим тонким голосом и подошла спокойно и степенно к Анне Васильевне. Та стала ее ласково трепать по шее:

— Вот бы посмотрел он на тебя, Зорька. На твою шубку... Какая она у тебя густая да мягкая! Видел ли он когда такой покров! Едва ли! Ну, что ты? Что? Ах, я ведь и забыла! Ты ведь, старушка моя, к сладостям слабость имеешь. Ну, послати во рту, послати! — С этими словами Анна Васильевна вытащила из кармана вязаной «душегрейки» кусочек пиленого сахара и положила его на ладонь. Коза сейчас же слизнула его в рот.

— Ну, я понимаю, — говорила тогда Анна Васильевна (как сейчас все помнит Кульзах, слово в слово), — когда чесали мы с Кульзах простых коз — это был просто опыт. Простых коз нельзя назвать пухоносами. Но сейчас посмотрите, — она развалила руками шерстный покров козы, — смотрите: из десяти сантиметров ости — шесть пуха. Надо, чтобы наша ческа стала мероприятием... Большой хозяйственно-политической кампанией. И чтоб ответственностью прониклись за нее не только мы, но и Грошевы, и Стрункины и все, все. О, это время придет, девочки!

Да, такой густоты шерстного покрова не видели ни Кульзах, ни Анна Васильевна! Пух доходил почти до кончика ости. Он был лебяжий, снежной искры.

И вот нынче первая ческа.

Уже перевалило далеко за полночь. Кульзах вышла на улицу. Было тепло и тихо. Прямо над стойбищем трепетала, как подбитая чайка, большая звезда. «Своим светом горит, — подумала она. — У каждого должен быть свой свет в жизни».

От этой мысли ей стало теплее. Пришла уверенность: завтра получит колхозное новое богатство, новые радости.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Степан Петрович Селиванов, председатель раймакс-полкома, последнюю неделю не находил себе места: боль желудка, старая давнишняя болезнь, вдруг переместилась в область грудной клетки и вот уже несколько дней не дает покоя — давит, подкатывает под сердце. «Что это? — думал он с тоской, прислушиваясь к болям. — Неужто новый какой этап? Бывало, подавит малость — отпустит, а сегодня, черт знает что такое, — жжет, коллет, тошнит. Загнешься и не узнаешь от чего!»

Он позвонил врачу.

— Будь добр, на минутку, Елизарыч. Кверху полезло. Ты уж захвати там что-нибудь, хоть соды, что ли.

Селиванов повесил трубку и недовольно буркнул в свои пышные с сединой усы: «Звоно, а что толку? Так, страхуешься, не больше. Придет, погадает и уйдет. На том и дело кончится. Да еще наговорит тебе укоров всяких. Пенять начнет. Опять пил то, да ел то. Что же теперь: и не есть совсем? А насчет питья... Какая там выпивка — слезы».

Елизарыч, маленький человек с большой седой бородой и в роговых очках невероятных размеров, быстро вошел в кабинет. Еще кивнув хозяину, бросил на вешалку кепку. Потом шагнул к столу, молча подал руку и сел, сняв очки. И сразу стал каким-то безликим.

— Так, говоришь, в области диафрагмы? — спросил, пронырливо щурясь, Елизарыч.

— Вот здесь, — встал Степан Петрович, бросая на диван ремень и поднимая одновременно другой рукой гимнастерку.

— Когда больше: натошак или после еды? — монотонно спрашивал врач.

— Натошак.

— А когда покуришь, не вызывает рвоту?

— Если на голодный, позывы есть. Сосет.

— Бросай курить.

— Курить? — удивился Степан Петрович. — У меня же не легкие?

— Это не важно: у тебя язва, — изрек врач.

— Опять? Я так и знал.

Селиванов одернул гимнастерку и спокойно потянулся за ремнем.

— Тут я, дорогой Степан Петрович, ничего тебе не сделаю. По признакам — язва. Могу рекомендовать диету и только. Нужно немедленно ехать на рентген, в лабораторию — на исследование желудка. Дошутыл. Три года подряд уговаривал. Смеялся: «Помощники смерти, эскулапы». Вот тебе и эскулапы.

«Ну, пошел, пошел», — подумал Селиванов. Он вздохнул, надел ремень и последовал за врачом.

— Так ты что ж, Елизарыч, и соды не дашь? — шел сзади и просительно тянул председатель.

— Нет. Не проси, — категорически тряс головой врач. Селиванов тяжело вздыхал.

— Поездка, сам знаешь. Стрижка началась.

— Опять? — гудел врач, тряся бородой. — Стрижка, заготовки, тебеневка. К черту, к черту! Не уговаривай меня. Немедленно езжай! Не-мед-ле-нно! Сегодня. Завтра.

Они вошли в кабинет помощника.

— Вот приедет Шелест, даю слово, — настаивать буду, — неуверенно оправдывался Селиванов.

Елизарыч бросил на стол портфель, хлопнул руками и, отчаянно взглянув на упрямого пациента, шумно вздохнул, стал рыться в портфеле.

— Последний раз. Учти, Степан Петрович, — последний! — сказал он, протягивая порошок. — Больше ты меня не уговоришь! Прощай!

— Постараюсь, Елизарыч. Давно бы надо, да видишь сам — занятость страшная.

— Занятость! Эдак и умереть некогда будет, — прогудел врач, сбегая с крыльца.

Степан Петрович вышел во двор. Неожиданно врач вернулся.

— Рассердишься на ваше поведение и вечно забудешь что-нибудь, — проговорил он, подходя вплотную к Селиванову и жарко дыша. — Вопросик один.

— Пожалуйста.

Врач огляделся и, прикрывая рот ладонью, прошептал:

— Ходит версия: Шелест добивается строительства

плотины через Апаш-Су. Есть какие-нибудь основания тому верить?

— Пока нет. Но...

— Ну уж если есть это щедринское «но», значит разговоры имеют под собой почву.

— Не почву, а воду, — пошутил Селиванов.

Врач с недоумением посмотрел на него, понял, захохотал.

— Вот именно. Спасибо!

«Плотина! — подумал Селиванов. — Сколько ты крови мне стоила. Попреки, недовольство. А я что — всемогущ, что ли? Ну, был проект, это верно. Утвердили. Так ведь надо строить было, дорогие товарищи. «Селиванов виноват. Селиванов не сумел поднять массу». Подыми вот, попробуй. Болтать что угодно можно. Я не ломовая лошадь. А тут в райкоме: то одного возмут, то другого. Один, как сукин сын, тянешь. Легко сказать — плотина! И, конечно, передали денежки в другой аймак. А я что? Ишак? То было утихло все, то снова: плотина! Теперь секретарь есть. Кажется, дельный. Горяч, похоже. Ну, если горяч, ничего не будет. Тут надо исподтишка, да капитально. А горячка не поможет!»

Селиванов прошел вдоль ограды к воротам. «Сходить разве домой, глотнуть, что он тут принес?» Он развернул пакет. — Сода.

— Толька! — крикнул он бежавшему мальчику лет восьми.

— Что тебе, — остановился тот. — Живот, да? Селиванов печально улыбнулся.

— Сорванец. Скажи матери, чтоб теплую воду приготавлила. Воду.

По пыльной серой улице, медленно раскачиваясь, шел небольшой караван верблюдов. Мрачное настроение председателя усилилось еще больше, когда он увидел, что веревки, которыми соединялись животные, были продеты с помощью деревянных затычек через носы.

-- А ну-ка, погоди, — крикнул Селиванов погонщику. — Заворачивай в аймакисполком. Сюда, сюда, в ограду! — Он распахнул ворота.

Путаясь в долгополой шубе, молодой низкорослый

парень завернул головного верблюда к воротам и испуганно замахал руками:

— Меня быстро надо. Жмых!

— Заводи всех!

Вытянув шею и стоная при малейшем напряжении повода, верблюды прошли ворота.

— Из какого колхоза?

Погонщик, приподняв спадавший на глаз огромный ватный треух, указал вниз по тракту.

— «Кызыл Черю» колхоз.

— Кто вас учил уродовать животных? — ткнув в морду ближнего верблюда, строго спросил Селиванов и, заметив на крыльце своего помощника Ивашкина, категорически приказал:

— Вызови Стрункина, составьте акт, и пусть оштрафует лично председателя правления рублей на триста. Кто там? Чаров?

— Так точно, Чаров! — Ивашкин щелкнул блестящими сапожками и быстрой походкой подошел к Селиванову.

— Ну вот — Чарова, значит, — продолжал Степан Петрович, чутко прислушиваясь к новым диверсиям в желудке. — Варварство! Оштрафовать и все, согласно решения аймакисполкома. Ведь есть такое решение?

— Есть, товарищ Селиванов.

— Применить на всю катушку. Так, кажется, на вашем языке, военном?

— Так точно, — вежливо улыбнулся Ивашкин.

— Вот и оштрафуй. «Ох, опять. Ишь! Ишь! О, черт!» — сморщился Селиванов. — «Что за народ безответственный! — вспомнив о враче, подумал он. — Тут ежели на полпроцента не выполнишь план — жди разгону. Смотришь, действительно выйдешь из положения, а им и так и этак — все едино. Вылечат — хорошо, не вылечат — тоже, никто не скажет, не спросит: «А почему, дорогие товарищи?»»

Неожиданно вспомнил о сводке. Повернулся к Ивашкину:

— Сегодня что у нас: среда?

— Среда, товарищ Селиванов, — улыбнулся тот, — с утра была.

Селиванов резко повернул обратно.

— Заставь, заставь эти ужасные палки из носов выдернуть, — сказал он морщась, проходя мимо верблюдов. — Черт знает что такое! Я не понимаю. И обязательно, слышишь! — Он остановился и поднял палец. Обязательно оштрафовать!

— Есть!

— Безобразие! Не понимаю! Пора пресекать решительно.

Сводка обрадовала. Аймак с восьмого места переместился на пятое.

— Подбираем ноги, — улыбнулся помощник, тыкая пальцем в сводку. Селиванов довольно хмыкнул в усы.

— А ну, как там соседushка, Ефим Кандаракович!

— Кызылук? Отстал на три процента!

— Ишь, так и мнет пятки. Того и гляди вылетит вперед. У нас ведь ничего нет в заначке?

Помощник вопросительно посмотрел на хозяина.

— Ну, не включенного в сводку?

— «Орлы» опоздали.

— Ну вот, одни «Орлы», а ведь я этого Ефима Кандараковича, как свои пять пальцев знаю. Он никогда не выложит все карты при начале кампании. А потом, к концу, когда зачищаешь «хвосты», тут он и вылезает: бац и кверху, на первое место!

— Жалоба вот, Степан Петрович, — подсунул большой лист помощник.

— Кто пишет? О чем?

— Токушев, из «Кызыл-Аскера». Он и в тот раз писал.

— Ах, Токушев! — вспомнил председатель. — Это тот. Ты вот что, товарищ Ивашкин...

— Слушаю.

— Запроси характеристику от сельхозотдела, от Струйкина. Впрочем, иди, я сам.

Он позвонил Стрункину.

— В «Кызыл-Аскере» что-то там не ладит бухгалтер с правлением. Дай-ка на него характеристику. А? На Токушева. Постарайся сейчас. Вот.

Селиванов посидел, упершись в кулаки, подумал. Затем быстро подвинул пачку писем. Перебрал несколько листиков, отложил отдельно. Взял жалобу Токушева и сколот вместе с ними. Кто он?

Степан Петрович в аймаке всех людей знал напере-

чет — и актив, и рядовых колхозников. Токушев прибыл в колхоз во время войны, в 1943... «Да, примерно так, — вспоминал Селиванов. — Был до войны Андиганов. Потом Струков. Струкова призвали в сорок втором году, правильно — в сорок третьем». Четвертую жалобу разбирал последний раз аймакисполком, и все, оказывается, на поверку выеденного яйца не стоит. А пишет, пишет как!

Селиванов наклонился над последним посланием. «...Вышвырнули из Кок-Озек... У Соен Марчиной началась падеж молодняка. Она мне хоть и сестра приходится, но я ее осуждаю, во-первых, за то, что она не сумела доказать своей правоты, во-вторых, за то, что пошла сознательно на клетку, где еще пасти рано, предоставив место в Кок-Озек для опытной отары. Правление сознательно внесло...»

Чтение прервал телефон. Звонил Струкин.

— Что? Какую характеристику? А! Да-да. Отправил? Уже? Ну, добре. Тут он еще пишет. А? Какие скребницы? Она у тебя, Огнева-то? Надо было задерживать. Проверь, может, еще не уехала. Я подожду у телефона. — Он положил трубку на стол и решил дочитать письмо.

...«Правление сознательно внесло путаницу в распределение тебеневочных клеток. Помня ваши директивы...»

«Тут он прав, — отклонился Селиванов от письма, — надо бы взгреть за такие вещи Мартанаква. Не самовольничай. Есть на этот счет строгие указания аймакисполкома. На весь период тебеневки клетки закрепляются за отарой. Ведь ясно же! Прав Токушев. Не-ет! Этот Мартанакв все на свой храп тянет. Надо отучить».

В трубке затрещало. Селиванов схватил ее:

— Да, да. Уехала? Жаль. Ну, ладно. Что ты насчет скребниц там? Это дело, конечно, не шуточное. Какое положение в таких случаях существует? Может, есть инструкция, указания вышестоящих? А? Ага. Вот мне тоже казалось. Конечно! А то каждый будет изобретать. Ясно. Надо разобраться. Ты подготовь там к исполкому, что нужно. Ну да, и этот вопрос. Там, поди, Анна Васильевна вдыхайки? Кто? Варвара Николаевна? Горячи больно! Пока не будет указания свыше. Да, да.

Повесив трубку, он встал и прошелся по кабинету.

«Еще новость — скребницы! — с досадой думал он. — Не миновать крупных разговоров. А может, действительно? Дело новое. Нет, нет! Пока не будет указания сверху, брать на себя такую обузу? Ни-ни».

В дверь осторожно постучали.

— Да!

Вошел помощник Ивашкин.

— Что там еще?

— Характеристику прислал товарищ Стрункин.

— Давай.

Он взял из его рук тетрадный листок и прочел: «Один из лучших... Политически зрелый. Предан...»

— Ясно. — Степан Петрович качнул головой, и помощник направился к двери. — Вот что, — остановил его Селиванов. — Сейчас уйду. Опять давит. — Он взялся за живот, сморщился. — Одним словом, уйду сейчас. Пусть тут...

— Понятно, Степан Петрович. Раз болезнь, какая там работа, — посочувствовал помощник. — Вам бы на курорт, Степан Петрович. Вот у нас был Попов. Вы его должны знать. Попов Свирид Потапыч.

— Какой это Попов? — прищурился Селиванов, вспоминая.

— Директор нашего совхоза (Ивашкин до этого работал в совхозе).

— А-а, ну как не знать!

— Каждое лето ездил.

— Ну, совхоз. Сравнил.

— Это хотя точно, — согласился помощник, поняв, что промахнулся. — Тут весь аймак на руках. Да какой аймак!

— А ты: совхоз, — нахмурился Селиванов.

Помощник был человеком новым в аймаке. Приглядывался к своим начальникам. Спорить не решался. Однако чутье старого канцеляриста уже подсказывало ему, что Степан Петрович человек «золотого характера». Ивашкин угадывал, что за внешней манерой говорить всем грубоватым тоном и на «ты» скрывается, по сути дела, добрейшее сердце и незлобивый, отходчивый характер. Старанием и услужливостью можно приобрести у таких людей большое доверие и расположение. Нужно только действовать тихо, ровно, быстро и хорошо. В периоды раздражения «хозяина» — выждать

минутку, чтобы дать нужный совет, помочь успокоиться. О семье его побеспокоиться. Проявить заботу во-время.

Надо отдать справедливость — Степан Петрович подхалимов и угодников терпеть не мог. Он подозрительно глядел на постные физиономии, готовый в каждом видеть этот порок.

Ивашкин понял это. Однако присматривался к «хозяину», изучая его нрав, всячески ограждая себя от подозрения в угодничестве. «Этот не как другие, — решил он. — Ему нужно возражать, доказывать. Есть такие натуры. Они обычно говорят после: «У меня, брат, помощник, смотри, зубастый. Палец не клади в рот. Слова не даст сказать. Этот честный. У этого — дело прежде всего».

И Ивашкин решил действовать.

— Вам курорт, только курорт, — решительно сказал он.

Селиванов покосился на него: таким многословным еще не видел своего помощника.

— Курорт, — буркнул он. — Сам знаю, что курорт. А здесь кто? Ты, что ль, останешься?

— Свирид Потапович в таких случаях говорил: «Пока сам не приедешь и не покажешь им путевку, до тех пор не отпустят». Так и делал. А работа, она всегда будет.

— Ну, ну, хватит, — махнул рукой Селиванов. — Пойду сейчас домой. Будут посетители — скажешь: за-немог. К вечерку подойду.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Зной стоял над Куягашской равниной такой, что уже с утра все белело и блестело от выжженной сероватой земли, а воздух, неподвижный, сухой, стеснял дыхание, обжигая лица.

В такие тихие, безветренные дни Селиванов особенно остро ощущал гнетущую слабость. Однообразный блеск солнца вызывал раздражение. В кабинете он опускал на окна тяжелые шторы и старался забыться в чтении директив, которые в обилии сыпались на аймак из всех организаций областного центра. Но директивы, которые всегда делились Селивановым на две категории — «к сведению» и «к исполнению», не успокаивали. Наоборот, некоторые из них вызывали даже законную ярость пред-

седателя аймакисполкома. Так, областная контора заготовлен всю прошлую осень осаждала аймакисполком разными директивами, требуя немедленного привлечения к ответственности виновников срыва плана заготовки льнопродукции по аймаку, обзвала Селиванова два раза бюрократам и один раз саботажником.

Всю осень не давали покоя Селиванову заготовленовцы, пока он, окончательно выведенный из себя, не позвонил председателю облисполкома об этом и не попросил воздействовать на ретивого начальника льноконторы. Дело в том, что лишь три нижних колхоза аймака сеяли ячмень и овес. Большинство же занималось только животноводством. О каком льне может быть речь на песках и гальках!

Правда, за последнее время, особенно с приходом фронтовиков и нового секретаря райкома, голоса о преобразовании Куяганской полупустыни стали раздаваться все чаще. Даже в сухих директивных строчках «вышестоящих» все настойчивей стали звучать свежие нотки.

От аймакисполкома требовали планов, конкретных расчетов, действенных мер по культурному строительству, перспективных проектов по преобразованию. Обходить эти вопросы и только отписываться становилось уже невозможным. Приходилось каким-то образом вмешиваться в самую жизнь и задумываться о будущем аймака.

Обрадовал и испугал новый секретарь Шелест. Обрадовал тем, что, кажется, готов взвалить на себя все эти новые и трудные вопросы, испугал требованием немедленного выполнения всех принятых решений.

— Горяч, — недовольный скороспешными действиями секретаря, ворчал про себя Селиванов. — Жизнь, понятно, идет. Так надо ж со всех сторон, а потом уж... А то тят-ляц, курам на смех. Вот хотя бы эта плотина. Она еще пососет кровь.

В последние дни участились запросы о деятельности опорного пункта зональной станции при колхозе «Кызыл-Аскер».

Сначала Селиванов, не читая, пересылал бумаги в колхоз с припиской на левом уголке: «К сведению» или «К руководству».

— За это вы деньги получаете. Ишь... Навалились, — ворчал Степан Петрович.

Вот и сегодня. Взяв со стола объемистый пакет, Степан Петрович обратил внимание на штамп. Это снова писала зональная Красногорская опытная станция. Он бросил пакет на стол и позвал помощника.

— Сколько можно говорить о том, что всякие бумаги со станции отправлять прямо на пункт? Было такое вам указание?

— Было, — спокойно сказал Ивашкин. — Но, только...

— Что только?

— Но пакет строго вам, Степан Петрович. — Помощник наклонился над столом и провел пальцем по конверту. — «Товарищу Селиванову, лично». Видите?

— Лично, — буркнул председатель, убедившись, что помощник прав. — Уловку нашли.

Он вскрыл пакет и извлек из него бумагу. Ивашкин тихо вышел. Писал директор станции Грошев. Письмо заинтересовало Селиванова, и он прочел его несколько раз. Потом отложил в сторону и, подойдя к окну, отдернул штору. Перед ним далеко раскинулась сухая, серая равнина. «Перекрон вот ее такую... Сделай зеленой, — подумал он. — Грошев прав».

Аймакисполком почти не вмешивался в работу пункта, а ведь, действительно, нужно начать это самое преобразование с улучшения стада. Вот он пишет, что пункт имеет строго определенную тему: посевы трав и акклиматизация мериносов. А они каких-то пухоносов выдумали. Надо категорически... А то каждый тут начнет сочинять, что получится? Да, на днях тут жаловались из колхоза. Кто же? Ах, да, Токушев. О чем же он? Селиванов поморщился, вспоминая, но так и не вспомнил, крикнул:

— Ивашкин!

Дверь тотчас открылась и на пороге застыла фигура помощника.

— О чем там Токушев писал?

— О неверных действиях Русаковой, которая, значит, сбила Мартанакова на предмет перепутанья клеток и принятия решения вопреки нашему указанию с данных клетках, — выпалил, не переводя дыхания, Ивашкин.

— Да, да, — вспомнил Селиванов. — Выгнала отару какой-то Соен из... из...

— Кок-Озек. В данном случае, значит, лог. Точный

перевод воспроизвести не в состоянии за незнанием языка... И загнали туда каких-то пухоносов.

— Помню, помню, — обрадовался Селиванов. — Вызови Русакову.

— Есть. На какой период времени?

— Сейчас же вызывай. Немедленно. И пусть захватит с собой данные по мериносам. Понял?

— Так точно.

— Иди.

Проводив Ивашкина, Селиванов прошелся по кабинету, пол которого был устлан яркочерными коверными дорожками. Он выбрал место, где не было ковров, и мягко стучал каблуками по скрипевшему под сапогами полу. Ему хотелось чем-нибудь нарушить эту висющую, казалось, вокруг тяжелую знойную тишину.

— Да, — после долгого раздумья произнес Степан Петрович. — Прав Грошев. Надо было давно вмешаться в работу пункта. Запретить своевольничать и выдумывать какие-то фантастические темы... Есть профиль — будьте добры, занимайтесь. Помогайте аймаку разрешать проблему... Что они там еще выдумали?

Он постучал пальцем по лбу, сморщился, постоял с минуту посреди кабинета, но вспомнить так и не мог.

— Ивашкин! — крикнул он в приоткрытую дверь.

Помощник шагнул через порог и застыл.

— Что там звонил Стрункин? Помнишь, когда давал характеристику на Токушева?

— По поводу скребниц.

— Точно, точно! Ишь, что придумали! — воскликнул Селиванов. — Звонил Русаковой?

— Через час будет.

— Хорошо. Иди, — кивнул председатель на дверь. Ивашкин осторожно прикрыл обе створки двери.

— Ну, вот и разберемся. Надо Шелесту сказать. Пусть доложит Русакова. Что-нибудь же она делала по этому вопросу? Лег семь, кажется, сидит на пункте. Можно ли тут сеять травы? Какие именно? Все это от нее потребовать конкретно. Запретить всякие там штуки. Пусть отчетик за несколько лет подготовит. Да... Сам будешь всюду лезть, надолго ли хватит тебя? Нажать на все приводные ремни, и пусть. Пусть занимаются делом. Работой.

От этих дум председатель повеселел.

Русакову встретил тепло, как старую знакомую. Усадил против себя, участливо спросил о здоровье.

— Все качаетесь в седле? — наклонился вперед Селиванов, настороженно глядя в обветренное, худое лицо заведующей пунктом.

— Качаюсь, — кивнула головой Анна Васильевна. — Сидеть некогда, Степан Петрович.

Селиванов шумно вздохнул.

— В горячее время живем. Я вот иногда думаю: вспоминать будут нас потомки и завидовать. Не так ли?

— Так. Еще как завидовать-то будут! — оживилась Анна Васильевна. — Вот и хочется торопиться во всем. Торопишься, а порой то одно вышибают из рук, то другое.

— Да, мы продираемся сквозь дремучие трудности, — согласился Селиванов и не без интереса спросил: — А нельзя ли помочь вашим трудностям? Я слышал, вы что-то затеваете? Кстати, у вас все там теперь в порядке с судебным следствием?

Русакова почувствовала, как жаром опалило ее лицо.

— Что ж могло быть?

— Всяко, знаете...

— Жулики наказаны, — сухо и громко произнесла Анна Васильевна. — Работа продолжается. Да, продолжается, — подчеркнула твердо Русакова.

Селиванов посмотрел на нее внимательней и вдруг смутился. От этой женщины повеяло на него чем-то отрезвляющим. «Что за ерунда, — подумал он, не в силах отогнать внезапно появившегося чувства восхищения Русаковой. — Она, может, и права, но ведь и я... Разве меня погладят, если...»

— Гм... Ну, а этот самый пух... Вдруг его там с гулькин нос окажется, а? — неуверенно сказал Селиванов и, словно испугавшись своего мирного тона, сурово добавил: — Учтите, что я не всякие новшества могу поощрять...

Анна Васильевна улыбнулась и весело сказала:

— Все и не надо, Степан Петрович. Вы нам только разрешите провести первую чёску.

— Я думаю, мы разрешим все-таки. У меня к вам

другого порядка разговор. Оставим пока в стороне пухоносов.

— Пожалуйста. Я вас слушаю.

— Мне помнится, Анна Васильевна... Тема у вас была, кажется, все-таки, не пухоносы. Не так ли?

— Да.

— Вот-вот. Кажется, что-то насчет мериносов речь шла.

— Мы занимались ими четыре года, — подтвердила Русакова, стараясь понять, куда клонит Селиванов.

— Ну и...

— Мериносы не могут здесь выжить. Долгое время они ходят с очень короткой шерстью. На Куягацкой равнине холодные ветры, как раз в такое время, когда ягнята еще неокрепшие.

— Вопрос, значит, с мериносами считаете окончательно решенным?

— Да. Нами установлено, что здесь хорошо приживутся цигейки и... козы-пухоносы...

— Жаль. Вы же знаете, что мы должны развивать тонкорунное овцеводство.

— Конечно.

— Может, вы недостаточно поработали над темой? Не помешали вам эти сказочные пухоносы, в которых никто пока серьезно не верит?

— Пока? Возможно. Но это «пока» будет до первой чешки...

— Вы так полагаете?

— Уверена.

— Уверенность похвальна. Однако аймакисполком должен требовать от пункта выполнения прежде тех тем, которые важны. От нас требуют... Вы ж не можете не знать решений ЦК о развитии животноводства?

— Эти-то решения и обязывают нас искать более эффективной породы, — твердо сказала Русакова. — Пух наших коз даст миллионные богатства колхозам.

— Разводить пухоносов нелегкая задача, тем более, что для них нужны кошары. Корм.

— До года. А потом они пойдут с отарами на тебеневку.

— Но ведь у вас пока что не были на тебеневке?

— Нынешней осенью пойдут.

— Значит, серьезно говорить будем о пухоносах только тогда, когда они придут с тебеневки?

— Да.

— Ну, вот. Надо запясться основным делом. Мы имеем указания свыше контролировать вас по основным темам. Вот взять травосеяние и прочее. — Он вопросительно глянул на Русакову.

— Вопрос этот изучается. Я считаю, что он найдет конкретное разрешение после ирригации полупустыни.

— Хорошо. Мы вас заслушаем на исполкоме.

— Пожалуйста, когда угодно.

На прощание Селиванов пообещал ускорить дело с утверждением образца скребниц, хотя с сомнением показывал головой, опасаясь, что «всыпят по первое число за такие вещи».

— Инструкций-то ведь нет у нас? То-то и оно, — добавил он. — Придется запрашивать, и я не совсем уверен...

— Почему же? Ведь это такая выгодная вещь.

— Не одобряют в области ваши затеи.

— Неправда!

— А вот и правда. Сам Грошев пишет, — выпалил Селиванов.

И для Анны Васильевны стало понятным многое.

С тревогой в сердце она покинула аймакисполком и выехала на пункт.

«Значит, пухоносы не дают вам покоя, товарищ директор!» — думала она с волнением.

Вернулась на пункт расстроенная.

— Что-нибудь случилось? — встревожилась Варя.

— Ничего страшного, Варюша. Не верят в наших пухоносов, считают просто забавой и совсем не темой. Доклад требуют о работе пункта. Придется писать. Давай, Варюша, все, что есть у нас о кормодобыывании.

— Прямо так уж сразу. Загорелось им, — недовольно, сердитым голосом проговорила Варя. — Ну, хорошо, пусть не верят. А скребницу — разрешили?

— Пока нет. Но в скором времени...

— Мартанакон приходил. Не терпится ему. Хочет увидеть пух.

— Подождем еще день-другой, — вздохнула Анна Васильевна, — не мешало бы с Кульзах посоветоваться.

— О чем? — не поняла Варя.
— О сроках чески. Какое время она считает лучшим?
— Это еще изучить нужно.
— Правда. Очень важно найти нужный момент.
Я ведь, признаться, и не думала об этом раньше.

* * *

Прошло еще несколько дней, а о скребницах ничего не было слышно. Как-то вечером приехала с отары Кульзах.

— Девочки прибыли на стоянку. Попросила, чтоб до утра остались, — сказала она, как бы извиняясь за свой неожиданный визит.

— Чечек?

— И Люба, — добавила Кульзах.

— Ты очень кстати приехала, — сказала Русакова.

— Нельзя больше терпеть, Анна Васильевна, — решительно тряхнула головой Кульзах. — Самое время.

— Я так и подумала. Что ж делать?

— Сказать Мартанакону и начать, — сказала Варя. — Нечего медлить.

И они решили тотчас сообщить о своем решении председателю колхоза.

Утром Мартанакон вместе с женщинами выехал на стоянку пухоносов, в Кок-Озек, а через час оттуда во весь галоп промчался по направлению к Куягашу всадник.

Всеведущий Ивашкин сообщил Селиванову, что сегодня ожидается приезд Шелеста.

— Откуда знаешь? — подозрительно покосился на него Селиванов.

— По личному делу пришлось разговаривать непосредственно с ихней домработницей, Дуняшкой.

— Ну? — нахмурился Степан Петрович, которого раздражала витиеватая речь помощника.

— Обмолвилась мимоходом. Ждут.

— Пора. Только наездами бывает в аймаке, — неопределенно сказал Селиванов, глядя в окно. «Ну, теперь замотает на совещаниях и заседаниях, — подумал с неудовольствием он. — Начнет допытываться, где был, куда ездил. А что ездить в такую жару? Слава богу,

почти двадцать лет здесь живу. Вдоль и поперек изъездил. И все-таки...» Он поморщился: в желудке снова начались диверсии.

— Ты смотри тут. Если позвонят, скажешь там. Ну, сумей сказать, а я... что-то снова начинается. Ясно?

Ивашкин понимающе улыбнулся.

— Так точно, Степан Петрович.

— Ну, я пошел...

Но уйти ему не удалось. В тот момент, когда помощник подходил к двери, она вдруг раскрылась перед ним и на пороге выросла фигура в военной шинели нараспашку. Ивашкин схватился за двери.

— Нельзя, товарищ Мартанаков! Степан Петрович сегодня...

— А ну, посторонись! — отвел тот его сильной рукой. — Я сам.

— Безобразие, — бросил помощник возмущенно. — Это некультурно!

Он не любил и побаивался Мартанакова.

— Ну, ну, проходи, — позвал из глубины кабинета Селиванов, узнав «шумоватого» председателя колхоза. — Опять ругаться?

— Опять! — улыбнулся Мартанаков, не забыв недавнего спора о телефонах, и обнажил мокрый лоб.

— Начинай, слушаю. — «Зачем же он был нужен мне?» — подумал Селиванов, пристально взглядываясь в лицо пришедшего.

— Срочное дело, Степан Петрович. Вы уж меня извините, — начал Мартанаков.

— Ничего, давай без предисловий. Ты ведь привык безобразить: вламываешься всегда без спросу. Для тебя никаких законов вежливости не существует, — заметил ему Селиванов.

— Лучше вы меня обругайте, Степан Петрович, но этот ваш новый... Не нравится мне его психология.

— Ну, ладно, психолог. Давай, что там у тебя.

— Скребницы.

— Скребницы? — «Ах, да, — вспомнил Селиванов, — скребницы! А еще? Еще — жалоба... Этого Токушева»... — Что вы там портачите?

— Никак нет! — воскликнул Мартанаков. Глаза его ярко блестели, будто не спорить он собрался, а расска-

зывать про одержанную победу. Этот-то блеск и удивил Селиванова.

— Как так нет? Выдумали неположенные скребницы! А если вы начнете ими калечить животных, тогда кто в ответе? Селиванов?

— Никто, Степан Петрович! Только скажите этому Стрункину, чтоб не грозил.

— Да, как же не грозить? Вы там будете черт знает что делать!

— Все в порядке! Сам сейчас двух коз вычесал — куда с добром! Вы понимаете, Степан Петрович, почти полтора килограмма пуху с козы!

— Постой, постой. Не кричи!

— А вы попробуйте не кричать, когда сам взвесил — тысяча четыреста граммов. Смотрите, что получается. — Он схватил лист бумаги, карандаш со стола председателя и стал вслух подсчитывать.

— Ну, ну, что там у тебя за арифметика, — заинтересовался Селиванов.

— У нас двадцать коз-пухоносов. Они дадут двадцать восемь килограммов пуху, да еще на трудодни двести восемьдесят килограммов шерсти.

— Погоди, погоди, какая шерсть?

— Ну, а как же. За двадцать восемь килограммов пуху государство зачтет двести восемьдесят килограммов шерсти. Их мы имеем право распределить на трудодни.

Селиванов молча уставился на председателя колхоза, будто кто его стукнул по лбу.

— Да еще получим от ста улучшенных коз граммов по двести пятьдесят, — не унимался Мартанак. — Мы их тоже вычесем. А на будущий год...

— Погоди о будущем, — остановил его Селиванов, — двадцать восемь килограммов пуху, говоришь? Чем вы чешете?

— Как чем? — удивился Мартанак. — Скребницами.

— Кто вам образец установил?

— Сами.

— Вы понимаете, что если нет инструктивного приложения...

— Мы составим сами, Степан Петрович. Очень безопасная вещь. Я, собственно, за вами приехал.

— Как за мной?

— Поедьте. Ведь такое событие!

Селиванов повернулся к окну. Стоял жаркий день. Посмотреть бы не мешало на этих пухоносов. Уж больно заманчивое дело открывается. Неужели добились-таки своего на этом опорном пункте? Рассказать Шелесту. Вот обрадуется.

— Что ж. Крикни-ка там помощнику, чтоб машину. Пусть пошлет за шофером, — сказал мирно Степан Петрович.

Мартанакوف открыл дверь и увидел перед собой прямой прибор склоненной головы.

— Гони за шофером. Машину пусть готовит, — сказал Мартанаков, и встретился с бесстрастными мутными глазами помощника. Отложив исписанный лист, Ивашкин встал и подошел к двери:

— Позвольте! — Мартанаков отступил на шаг. Помощник просунул голову в кабинет:

— Это верно, Степан Петрович?

— Что верно? — вспылил Селиванов. — Разве он не сказал?

Ивашкин тотчас скрылся. «Вот попробуй, применись к такому», — с тоской подумал он.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Как и предполагала Анна Васильевна, чesка вызвала общий интерес. Словно невидимый вихрь, промчалась весть по окрестностям: «В «Кызыл Аскере» праздник! В «Кызыл Аскере» родилось невиданное богатство!»

И вот с утра на высоком берегу Кок-Озек одна за другой останавливаются кибитки. Походные легкие юрты и аилы образовали целый поселок. Спускаются вниз степенные люди. Они подходят к высокой строгой женщине и почтительно приветствуют ее. Второй поклон черноглазой красавице Кульзах. У аила словно взбитая пена — копна шелковистого пуха. Людям нечего здесь рассказывать много — богатство у всех на виду.

Енчибаев с неподдельной радостью смотрел на чудесных коз. Хотя и неприлично мужчине, подобно мальчишке, открыто восхищаться увиденным, но восклицания одно за другим невольно срывались с его языка. Ему не

терпелось посмотреть на ческу. Убедиться собственными глазами, как добывается это сказочное богатство.

— Почему не продолжают работу? — обращалась шепотом к чесальщицам и сакманщицам Анна Васильевна. И тут выяснилось, что ждали председателя колхоза, Мартанакова. А люди прибывали. Из колхоза «Большевик» приехал председатель со всем правлением и животноводами. Они поставили свой анл и стреножили коней. Енчибаев перепугался. Его могут опередить! Осторожно выбравшись из толпы, он стал искать Анну Васильевну.

— Вам колхоз «Дьяны Дьел» передает привет, — сказал он, подходя к ней.

— Спасибо, Енчибаев. Это ведь не я одна. Весь колхоз трудился.

— А нам известно, нам не говори, — сказал он, опасливо косясь на шумную толпу прибывших из «Большевика».

Не знал Енчибаев, с чего начать, а не скажи — другие перехватят. Он решил говорить напрямик. Дергая светлую бородку и щурясь на солнце, сказал со вздохом:

— «Дьяны Дьел» колхоз мог бы уй какую кошару построить на зиму для пухоносов!

Анна Васильевна улыбнулась.

— Нынче для молодой отары будет большое испытание — она пойдет на зимнюю тебеневку.

— Зачем морозить? — воскликнул Енчибаев. — Мы бы отдали под них дом — пусть зимуют!

Анне Васильевне было приятно это слышать. Нескольким пар пухоносов можно уступить колхозам. Верно, она не говорила еще об этом с Мартанакowym, но заранее знала, что тот согласится: распространение пухоносов — дело чести пункта и колхоза «Кызыл Аскер». Поэтому она без обиняков сказала Енчибаеву:

— Готовьте деньги на одну парочку...

Тот сорвался с места:

— Деньги! Да это ж... Эй! — замахал он руками. — Эй, Омар, давай сюда!

Молодой парень с ярким зеленым кашне на шее будто этого и ждал. Он быстро подбежал к ним. Анна Васильевна узнала счетовода «Дьяны Дьел».

— Давай. Чек пиши! — поглядывая на подходящую группу из «Большевика», заторопился Енчибаев. — Пиши: пять тысяч.

Омар примостился на камне.

— Нет, зачем же, — остановила их Анна Васильевна. — Во-первых, цены будут, конечно, ниже.

— Пожалуйста! Ну, пожалуйста! — воскликнул разгоряченный председатель. — Мы дадим цену, какую хочешь!

— Во-вторых, вопрос о продаже будет решать правление. Разве я могу принять у вас чек, подумайте?

Енчибаев вспотел.

— Омар, прекрати! — махнул он. — Тогда наша первая заявка... Вот при свидетелях.

Подожли гости из «Большевика», и Енчибаев нарочно сказал, чтобы слышали и они.

Рослый, тучный Муратов, председатель колхоза «Большевик», подозрительно посмотрел на Енчибаева.

— Однако Енчибаев всю отару торгует? — спросил он, вытирая лицо арачкиной.

— Парочку, одну пару! — вскричал Енчибаев. — Заявку вот делаем. Решено, значит. Наша заявка еще с зимы... Не так говорит Енчибаев? — подмигнул Русаковой боевой председатель.

— Заявка уже давно. Я приму! — сказала Анна Васильевна, здороваясь с вновь прибывшими.

— Омар! — крикнул Енчибаев, — Омар, куда бегаешь? Пиши заявку по форме. Правлению колхоза «Кызыл Аскер». Так, Анна Васильевна?

— Так.

— Пиши: от колхоза «Дьяны Дьел», заявка. Чего ты, Омар, как вареная курица! Можно маленько быстрее? — прошептал он сердито, наклонясь. — Пиши...

* * *

Люба и Чечек помогали Варе уложить выставочные экспонаты. Тут было десятка два фотоснимков лучших представителей породы. Под ними красивым чертежным почерком написана краткая биография: кличка, год рождения, характеристика родителей, вес, количество пухового содержания в шерсти. Здесь же большой щит с наклеенными клочками шерсти и пуха: диаграммы, перспективы развития отары...

Все это нужно было по заданию Анны Васильевны осторожно доставить на Кок-Озек, к месту чески. Варя

была недовольна, хотя отлично отдала себе отчет в том, какое значение имеет для разведения пухоносов эта передвижная выставка.

— Что ты ворчишь, старушка? — подтрунивала над сестрой Люба. — В твои годы сидеть бы тебе и сидеть на завалинке, на солнце жмуриться.

— Ну, к чему эта шумиха? — говорила Варя. — Отара еще не была на зимней тебеневке. Вот где экзамен для нее! А мы уж шумим.

— Угу, — кивала Люба. — Положение твоё действительно критическое. Как же! Тащись за пятнадцать километров с клочками шерсти, с картинками, а отара еще и не нюхала снегу.

— Стоп, товарищи! — насторожилась Чечек.

На дворе послышался шум. Похоже было, что подошла машина.

Девушки выбежали на улицу. Из «газика» выскочил Мартанак.

Разминая ноги, подошел пожилой мужчина в кепке и плаще.

— Товарищ Селиванов! — зашептала Чечек. — Они не в Кок-Озек?

Люба и Чечек быстро подошли к Мартанаку.

— Не уехали еще? — встретил их председатель колхоза.

— Нет! — воскликнули девушки. — У нас экспонаты — неудобно. Плохо будет верхом.

...Селиванов охотно согласился довезти их до стоянки отары. Узнав, что Люба назначена в колхоз, и совсем недавно, Селиванов спросил:

— Как там Красногорск?

Не зная, собственно, что его интересует, Люба ответила неопределенно:

— Шумит...

— Шумит, значит, — сказал задумчиво Селиванов.

«Газик» шел без дороги. Толстый слой гальки держал его, будто шоссе. Точно горячим опахалом, дышала порывисто в лицо раскаленная полупустыня.

«Пухоносы... И где? В таком пекле, где и травинки без бинокля не разглядишь!» — думал Селиванов морщась.

— Так ты сам, значит, того... чесал? — обернулся вдруг он к Ивану Мартанаквичу.

— Собственноручно, Степан Петрович.

— Ну, и как, действительно ничего?

— Лучше не придумаешь!

— Хм. Удача.

По дороге обогнали группу всадников.

— Стой, — положив руку на плечо шофера, тихо сказал Селиванов (Кажется, из «Кирова»? — удивился он). Копи, едва сдерживаемые руками всадников, захрепели, стали пятиться задом.

— Карагодин, ты? — спросил Селиванов, высовывая голову, узнав в пожилом высоком мужчине в белой шапке председателя колхоза имени Кирова, из соседнего аймака.

— Он, самый, Степан Петрович!

— Чего ты в наших краях?

— Слух один проверить.

— А ну, выкладывай, что за слух?

— Сами, поди, догадываетесь. Сейчас ведь только и речи о ваших пухоносах.

— Ишь, уже пронюхали! — качнул головой Селиванов. — Надо самим иметь. Рады на чужих-то. Своих надо иметь.

— Это конечно, — сверкнул большими зубами Карагодин. — Желание есть. Может, и договоримся, Степан Петрович, а?

Конь под ним, серый, в «яблоках», танцевал, не хотел стоять на месте, а Карагодин, свесившись из седла, заглядывал в машину, весело сверкая черными глазами.

— Это бабушка надвое сказала, — нарочно сердитым голосом сказал Степан Петрович. — Посмотрим на ваше поведение. Пошел! — ткнул он локтем шофера.

— Поведение отличное! — засмеялся Карагодин.

«Газик» рванулся вперед.

Всадники что-то кричали вдогонку и гнались за машиной.

— Скажи ты, — спросил взволнованно Селиванов. — Ведь знаменита будет отара, а?

— Область будет знать, — подтвердил Мартанакон.

— И край и... Знаешь что? Страна может знать! — Как повернет дело! — воскликнул Селиванов, оживляясь. — Какое дело! А вот мы... Мы как-то все этой текучкой пробавлялись. Такое великое дело под носом!

Ого, смотри, — указал он в сторону. — Смотри, да там уж целый поселок!

Вдали белело до десятка анлов. Много людей ходило вокруг. Снизу, из ущелья, поднимался дым.

Кок-Озек...

— А ну, газу, Володя! — крикнул совсем повеселевший председатель аймакисполкома.

Чесали пух на глазах у всех. Козы были положены в ряд, а вокруг на корточках сидели гости. У анла Кульзах на белой кошме росли белые горы пуха. Анна Васильевна подходила то к одному, то к другому человеку, занятому ческой, брала скребницу и запускала руку в шерсть.

— Вот так! — говорила она, рывком подтягивая к себе скребницу. — Вот так... — и скребница уже пеннлась в пуху.

Козы лежали спокойно.

Зрелище было необычайное. Гости старались не упустить ни одного движения чесальщиков. Они подходили к пуху и, светлея в улыбках, молча переглядывались. Беспокойный Енчибаев уже третий раз обращался к Анне Васильевне с просьбой разрешить ему самому поработать. Заразившись общим энтузиазмом, Селиванов сбросил пиджак и, завернув рукав сорочки, взял у Русаковой скребницу:

— А ну, Мартанак, давай очередную жертву!

Все со смехом бросились ловить новую козу.

— Погодите! Постойте! — закричала Анна Васильевна.

Все остановились. Русакова подошла к загонке, открыла калитку и, вытянув руки, поманила крупную, по всему видно, старую, с серебряной густой шерстью козу.

— Зорька, Зорька! — позвала Анна Васильевна, и коза, тотчас тряхнув головой, направилась к ней. Она прошла около ряда положенных уже коз, и тут Русакова вытащила кусочек сахара из «душегрейки». Отдавая козе, сказала ласково:

— Она у нас сладкоежкой стала. Ну, ей и простиительно — родоначальница породы.

— Хозяйка отары, можно сказать, — почтительно глядя на козу, улыбнулся Селиванов.

— С нее, конечно, больше всех спросится, — засмеялась Русакова.

— Я думаю, товарищи, почетную ческу проведет сама Анна Васильевна, — сказал Селиванов.

Все зааплодировали. Русакова зарделась.

— Спасибо, друзья мои, — сказала она. — Но среди моих помощников есть самый первый инициатор этого большого дела.

— Кто же это? — удивился Селиванов.

Анна Васильевна подошла к анлу и взяла за руку Кульзах.

— Вот кто виновница нашего торжества.

— Да она, кажется, из семьи Мамня? — толкнул Мартанаква в бок Селиванов.

— Она.

— Красавица. Ну и люди ж у вас!

Кульзах упрямо тряхнула косами.

— Если б не Анна Васильевна... Много б я сделала? Подумайте, люди... Ей — скребницу!

Все настойчиво стали уговаривать Анну Васильевну. Она подошла к Зорьке и, положив ее, запустила скребницу в плотную шерсть.

Люди, придвинувшись, не дыша, следили за ее работой. Скоро Анну Васильевну не стало видно за горой белоснежного пуха. Енчибаев от нетерпения переминался с ноги на ногу, толкая соседей.

— Уйт! Почему такое, скажи пожалуйста, а? — шептал он, сверкая глазами. — Уйт! Какое богатство на песке родилось! Скажи пожалуйста... Омар! — суетился он, ища глазами счетовода. — Куда ты запропастился, Омар? Иди сюда.

Счетовод протиснулся к своему председателю. Тот нагнул ему голову к своим губам, прошептал строго:

— Смотри, запоминай. Эту козу будем торговать. Видал? — он кивнул на гору пуха.

— Видал, товарищ Енчибаев!

— Запоминай. И что ты такой сегодня? На девок еще успеешь наглядеться. — Он погрозил ему пальцем, топорща редкие дымчатые усы.

— Я гляжу, гляжу, товарищ Енчибаев.

Едва Мартанаква записал последний вес в блокнот, уже кто-то из присутствующих крикнул:

— Сто два!

Селиванов пристально посмотрел на Мартанаква, а из толпы снова раздался тот же голос:

— Пятьдесят три. В уме считал!

Это был Енчибаев.

— Да. Ты прав! — сказал Мартанакон и, обращаясь к Селиванову, добавил: — По тысяче семьсот граммов в среднем.

— Мы, конечно, так не можем считать, — сказала Анна Васильевна. — Варюша! Кульзах! — крикнула она. — Вы заметили, у кого наибольший привес? Как у Зорьки?

— Я пишу, — сказала Варя и назвала несколько номеров. — У них пуху намного больше, а Зорька — рекордистка — тысяча девятьсот граммов.

— Этих будем беречь особо, — сказала Анна Васильевна, записывая что-то в блокнот.

В это время в степи показался всадник. Он быстро приближался, вскоре подскочил к аймам. Бросив коня, соскользнул с седла, поправил на себе гимнастерку и пошел к отаре. Низенький, щуплый, он шел, высоко держа голову, ударяя по высоким голенищам сапог короткой плетью. У самой отары он вдруг увидел «газик» и, круто повернувшись к толпе людей, тотчас остановился: он увидел и узнал Селиванова. Селиванов тоже узнал его — это был Стрункин.

Люба и Чечек помогали Анне Васильевне укрепить экспонаты выставки на айле Кульзах. Вот почему и устыжились девушки, как, подойдя к Селиванову, Стрункин сказал:

— До меня, товарищ Селиванов, дошли слухи...

Селиванов перебил его:

— Дошли все-таки? — усмехнулся он. — Поздно же они до вас доходят. Вон смотри! — и председатель исполкома ткнул рукой в сторону пуха.

Стрункин повел туманными глазами в сторону пуха, потом — осуждающе — на председателя и вздохнул:

— Кому пух, Степан Петрович, а нам будет с вами — ух!

— Что? Чего ты там? — нахмурился Селиванов.

— Мы с вами руководители аймака, — бесстрастным голосом продолжал Стрункин. — Всякие новые начинания должны согласовываться с областью. А ведь вы не знаете, как эта самая Русакова и Кульзах пухоносов вырастили? Вопреки указаниям свыше. Значит, они незаконны. Им не будет ходу. И мы должны приложить

Все наше административное влияние, чтобы прекратить беззаконие.

— Гм, — задумался Селиванов. — Так-то оно так, да ведь пух... Смотри, вон он!

Стрункин пожал плечами.

— Вижу и не вижу, то-есть поясняю: вижу, как любой смертный, но как администратор усматриваю другое.

— Что же?

— Всему этому делу нет законных оснований. Подумайте, куда это тянет!

Селиванов промолчал. Отвернулся от Стрункина. В нем кипело возмущение против этого человека, он готов был накричать на него. Но чувствовал себя бессильным. Стрункину он доверял.

* * *

До пункта Анну Васильевну и Варю подбросил на своем «газике» Селиванов. Ехали уже с зажженными фарами. Ночь стояла темная и душная. Далеко слева над горами кто-то высекал искры из кремня — беспрестанно сыпались на горы зарницы. Грома не было слышно. У Селиванова от тряски снова разболелся желудок. Он старался не думать о нем. Мысленно он то и дело возвращался к ческе, в надежде восстановить прежнее легкое восторженное состояние, но боль все усиливалась, и мрачные думы овладели им. «Вот ведь у тебя всю жизнь так — всегда ты опаздываешь, — давила тяжелая мысль. — Плотину было начал строить — недостроил — война. Теперь вот пухоносы. Просмотрел под носом у себя. Будет кто вспоминать об аймаке, сразу подумает: «Куягашский? Да, знаю. Это родина пухоносов». Известных людей назовет, а тебя... Был ты — и не был. Может, другой и спросит: «А кто же тогда в Куягаше председателем аймакисполкома сидел?» — и тут же скажет: «А черт его знает. Ни слова о нем нигде не упоминается».

Селиванов вздохнул. «Так оно и будет. Так. Где же это усадьба? Едешь, как в пекле».

Справа сверкнули огни Куягаша. Селиванов посмотрел перед собой. Где-то чуть наискосок от райцентра главная усадьба колхоза и пункт зональной опытной станции. Из темноты прорезались, будто волчьи глаза,

несколько тусклых огоньков. Наконец, «газик» обогнул озеро и, прошуршав по солонцам, остановился в центре поселка.

— Приехали, — сказал Селиванов. — Не уснули?

Анна Васильевна с трудом вылезла из машины.

— Ну, что вы, Степан Петрович, я разволновалась.

— Это другое дело. А я никак не могу за все эти годы к дороге привыкнуть. Усыпляет. Утомляет. Завидуя вам, ей-богу... Вы теперь ничего не видите, не замечаете, кроме своих пухоносов. Только вот что, Анна Васильевна...

Он поманил пальцем Русакову:

— Придется вам, все-таки, отчитаться на исполкоме за самовольное использование скребниц. Да и другое. Пухоносы, оно, может, и впрямь, дело выгодное, только закон порядка требует! Беззаконных пухоносов, чтоб за них отвечать... мы не допустим. Учтите. Сами понимаете! — Селиванов развел руками и кивнул шоферу: — Ну, поехали, Володя. Да побыстрей.

«Газик» юркнул в сторону райцентра, а Русакова и Варя долго еще стояли и смотрели ему вслед, не веря тому, что услышали.

* * *

Уже темнело, когда, сносив, наконец, в анд мешки с пухом, Мартанаков пошел к ручью умыться. Гости все разъехались. На стоянке оставались две девушки-сакманщицы и Кульзах. Огромные лохматые псы, побродив по лагерю, улеглись около отары. Мартанаков окликнул проходившую Кульзах.

— Посиди, Кульзах. Отдохни.

Она молча подошла к ручью и присела на гладкий валун-камень.

— Нехорошо сделал. Остался. Всякое могут подумать, Иван.

Мартанаков почувствовал, как обожгло щеки.

— Гонишь?

Кульзах посмотрела на него, чуть улыбнулась одними глазами, спокойно произнесла:

— Нет.

— Я хотел тебе давно сказать, Кульзах, — заторопился он. — С того времени, как ехали с тобой — помнишь, из Красногорска?..

— Знаю, — перебила его пылкую речь попрежнему спокойно Кульзах. — Вот потому-то и нельзя тебе здесь. Одному...

— Значит... Ты... Значит, — слова застревали в горле, сухие, шершавые.

Кульзах взяла его руку. Горячая искра метнулась от нее в его сердце. Он замолчал.

— Не говори так. Ты все знаешь, — тихо произнесла она. — А сейчас нельзя.

— Кульзах! — прошептал он.

Она отстранилась и решительно встала.

— Я ж сказала, Иван.

— Если б ты знала, Кульзах!

Она прижала его руку к своей груди; тихо, нерешительно прошептала:

— Потом.

— Кульзах! — говорил он, не слушая ее. — Ты видела горный ручей в часы, когда всходит солнце?

— Да, — тихо ответила она.

— Видела, как светится в этот миг каждая его капля?

— Да.

— Это любовь моя к тебе, Кульзах.

— Но солнце взойдет и прежним становится ручей.

— Верно. А не кажется он после этого еще чище, еще звонче?

Кульзах счастливо вздохнула, улыбнулась:

— Да. Но он делается после этого еще холоднее.

— Глубже, Кульзах. Верно?

— Верно.

— Так и любовь моя к тебе, Кульзах. С каждым днем все глубже и сильнее...

Кульзах с волнением слушала Мартакова. Никогда и никто не говорил ей так красиво и сильно о любви. «А разве моя любовь не подобна той буре, которая охватывает степь враз, всей силой, со всех сторон? Разве не по-особенному стали для меня звучать песни жаворонка?» — подумала Кульзах, но Мартакову не сказала об этом. Он и без того понял ее.

— Поезжай, Иван. Скоро будет гроза, — сказала Кульзах.

— Поеду. А грозы не боюсь. Я даже рад ей, Кульзах.

— Почему?

— Не знаю. Хочется, чтоб все гремело, чтоб сошлись все громы и по всей земле разнесли весть о моей любви. Кульзах.

— Ты говоришь, как сказитель, Иван, — засмеялась Кульзах.

— Это не я говорю. Это сердце.

Мартанакوف сел на коня и весело посмотрел на надвигающуюся огненно-черную тучу. Уже сверкали молнии.

Подул ветер. Кульзах взяла под уздцы коня Мартанакова и вывела его в степь.

— Хорошего пути, Иван, — сказала она на прощанье.

— Ты теперь всегда со мной, Кульзах, — натянул повод Мартанакوف. — Значит, плохого пути не будет.

Он отпустил повод и, горяча коня, с места взял в намет...

Уже погромыхивал гром. Но Мартанакوف знал, что туча не дойдет до их степи. Приблизится она к краю ущелий, погромит, посверкает издали молниями, а потом, разорвавшись пополам, скроется за горами. В молочно-белые просветы от молний Мартанакوف видел на мгновение мертвенно-бледные очертания голой степи, да изредка кое-где застигнутый врасплох суслик торопливо нырял в свою норку. Было очень темно, особенно после вспышек молнии. Но Мартанакوف и не заботился о дороге. Добрый конь его уверенно шел по одним ему знакомым приметам на центральную усадьбу.

Мартанакوف был в том восторженно-счастливом настроении, когда хочется именно вот такого одиночества, чтоб можно было запеть, что есть силы, закричать просто так, чтобы дать сердцу выразить свою радость. И он пел... Пел ни о чем. И тем не менее в его песне, без определенной мелодии и слов, было очень много смысла. Он вспомнил о новом зоотехнике и спел о ней. Хорошая девушка Люба. Неплохо придумала она с этими водохранилищами. Потом вспомнил о пухоносах. Какое богатство подвалило колхозу. И Анне Васильевне спасибо, и Варе спасибо, и, конечно, ей... Ей особое спасибо. Ах, Кульзах, Кульзах. Зачем ты так долго держишь в плену чужое сердце!

Люба и Чечек, в сопровождении Карыма, прискакали на усадьбу утром. Девушки были веселы. Удивительно, как это Люба нисколько не устала за весь двадцатикилометровый переезд верхами.

— Ну вот, — сказала Варя, — ты уже и наездница.

— Здорово прыгает, — засмеялся Карым. — Только локтями зачем-то машет.

— Это она для равновесия, очевидно, — смеясь высказала догадку Варя.

— Ну вот, видишь, значит, еще не настоящая наездница, — сказала Люба.

— Почаще приезжай к нашим табунам — научишься, — сказал Карым, гарцуя на своем гнедом скакуне.

За чаем Люба рассказывала о своей поездке к Мурзагуловым.

— Апаш-Су переехали бродом. Чечек смеялась, а я зажмурилась, когда переправлялись. Трусилась. Потому что — а вдруг? Куягаш был ниже километра за три. Огни его видели на воде. На берегу у них хорошо. Немного зелени. Трава такая — метелки. «Чи» называет ее Мамий. Живут они в юрте, рядом — дом крестовый. В дом перебираются на зиму. В юрте у них трюмо, патефон, а посередине юрты очок — котел на треноге; вверху — отверстие для дыма. Мамий водил меня в дом и показывал швейную машинку, совершенно новую. Некому шить на ней. «Жду, когда подрастут дочери», — сказал Мамий, показывая на девочек. У него их четыре.

Варя слушала оживленный рассказ сестры молча, задумчиво поглядывая в окно.

— Ты что такая? — прервала рассказ Люба.

— Какая?

— Как вареная.

— Небось, будешь вареной. Селиванов-то, знаешь?.. Вызвал Анну Васильевну к себе из-за скребницы.

— Так ведь пух-то... Пух... Ничего не понимаю.

— Незаконный пух.

Варя хмуро отвернулась к окну. Механически взяла со стола какой-то журнал. Посмотрела на него.

— «Животноводство»? — удивилась она. — Свежий номер, а я еще и не видела его.

— Почитай. Там твой коллега какой-то выступает Бонитёр, — сказала Люба.

Варя нашла статью и внимательно стала читать ее. Но вскоре подняла голову и в раздумье произнесла:

— Ничего не понимаю. Сам факт гибридизации. Неужели такое возможно? Хотя, помнится, Анна Васильевна что-то подобное говорила мне... Ты читала?

— Читала, да тоже не всё поняла, — созналась Люба.

— Эх, недоучки мы, Любка. В институт бы, — вздохнула Варя.

Люба, держа на коленях блузку, быстро орудовала иглой. Варя удивленно вскинула бровь:

— Ушиваешь? Быстро ты похудела. Это на пользу.

— Талия обозначилась, — усмехнулась Люба, озорно блеснув глазами. — А на счет института, наверно, по-временить придется.

— Знаю сама. Не бросать же всё это на полдороге.

Помолчав, Варя снова углубилась в чтение.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Стоянка Оймок Саруевой была у самых гор, на ручье Шипучке. Доехали уже к вечеру. У большой скалы стояла просторная юрта, рядом легкий анл. Около него — загородка в две жерди, здесь отара. Около юрты бежал полноводный ручей. Он начинался у соседней горы. Огибая массив около стоянки, устремившись к степи, он гремел, шумел по гладким камням, но вдруг, будто испугавшись знойной серой равнины, которая открывалась неожиданно перед ним, он круто сворачивал влево и мчался обратно к горам.

Кони, звеня разноцветной галькой, перешли его, не замочив щетки.

Девушек встретила старая Ульгей. Она взяла коней под уздцы и приветливо сказала:

— Когда дым стелется по земле — быть ненастью. Когда в юрте две красивые девушки — тоска бежит прочь.

— Дьякши, дьякши, — крикнула весело Чечек, соскакивая на землю. — Оймок с отарой?

— Там, — махнула рукой Ульгей в сторону ближнего ущелья. — Скоро будет.

Они вошли в аил. Ульгей стала хлопотать у очака, а Чечек, одернув мягкую цветную занавеску, отделявшую уголок Оймок и ее койку, стала осматривать книги.

— Она тебе, Ульгей, читает вслух? — спросила Чечек.

— Бывает, — кивнула Ульгей, обмывая большой кусок баранины, — читает. А больше всего пишет вот в ту тетрадь, — она указала на толстую тетрадь в клеенчатом переплете. — Сидит до рассвета. Посмотри, пожалуйста, что она пишет там.

— А как она пишет: с книгой сидит или без книги?

— А вот так: сядет к огню, смотрит в него и пишет. Зачеркнет, зачеркнет, лист бросит в огонь и все равно пишет. Ты посмотри, посмотри, куда думой своей уходит она от матери? .

Чечек взяла в руки тетрадь, повертела ее и снова положила.

— Нет, не могу я, Ульгей. Может, у нее секреты.

— Она не рассердится на тебя.

— Все равно — не могу.

— Тогда смотри поговори с ней.

Чечек сняла несколько книжек в одинаковом переплете — это были томики Пушкина, рассказы Короленко, стихи Степана Щипачева. Небольшая брошюра с постановлением февральского Пленума ЦК партии была порядком потерта, многие строчки красным карандашом подчеркнуты. Чечек, улыбаясь, подала ее Любе.

— С собой таскала, — догадалась Люба.

— Знакомая книжка, — сказала Ульгей, едва взглянув на брошюру. — С ней покою не давала мне.

— Учить заставляет?

— Сначала прочитала, а потом спрашивала. Сама план по отаре составила, правление утвердило. Теперь, говорит, моя мечта — выполнить его до конца.

— Какой же план?

— А такой: как лето, так дай на отару прибыль, хороший приплод. Доведи его до осени. Сохрани зимой — вот и план...

Ульгей отвернулась к костру. Стала разжигать его.

По аилу поплел острый запах кизяка. Она сунула горячий уголек в трубку и вытерла рукавом глаза.

— В наше время девушки так не говорили, — сказа-

ла она. — О своей мечте сказать — язык бы не повернулся. Да ведь те мечты совсем были другими...

Девушки переглянулись.

— Расскажи, — попросила Чечек, улыбувшись.

— Уй! — старуха махнула рукой. — Зачем же скзывать?

Она наклонилась к костру и стала снова раздувать его.

— Я вот всю девичью жизнь мечтала, чтобы муж не был пьяницей и на других женщины не смотрел. Я знаю, вам смешно. Оймок всегда смеется над этим. А нам о другом не о чем было думать. Разве о байских овцах?

— И как же сбылась мечта твоя, Ульгей?

— Пьяницей, правда, не был, а нищими всю жизнь были. У нас росли и свои овцы, так с ними беда и беда. То замерзнут, то заболуют. Он говорил, что я принесла несчастье. Так, будто, сказал ему шаман. Тогда стал он бить меня. Я ведь не знала и сама шаману верила. Может, я и верно несчастная? При чем же он? Ему хоть немножко надо было счастья и жизнь покраще, а я принесла беду к его окоу. Его и винить шибко нельзя. Откуда он мог что знать? Может, от шамана или от бая?.. Был в Кызылуке ссыльный. Петр звать. Я тогда девчонкой была. Говорили, что он против самого царя шел. Ездили к нему не раз пастухи. Ждать велел. А сам и не дождался, убили его.

— Кто же убил? Кто? — воскликнули девушки.

— На свадьбе. Заманили. А потом... убили и в речку сволокли, под скалу. А народ нашел. Похоронили. Много съезжалось людей...

Ульгей помолчала.

— Да! — тяжело вздохнули девушки.

— Тогда каждый из нас прятал свою мечту, — заключила Ульгей, — и думал приручить счастье к своему порогу, а оно, будто куран в горах, было диким и пугливым.

Люба почувствовала, как от этих слов ей стало жарко, как терпкий палящий зной коснулся ее щек. Она вышла из аила.

На белках плавился закат. Горели, как отполированные, гладкие коричневые камни, разбросанные вокруг какой-то гигантской силой. «Счастье, будто куран, пугливо и дико», — вспомнила она слова Ульгей.

Она шла вдоль шипящего ручья к его истоку. Меж галек у ручья просачивались зеленые побеги низкорослой редкой травы. Люба нагнулась и нарвала небольшой пучок.

«Может, потому в ней столько силы, — подумала она, разглядывая тощую траву, — что родится в этой полупустыне с таким трудом, настойчиво собирая, впитывая в себя по капельке редкие, глубоко запрятанные питательные соки?»

Почти полмиллиона овец кормит аймак этой удивительной малорослой травкой. Ее много растет в восточной части Куягажской равнины. Она питательнее степных трав. Хорошо бы получить гибрид и организовать массовый сев! Вот где и тебе нашлась бы работа, селекционер Жуковкин!

Люба очень обрадовалась, когда недалеко от Шипучки обнаружила глубокий природный котлован. Она прикинула на глаз расстояние. Метров полтора-два. Грунт, верно, твердый. Будет очень трудно копать. Она прошла по долине ручья до скалы, до самого того места, где он берет начало, бурно вырываясь из-под земли. Всюду лежала серая каменная плита. Это заставило ее задуматься. Смогут ли они продолбить новое русло до этого котлована, чтобы заставить ручей течь в нужном направлении? Котлован очень удобен для бассейна. Дно его ровное, каменистое. Теряться вода не будет. «Здесь образуется настоящее маленькое море, — подумала Люба. — Но как легче пройти к нему?»

Она вернулась к истоку. И только хотела присесть на камень, как из-за скалы неожиданно выскочили огромные овчарки. Первую секунду Люба приняла их за волков. Но они бросились на нее с громким лаем. Люба перетрусилась. Она вскочила на камень, не зная, что делать. Выручил громкий веселый окрик:

— Не бойтесь! Дик! Барс! Назад!

К ней подъехал на небольшом лохматом коньке загорелый усатый мужчина.

— Не бойтесь! — крикнул он, сдерживая коня у ручья.

Люба быстро взглянула на верхового. Всадник небрежно сидел в седле. На нем была короткая куртка, за плечами ружье. Короткие усы придавали его продолговатому лицу с прямым носом и смелым разлетом бровей

да она. — О своей мечте сказать — язык бы не повернулся. Да ведь те мечты совсем были другими...

Девушки переглянулись.

— Расскажи, — попросила Чечек, улынувшись.

— Уйт! — старуха махнула рукой. — Зачем же скзывать?

Она наклонилась к костру и стала снова раздувать его.

— Я вот всю девичью жизнь мечтала, чтобы муж не был пьяницей и на других женщины не смотрел. Я знаю, вам смешно. Оймок всегда смеется над этим. А нам о другом не о чем было думать. Разве о байских овцах?

— И как же сбылась мечта твоя, Ульгей?

— Пьяницей, правда, не был, а нищими всю жизнь были. У нас росли и свои овцы, так с ними беда и беда. То замерзнут, то заболеют. Он говорил, что я принесла несчастье. Так, будто, сказал ему шаман. Тогда стал он бить меня. Я ведь не знала и сама шаману верила. Может, я и верно несчастная? При чем же он? Ему хоть немножко надо было счастья и жизнь покраще, а я принесла беду к его ококу. Его и винить шибко нельзя. Откуда он мог что знать? Может, от шамана или от бая?.. Был в Кызылуке ссыльный. Петр звать. Я тогда девчонкой была. Говорили, что он против самого царя шел. Ездили к нему не раз пастухи. Ждать велел. А сам и не дождался, убили его.

— Кто же убил? Кто? — воскликнули девушки.

— На свадьбе. Заманили. А потом... убили и в речку сволокли, под скалу. А народ нашел. Похоронили. Много съезжалось людей...

Ульгей помолчала.

— Да! — тяжело вздохнули девушки.

— Тогда каждый из нас прятал свою мечту, — заключила Ульгей, — и думал приручить счастье к своему порогу, а оно, будто куран в горах, было диким и пугливым.

Люба почувствовала, как от этих слов ей стало жарко, как терпкий палящий зной коснулся ее щек. Она вышла из айла.

На белках плавился закат. Горели, как отполированные, гладкие коричневые камни, разбросанные вокруг какой-то гигантской силой. «Счастье, будто куран, пугливо и дико», — вспомнила она слова Ульгей.

Она шла вдоль шипящего ручья к его истоку. Меж галек у ручья просачивались зеленые побеги низкорослой редкой травки. Люба нагнулась и нарвала небольшой пучок.

«Может, потому в ней столько силы, — подумала она, разглядывая тощую траву, — что родится в этой полупустыне с таким трудом, настойчиво собирая, впитывая в себя по капельке редкие, глубоко запрятанные питательные соки?»

Почти полмиллиона овец кормит аймак этой удивительной малорослой травкой. Ее много растет в восточной части Куягашинской равнины. Она питательнее степных трав. Хорошо бы получить гибрид и организовать массовый сев! Вот где и тебе нашлась бы работа, селекционер Жуковкин!

Люба очень обрадовалась, когда недалеко от Шипучки обнаружила глубокий природный котлован. Она прикинула на глаз расстояние. Метров полтора-два. Грунт, верно, твердый. Будет очень трудно копать. Она прошла по долине ручья до скалы, до самого того места, где он берет начало, бурно вырываясь из-под земли. Всюду лежала серая каменная плита. Это заставило ее задуматься. Смогут ли они продолбить новое русло до этого котлована, чтобы заставить ручей течь в нужном направлении? Котлован очень удобен для бассейна. Дно его ровное, каменистое. Теряться вода не будет. «Здесь образуется настоящее маленькое море, — подумала Люба. — Но как легче пройти к нему?»

Она вернулась к истоку. И только хотела присесть на камень, как из-за скалы неожиданно выскочили огромные овчарки. Первую секунду Люба приняла их за волков. Но они бросились на нее с громким лаем. Люба перетрусилась. Она вскочила на камень, не зная, что делать. Выручил громкий веселый окрик:

— Не бойтесь! Дик! Барс! Назад!

К ней подъехал на небольшом лохматом коньке загорелый усатый мужчина.

— Не бойтесь! — крикнул он, сдерживая коня у ручья.

Люба быстро взглянула на верхового. Всадник небрежно сидел в седле. На нем была короткая куртка, за плечами ружье. Короткие усы придавали его продолговатому лицу с прямым носом и смелым разлетом бровей

вид молодцеватости, собранности, что не вязалась с его серьезными и, как ей показалось, немного усталыми глазами.

— Ваши собаки, — пробормотала Люба смутившись, и, прыгнув с камня, рассердилась на свою минутную трусость. — Вообще-то не особенно, — сказала она, — спасибо.

— А я слышал о вас. Мне Варвара Николаевна говорила. Ведь вас зовут Любой? Так?

Он подъехал ближе и протянул с коня руку.

— Давайте знакомиться. Поляков. Геолог Сергей Поляков. Вы долго будете на стоянках?

— Все лето, — сердито сказала Люба.

Он замолчал. «Ну зачем так резко, — пожалела Люба, но тут же решила: — А пусть». Она оглянулась. К стоянке подходила отара.

— Простите меня. Я иду, товарищ геолог, — и, не оглядываясь, она пошла к анлу. И все же остановилась, чувствуя, что он внимательно смотрит на нее. — Приезжайте к нам, товарищ Поляков. Туда... на пункт!

Он весело кивнул головой.

— Если не прогоните.

— Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания. Сейчас мы все ходим немножко не в себе. Планы.

— Успели заболеть этим? — улыбнулся он. — Что ж, это хорошо.

Он слез с коня.

— Если не секрет, поделитесь... Может, и мы пригодимся. — В серых больших глазах его за нарочитой веселостью разглядела Люба внимание и заботу. «У тебя у самого, кажется, полон рот забот», — подумала она, но ей понравилась его спокойная уверенность в обращении.

— Много. Всех планов не расскажешь, — сказала Люба. — Но вот главный сейчас: водохранилища...

— Какие водохранилища? — удивился Поляков.

И Люба с жаром принялась ему растолковывать, как возник этот план, для чего и как они думают его осуществить. Когда закончила — ужаснулась своей болтливости. «Вот разоткровенничалась. Что подумает он?»

Она покраснела и с опаской взглянула на геолога. Лицо его было серьезным и даже строгим.

— Это очень умное начинание, — сказал он. —

И знаете... Знаете, мы можем помочь вам. — Глаза его молодого заблестели.

— Да? Чем же?

— Ну, например, я могу договориться с директором рудоуправления, чтобы выделить подрывника-минера. Ведь вам придется в таком грунте копать, не правда ли? — Он тоннул ногой по каменному насту.

— Да, — сказала Люба. — Двадцать минут назад я терялась в догадках, как нам преодолеть вот хотя бы это расстояние — от Шипучки до того котлована.

— Поможем, — сказал он твердо. — Я обещаю вам.

— За это спасибо. Я скажу Мартаинову.

— Правильно. А потом сообщите нам, когда это будет нужно.

— Хорошо. Я ведь специально езжу по стоянкам. Сегодня здесь соберутся девушки. Прочитаю лекцию.

— Решение верное. Стоянка Саруевых в центре шести стойбищ, — согласился Поляков. — Ну, желаю успеха.

Он подал ей руку. Она твердо встряхнула ее. Едва Поляков вскочил в седло, как собаки бросились вперед. Он кивнул ей и скрылся. Люба весело поглядела в долину, и она не показалась ей такой дикой и пустынной, как в первые дни.

* * *

С Оймок Люба познакомилась еще тогда — на заседании правления в конторе. Это была высокая стройная девушка с очень красивыми задумчивыми глазами. Она была прямой противоположностью Чечек. Сколько в той было горячей неумности и порыва, столько во всех движениях Оймок и даже в речи чувствовалось плавности, уверенности и какого-то внутреннего спокойствия.

Когда приехали девушки с соседних стоянок и Люба прочитала им первую лекцию об искусственном отборе, ставя в пример Саруевскую отару, удивившую крупными матками и крепкими, как на подбор, ягнятами, Оймок, краснея от смущения, обратилась к Любе:

— Только не будете смеяться? — посмотрела она на девушек.

— Конечно нет! — заверили ее все.

— Ну вот, — сказала Оймок. — У нас в отаре есть две овцы, которые уже третий сезон ягнятся по два раза в лето...

— Отец рассказывал, что это может быть. — поддакнула Толток, подвижная, розовощекая девушка с круглыми, насмешливыми глазами (та самая, которая якобы выступала с концертом перед медведем).

— Я вот и подумала, — продолжала Оймок, — нельзя ли так, чтобы вся отара...

— Чтоб два раза окот делала? — воскликнула Чечек.

— Да.

— Ишь ты, какая жадная!

Девушки зашумели. Засмеялись. Стали шутить.

— Обмануть план хочет!

— Она в год хочет пятилетку выполнить!

И вдруг все замолкли. Люба совершенно спокойно сказала:

— Это можно. Но чтоб вся отара — не знаю. Едва ли, Оймок.

— Но ведь есть же! — воскликнула Оймок.

— Понятно. Дело в том, что это не рекомендуется делать с каждой маткой. Даже самые сильные и самые упитанные... дадут, в конце концов, такое племя, что через три года и отары самой не узнаешь. Худородные будут овечки.

— Это верно. Вторые ягнята слабее. Если б нам только штучно получать, а ведь нужна порода, — согласилась Оймок. — Нужна шерсть.

Разговорились.

— Решено здесь, — сказала Люба, — сделать первое искусственное озеро. Вода в ручье идет с большим напором. Осмотрели котлован. Нам поможет рудник. — Она рассказала о своей встрече с Поляковым.

Оймок, волнуясь, почему-то смутившись, спросила:

— Он разве тут был?

— Незадолго до прихода отары, — ответила Люба, внимательно посмотрев на нее.

— Они бывают. Иногда проезжают тут... Изыскатели. Жила тут их рудника теряется. Ищут, — сказала Оймок тихо, опустив глаза. Это не ускользнуло от любопытной и насмешливой Чечек. Она тут же стала ее «разыгрывать».

— Что это они наладились здесь ездить? — сказала она, подмигивая девушкам.

— Я не знаю... Правда, я всего, кажется, два раза видела его, — не чувствуя еще подвоха, сказала Оймок.

Но когда девушки подхватили, быстро поняв тайный смысл в словах Чечек, Оймок засмеялась и махнула рукой:

— Ну вас совсем!

Решили так: пока Чечек и Люба ездят на другие стоянки, Оймок расскажет Мартанакону про обещание Полякова. Мартанакон должен быть здесь утром.

— А если он не придет? — спросила Оймок.

— Тогда сама съездишь на усадьбу. Он хотел созвать людей со стоянок. И потом на рудник, — наказала Люба.

— Да, еще погоди. Письмо нанншу в райком комсомола, — сказала Чечек.

* * *

Степь была голой. Никакого покрова. Но это только так кажется. На самом деле по всей ее жесткой поверхности всюду пробивается наружу сквозь толщу песка и гальки реденькая травка. Ею питаются овцы и козы аймака. По Апащ-Су, выше к горам, растет трава для крупного рогатого скота.

«Надо будет поговорить с Селивановым, почему сорвался прежний проект строительства плотины. Ведь ясно, что вода спасет эту полупустыню, — думал Шелест, пересекая ее наискосок к горам, в нескольких километрах от которых, у озера, находилась усадьба «Кызыл Аскера». — Собрать актив, поговорить об этом. Поймут. Поднимутся люди сразу. Пока будут разведывать и обследовать, подготовим народ. На курсы пошлем. К окончанию стройки свои будут и мелнораторы, и электрики, и садоводы».

Секретарь был полон радостных мыслей о предстоящей большой работе по преобразованию.

На центральной усадьбе колхоза он заметил оживление. Десятка два подседланных коней стояло на привязи у конторы. «Кажется, совещаются», — подумал Шелест и велел подъехать к опорному пункту. Пункт оказался на замке. Шелест направился к конторе. В небольших двух комнатах было тесно и душно.

— Фу, как накурили, — сказал он входя и оставил дверь открытой.

— Проходите сюда, Иван Ильич, — услышал он го-

лос Мартанаква из второй комнаты. Ему, отодвигаясь с полу, уступили дорогу.

— Курить-то, курить зачем, а? — весело, громко сказал секретарь.

— Долго заседаем, Иван Ильич.

— Ну, ну, продолжайте, — кивнул Шелест, садясь и вглядываясь в лица людей. Русаковой он не нашел и здесь. Между тем прерванное на минуту совещание возобновилось. Выступал Чот Токушев.

— Ну, допустим, — говорил он, настороженно поглядывая на секретаря, — допустим, мы организуем такую бригаду... Сквозную, как говорит товарищ Мартанак, для строительства водоемов. А как мы им будем оплачивать? Разве у нас запланирован расход трудодней на это дело? А потом... Потом — как начислять?

— Это все, товарищи, поправимо, — ответил Мартанак. — Мы проведем собрания по стоянкам. Договоримся, я думаю, о том, чтобы сократить часть сакманщиков. Можно уменьшить число людей на МТФ, и табунщики, я думаю, не отстанут!

— Не отстанем! Ясное дело! — сказал Карым, сидя в окружении молодых загорелых парней. — Пини меня, Иван Мартанаквич. Я наберу бригаду из табунщиков!

— И меня! — крикнул кто-то сзади.

Поднялся шум.

— Тише, товарищи! — поднял руку Мартанак. — Значит, так и решили. Организуем две бригады. Одну поручим Карыму Мурзагулову, а вторую — сами выберете. Насчет оплаты — обижены, товарищи, не будете. Никто не будет обижен. Договоримся на заседании правления. Правильно говорю?

— Правильно! Правильно!

— Кому же вторую бригаду поручим?

— Чечек! Чечек! — крикнул звонкий девичий голос сзади.

Карым вспыхнул. Соскочил.

— Нет, нельзя Чечек! — сказал он.

— Почему же нельзя? — удивился Мартанак. — Девушка дельная.

— Да как я с ней соревноваться-то буду? Если б это был парень!

Все засмеялись. Улыбнулся и Шелест.

— Чечек! Чечек!

— Итак, первый котлован на Шипучке. Там он уже есть. Будем рыть канал. Бригадиры, останьтесь на заседание правления, — объявил Мартанакон.

* * *

— Так вы серьезное значение придаете этим бассейнам на стоянках? — спросил Мартанакон секретарь райкома, когда кончилось совещание.

— Очень. Подумайте — десятки тысяч рублей теряем.

К столу подошла стройная, невысокого роста девушка с острыми живыми глазами, за ней — Карым.

— Иван Мартанаконич, — сказала девушка, нервно покусывая губы и сердито поглядывая на Карыма. — Это не дело, Иван Мартанаконич, — говорила она быстро, — это не дело.

— Что случилось?

— Всех парней и мужчин сговаривает к себе. А я что ж?

— Идут сами. Я не виноват, — пожал плечами Карым.

— А мы так сделаем, — сказал примиряюще Мартанакон. — Ты, Карым, набираешь бригаду со стоянок Саруевой, Чермешевой, Оиски, Марчиной, а ты, Чечек, со стоянок остальных. Понятно?

Карым поморщился. Он знал, что на этих стоянках только один Танаков — настоящий парень. А то все подrostки, девушки, да женщины-сакманшицы.

Чечек обрадованно сверкнула глазами, гордо взглянула на Карыма.

— Вам ясно, товарищ Мурзагулов? — сказала она.

Карым посмотрел на нее. Смутился. Давно-давно хотел сказать Карым Чечек слова от самого сердца, но теперь нельзя... Теперь и думать нечего. Она сразу стала такой официальной.

— Ясно, товарищ Уланова, — сказал он сухо и быстро пошел из конторы.

* * *

Оказалось, что Русакова и Варя уехали на стоянку Кульзах.

Пришлось пух смотреть без них. Мартанакон на память сообщил цифры наивысшего качества, общий вес.

Шелест никогда не видел столько пуха и был поражен.

Он запустил руку в огромный белоснежный пух, похожий отдаленно на запушенный купол огромного одуванчика, и разглядывал его — зачарованно, молча.

— Вот оно, золото Куягаша, — сказал Шелест, растягивая в руке прядку. — Шелк, настоящий шелк.

Он восхищенно покачал головой и, вырвав из блока листа лист бумаги, осторожно завернул в него клочок пуха и положил во внутренний карман пиджака.

— Большое это дело. Всенародное. Пусть заедет завтра ко мне Русакова. Обсудим с ней и наметим план распространения пухоносos в аймаке.

— Так что ж их еще распространять-то — двадцать голов в отаре! — испуганно воскликнул Мартанакoв. — Вот когда будет сотня... две.

— Ишь ты... хозяин! — иронически блеснул на председателя прищуренными глазами Шелест. — А мы вот решим сразу пяти колхозам. В разные места аймака. Чтoб вести наблюдение за акклиматизацией.

— Тогда ни у кого не будет. То хоть в одном колхозе отара, — упавшим голосом сказал Мартанакoв, которому хотелось в душе иметь пока таких коз только в своем колхозе.

— Послушай, дорогой мой, что мы с тобой рассуждаем! Разве ты хозяин пухоносам? Разве они не собственность Кульзах? — Шелест насмешливо посмотрел на председателя.

Мартанакoв всникнул, улыбнулся.

— Это верно. Но она для колхоза старалась.

— Вот и вам надо постараться для аймака, товарищ Мартанакoв.

— Да, Иван Ильич. Только Анна Васильевна готовит отару к зимней тебеневке.

— Пусть готовит. Это нужно. — Он позвал шофера. Подошла машина.

— Садись. Поедем на Шипучку.

* * *

Селиванов получил новое письмо от Токушева, который сообщил о «беззаконном решении правления колхоза, одоббившем постройку в этом году двух водоемов —

на Шипучке и в Кок-Озеке». «Отары оголяются, — писал Токушев. — Вместо трех-четырех сакманщиц на стоянке оставляют с чабанами мальчишек. Остальных отбирают в бригады по строительству водоемов. Предвижу заранее раздувание трудодней».

Селиванов позвал Ивашкина.

— Уже новое? — указал он на письмо.

— Только что получено. Приезжал сам товарищ Токушев по пути из госбанка. Там у них творится такое... Одним словом, тот Мартанак, кажется, натворит дел.

— Зачем это им понадобились водоемы?

— Приехала зоотехник Огнева, придумала шерсть мыть.

— Вот еще новое дело, черт возьми! — рассердился Селиванов. — Час от часу не легче. Новую заботу взвалили себе на шею! Водоемы! А тут секретарь думает строить плотину. К чему ж водоемы?

— Товарищ Шелест проехали сейчас к себе. Видел крыльца, — присовокупил Ивашкин.

— Откуда проехал? — оживился Селиванов.

— Оттуда. Со степи. Наверно, побывали сначала в каком-нибудь колхозе.

— Да когда ж он приехал? Чего ж ты смотрел?

— Виноват, Степан Петрович.

Селиванов взял трубку телефона и вызвал Мурзаева. Он спросил его о Шелесте, и вдруг его лицо вытянулось.

— Что? Вот здорово, а я ничего... Как? Ездил весь день по стоянкам? Ну-ну... — Он повесил трубку и, насупись, кинул грозный взгляд на Ивашкина. — Тоже мне, помощник, — свирепо прошипел он.

Ивашкин, побледнев, встал на вытяжку.

* * *

На стоянке Чермешевой в этот вечер было много гостей, приглашенных и неприглашенных. Вокруг легкого передвижного аила горело до десятка костров. У пожилых — тихие, с неторопливой искрой, у молодежи — буйные, устремившиеся в небо своими жаркими, докрасна воспаленными языками.

Сначала Люба думала, что причиной этого съезда были они, их приезд с Чечек, но вскоре убедилась, что отчасти виновником этого был и высокий, совершенно

белый от седин старик, с большими костлявыми плечами и руками, с лицом, собранным в морщины, и на редкость чистыми и молодыми глазами.

— Это Амыр Меркушев, — сказала Чечек, — сказитель. Топшурист. Послушать его с дальних стоянок приезжают. Это известный сказитель. Он поет о Большой воде. Недавно сочинил. О ней уже вся долина говорит.

Люба на многих стоянках слышала об этой песне.

Все были восхищены тем, как ее поет Амыр. И вот сам сказитель на одной с ними стоянке. Девушки просят всех к своему костру и усаживают топшуриста, гостеприимно расстелив для него добротную мягкую овчину.

Глаза Амыра удивили Любу. Они были ясные, ясные, и горели, как у юноши. Трудно поверить, что он ими уже ничего не видит.

Загудел топшур. Легко и непринужденно запел сказитель. Лицо старика было освещено пламенем. Мелодия песни отличалась свежей напевностью. Вот почему вместо обычной задумчивости, которая появляется всякий раз на лицах слушателей, когда они внимают топшуристу, все были сейчас воодушевлены. В песне сравнивалось человеческое счастье с каплей, которая превратилась в море. Она заканчивалась вдохновенными словами:

О, как могуча ты стала,

Капля!

Как велик твой размах стал,

Капля!

Ты обрела величие, Капля,

В единении мощном, Капля!

И теперь расступитесь, горы!

Если вы не хотели Капле верить,

Так поверьте теперь ее крыльям, горы.

Их размаха вам не измерить —

Расступитесь, пока не поздно, горы.

Песня будила мечту. Окрыленная ею, мечта жила. И долго-долго молчали люди после выступления топшуриста.

Люба рассказала о том, что колхоз решил собирать пока «малые» воды.

— Нужно строить водохранилища на стоянках, — закончила она.

— Вот видишь, — сказал Амыр. — В наше время

мечта и была — родные сестры. — Он осторожно стал ощупывать длинными бледными пальцами вокруг себя. Чечек, догадавшись, подала ему трубку. — Ты говоришь о малой воде. Раз будет малая, придет и большая. Так думает народ.

Амыр попросил Любу рассказать подробнее о водохранилищах. Лицо его было полно светлой радости.

— Вот видишь... Вот видишь, — растрогано проговорил Амыр и, отложив трубку, чуть наклонясь в сторону топшура, несмело стал перебирать струны. Теперь все его внимание было обращено на слабые звуки топшура. Чутко перебирали пальцы струны, нащупывая нужную мелодию, и вдруг щеки старика вздрогнули, он устремился куда-то в степь горящим взором и заиграл. Да, он начал новую песню. Она родилась в этот миг. Смелые торжественные звуки неслись в притихшую степь. В них легко угадывались то серебряное теньканье ручья, то могучий широкий плеск невиданных дубрав, то веселый птичий грай. Это была жизнь, полная света, полная могучего творческого полета...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Пока Люба знакомилась с отарами и стадами на тебеневке, Карым объехал соседние с Саруевой стойбища, организовал первую бригаду землекопов, двинулся с ними к Шипучке.

О строительстве водоемов заговорила вся долина. На летних стоянках изучалась возможность иметь собственный водоем. Мартанакوف торопил с организацией других бригад.

После памятного дня чески Мартанакوف еще сильнее хотел видеть Кульзах, говорить с ней, смотреть на ее гордое красивое лицо, обрамленное черными волнами волос. Но видеть ее в эти дни все не удавалось. Тем желаннее казалась новая встреча.

Председатель ежедневно бывал на стоянках. Он уточнял поголовье овец, лошадей, сарлыков. И почти на каждой стоянке узнавал о том, что зоотехник Люба успела побывать там и дать дельный совет.

«Прытко берется», — думал Мартанакوف, радуясь за молодого специалиста.

В отаре Соен Марчиной пришлось задержаться —

с овцами провеходило что-то неладное. Они часто ложились, отказывались от еды. Падежа пока не было, но становилось ясно, что отару крутит болезнь. Соен пасла у самых гор. Трава здесь была хорошая. Вот только вызвала подозрение вода. Она выбывалась из-под земли, тут же растекалась по согре. На камнях и верхушках кочек оседала полудужьями ржавчина. Этого источника не помнил раньше Мартанак.

— В согре водопой? — спросил он.

— Там, Иван Мартанак, — печально посмотрела на председателя Соен.

— Надо поискать другой источник.

Он тут же вскочил в седло и через полчаса обнаружил в километре от стоянки чистую воду.

— Перегоняй отару, — предложил он. — Сегодня пришло доктора. Был зоотехник?

— Никого не было, — испуганно вскинула бровями Соен.

«Почему же я ее не знаю? — подумал Мартанак, — внимательно всматриваясь в пастушку. — Наверное, из другого колхоза принята. Без меня».

— Давно в нашем колхозе?

— Во время войны приехала. Тут у меня родня. Бухгалтер Чот Токушев.

— Ах вот как! Значит, вас утверждали на правлении чабаном?

Соен неожиданно закрыла лицо ладонями и, опустившись на землю, горько заплакала. Мартанак растерялся. Он подошел к Соен, стал успокаивать ее.

— Вы меня... снимете? Да? Я не знала этой местности. Я виновата, — сквозь слезы говорила Соен.

— Успокойся. Никто тебя не будет снимать. Будь осторожной и внимательной.

Соен сконфуженно отвернулась и, не глядя на председателя, пошла к отаре.

«Что это она такая пугливая? — подумал Мартанак, и хотел было расспросить, откуда она и почему пришла в «Кызыл Аскер», но, боясь расстроить ее снова, решил поговорить о ней с Токушевым. — Надо обязательно направить сюда Любу. Она проверит ее умение. Поможет».

Распрошавшись с Соен, успокоив ее, Мартанак направился на центральную усадьбу.

Заехав в Куягаш к Вениамину Романовичу и попросив его обследовать отару Соен, Мартанакوف собрался навестить Кульзах, но тут неожиданно примчался посыльный с Фонда (так звали место, где стояла молочнотоварная ферма колхоза, — на «фондовской» земле). Там заканчивали заготовку сена. Участок был небольшой, в низине Апаш-Су. Дальше — сплошной стеной стоял лес. Трав едва хватало для небольшой МТФ. Нужно было заготовку провести быстро, чтобы дождь не замочил ни одного ватка, ни одного рядка сена.

А погода явно портилась. И хоть на Куягашскую равнину не выпадало еще ни капли дождя, ненастные тучи все чаще и чаще висели над Чуйскими Альпами и там, над лесом.

Вечерело. До Фонда было более сорока километров. Надо сменить коня и ехать непременно в ночь. «Наум Захарович из сил выбился, — сказала девушка-посыльный, племянница Старожилова, заведующего МТФ. — Слег. А из нас никто не умеет стога править».

«Вот тебе и съездил к Кульзах, — подумал Мартанак. — Однако, что ж я сам буду там делать на стогах? Никогда не вершил. Тоже — стогоправ нашелся». Но искать людей в колхозе было некогда и, на скорую руку поев, Мартанак выехал к животноводам. Пока еще было светло, ехал быстро, чувствуя, как все больше и больше немела спина и ноги. Дорога шла по берегу Апаш-Су. Вот и Белый бом. Здесь лежали груды бутового камня, штабеля строевого леса. В надежном каменном мешке плескалась глубоководная Апаш-Су. В этом месте готовились перегородить реку.

«Почему же отступили? — подумал Мартанак, разглядывая заготовленный строительный материал. Опилки под козлами покраснели от времени и уже местами сквозь них пробился конский щавель. — Кажется, отказали в деньгах. А потом началась война. Не до плотины было».

В лесу было душно, пахло прелым деревом и травой. Набросились комары. Они лезли в глаза, уши, облепляли шею. От них не было никакого отбоя. Конь нетерпеливо бил по бокам хвостом, тряс гривой, внезапно останавливался и хватал на ходу зубами выставленную вперед ногу. Фыркал, злился. Мартанак, отломил ветку

черемухи и стал нещадно хлестать себя по плечам, шее, ногам. Дорога шла меж кореньями деревьев, по кочкам.

Выбрав лужайку, Мартанакон пускaл коня вскачь. Но стоило коню перейти на шаг, как со всех сторон наседали комары.

— Вот зверье проклятое! — ругался председатель, отбиваясь от них под смех девушки, которая с ним возвращалась на ферму.

— А тебя разве не кусают? — удивлялся ее спокойствию Мартанакон.

— Меня? Простую колхозницу? — смеялась та. — Они вас поджидали. Сюда, сюда, Иван Мартанаконич, — добавила девушка, указывая на еле заметную тропу слева. — Мы короче нашли дорогу. Прямей.

Ехать стало еще труднее. Но вот откуда-то донесся лай собак. Мартанакон почувствовал запах дыма и свежего сена.

— Приехали, — сказала девушка.

Лес поредел, и они выехали на широкий луг. В нескольких местах горели костры. Фыркали кони. Слышался неясный шум и говор.

— Работают? — приостановил коня Мартанакон.

— Дометывают. Дождя ждали. Вон как комары разыгрались.

Около небольшого зарода в ожерелье костров копшились люди, подходили и уходили волокуши с копнами сена. На копне полудежал старичок и, указывая наверх клюшкой, что-то кричал.

— Ишь, не угомонился дядя, — сказала девушка, подъехав к Мартанакону сбоку. — Лежит и командует. А наверху наша Дунька.

Девушка вздохнула и добавила озабоченно:

— Плохо. Мужиков мало.

На всадников набросились злые лохматые псы. Но их отогнали. Остановившись около одного из костров, Мартанакон соскочил на землю и, быстро подойдя к старику, приподнял его:

— Здравствуй, Наум Захарыч! Руководишь?

Старичок охнул.

— Спина, брат, у меня того. Отстала. А бросать жалко. — Он глянул наверх и вдруг закричал: — Куда, куда вершинь! Рано! Клади по краям.

— Ой, страшно! — донеслось со стога.

— А ты не топчись, как медведь. Осторожней, — посоветовал старик и, обращаясь к Мартанакону, сочувственно спросил:

— Устал, небось? Варька! — крикнул он девушке, приехавшей с председателем. — Беги домой, пусть Ивановна молока и вареников несет сюда!

— Сейчас! — раздалось из темноты.

— А я ждал тебя. Знаю, не выдержишь. Ивановна вареники сотворила.

Мартанакон остановил первую волокушу и, сбросив пиджак, взялся за трехрожки.

— А ну, держи! — крикнул он наверх и всю копну поднял в воздух. Поднял, упираясь на длинный черень, и смаху бросил под ноги стогоправу.

— Ой! — взвизгнула перепуганная девушка, приседая на колени и обними руками обнимая навильник сена.

— Не бойсь! Не бойсь! — строго сказал старик. — Мни под себя. На середку. Еще такой навильник, и хватит. Эй, там, — крикнул он копповозам. — Вилы готовьте!

Завершив стог и перебросив сверху вниз связанные за верхушки длинные черемуховые вицы, девушка испуганно спросила:

— Как же я теперь?

— Втыкай вилы... Втыкай! — сказал Мартанакону старик, указывая на стог. Иван Мартанаконич на уровне плеч загнал трехрожки в сено и положил конец их на свое плечо. Получился турник. Осторожно держась за концы виц, девушка спустилась до «турника», быстро села на него и в тот же миг спрыгнула на землю.

— Ну вот, а ты боялась, — сказал Наум Захарыч, озабоченно оглядывая стог. — Все же скосила малость влево.

— Ничего, — улыбнулся Мартанакон и, бросив к стогу вилы, подал руку стогоправу. — Здравствуйте! С победой!

Девушка ударила руку об руку и, сконфуженно смеясь, поздоровалась с председателем.

— Так уже и победа. Отец говорит — скосила.

— Ничего. Помучаешься — научишься, — сказал Наум Захарыч и, охая, держась левой рукой за поясницу, пошел искать место для очередного стога.

— Как решили? — спросил Мартанакон, радостно

возбужденный от веселого насмешливого взгляда юной стогоправщицы.

— Метать... Метать, Иван Мартанакевич, — решительно настаивал старик. — Еще копен двадцать пять осталось. Вот смечем, а там и дождь нам нипочем.

— Ну, что ж... Давайте, я помогу.

— Да что вы, Иван Мартанакевич, — замахал на него клюшкой старик. — Небось, сотни полторы верст отмахал сегодня за день?

Но Мартанак, не слушая его, подошел к коню и быстро расседлал его. Каурый жеребец встряхнулся и стал копать ногой землю, готовясь поваляться на траве. Мартанак похлопал его ладонью по мокрым бокам:

— Что? Накусали и тебя комары?

Каурка фыркнул и подогнул колени.

— Покатайся, покатайся, — ласково проговорил Мартанак, освобождая повод.

...Новый стог рос на глазах. Теперь на нем была уже и племянница старика — Варя. Мартанак кидал и кидал под ноги девушкам одну волокушу за другой, не чувствуя усталости.

— Ох, и жаден ты на работу, Иван Мартанакевич, — суетился тут же, охая и приседая от покалывания в пояснице, старик. — Нам бы с тобой поработать. Люблю страсть горячих. Так другой раз наломаешься, будто в бане на полке побудешь.

За Мартанаквым восхищенными глазами следила Дуня. «Какие славные девчата, — думал Иван Мартанакевич, отвечая ей ласковыми взглядами. — Это во мне любовь к Кульзах так светится, — думал он, подавая очередной павильник и подавая его на стог. — Обязательно отсюда поеду к ней. Скажу, что не могу больше ждать. «Ведь ты же любишь меня?» — спрошу ее прямо. — Чего же тянуть?»

Пот заливал Мартанакву глаза. Он сдувал его, капали с носа. Гимнастерка была мокрой — это он чувствовал лопатками, на которые попадали через расстегнутый ворот маленькие лепестки трав. Они вызывали зуд.

— Пот — это в первый день, — говорил старик. — А потом человек втягивается.

— Уж не думаешь ли ты меня, Захарыч, на месяц запрячь у себя? — засмеялся Мартанак. Его смех подхватили девушки на стогу.

— Он не пожалеет. Себя не щадит, — сказала одна из них.

Дометали уже при солнце. Оно взошло, ясное и жаркое, обещая хороший день. Мартанакону стоило больших усилий не упасть тут же на копы сена и не уснуть.

Но старик потащил его в избушку, где ждала их Ивановна с ухой и свежей рыбой. Девушки всю дорогу смеялись и перебрасывались шутками.

Проспал до обеда. Вскинул глаза — узнал Дуню, которая стояла рядом и вытирала полотенцем мокрое лицо. Она улыбнулась ему:

— Вставайте, будем обедать!

— А вы... Вы что делали? — спросил он.

— Пришли вот с покоса. Косили.

Она была весела и ничуть не казалась уставшей. Мартанакону стало стыдно за свой беспечный сон. Он вскочил и тут увидел, что Дуня была вся мокрая.

— Дождь? — удивился он, вспоминая ясное утро.

— Недавно. Часа два, как пошел.

— Что ж, вы так и не отдыхали?

— Некогда. Так... вздремнули на ходу. Выспимся еще. Впереди много свободных дней.

Мартанакон съехал со стариком, которому «полегчало», все стога и нескошенные травы. Урожай был плохой.

— Известное дело — боровое сено, — сказал старик. — Вода. Но на зиму хватит. Помощи не попросим.

Девушки провожали его через весь луг. Просили, чтоб ларек направил.

— А радио? Хотите радио? — спросил Мартанакон, решивший во что бы то ни стало скрасить жизнь людей далекой фермы.

— Обленимся еще, — сказала одна, насмешливо стрельнув глазами на подруг. — Заслушаемся — и на работу не выгоним.

— Поди, дорого для колхоза? — спросила Варя.

— Ничего не стоит. Радио у вас будет. Его привезет новый зоотехник, — твердо сказал Мартанакон, нища глазами Дуню и не находя ее среди провожающих. Он посмотрел на домик, и ему показалось, будто в окне что-то мелькнуло белое.

— Зоотехник? — переглянулись девушки. — А молодой? — и тут же засмеялись. Неженатый?

— Девушка. Любой звать, — разочаровал их Мартанак.

— В нашем полку прибыло. Ну, пусть везет. Ждать будем.

«Хорошие, скромные люди, — подумал Мартанак. — Особенно Дуня. Почему она не вышла? Застеснялась?»

Отдохнувший конь быстро проскакал луг и нырнул по узкой тропе в кусты. Пригибаясь, Мартанак натянул повод. «Надо усилить ферму, — подумал он. — Один Наум Захарыч из мужчин — тяжеловатого... Хозяин он хороший. Ведет покос, вечерами готовит жерди, подправляет стены и крыши дворов. Надо отметить обязательно на празднике». Он достал блокнот и, не останавливая коня, записал свою мысль.

Скоро посветлело впереди. Вот уже из-за осинника блеснула волной Апаш-Су. Конь всхрапнул, потянул воздух и пошел быстрее.

* * *

На стоянку Кульзах приехал уже под вечер.

— Хороша ль была дорога твоя, Иван? — спросила Кульзах, беря под уздцы коня.

— Спасибо, Кульзах. Я все эти дни думал о тебе. Я стал неутомим. Могу своротить гору! Мне все легко теперь. Отчего? Почему я раньше не знал этого?

— Тебя опасно одного отпускать к горам, — улыбнулась Кульзах.

— Не смейся, Кульзах. Это из-за тебя.

Он ждал, когда она скажет ему что-либо определенное, а Кульзах ничем не напоминала о памятном разговоре. Это взвинчивало Мартанак, заставляло быть подозрительным и нетерпеливым.

— Ты потерял выдержку, Иван Мартанак, — говорила она, хитро шурясь.

— С тобой потеряешь.

— Ну вот, видишь. А ты добиваешься, чтобы я стала твоей женой.

— Не смейся.

— Сейчас до женитьбы ли?

— Всегда некогда будет. Вот увидишь. Год некогда, два некогда. Чем дальше, Кульзах, тем больше у нас будет планов.

— Степь поет о Большой воде, — сказала Кульзах задумчиво и мечтательно, устремив свой взгляд вдаль.

Во всем ее облике было столько стремительной, покоряющей силы, что Мартанаков, любуясь ею, наполнялся сам каким-то неизъяснимо светлым восторженным чувством. Но это не было умилением. Это чувство вселяло уверенность, давало силу, веру в счастливое будущее. И чем светлее и заманчивее было оно, тем острее ощущал Мартанаков свое одиночество, тем непонятнее казались упрямство и несговорчивость Кульзах.

Не вытерпев, он спросил ее об этом еще раз.

— Ты знаешь, в какой семье я выросла, Иван? — спросила она серьезно.

— В семье моего друга. Что хочешь этим сказать? — насторожился Мартанаков.

— Правильно, в семье твоего друга. Вспомни, как там уважают тебя.

— Ну...

— Мой уход сейчас тяжел для них, — вздохнула Кульзах.

«Неужели Мамий? — тревожно подумал Мартанаков. — Неужели станет сердиться? Но разве он не понимает, что у такой женщины, как Кульзах, должна быть собственная семья? Поговорить надо со старым. Доказать ему».

— Он поймет. Поймет, — сказал Мартанаков. — Он, конечно, не будет против.

— Да, но сейчас я сама против. Надо время. Я знаю, когда.

Рассерженный Мартанаков хмурился и нервничал. «Что с ней? Так ждал этой встречи, а она... Может, раздумала?» Было просто непонятно, что скрывает она от него. Может, совсем он ей не по душе? Но разве даже в ее всегда осторожных и скупых жестах не было того, что всегда может разгадать любой мужчина, — порыва к нему, сдержанного желания? Разве всякий раз, когда он заходит в ее юрту, не мелькает радость в ее глазах?

И все-таки она не спешит. Уж что-то есть, о чем она не хочет говорить с ним. Но что? Разве могут найтись такие причины, которые могли бы стать на дороге их счастья? Может Мамий? Тогда он сегодня же заедет к нему, чтобы не откладывать дело в долгий ящик. Ста-

рик, конечно, не захочет разрушать такую семью. Но ведь и он, Мартанак, тогда не будет ему чужим!

Мартанак сухо распрощался. Обида жгла сердце.

Чтобы сократить путь до усадьбы, он решил ехать из Кок-Озека через старое кладбище. Дорога шла здесь через пересохшие русла давнишних речушек и оврагов. Ехать было неудобно, зато значительно ближе. Хотелось Мартанакову побыстрее попасть на усадьбу, потому что с утра бригада землекопов должна получить закупленные заступы и лопаты, чтобы приступить к работе над первым водохранилищем. Потом он решил рассказать о своей горе... Варваре Николаевне. Сначала думал поделиться сомнениями с Анной Васильевной, но постеснялся. Он уважал ее как ученого и старшего товарища. Но ему казалось, что Русакова даже не поймет его и, что еще хуже, станет после этого смотреть на него, как на мальчишку. «Варя — самый подходящий человек, — решил Мартанак. — Она почти ровесник. Эта поймет».

Уже всходила луна, когда в смутном отблеске ее лучей увидел Мартанак вдали острые глинобитные крыши кладбища. Издали старинное кладбище походило на сказочный городок. Вокруг него — каменный пояс стен. Над семейными могилами — аккуратно вылепленные куполообразные крыши. Вот почему и походило оно на город из сказки. От кладбища одна дорога уходила к стоянке Чермешевой. Раньше, когда Мартанак жил с Таной, Чермешева встречала его, как родственника: Тана приходилась ей племянницей.

Огибая кладбищенскую стену, услышал стук копыт. Попривернул насторожившегося коня. Вскоре навстречу из-за угла выехал какой-то всадник. В нем тотчас узнал Мартанак свою бывшую жену.

Тана сдержала коня и приподняла лисью шапку. «В гости к тетке», — догадался Мартанак, окинув взглядом праздничный ее наряд. Тана, узнав его, сжала тонкие губы в презрительной усмешке. Черные дужки бровей полукругом вздыбились над ресницами, извиваясь, как живые.

— Здравствуй, — сказал Мартанак, чувствуя неловкость от неожиданной встречи. Она подъехала вплотную. И тут увидел Мартанак ее глаза, блеснувшие ненавистью.

— От нее? — хрипло проговорила Тана, кивая в сторону Кок-Озека.

Мартанакон выдержал молча ее взгляд, и вдруг вся обида на нее поднялась в душе, будто кипень, взбурлила, ударив опьяняюще в виски... Она, она виновата в том, что до сих пор он ходит без семьи, без жены! Это она исковеркала его жизнь, оплевав его самолюбие, его честь своими дурацкими письмами!

— Берегись! — закричал вдруг Мартанакон и рванул коня так, что тот присел на задние ноги, а потом, как тигр, ринулся вперед.

— Вот бешеный, — испуганно воскликнула Тана, едва увернувшись от него.

Мартанакон со сжатыми кулаками пролетел мимо. Тана стала быстро подгонять своего коня и торопить его в другую сторону. Однако не вытерпела, оглянулась на всем скаку в его сторону. Видя, что он не гонится за ней, натянула повод и, задыхаясь, торопливо стала выкрикивать:

— Ты еще не знаешь меня, Мартанакон. Нет! Скорее камень цветы родит, чем я забуду все это.

А Мартанакон, осадив тут же коня, опомнился, сорвал с головы фуражку, вытер мокрое от пота лицо.

— Вот черт. Вот ведь беда! Так и подраться недолго. Тыфу! Не сдержался. Позор.

В груди долго клокотала буря.

Тана, выждав, когда Мартанакон скрылся, круто свернула вправо, туда, где за суходолами мирно отдыхала отара Кульзах.

В Кок-Озек давно уже все спали, когда Тана подъехала к изгороди со стороны ручья. Его журчанье помогло ей бесшумно подползти к большому валуну. В руках Таны был отвязанный повод.

Мирно жуя жвачку, отара отдыхала. В особом загончике находились пятнадцать маток и несколько козлов, давших наибольший процент пуха. К ним и решила обратиться Тана, не в силах больше сдержать своей дикой ревности к Кульзах.

Выждав, когда луна зайдет за легкую тучку, она выскользнула из-за валуна, быстро дошла до загона и присела, чтобы пролезть между жердей. Придвинувшись к жердям, Тана вдруг откачнулась в страхе назад: на нее смотрели два больших глаза. Смотрели жутко, не мигая.

«Да ведь это ж коза», — опомнилась Тана, всматриваясь в необычайное, как ей показалось, положение головы животного. «Она что... жива или уж околела? Не пошевелится. А ведь это, кажется... Это самая ихняя главная коза. Зорька».

Тана всмотрелась и заметила неестественное положение туловища ее. Лежала она на боку и ноги были вытянуты вперед, а голова, будто кто вывернул ей шею, смотрела прямо.

«Она завалилась. Просунула голову и завалилась», — догадалась Тана и, странное дело, ощутила не радость, а тревожное чувство страха: «Как же это ее угораздило? Поди, уж мертвая?» Тана осторожно дотянулась до морды животного и почувствовала, как та вздрогнула под ее рукой, и в то же время раздался хрип.

Женщина испугалась. Она уже хотела пролезть в загонку, но тут же одумалась. А вдруг проснутся в аиле? Обнаружат ее среди пухоносов. Что подумают? Да и ей... Что сказать в свое оправдание?

«Лучше уйти. Как пришла, так и уйти от греха. Пусть сдыхает. Ты ж удавить ее хотела, а она и без тебя... Ну и пусть».

Тана осторожно поползла обратно.

Вот и ручей. Перейти его, а там большой валун, камни. Конь ждет ее.

Почему-то в этот миг вспомнилась гордая, красивая Зорька в день чески. Все смотрели и любовались ею. Это она дала первых крепких пухоносов. И еще б могла. А теперь...

Завтра вся степь узнает. Кульзах будут все винить...

Тана помочила в ручье разгоряченное лицо, доб. «Поругают и все. Ну, высчитают ее стоимость. А люди могут лишиться такого богатства...» — мелькнула мысль. И от этой мысли Тане стало не по себе. Она обмочила еще раз лицо свое в студеной воде ручья и вдруг решительно повернула назад.

Дрожа всем телом, Тана подползла к загородке и, упершись плечом в жердь, приподняла ее и освободила голову животному. Коза качнулась вбок, приподнялась на колени, постояла немного на них, будто не решаясь встать.

— Ну, ну... Вставай. Вставай, дура! — прошептала

Тана и, просунув руку между жердей, махнула ею. — Кыш! Кыш!

Зорька, тряхнув головой, вскочила на ноги и пошла к отаре. Тана вздохнула облегченно и вдруг ощутила на лице своем слезы. Она вытерла их, посмотрела еще раз на отару и поползла обратно.

Сердце ее билось радостно и широко.

Через несколько минут Тана выбралась на дорогу и помчалась по степи, к отаре своей тетки Марии Чермешевой, к которой она и ехала до встречи с Мартанаковым.

— Но, но, Пузатый, — колотила она ногами коня, который и без того летел по знакомой дороге, распушив хвост и всхрапывая от встречного ветра. Над горами небольшими змейками вспыхивали зарницы. Черные тучи заволакивали небо. Надвигалась гроза. Где-то сзади, на ручье Кок-Озек, лаяли собаки.

* * *

Перед Таной снова встаёт отара пухоносов. «Вот бы задавила ты эту козу. Разве он полюбил бы тебя после этого? Насолить Кульзах? Хорошо. А при чем тут колхоз? Ах, Тана, Тана». — Но! Но! — подгоняла она теткин конька.

Не доезжая до стоянки с километр-полтора, Тана натянула повод и опустилась в седло всем телом. Беспокойные мысли терзали ее. Вспомнилась вся жизнь, бесцветная, серая, без больших радостей. Что представилось ее воображению в этот миг? — Зеркало, коса, помада... «Да где ж оно, счастье? Ну, хорошо — Мартанаков. А при нём — не о себе ль ты всегда думала? Разве о муже была хоть небольшая забота? Не было... Не было! Да и любила ль ты его? Так какое ж ты счастье караулишь сейчас, Тана? Кто тебе припас его? «Пустоцвет. Пустоцвет», — говорит каждый день тетка. — И правда — кому? Для кого моя красота? Может, это и не красота совсем — коса, глаза, хороший рост, лицо? Может, совсем не в этом дело?»

Вот у Кульзах и глаза не такие — немного поуже, и нос пошире. Что ей гордости придает? Ведь стоит ей пройти, как у всех мужчин глаза загораются. Что ей силу дает такую?..

На стоянку Тана приехала совсем разбитая. Тетка, Мария Чермешева, не узнала своей племянницы.

— Ты что? С худым ветром целовалась?

Тана ничего не ответила и опустилась прямо в одежде справа от очака. Глаза ее, устремленные на огонь костра, хранили в глубине своей какой-то таинственный свет. Он то вырвется наружу, и тогда лицо молодой женщины будто помолодеет разом, то уйдет вглубь — и тогда тень падает на ее глаза.

Чермешева присела перед ней и участливо спросила:

— Не заболела?

Тана покачала головой.

— Видела его? Ну, что он?

Тана вдруг оживилась.

— Я помогла ему, — сказала она почти весело.

— Ты? В чем?

— В любви...

— В любви? — усмехнулась пастушка. — Это как же?

— Так. Пусть любит ее. Это хорошо. Это правильно.

— Не понимаю, — пожала плечами Чермешева.

Но Тана легла снова и закрыла глаза. Мария посмотрела на её прекрасное лицо, горевшее как-то по-новому сегодня, и молча закурила трубку. «Что она сделала? Как можно помочь в любви с другой женщиной?» — думала она. И не могла ни до чего додуматься. — «А ведь какая красота пропадает пустоцветом!..»

Перед рассветом Тана разбудила чутко спавшую Чермешеву и вдруг прошептала у самого ее уха:

— Я уезжаю на рудник. Санаш видела. Хорошо живет. Меня обещала выучить на моторе работать. Звала к себе.

— Зачем же... туда обязательно? Можно работать и дома, в своем колхозе.

— Ну, ты не понимаешь. Дай мне одной все это пережить. Я буду работать!

Тана вспыхнула. Она впервые так смело и от всего сердца произнесла это слово.

— Работать! — повторила она с удовольствием, и ей стало непонятно, как это слово еще вчера, до того слушая, вызывало в ее душе какой-то неприятный осадок. А ведь это должно быть так интересно и важно, когда

люди видят твою работу и совсем по-иному, по-новому смотрят на тебя.

— Да, работать! — сказала она и, улынувшись, добавила: — Красоту свою хочу сберечь! Может быть, перестану быть пустоцветом!

Чермешева с удивлением смотрела на преобразившуюся племянницу.

— Что ж... Счастливой дороги тебе, Тана. Это хорошо.

В тот же день Тана взяла справку из колхоза и ушла на рудник.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Значит, не потому, что нельзя было строить, а потому, что не сумели освоить деньги? — спросил Шелест сидящего против него глубоко в кресле Селиванова.

— Именно. Один я оставался. В райкоме тогда третий секретарь только и был. Побегали, помаялись мы с ним, да и махнули рукой.

— Это одно, — подхватил Шелест, — второе: гидро-станция дороже и сложнее, чем простая плотина. К ней, конечно, после можно и турбину приспособить. Важно назначение плотины — вода. Вода, которая, как кровь в теле, должна пойти по каналам, арыкам. Пойти и напоить степь.

— М-да. Планчик завидный.

— А колхозы вот поднимают другое — водохранилища. Как вы думаете — что в данный момент нужнее?

Он внимательно посмотрел на Селиванова. Где-то в глубине сознания тот уже чувствовал какие-то новые сдвиги, навеянные мыслью о водоемах. Сдвиги, ставившие под сомнение необходимость большого плана преобразований.

— Тут и думать нечего. Плотина. Это будущее! Завтрашний день! — воскликнул Селиванов. — Я так думаю. А водохранилища — детская затея.

Секретарь задумчиво глядел в степь. Он ждал этого восклицания. Для него становилось ясным, что от председателя аймакисполкома ждать большой помощи не придется. Он вспомнил о пухоносах, о посещении Русаковой.

— Что это вы, Степан Петрович, ополчились на пухо-

человек? Кому ж не понятна их будущность? — спросил он, недовольно хмурясь.

— Это так. Это так, — смутился Селиванов, чувствовавший еще вчера свою неправоту. «Труслив стал под старость. Вот и чудить начал», — подумал он. — Все же, знаете, скребница у них... Ни в каких инструкциях нет.

— Важно, что родилась прекрасная порода коз.

— Это конечно, но надо все узаконить.

— Вот и узаконили бы сами. Ведь вы — власть!

«Ишь, приткий какой. Узаконить. А потом чтоб в конверт, и в ящик? Нет уж, выговор легче получить. Его всегда можно снять, он не пристанет», — думал Селиванов. И все-таки он чувствовал за собой вину, оттого что велел Стрункину написать директору зональной станции. Душа была не на месте.

— Конечно, можно, Иван Ильич. Пусть уж ихняя зональная станция утверждает, — сказал он, морщась от приступа в животе.

— Начинается? — заметив перемену на его лице, спросил Шелест.

— Начинается, — упавшим голосом проговорил Селиванов. — Ничего. Актив просижу.

К ограде райкома подъезжали верховые.

* * *

К вопросу о преобразовании полупустыни перешли уже глубокой ночью. Шелест информировал актив о решении обкома и облисполкома разрешить Куягацкому аймаку начать исследовательские работы, связанные с постройкой плотины через Апаш-Су.

— Я доказал необходимость этого большого дела для Куягаша, — сказал Шелест, внимательно всматриваясь в лица слушателей. — И со мной согласились. Давайте обсудим. Прошу высказаться.

Шелест сел. Первым взял слово Стрункин. Он поднялся на трибуну и замахал руками.

— Товарищи! Товарищи! — задыхаясь от восторга, начал Стрункин. — Это ж революция в Куягаше! Экономическая революция!

Шелесту не понравилась вычурная речь заведующего отделом сельского хозяйства аймака. Он всматривался в сосредоточенные лица сидящих в зале, видел настороженные взгляды их и думал: «Вот лучше б они сказали».

Какое их мнение? О чем они думают? Как восприняли этот план?»

— Вот где размах, товарищи! — кричал Струнkin. — Я поддерживаю! От всей души!

Выступил Селиванов. Он говорил осторожно, пряча свое отношение к плану в ворохе общих слов.

«Старая лиса», — недовольно подумал Шелест, с нетерпением ожидая выступления «хозяев» района — председателей колхозов. Но «хозяева» отмалчивались. Выступали районные работники. Все они были в восхищении от плана «Большой воды». Молчание председателей колхозов и секретарей колхозных парторганизаций тревожило секретаря райкома, и он не раз приглашал их выступить.

— Можно вопрос? — раздалось вдруг из задних рядов.

— Пожалуйста, — разрешил Шелест.

Поднялся Енчибаев.

— Вы не подсчитывали, Иван Ильич, сколько колхозы аймака теряют на загрязненной шерсти? Сдаем ведь шибко грязную.

— Нет. А что?

— Тут мы вот с «Кызыл Аскером» считали. Большие тыщи получаются.

Зал оживился.

— Ты проходи к трибуне, товарищ. Проходи и расскажи о своих заботах, — попросил Шелест.

— А заботы такие: нужны водохранилища. Вот, — сказал Енчибаев, — «Большая вода» — это хорошо, но неплохо б сначала собрать малую воду на стоянках.

Зал восторженно зааплодировал.

Слова попросил Мартанак. Он сказал, что план преобразования нужно исподволь осуществлять, не сразу.

— Пойдем за большим — упустим малое, — заключил он. — Мне кажется, рановато поднимать такие вопросы. Пусть хорошо проведут исследование, а потом... Потом, может, через годик-полтора, сам народ подымет.

«Да. Вот это и должно было прорваться», — подумал секретарь райкома, зная, что правда уже твердо на их стороне. Это самое он почувствовал еще днем, когда был на Шипучке вместе с Мартанаким.

Выступления Мартанак и Енчибаева создали рез-

кий перелом в ходе актива. Теперь уже говорили рядовые — пастухи и табунщики. Все они хотели бы сначала видеть на своих стоянках небольшие бассейны.

— Будет вода, — говорил старик Елбашев, — вокруг тополя можно посадить. Пускай растут. Правда? Хорошо. Овечки пьют... шерсть моют. Коней купать можно, а? Хорошо будет, честное слово! А если поднять Апаш-Су и пустить на степь, то песок может выпить воду, тогда что делать?

Все засмеялись. Селиванов втайне радовался этим выступлениям: его, все-таки, пугали масштабы преобразования. «Тут тогда ни днем, ни ночью не будет покоя», — думал он.

Шелест, трезво оценив настрояние людей, а также великую ценность растущего в аймаке начинания, без колебания принял их сторону.

— Что ж, товарищи, — сказал он. — Видно, нынче рановато задумали мы исполнение такого большого дела.

— Рановато! Рановато! — закричали с мест.

— Давайте развернем покруче строительство водоемов — это стоящее дело. А «Большой план» пусть потихоньку живет. Пока идут изыскательные работы, пока разрабатывают сметы — мы как раз справимся с первоочередной задачей, с водоемами.

Его шумно приветствовали.

* * *

Когда остался один, почувствовал страшную усталость. Он отдернул тяжелую штору, приоткрыл створку окна и прилег на диване. Вот-вот должна зарозоветь там, в горах, узенькая полоска неба между двумя могучими вершинами гор.

«Хорошо ли, что так получилось? — думал Шелест. — Люди решительные. С ними можно работать. Конечно, не эти стрункины. Хорошо... Хорошо...» И вдруг ему показалось, что вел он себя по-мальчишески.

«Ну конечно же, — прошептал он, вскакивая и подходя к окну. Где-то за селом цокали по тракту копыта лошадей — это разъезжались с актива. — Конечно. Советоваться со стариками ездил. Что ж. Они не осуждали, но и не особенно одобряли. А может быть, в то время еще и не думали о водоемах? Так и есть. Никто ничего не говорил. Что это за новая Огнева? Молодец».

И Шелесту, хоть и видел он, что они были правы, все же было чуточку обидно. Он взволнованно смотрел на черную степь. Было уже прохладно ночами. Шелест зябко передернул плечами. «Хоть бы скорей Наташа приезжала, — неожиданно вспомнил он о жене. — Ты б, Колька, поддразнил отца. Глядишь, и легче б стало».

Лицо секретаря посветлело. «А скучно тебе сейчас здесь покажется, Колька. Ох, скучно!»

Шелесту показалось, что план преобразования каким-то образом связан с воспоминанием о сыне. Почему-то план и Колька ассоциировались в голове. Очевидно, думая об изменении полупустыни, ему хотелось видеть сына не среди голых галек и песка, а среди цветущих кустов смородины и черемух. Среди больших и ярких полевых цветов...

— Вот ведь. Придет такое, — проговорил вполголоса Шелест и, сдерживая внезапно нахлынувший на него порыв вдохновения, сжал кулаки и погрозил черной безликой степи. — Будет твой черед! Будет! Погоди! — проговорил он горячо и стукнул створкой, закрывая окно. Потом подошел к столу и сел за письмо.

«Наташа! Сынок! Как вы там? Почему мало пишете? Сегодня набили вашему батеньке шишек. Часа два уже прошло, а все еще больно. «Знаем, — скажете вы, — пишет тоже только тогда, когда чувствует вдруг одиночество». Но нет, я не остался один. А вот привычке изменять действительно не могу — пишу, когда чувствую особенно глубоко разлуку с вами. Мы, секретари, должны всегда являть собой пример такого несокрушимого оптимизма. Даже во сне боже упаси показать свое сердце! А ведь на самом деле ты знаешь, что это не так.

Вот тоскую страшно по удочке. Посмотрю на реку — чешется рука. Вчера в заднем кармане галифе обнаружил обмотанную толстой леской блесну. Вспоминал, вспоминал, как она туда попала — так и не вспомнил. Так бы и посидел с удочкой, да нельзя. Ты, Сверчок, спросишь: «Почему?». У нас здесь только покупная рыба. А что у такой рыбы за вкус, верно, Сверчок? Сам знаешь. Небось, рыба известней.

Теперь о «шишках». Провалились на активе мои планы преобразования. Не с того конца начал. Есть хорошая алтайская пословица: «Упрямому яману везде брод». К счастью, я не упрямый. Ошибку увидел и по-

нял. Я хотел начать прямо с большого преобразования — приедешь, сама поймешь, как заманчив этот план. Коротко: плотина на горной реке, каналы, суваки по всей сухой степи. Вот и все. Это без подробностей. А если с подробностями — это второе рождение степи. Мне сказали, что пока важнее бассейны на стоянках. Согласен.

Колька! Когда ты приедешь? Сарлыка, которого ты просишь выслать тебе, еще не изловил. Они ведь очень пугливые...»

Заканчивая письмо, Шелест подумал: «Надо сейчас же идти на почту и отправить письмо, а то сунешь в стол — и пролежит неделю»..

* * *

Утром Шелест решил съездить к Мамню. «Небось, все еще тоскует о сыне, — думал секретарь райкома. — Не повезло старику. А сила у него завидная. На двух бы хватило». Вспомнилось, как с ним «госпиталь» устроили для козочек и «габер суп» варили. «Большой, сильной воли старик. Знаю, о чем гложет думка — о Кульзах. Уйдет — подрежет старика... А как не уйти. Молодая. Красивая. А все-таки поговорить бы с ней. Нет, не такая она, чтоб не понимать».

Вызвав машину, он велел шоферу подъехать к магазину. Зашел, купил плитку зеленого чаю. «Хоть небольшой, но подарок», — усмехнулся про себя Шелест.

Степь падала под колеса машины, брызгала во все стороны гальками.

Сколько раз уже за свое недолгое пребывание в Куягаше Шелест смотрел на эту полупустыню, думая о ее будущем. Когда родился план «Большой воды», а он пришел после долгих раздумий, Шелест ему очень обрадовался. Еще будучи в Высшей партийной школе, куда в 1942 году откомандировали его из политотдела армии, узнав, что его направят в тыл, он так и представлял себе работу секретаря райкома. Когда-то Иван Ильич закончил сельхозтехникум и получил специальность зоотехника. Но работал по специальности мало — выдвинули директором подмосковного совхоза. Тогда он, кировчанин, мечтал о просторах Сибири.

И вот он, Алтай, далекий Красногорск, который, казалось, ничем примечательным и не славился. Ему ска-

зали. «На укрепление», и он поехал. С первого взгляда он полюбил эту волнующую синь могучих горных отрогов, стремительный бег неугомонных рек, необъятный простор и красоту горных долин. Он попросился в аймак. Когда его призвали в армию, Наташа с сыном переехала к родителям, в Киров. Жена работала чертежницей, увлекалась живописью.

Шелест первым же письмом, в котором описал свои поездки в горы, покорила воображение Натальи Федоровны. Она стала деятельно собираться в дорогу и торопила его с переводом.

Шелест был полон энергии и желания начать «самостоятельную» работу. Когда стало известно, что его будут рекомендовать секретарем райкома в один из отдаленных аймаков области, Шелест решил, что он должен будет немедленно поднять один из важнейших вопросов в жизни аймака. Он поможет партийной организации района работать целеустремленно.

И вот этот — совсем непохожий на другие аймаки — Куягаш. Голая, сухая высокогорная долина. Ни кустика, ни зелени.. Единственная река Апаш-Су перерезает полупустыню с запада на восток.

Верно, кое-где, особенно ближе к горам, пробиваются из зелени несколько больших ключей, таких, как Шипучка, Кок-Озек. Около них летом расположены, в основном, многочисленные пастушьи стоянки. И, естественно, Иван Ильич с первых же дней своего пребывания в Куягаше стал думать о преобразовании этой голой и страшной степи.

«Нужно перегородить Апаш-Су и воды ее пустить в долину», — думал он и, бывая в Красногорске, стал советоваться со специалистами, агрономами, мелиораторами. Многие из них, кто знал Куягаш, горячо поддерживали Шелеста, и он, воодушевленный, стал хлопотать в обкоме и облисполкоме о строительстве плотины. «А там, — думал он в горячие, бессонные ночи, — организовать лугомелиоративную станцию. Начать посев трав». Еще одно дело радовало Шелеста — это работа опорного пункта в отаре Кульзах над выведением коз-пухонсов. Он сразу понял, какую громадную пользу могут принести пухонсы аймаку, и не раздумывая поддерживал работу экспериментаторов. И вдруг эти водоемы...

Выходит, не с того конца начал. «Простая, кажется, вещь, а никто этого раньше не придумал».

«Ну, что ж, — рассуждал Иван Ильич по дороге к Мамию. — И это следует обратить на пользу всему аймаку. Нужно отправить работников райкома комсомола к строителям бассейнов, чтоб подняли народ, особенно молодежь, зажгли огонь соревнования между бригадами».

У дома Мурзагуловых было десятка полтора верховых. С ними о чем-то говорил, видно напутствуя, старик. Странно выглядели конные. У одного за плечами торчал горб-мешок или сумка, сбоку приторочена или лопата, или ломик.

«Строители, — догадался Шелест. — Карымова бригада». Лошади шарахнулись в стороны от машины. До Шелеста донеслись слова Мамия:

— К табунщикам я съезжу. Пусть на месте будет у вас сердце... А вот как... с девчонкой-то соревноваться — не знаю.

Карым воскликнул недовольным голосом:

— Соревноваться! Пусть потягается.

— Смотрите! Смотрите! — покачал головой старик и, идя навстречу Шелесту, добавил: — Два барана дарю той бригаде, которая будет первой.

— Хорошо, отец. Хорошо. Вези заранее к нам!

Парни засмеялись.

— Дьякши, дьякши ба, — подал сухую руку Мамий секретарю райкома. — Провожаяю вот. Бригаду. На Шипучку. Хорошую придумали работу.

— Что ж, это не плохо, — согласился Иван Ильич и посмотрел вслед удалявшимся всадникам. — Загорелись парни?

— Горят. Пыжаты, как мыльные пузыри, — скупосмеялся старик.

Мамий, кажется, за это время еще подрос. Но от внимания Шелеста не ускользнули его темные глазницы. «Переживает. Мучается», — решил он. Они вошли в юрту, покрытую белыми кошмами. В ней старики жили летом. Легче. И воздух чище. Иван Ильич с удовольствием выпил кружку холодного чегеня. Посидели молча, покурили. Юлдаш — жена Мамия, скромная, незаметная женщина, вечно занятая с большой семьей, — положила в казан свежей баранины.

— Тут без тебя праздник был, — сказал Мамий, весело поблескивая глазами.

— Праздник? Какой? — удивился Шелест.

— Пух чесали... Видел его? Как снежный сугроб в горах.

— Богатство, — подтвердил Шелест, — сказочное богатство.

— Вот теперь разводи, секретарь. От Куягаша рядом через рудник — Улаганский аймак. По тракту ближний — Кызылукский.

— Да, да. Лишь бы прижились. Пухоносы пойдут по всей области, — догадавшись, что имеет в виду Мамий, согласился с ним Шелест.

— Стране нужно много всякого золота, — сказал Мамий задумчиво и вдруг, оживившись, спросил: — Не сердись за то, что не послушали тебя?

Старик прищурил глаза, внимательно посмотрел на Шелеста.

— Знаешь? — вскинул удивленный взгляд на Мамия секретарь райкома.

— Я раньше знал, Иван Ильич, — сказал спокойно Мамий. — Раньше. Не обижайся на них.

— Да нет. Зачем же. Правду говоришь. Недодумал всего...

— Почему недодумал? — спокойно возразил Мамий. — Не увидел — вот и все. Для этого нужно жить в хозяйстве. Долго жить. О водоемах давно думаем. Любовь Николаевна только подтолкнула камень, а он уже был со всех сторон подточен. Ведь посмотри, как зашумели вокруг, захлопотали люди.

Иван Ильич с удовольствием слушал образную речь старика. Перед ним ему не было ни обидно, ни больно. «Старик этот — кладезь мудрости народной, — думал Шелест. — Он никому не побоится сказать правду».

— А твой план народ положил пока ближе к своему сердцу, — продолжал Мамий. — Раньше, когда каждый сам по себе жил, выкручиваясь и отбиваясь от нужды и несчастий, тогда не нужны они были, эти водоемы: купец и в чистой шерсти нашел бы грязь и скупил по дешевке. Теперь у нас свое государство. Теперь другое дело. Зачем нам друг друга обманывать. Вот кончилась война... К большой победе хочется и свои маленькие добавить... Море притоками сильно. А не будь их, давно

бы солнце и дно его высушило. Мы, Мурзагуловы, тоже постарались для родного колхоза. Правда, могли бы больше. — Мамий опустил глаза. Легкая тень скользнула по его лицу.

«О сыне опять вспомнил» — мелькнуло у Шелеста.

— А что, если, Мамий Мурзагулович, съездить тебе на курорт, да отдохнуть с месяц? — предложил вдруг Шелест.

— На курорт? — медленно поднял глаза на собеседника старик. — Зачем мне курорт? Разве мне плохо здесь?

— Все же... Отдохнул бы.

— Когда хорошо идет работа у наших людей, вот мне и отдых, — сказал он вдруг и, просветлев от какой-то новой мысли, добавил обрадованно: — А вот если.. Кульзах? Можно ее отправить, а?

— Кульзах? Конечно, и ее.

— Нет, пусть она одна. Так можно?

— Можно.

Старик повеселел. Глаза его радостно и ласково заблестели.

«Любит он сноху и боится за нее», — отметил про себя Шелест.

— Пусть она. Ей больше досталось за год.

— Хорошо, — согласился Шелест. «Старик рад, — подумал он. — Она ведь, наверное, на зиму пойдет в горы с пухоносами».

Мясо сварилось, и Мамий, подав Шелесту нож и деревянный кружок, поднялся и пошел к выходу:

— Позову шофера. В молодой желудок хорошо ложится свежее мясо, — сказал он.

Прощаясь, Шелест поблагодарил Мамия за гостеприимство и напомнил слова старика о плане.

— Значит, к сердцу, говоришь, положили?

— К сердцу. Чтоб всегда помнить, — кивнул головой старик. — Придет время, и народ попросит его у тебя. А время это не за горами.

— Ну что ж, спасибо, — тряхнул горячо его руку Шелест. — Передай привет Кульзах.

Машина тронулась, быстро и круто развернувшись, и пошла к реке. Мамий, заслоня ладонью от солнца, стоял у юрты и смотрел ей вслед.

День катился к вечеру. Поездка к Мамию не успо-

конца. Шелест ощущал какую-то пустоту. «Отчего это? Ах, да. Шишки, — грустно усмехнулся он. — Скороспелый план без учета сегодняшних забот аймака».

Выезжая на центральную (и единственную) улицу Куягаша, Шелест вспомнил, что завтра выходной день. Мрачное настроение усилилось. Он боялся в этот день остаться с глазу на глаз с райкомовским сторожем Акимом Герасимовичем Соколовым. Это был brave солдат, участник трех войн, высокий усач, заядлый курильщик и неутомимый рассказчик. В его домике временно поселился Шелест. В секретаре Соколов нашел безропотного слушателя, чем был очень доволен. Его рассказам не было конца, и во всех он был главным действующим лицом, исполнительным служакой, этаким: «Слушаюсь!», «Не извольте сумлеваться!» Сотни боевых эпизодов из разных войн и времен так переплелись и перепутались в его голове, что нередко ставили в неудобное положение самого рассказчика. Однажды на «японской» Аким Герасимович с группой разведчиков схватил в зарослях гао-ляня раненого вражеского офицера. Японец хорошо изъяснялся по-русски. От него унтер-офицер Даленко («Как сейчас передо мной стоит: огромный, бородачи — во, на груди все четыре егория — кавалер») узнал важные данные.

«Бежим мы обратно, то-есть, и пленного япошку волоком... Скорей хотелось штабу глаза раскрыть. Ночь — тьма соседу в нос, не узнает, кто. Бежали, бежали. Избушка глиняная у самой железной дороги должна быть, а ее нету. Начали кружить. Япошка наш еле дышит — утомили его в беге. Вдруг видим — избушка. Там должна быть наша застава. Вваливаемся, а на нас четыре винтовки: «Братцы, — крикнул я. — Чехи!»

В этом, самом драматическом, месте рассказа Шелест остановил старика.

— Какие же чехи в 1904 году? — удивился он.

Аким Герасимович поразился: верно. Ведь они на Востоке уже в гражданскую были.

— Но там действительно были чехи — это я хорошо помню.

— Может, это уже в гражданскую было?

— А может. Я в партизанах на Востоке служил. Только не может быть. Как сейчас помню: гаолян, офицер японский, Даленко...

Весь день разводя руками и что-то бормоча себе под нос, ходил Аким Герасимович по ограде и разбирался в этом удивительном эпизоде. Но так и не мог разобраться.

Вспомнив сейчас об этом, Шелест улыбнулся и подумал: «Сегодня он, кажется, и на огород не пошел. Дома. Значит, рассказы начнутся с вечера. Что-то нужно придумать».

Машине неожиданно преградил дорогу гурт скота. Шелест посмотрел на соседнее здание. Это была районная библиотека. Шелест решил провести вечер в библиотеке. «Кстати посмотрю, как любят свою библиотеку куягащцы... Что читают коммунисты, руководители учреждений аймачного центра».

Выйдя из машины, он отпустил шофера.

Придя домой со стопкой книг подмышкой, Шелест еще в сенях обнаружил лежавшего на легком потнике Герасимовича. Волосы на голове и бороде свисали сосульками. Они были влажными. Голова старика была перевязана полотенцем. Он, держась за лоб, страдальчески посмотрел на вошедшего.

— Что случилось? — спросил Шелест.

— Ох, — прошептал старик. — Уморился. Запарка вышла.

— Опять баня?

— Опять... Не могу... Уходил на полке, — с трудом выдавливал из себя Герасимович.

Шелест улыбнулся. Он знал, как зверски парился старик.

— Смотри, Герасимыч, доведет тебя этот веник, — сказал он.

— Доведет, — согласился покорно старик. — Знаю. А не могу. Ох! Там старуха окрошку сделала. На столе.

— Хорошо. Окрошка холодная — это подходяще, — кивнул Шелест и прошел в комнату. «Запарка» устраивала секретаря. Покончив с окрошкой, Шелест быстро разделся и, придвинув на стуле книги, лег в постель. Книжки были разные — англо-русский словарь и исследования по морфологии растений (Иван Ильич исподволь решил изучать травы, знакомиться с опытами акклиматизации их в разных условиях. Это была глубокая стратегическая разведка, связанная с будущим наступлением на полупустыню). Решил также перечитать «Анти-Дюринга», сейчас он отложил эту книгу. Сегодня заинтере-

совало другое. Вот она. Объемистая, в коричневом переплете — записки известного Кони. Юрист, адвокат, литератор. Этому человеку удивительно повезло — он был лично знаком почти со всеми великими деятелями прошлого столетия — писателями, публицистами, критиками, педагогами.

— А ну, посмотрим, о чем пишет нам этот либеральный барин, — открывая книгу, сказал Шелест. — Вот про Льва Николаевича Толстого.

Иван Ильич углубился в чтение. Но уже через несколько минут он сердито стал покусывать свой рыжий ус, а еще через пару минут зло фыркнул и, закрыв глаза, откинулся на подушку.

— «Искатель правды». «Чистой правды». «Необходимость самоусовершенствования». «Совість — верховный судья жизни», — пробормотал он с явным раздражением. — А пишет этот барин гладко, красивенько.

Он снова открыл книгу.

Когда в комнату часа через два, морщась и хватаясь за голову, вошел Аким Герасимович, не вытерпевший одиночества, секретарь райкома уже спал. Старик сел к столу, свернул не торопясь козью ножку, прикурил от лампы и, осторожно покашливая, посидел, покурил. Потом унес лампу на кухню и прикрыл за собой дверь.

Он был явно разочарован сегодняшним вечером.

* * *

Проснувшись с первыми лучами солнца, Иван Ильич сразу же решил побриться. В это время на дворе раздался шум и в комнату вместе с Герасимовичем вошел Мамий.

— Дьякши ба! — сказал старик, присаживаясь на табуретку и вытаскивая трубочку.

— Здравствуй, Мамий Мурзагулович. Раненько куда-то собрался.

— Кто рано встает, тот росой умывается, — улыбнулся старик. — К тебе приехал. Посмотрел я на тебя вчера, подумал: «Один. Тяжело, когда один человек. Надо помочь». Вот и решил звать на рыбалку.

— На рыбалку? — стремительно повернулся Шелест. — Хорошо придумал! Только чем рыбачить и где? На какой снасти? На удочку?

— Хо, ничего не знаешь. Тут по-своему рыбачат, — весело сказал Мамий. — Рудничные придумали. А мы ведь не рыбачим. Не было такого раньше заведено.

— Как же они?

— Пойдем на Падун, там увидим.

— Это что еще за Падун?

— Есть такой ручей, в Апаш-Су впадает. Рыбный шибко ручей. Я знаю, мальчишки палками выбрасывали хайрюзов на берег. Богатое место.

— Так я не рыбачил, — сознался Шелест, добривая подбородок.

— Вот поедem. Поучимся. Я тебе и коня привел.

— Зачем же коня? Можно и на машине!

— У шофера, поди, в выходной день свои планы. Пусть у каждого свои.

— Это верно, Мамий Мурзагулович, справедливо говоришь.

Иван Ильич долго не хотел верить, что никаких снастей не нужно брать на рыбалку, и решил, что все заранее приготовлено на месте.

• * •

Рыбалка действительно оказалась необычной.

«...Чудеса, Николашка! — писал в письме родным Иван Ильич. — Просто как в сказке. Представь себе неширокий ручей, с никогда не пуганной рыбой. Хайрюзы и сорошка трутся друг об друга — вода так и рябит. Мы осторожно подошли к валуну, около которого стояли обыкновенные фанерные щиты, только окованные снизу.

«Смотри, — сказал мне Мамий. — Видишь две загородки поперек?»

«Вижу», — говорю. Как раз против нашего валуна ручей был перегорожен колышками. Выше метров на восемь — вторая такая же загородка.

«Бери щит и ползи к первой загородке, я ко второй поползу, — сказал Мамий. — Потом, как увидишь, что я у самого берега — жди моего сигнала. Подыму руку — бросайся со щитом к воде и втыкай его меж кольев. Не давай воде уходить».

Мы поползли. Ты скажешь, Сверчок, зачем ползти, когда подойти можно. Это для того, чтоб рыба раньше

времени нас не заметила и не разбежалась, — ее нужно прихватить между двумя загородками.

Ползли мы, ползли, и доползли до берега. Смотрю — Мамий руку поднял и к воде бросился. Я вскочил и тоже прямо к загородке. Р-раз! Щит на месте! Вода — стоп! Вверх полезла. «Эх, думаю, ведь она же поверх пойдёт». Оказывается, все было кем-то предусмотрено. От загородки Мамия отходил влево канальчик.

Вода поднялась и пошла по нему, а между щитами она осталась.

«Эге-гей! — кричит мне Мамий. — Видишь?»

Глянул я в воду, а в ней так и бегают рыба. Вот это да!

«Бери лопатку, — кричит Мамий, — она под берегом, и выбрасывай воду!»

Вот и стали мы выплескивать воду. Часа два трудились. Наконец, показалось дно. Оно было усеяно хайрюзами. Половину мы выпустили в ручей, а половину забрали. Хорошая была уха!

Сарлыков видел. Подпускали меня уже поближе. В другой раз, наверно, совсем близко подпустят. Тут я и наброшу веревку. Поймаю — и прямо тебе пошлю. Ты только сразу не корми его сахаром. Они любят, когда с ними поостроже. Понял? Ну, будь здоров, сынок! Маму поцелуй. Твой папка».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Грошев получил донесение из Куягашского аймакисполкома вечером и очень кстати — не дальше, как три часа назад его вызвал к себе Коломин и требовал принципиального мнения о козах-пухоносах.

— Если это не больше, как сенсация, вроде ваших гибридов, — сказал, устало проводя платком по шее (было душно, на улице собиралась гроза), секретарь обкома, — так и напишите: блеф! Все свои возражения обоснуйте научно. Ясно?

— Так точно, Яков Петрович. Обосновать научно.

— Ведь вы же до сих пор не даете Русаковой тему о пухоносах, и даже больше: вы запретили ей даже думать о них. Не так ли? — Проницательные, умные глаза секретаря остановились на Грошеве. Директор станции сник. Буря различных мыслей метнулась в его голове

— Хо, ничего не знаешь. Тут по-своему рыбачат, — весело сказал Мамий. — Рудничные придумали. А мы ведь не рыбачим. Не было такого раньше заведено.

— Как же они?

— Пойдем на Падун, там увидим.

— Это что еще за Падун?

— Есть такой ручей, в Апаш-Су впадает. Рыбный шибко ручей. Я знаю, мальчишки палками выбрасывали хайрюзов на берег. Богатое место.

— Так я не рыбачил, — сознался Шелест, добривая подбородок.

— Вот поедем. Поучимся. Я тебе и коня привел.

— Зачем же коня? Можно и на машине!

— У шофера, поди, в выходной день свои планы. Пусть у каждого свои.

— Это верно, Мамий Мурзагулович, справедливо говоришь.

Иван Ильич долго не хотел верить, что никаких снастей не нужно брать на рыбалку, и решил, что все заранее приготовлено на месте.

• * •

Рыбалка действительно оказалась необычной.

«...Чудеса, Николашка! — писал в письме родным Иван Ильич. — Просто как в сказке. Представь себе неширокий ручей, с никогда не пуганной рыбой. Хайрюзы и сорошка трутся друг об друга — вода так и рябит. Мы осторожно подошли к валуну, около которого стояли обыкновенные фанерные щиты, только окованные снизу.

«Смотри, — сказал мне Мамий. — Видишь две загородки поперек?»

«Вижу», — говорю. Как раз против нашего валуна ручей был перегорожен колышками. Выше метров на восемь — вторая такая же загородка.

«Бери щит и ползи к первой загородке, я ко второй поползу, — сказал Мамий. — Потом, как увидишь, что я у самого берега — жди моего сигнала. Подыму руку — бросайся со щитом к воде и втыкай его меж кольев. Не давай воде уходить».

Мы поползли. Ты скажешь, Сверчок, зачем ползти, когда подойти можно. Это для того, чтоб рыба раньше

времени нас не заметила и не разбежалась, — ее нужно прихватить между двумя загородками.

Ползли мы, ползли, и доползли до берега. Смотрю — Мамий руку поднял и к воде бросился. Я вскочил и тоже прямо к загородке. Р-раз! Щит на месте! Вода — стоп! Вверх полезла. «Эх, думаю, ведь она же поверх пойдёт». Оказывается, все было кем-то предусмотрено. От загородки Мамия отходил влево каналычик.

Вода поднялась и пошла по нему, а между щитами она осталась.

«Эге-гей! — кричит мне Мамий. — Видишь?»

Глянул я в воду, а в ней так и бегают рыба. Вот это да!

«Бери лопатку, — кричит Мамий, — она под берегом, и выбрасывай воду!»

Вот и стали мы выплескивать воду. Часа два трудились. Наконец, показалось дно. Оно было усеяно хайрюзами. Половину мы выпустили в ручей, а половину забрали. Хорошая была уха!

Сарлыков видел. Подпускали меня уже поближе. В другой раз, наверно, совсем близко подпустят. Тут я и наброшу веревку. Поймаю — и прямо тебе пошлю. Ты только сразу не корми его сахаром. Они любят, когда с ними построже. Понял? Ну, будь здоров, сынок! Маму поцелуй. Твой папка».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Грошев получил донесение из Куягашского аймакисполкома вечером и очень к стати — не дальше, как три часа назад его вызвал к себе Коломин и требовал принципиального мнения о козах-пухонсах.

— Если это не больше, как сенсация, вроде ваших гибридов, — сказал, устало проводя платком по шее (было душно, на улице собиралась гроза), секретарь обкома, — так и напишите: блеф! Все свои возражения обоснуйте научно. Ясно?

— Так точно, Яков Петрович. Обосновать научно.

— Ведь вы же до сих пор не даете Русаковой тему о пухонсах, и даже больше: вы запретили ей даже думать о них. Не так ли? — Проницательные, умные глаза секретаря остановились на Грошеве. Директор станции сник. Буря различных мыслей метнулась в его голове.

— Хо, ничего не знаешь. Тут по-своему рыбачат, — весело сказал Мамий. — Рудничные придумали. А мы ведь не рыбачим. Не было такого раньше заведено.

— Как же они?

— Пойдем на Падун, там увидим.

— Это что еще за Падун?

— Есть такой ручей, в Апаш-Су впадет. Рыбный шибко ручей. Я знаю, мальчишки палками выбрасывали хайрюзов на берег. Богатое место.

— Так я не рыбачил, — сознался Шелест, добривая подбородок.

— Вот поедем. Поучимся. Я тебе и коня привел.

— Зачем же коня? Можно и на машине!

— У шофера, поди, в выходной день свои планы. Пусть у каждого свои.

— Это верно, Мамий Мурзагулович, справедливо говоришь.

Иван Ильич долго не хотел верить, что никаких снастей не нужно брать на рыбалку, и решил, что все заранее приготовлено на месте.

• * •

Рыбалка действительно оказалась необычной.

«...Чудеса, Николашка! — писал в письме родным Иван Ильич. — Просто как в сказке. Представь себе неширокий ручей, с никогда не пуганной рыбой. Хайрюзы и сорошка трутся друг об друга — вода так и рябит. Мы осторожно подошли к валуну, около которого стояли обыкновенные фанерные щиты, только окованные снизу.

«Смотри, — сказал мне Мамий. — Видишь две загородки поперек?»

«Вижу», — говорю. Как раз против нашего валуна ручей был перегорожен колышками. Выше метров на восемь — вторая такая же загородка.

«Бери щит и ползи к первой загородке, я ко второй поползу, — сказал Мамий. — Потом, как увидишь, что я у самого берега — жди моего сигнала. Подыму руку — бросайся со щитом к воде и втыкай его меж кольев. Не давай воде уходить».

Мы поползли. Ты скажешь, Сверчок, зачем ползти, когда подойти можно. Это для того, чтоб рыба раньше

времени нас не заметила и не разбежалась, — ее нужно прихватить между двумя загородками.

Ползли мы, ползли, и доползли до берега. Смотрю — Мамий руку поднял и к воде бросился. Я вскочил и тоже прямо к загородке. Р-раз! Щит на месте! Вода — стоп! Вверх полезла. «Эх, думаю, ведь она же поверх пойдет». Оказывается, все было кем-то предусмотрено. От загородки Мамия отходил влево канальчик.

Вода поднялась и пошла по нему, а между щитами она осталась.

«Эге-гей! — кричит мне Мамий. — Видишь?»

Глянул я в воду, а в ней так и бегают рыба. Вот это да!

«Бери лопатку, — кричит Мамий, — она под берегом, и выбрасывай воду!»

Вот и стали мы выплескивать воду. Часа два трудились. Наконец, показалось дно. Оно было усеяно хайрюзами. Половину мы выпустили в ручей, а половину забрали. Хорошая была уха!

Сарлыков видел. Подпускали меня уже поближе. В другой раз, наверно, совсем близко подпустят. Тут я и наброшу веревку. Поймаю — и прямо тебе пошлю. Ты только сразу не корми его сахаром. Они любят, когда с ними поостроже. Понял? Ну, будь здоров, сынок! Маму поцелуй. Твой папка».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Грошев получил донесение из Куягашского аймакисполкома вечером и очень кстати — не дальше, как три часа назад его вызвал к себе Коломин и требовал принципиального мнения о козах-пухоносах.

— Если это не больше, как сенсация, вроде ваших гибридов, — сказал, устало проводя платком по шее (было душно, на улице собиралась гроза), секретарь обкома, — так и напишите: блеф! Все свои возражения обоснуйте научно. Ясно?

— Так точно, Яков Петрович. Обосновать научно.

— Ведь вы же до сих пор не даете Русаковой тему о пухоносах, и даже больше: вы запретили ей даже думать о них. Не так ли? — Проницательные, умные глаза секретаря остановились на Грошеве. Директор станции сник. Буря различных мыслей метнулась в его голове.

«Может, снарядить комиссию... А если та признает? Не погладят по головке».

— Русакова отвлекалась. И я, как директор, не мог... Но сейчас, кажется...

— Что кажется?

— Сейчас, кажется, у нее успех. Может, и неполный. Тем не менее...

— Хорошо. Напишите.

Коломин встал. Грошев поклонился и молча вышел.

...И вот это донесение. Грошев внимательно прочитал его.

— Да они с ума спятили там, что ли? — воскликнул он и вслух прочитал:

«Начесали 30 килограммов пуху... Наряду с этим следует отметить, что ческа производилась незаконными скребницами...» Ха-ха-ха! — закатился Грошев, — «наряду с этим»... Хах-ха-ха... А тридцать килограммов пуху начесали. Вот бы Коломину эту бумагу. Сами себя с головой выдали. Законники.

И он нервно прошелся по кабинету.

— Значит, пухоносы существуют. Они будут быстро распространяться — это факт, если уже сейчас пишут Коломину, чтоб похлопотал то за один, то за другой колхоз...

— Так и лезет напролом. Напролом лезет в науку, — прошептал с неприязнью Грошев, думая о Русаковой. — Академию и близко не видела, а вот возьмет и обскачет тебя. Обойдет...

Грошев почувствовал раздражение. Он отошел от стола к окну и машинально проследил за желтым листом, который, кружась, долго летел на усыпанную такими же листьями землю. Вдруг, повинувшись легкому движению воздуха, лист порхнул к окну и, ударившись о стекло, упал за подоконником. Грошев вздрогнул, невольно отстраняясь от окна, потер ладонью лоб... «На каждом шагу. Не считаясь с твоими капитальными знаниями, связями в научном мире, — подумал он с горечью и отчаянием. — Ни эрудиции, ни... веса... Кто тебя знает? Пастухи? Табунщики? Что значит Красногорская опытная станция без моих гибридов?»

— Спросите, товарищ Коломин. Спросите хоть в Москве!.. Без них нет Красногорской станции! Нет! Нет!

Грошев бегал по кабинету, натываясь на стулья, на

стои, выкрикивая возбужденно бессвязные слова и фразы, вызванные упрямством Русаковой. Но он даже и сам не верил в то, что говорил. Давно в подсознании росло и крепло холодное, до боли страшное, но правдивое убеждение — в правоте ее дела, в талантливости ее поисков и работ.

— Талант... Что? — вдруг встрепенулся он, и ужас объял его. — Значит... подвиньтесь, дорогой директор, с вашим детищем, которому отдал больше двадцати лет научной работы?.. Значит... в сторонку?.. Чепуха! Не верю! Не талант, а просто удача. Но все это еще не капитально... Не научно... Вот посмотрим. Вот увидим... Да!.. — Грошев остановился от внезапно вспыхнувшей мысли и хлопнул себя ладонью по лбу.

Уже подсаживаясь к столу, добавил:

— Можно... Можно и признать, товарищ Коломин.

Грошев придвинул лист бумаги и стал писать объяснение.

* * *

На отаре Кульзах с утра идет большая работа. Анна Васильевна с Варей ведут бонитировку пухоносов. Они измеряют ость и глубину пухового отложения, описывают внешние признаки новой породы.

— Варюша, ты заметила, что у коз с бусым венчиком на груди качества уже не те?

— Да. У них ость длиннее на целый сантиметр.

— А пух?

— Пух короче на два сантиметра.

— Значит? — Анна Васильевна сняла пенсне и впришур посмотрела на Варю.

— Значит, порода пухоносов определяется чисто белым покровом, более мускульными ногами, глубиной пухового отложения.

— Правильно. Всех с этим бусым ожерельем — в общую улучшенную отару.

— Понятно. На тебеневку из пухоносов пойдет семнадцать?

— Да. Мартанакон предложил закупить и доставить сейчас на Синёк — ведь там будет тебеневка? — тонны две прессованного сена и концентратов. На всякий случай. Отказываться не будем.

— Конечно. Подкормка не помешает, — согласилась Кульзах.

Закончив вчерне записи, Варя заторопилась на пункт.

— Приведу в порядок журнал.

— Ладно, — согласилась Анна Васильевна, — я поеду к Чермешевой, прослежу за работой осеминаторов. Возможно, не вернусь сегодня. Да, слышали, как обиделся на нас Енчибаев? Встретил он Любу на стоянке Соен Марчиной и говорит: «Колхоз «Дьяны Дьел» может еще зиму подождать. Но если на тебсневке не выживут пухоносы и подохнут, мы всем аймаком подадим на вас в суд. И «Дьяны Дьел» подаст, и «Дьяш Корбо» подаст, и имени Сталина колхоз тоже подаст».

— За что же? — засмеялась Кульзах.

— За то, что, говорит, «убьете у нас завтрашний день!»

Варя тихо улыбнулась и поднялась в седло.

— Завтрашний день теперь уже не потерять, — сказала она задумчиво и повернула коня в степь.

• • •

На стоянку Кульзах приехал неожиданно Мамий.

— Дьякиши, дьякиши ба! Все колдуете? — весело сказал Мамий, радуя Кульзах своим бодрым видом.

В тайниках души Кульзах чувствовала вину перед стариком. Ей казалось невозможным при нем смеяться, говорить легкомысленные вещи. Обидится. Скажет: «Забыла уже Магузума. И смеется, и радуется». И Кульзах становилась при старике замкнутой и грустной. Чем виновата она, что с каждым днем в ее сердце всё больше и больше жаворонковых песен врываться стало, что эти песни уже просятся с ее языка. Нет, нехорошо, нехорошо, Кульзах. Разве виноват старик? Ты его обидеть можешь.

А Мамий, видя задумчивую Кульзах, терзался мыслью: «Уйдет из семьи... Теперь она свободна, как птица». И ему хотелось, чтобы каждый день приносил ей одни радости. Вот такую радость, как сегодня.

Мамий обошел небольшую отару пухоносов. Посмеялся.

— Хороший пух. Пожалуй, лучше верблюжьего, а?

— Лучше, лучше, отец, — сказала Кульзах

— Ты молодец. Молодцы вы все. А знаете, что мне предложил сегодня секретарь райкома?

Женщины заинтересованно посмотрели на старика.

— Он предложил на курорте отдохнуть. Во! А кому— знаете?

— Тебе, конечно, отец! — воскликнула Кульзах.

— Нет. Не отгадала: тебе.

— Это замечательно! — воскликнула Анна Васильевна. — Езжай, езжай.. До зимовки отдохнешь хорошо.

— Да, да. Повеселеешь, — добавил Мамий, испытующе глядя на сноху.

Кульзах с благодарностью посмотрела на Мамня. «Это он... он отказался ради меня», — отгадала она сердцем и, покрасневшись вдруг, обняла его, уткнув голову в грудь его. Мамий растроганно похлопал ее по плечу, по голове погладил.

— Ничего, ничего, Кульзах. Ты заслужила. Помни: кого жизнь ждет, тот должен дорожить ею...

* * *

Варя ехала одна по раскаленной степи. Она давно привыкла и к жаре, и к однообразным пейзажам и не замечала ничего, кроме того, что ее волновало.

А волновало ее сейчас многое. Правда, она едва ли кому дала повод для подозрений. Много лет с ней Анна Васильевна, но и та, конечно, ничего не знает.

Испугалась своего чувства Варя. Ушла в себя. Скрытая по природе, она стала еще более замкнутой. Даже в степи, и то... Она оглядывается. Никого-никого вокруг. В сонной дреме блестят раскаленные гальки. Да глыбы разрушенных скал попадают кое-где. Она одна в степи.

Варя вспоминает слова Енчибаева: «Завтрашний день потеряем»... «А кто же у меня украл этот завтрашний день? — подумала она с горечью. — Пухоносы есть. Теперь я, пожалуй, могу уехать отсюда. «Ты стала, — говорит Анна Васильевна, — прекрасным бонитером». Знаю. Любую породу определяю. Можно попроситься в институт».

Мысль ее перекинулась к Мартанакovu. «Он ничего не видит, не замечает. Неужели самой подать знак?» Варя вспыхнула. «Ни за что. С ума сойти».

Тяжела любовь взаперти...

Варя только успела расседлать коня, как из конторы принесли телеграмму. Она вскрыла ее и медленно прочитала: «Куюгаишский опорный пункт. Русаковой. Включаю темой пухоносов зимнюю тебеневку категорически запрещаю. Договаривайтесь колхозом постройке кошары закупке кормов. Грошев».

— Вот это называется обрадовал, — улыбнулась Варя и, наскоро закусив, приступила к обработке материалов. В голове — телеграмма. Странно: пухоносов признал, а на тебеневку не разрешает гнать... Ведь им же быстрее акклиматизироваться нужно!.. Все еще не верит...

Варя уснула уже в третьем часу.

Утром Мартанакوف дважды осторожно стучался в дверь, никто ему не открывал. Только когда решил зайти в третий раз — увидел, что дверь пункта открыта. Оттуда доносилось характерное шипение примуса.

— Ну и спите же вы! Не ожидал, Варвара Николаевна, — весело крикнул Мартанакوف прямо из сеней.

Варя оторвалась от какой-то книги, которую держала в одной руке (другой мешала ложкой в кастрюле), отошла от примуса, растерялась, содержимое из кастрюли сейчас же шапкой вспенилось и поползло вниз, заливая огонь.

— Ой! Что же вы стоите! Помогите.

Мартанакوف развел руками. Варя бросилась к примусу и погасила его.

— Не умею обращаться, — хотел оправдаться Мартанакوف, но Варя погрозила ему.

— Кто вам поверит! Хотите молочной каши?

— Молочной? — обиделся Мартанакوف. — Да я вам кто?

— А что? — улыбнулась Варя. (Никогда она не чувствовала себя такой жизнерадостной и приветливой, как в это утро. Откуда у нее это явилось? Прямо диво! И Анна Васильевна, и Люба не узнали бы ее в эту минуту! В груди у нее все пело и играло. И руки были удивительно быстрыми).

— Так ведь кашку, да еще молочную, Варвара Николаевна, для детей, говорят, делают.

— Как вы бонтесь даже на минутку перестать быть сугубо взрослым, — покачала головой Варя.

Мартанакон не узнал этой всегда серьезной девушки. Он смотрел на нее во все глаза. Что стряслось с ней? «Отдохнула хорошо, вот и весело, — решил он. — Она ведь много работает». А Варя в это утро всё удавалось — и шутка, и слово. Смеясь, уговорила его сестра за стол и попробовать «детской» пиццы. И справедливость требует заметить, он ничуть, кажется, от этого не потерял своей взрослости.

Черный, горбоносый, он сидел перед Варей, будто молодой кобчик, с горящим цепким взглядом, подвижной, сильный. Сидел и не знал, как начать разговор. А Варя хлопотала перед ним, не в силах взять себя в руки, покрасневшая, с блестящими глазами, отлично сознавая, что ведет себя не по-обычному, слишком уж возбужденно: по-детски, во весь голос смеется, не скрывая радости, смотрит смело в его лицо. Откуда, откуда это у нее? Хочется сказать себе: «Остановись! Сдержи смех! Сердце — стой!» Хочется — и не может, не хватает сил.

А Мартанакон, ни о чем не догадываясь, решил, что выбрал, кажется, очень удачный момент. «Настроение подходящее, — подумал он. — В шутиливой форме не так стыдно. А впрочем, что тут особенного? Мужчина обращается к девушке. По-товарищески, в порядке совета».

— О чем это вы все думаете? — спросила Варя, весело глядя на Мартанакон.

Мартанакон оживился («Сейчас или никогда!»).

— Я скажу, Варя. Вам, может, странным покажется, но я безо всякого... Помощи хочу просить, — начал он путано.

Варя заметила, что он смутился. Она испугалась. Щеки ее вспыхнули. Еще не зная, о чем он будет говорить, она подумала, что он сейчас сделает решительный шаг. Конечно, он понял ее состояние. Он не мог не догадаться.

— Говорите, — тихо сказала она, опустив глаза.

— Я прямо, вы извините... Я хочу просить за Кульзах...

— За Кульзах? — встрепенулась Варя бледнее.

— Да... Видите... Я ее... В общем, без нее ничего у меня не получается. А она тянет. Почему? Какая у нее тайна?

— Тайна? Я не знаю, — с трудом проговорила Варя, чувствуя, как всё пересохло вдруг во рту.

— Может, и нет ее. Но что она задумала? Вы могли бы спросить ее, Варвара Николаевна!

— Да, да. Можно спросить, — отвернувшись к окну, сказала Варя.

Белесая, голая лежала за окном полупустыня.

«Как это я не замечала ее такой раньше? Эту гадкую степь! — медленно всплыла мысль. — Не замечала. А теперь... Теперь вижу. Что это за звон такой в ушах? Да, да, больше не могу».

А Мартанакوف стал благодарить ее. «О чем это он? Ах, о Кульзах. Счастливая». Мутным, мутным стало окно. Какая удивительная пустота!

Едва дождавшись, когда Мартанакوف уйдет, Варя закрыла на крючок дверь и бросилась на койку, уставшая, разбитая...

Первой мыслью было — немедленно покинуть пункт. Даже вот так, не видя никого, не прощаясь с отарой. Вспомнив об отаре, Варя почувствовала себя тяжело. Не выдержала — заплакала. Стало легче. Уже спокойно решила: скажу Кульзах. Разве виновата она?

Подъехавшие Люба и Анна Васильевна обнаружили на столе забытый кем-то лист бумаги.

— «Алтайский сельскохозяйственный институт», — прочитала вслух Люба и удивленно взглянула на Русакову.

— Варя? — застыла та от неожиданности.

— Да. Заявление.

Анна Васильевна опустилась на лавку. Верно, разговор об институте был. Но, разве это было уже решением? А отара? Нет, надо уговорить ее! Отсрочить хотя бы на одну зиму.

— Она ведь такая, — сказала Люба, — ни с того, ни с сего, раз — и готово!

Русакова качнула головой.

— Учиться ей обязательно надо. Обязательно! Но, видишь ли, надо закончить, довести до конца большое дело. Она ведь и сама об этом прекрасно знает. Нет, я не верю, чтоб это решение было окончательным. Она чем-то огорчена. Кто видел ее хоть раз такой рассеянной, чтоб она забыла что-нибудь, оставила? Тем более такое. Нет, она не поступит так!

— Тут вам телеграмма, Анна Васильевна, — воскликнула Люба, протягивая форменный желтый бланк телеграммы.

— А ну, ну, Любаша. Посмотрим. Ага, от Грошева. «Включаю темой пухоносов».

— Наконец-то! — засмеялась Люба.

— Погоди, погоди, — подняла руку Анна Васильевна. — Ну вот. Это нужно было ждать от него.

— Что такое?

— Запретил тебеневку пухоносов.

Люба задумалась.

— А может, он прав? — сказала она. — Я вам говорила, как Енчибаев сказал?

— Да, да. Но здесь не то. Вы его не знаете. Надо узнать, прислал ли он такие же телеграммы в колхоз и райком партии.

Телеграмма в колхозе была. Ее, ругаясь, подал Русаковой Токушев.

— Вот ваши пухоносы чего потребовали с колхоза, — кошар, дополнительных расходов на сено, концентраты. Да они сами себя не окупят.

— Верно, верно, — сказала Русакова.

— Что верно? Да на кой черт они тогда нужны колхозу?

— Да, да, — рассеянно пробормотала Анна Васильевна, пряча пенсне в футляр и выходя из конторы.

В тот же вечер она выехала к Шелесту. У секретаря райкома, оказывается, была телеграмма из обкома партии.

— Видите: Коломин. Запретил тебеневку пухоносов — и точка. Может, на самом деле, а? Ведь такая ценность?

Шелест изучающе посмотрел на Анну Васильевну и удивился ее лицу: оно было точно окаменевшее.

— Нет, Иван Ильич, нужно работу довести до конца. И я прошу вас помочь мне в этом. Мартанакон — молодой хозяин. Он действительно запретить может.

— Что ж я. Я должен подчиниться директиве обкома, — пожал плечами Шелест.

— Вы не знаете Грошева, — горячо заговорила Анна Васильевна. — Он опутал там всех. Я понимаю его. Не признать пухоносов уже нельзя. Так он придумал очень сильный и веский аргумент: строительство — очень труд-

— Тайна? Я не знаю, — с трудом проговорила Варя, чувствуя, как всё пересохло вдруг во рту.

— Может, и нет ее. Но что она задумала? Вы могли бы спросить ее, Варвара Николаевна!

— Да, да. Можно спросить, — отвернувшись к окну, сказала Варя.

Белесая, голая лежала за окном полупустыня.

«Как это я не замечала ее такой раньше? Эту гадкую степь! — медленно всплыла мысль. — Не замечала. А теперь... Теперь вижу. Что это за звон такой в ушах? Да, да, больше не могу».

А Мартанакوف стал благодарить ее. «О чем это он? Ах, о Кульзах. Счастливая». Мутным, мутным стало око. Какая удивительная пустота!

Едва дождавшись, когда Мартанакوف уйдет, Варя закрыла на крючок дверь и бросилась на койку, уставшая, разбитая...

Первой мыслью было — немедленно покинуть пункт. Даже вот так, не видя никого, не прощаясь с отарой. Вспомнив об отаре, Варя почувствовала себя тяжело. Не выдержала — заплакала. Стало легче. Уже спокойно решила: скажу Кульзах. Разве виновата она?

Подъехавшие Люба и Анна Васильевна обнаружили на столе забытый кем-то лист бумаги.

— «Алтайский сельскохозяйственный институт», — прочитала вслух Люба и удивленно взглянула на Русакову.

— Варя? — застыла та от неожиданности.

— Да. Заявление.

Анна Васильевна опустилась на лавку. Верно, разговор об институте был. Но, разве это было уже решено? А отара? Нет, надо уговорить ее! Отсрочить хотя бы на одну зиму.

— Она ведь такая, — сказала Люба, — ни с того, ни с сего, раз — и готово!

Русакова качнула головой.

— Учиться ей обязательно надо. Обязательно! Но, видишь ли, надо закончить, довести до конца большое дело. Она ведь и сама об этом прекрасно знает. Нет, я не верю, чтоб это решение было окончательным. Она чем-то огорчена. Кто видел ее хоть раз такой рассеянной, чтоб она забыла что-нибудь, оставила? Тем более такое. Нет, она не поступит так!

— Тут вам телеграмма, Анна Васильевна, — воскликнула Люба, протягивая форменный желтый бланк телеграммы.

— А ну, ну, Любаша. Посмотрим. Ага, от Грошева. «Включаю темой пухоносов».

— Наконец-то! — засмеялась Люба.

— Погоди, погоди, — подняла руку Анна Васильевна. — Ну вот. Это нужно было ждать от него.

— Что такое?

— Запретил тебеневку пухоносов.

Люба задумалась.

— А может, он прав? — сказала она. — Я вам говорила, как Енчибаев сказал?

— Да, да. Но здесь не то. Вы его не знаете. Надо узнать, прислал ли он такие же телеграммы в колхоз и райком партии.

Телеграмма в колхозе была. Ес, ругаясь, подал Русаковой Токушев.

— Вот ваши пухоносы чего потребовали с колхоза, — кошар, дополнительных расходов на сено, концентраты. Да они сами себя не окупят.

— Верно, верно, — сказала Русакова.

— Что верно? Да на кой черт они тогда нужны колхозу?

— Да, да. — рассеянно пробормотала Анна Васильевна, пряча пенсне в футляр и выходя из конторы.

В тот же вечер она выехала к Шелесту. У секретаря райкома, оказывается, была телеграмма из обкома партии.

— Видите: Коломин. Запретил тебеневку пухоносов — и точка. Может, на самом деле, а? Ведь такая ценность?

Шелест изучающе посмотрел на Анну Васильевну и удивился ее лицу: оно было точно окаменевшее.

— Нет, Иван Ильич, нужно работу довести до конца. И я прошу вас помочь мне в этом. Мартанакон — молодой хозяин. Он действительно запретить может.

— Что ж я. Я должен подчиниться директиве обкома, — пожал плечами Шелест.

— Вы не знаете Грошева, — горячо заговорила Анна Васильевна. — Он опутал там всех. Я понимаю его. Не признать пухоносов уже нельзя. Так он придумал очень сильный и веский аргумент: строительство — очень труд-

ное дело для Куягаша. Не каждый колхоз в состоянии всю зиму содержать большие отары на привозном сене и концентратах. Вот и тормоз в развитии пухоносов. Понимаете, в чем дело?

— Все это ясно, но пока отара малочисленна, сохранить ее легко. Три-четыре машины сена. Овса купить. Размолоть. Не так все это дорого.

— Речь-то идет о массовом распространении пухоносов, а не просто о любительской отарке в каждом колхозе... Иван Ильич! Ведь мы можем авторитетную комиссию создать и проверить! — воскликнула Русакова.

— Из кого? Из Селиванова, Стрункина, Мартанаква. Да? Они первые все проголосуют за то, чтобы не посылать пухоносов на тебеневку! Селиванов и Стрункин потому, что не захотят принять на душу беспокойство из-за них, Мартанаква — чтоб верней сохранить. Не так ли?

— Это правильно, — сказала Русакова. Она сидела несколько минут в каком-то оцепенении, потом встала и, прощаясь, спокойно и твердо сказала:

— Тогда я сама. Сама добьюсь, Иван Ильич.

* * *

Варя заметила, что в этот день Кульзах была с ней особенно какой-то настороженной, будто ждала от нее чего-то.

«Неужели догадалась? — испугалась Варя. — Нет, во мне, очевидно, есть что-то такое, что вызывает подозрение. Надо быть как всегда. Она не должна знать ничего...»

— Собираешься на курорт? — спросила Варя, обнимая Кульзах, стараясь быть веселой. — Нет еще?.. Кстати, слыхала — Грошев разрешил тему с пухоносами.

— Он же не дурак, — засмеялась Кульзах. — Как не разрешить теперь?

— Но запретил тебеневку. А они должны тебеневать. Как думаешь: выдержат?

— Выдержат, — сказала твердо Кульзах и, смотря Варе в глаза, спросила: — Ты что-то хочешь сказать мне?

Варя вздрогнула, но спокойно сказала:

— Ты догадлива. У меня есть поручение к тебе... От

Мартанакова. Он любит тебя. Удивляется, почему ты отвертываешься от него.

— Он тебе сказал?

— А что же. Мы ведь... Мы друзья, Кульзах. Что ж тут такого?

— Мужчина.

— Это, знаешь, у тебя еще предрассудки. Он ведь мучается, Кульзах.

— Я скажу ему.

— Он славный. Ведь ты любишь его, да?

— Да. Но...

— Чудная! Какое же тут еще «но», если вы оба...

— Но я не буду счастлива, если увижу, как вот это дело поведет до конца другой. Неужели он не понимает этого? А Тана?

Варя обняла Кульзах.

— Ты же знаешь, что он не живет с ней давно. И при чем же тут отара? Разве ты не думаешь работать, если станешь его женой?

— Он, наверное, скажет, чтоб около дома была.

— Нет, он тебе поможет, он знает, как необходимо человеку большое дело...

— Я знаю. Я думала обо всем — и никак не получается.

— Что не получается?

— За председателя выходить замуж.

Варя рассмеялась.

— Не верю, Кульзах!

— Ну как же! Слушай: главная контора колхоза — в шестидесяти-восемидесяти километрах. На усадьбе делать мне нечего, буду жить на тебеневках. Как же он? Разве это семья будет?

«И в самом деле, — подумала Варя. — А она что попало по хозяйству делать не станет. Она такая. У нее есть цель...»

— А я надумала! — воскликнула вдруг Варя. — Знаю, как тебе поступить.

— Научи.

Варя помедлила и, как бы решаясь сказать очень для нее тяжелое, вздохнула и тихо, но твердо произнесла:

— Ты будешь вести научную работу на пункте, Кульзах. Да, да, не смейся. Ты заменишь меня.

— Как же я заменю тебя? — смеясь спросила Кульзах, ничуть не веря в такую возможность.

— Я говорю вполне серьезно. Ты будешь бонитером. Ты уже многое знаешь.

И Кульзах поняла, что Варя не шутит.

— Но ведь бонитер нужен всего один на пункт!

— Ты им и будешь!

— А ты?

— Я поеду учиться. Учиться в институт.

— И не жалко бросить всё это?

— Очень жалко, Кульзах. Но мне необходимо ехать. Понимаешь? Необходимо.

— Да. Когда говорят: «Учиться», я понимаю. Мне как раз и не хватает знаний.

— Анна Васильевна заменит тебе целый техникум.

— Это верно, — согласилась Кульзах, и Варя видела, как внутренняя радость засветилась на ее лице. «Она будет очень счастлива», — подумала Варя.

Кульзах сказала, прижимая Варину руку к груди:

— Ох, если б только всё сбылось!

Варя не спала всю ночь. Неожданное откровение любимого человека ошеломило ее. Гордая и сильная, она не могла примириться с положением «незамеченной», отвергнутой. Она ясно сознавала, что оставаться здесь больше не может.

«А если вдруг пухоносы окажутся слабыми и не выдержат зимовки?.. Тогда... Что ты станешь делать тогда? — кольнула ее страшная мысль. — Что ж, тогда... посмотрим».

«Нет, если так и получится? — не отставала мысль.— Тогда... Тогда мы начнем снова, — твердо решила Варя и прошептала: — Да, снова. Еще раз, и еще, и еще. Значит, лучше подождать, чем приезжать оттуда. Остаться, может, на одну зимовку? Уехать в горы. Пережить».

Жизнь Вари сложилась нелегкая. Она была старше Любы на шесть лет. Семья жила без отца. Мать работала в промкомбинате портнихой. Варя успешно окончила десятилетку. Это была первая ее победа. Она помогала матери и училась. Ей очень хотелось учиться дальше, но тут слегла мать. Одного пособия не хватало. Случайно познакомившись с Русаковой, Варя попросила ее взять к себе помощницей. (В это время Анна Васильевна хлопотала об организации опорного пункта в Куягаше). Вско-

ре мать умерла. Варя помогла Любе окончить семилетку, а затем техникум. Сама решила стать бонитером. Прошло уже пять лет вариного «университета». Она стала прекрасным бонитером. Привыкла ко всему. Полюбила свою работу...

«Странно получается, — подумала вдруг Варя. — Столько лет труда, учебы — и бросать, потому что... Ну, где он, выход? Анна Васильевна стала ученой... Но прежде она кончила институт... Институт».

* * *

Варя по-иному стала присматриваться к Анне Васильевне. «Неужели удовлетворяет ее жизнь аскета? Не может быть. Когда она говорит о своей работе — кажется, видна ее душа. Но так ли это? Нет ли чего поглубже, что прячет она от любопытных взглядов? Вот так, одной на далеком пункте, среди овец и коз. Быть пять... семь... десять лет. Не могу. Не буду. Невозможно!»

Варя до боли кусала губы и с силой сдерживалась, чтоб не разревется. Она бросала работу и уходила, не замечая сама того, в степь.

— Я твоё решение поддерживаю, Варя, — сказала на другой день Анна Васильевна. — Только...

— Знаю, — перебила ее Варя. — Пухоносы, вы хотели сказать, зимовка?

Та твердо сказала:

— Да.

Варя отвернулась: в этот миг она действительно не понимала ее. «Неужели в ней ничего живого не осталось?»

— Ну, Варюша? — услышала она ровный голос Анны Васильевны.

— Я остаюсь на зиму, — прошептала Варя. — Только так тяжело мне. Так...

— Понимаю. Иногда этот песок выводит из равновесия...

— Пять лет у черта на куличках.

— Из тебя выйдет хороший ученый. В тебе есть главное — настойчивость, — сказала Анна Васильевна.

— Но многого, очевидно, и не хватает, — проговорила Варя, чувствуя, как горло вновь перехватило...

— Возможно, — внимательно поглядела на нее Анна Васильевна. — Но я что-то не замечала.

— Простите меня, Анна Васильевна, — и как-то странно нагнув голову и пряча лицо, Варя выскочила за дверь. Анна Васильевна пожала плечами и вздохнула, решив, что это новый прилив тоски, которую периодически нагоняет на человека эта полупустыня.

«Пройдет. Она не такая, чтобы совсем размякнуть от чувств, — подумала Анна Васильевна. — Вон Люба. Положение куда было отчаянней, — Анна Васильевна улыбнулась, — а сейчас не узнаешь. Так и рвется в степь».

Все эти дни Люба работала над планом развития животноводства в колхозе. Анна Васильевна уже три раза ездила в Куягаш, чтобы оттуда позвонить в Красногорск Обручевой, и три раза возвращалась ни с чем. То занята линия, то повреждения.

— Вот и сегодня, — с отчаянием сказала Русакова. — Дозвонилась, а ее нет — выехала в какой-то аймак. Прямо невезенье! Думаю уж так: сочиню длинную телеграмму с протестом и отправлю прямо Коломину.

— А может, уговорить еще можно Мартанакова? — спросила Люба.

— И ни в какую! Прихожу утром сегодня, а у него гость — Енчибаев. Стала я говорить о том, что готовлю все-таки пухоносов на тебеневку, они посмотрели друг на друга, улыбнулись. Вижу, что об этом же разговаривали. «Иван Мартанакевич, — говорю, — правление колхоза поверило мне и приобрело дорогого козла. Почти пять лет выводил пункт пухоносов... Почему вы вдруг решили, что я сейчас ошибаюсь?» — «Тут дело, — говорит, — такое, Анна Васильевна. Когда пухоносов не было, тогда за них и не боялись. А теперь ведь их отара! И вот эту золотую отару загоните вы на зиму в горы. А если от нее останутся ножки да рожки?» — «Не останутся, — говорю, — Иван Мартанакевич. Все живы будут». Тут Енчибаев вставил слово: «Дьяны Дьел» колхоз условия предлагает: две пары пухоносов весной — вся отара зимует как в горнице». Понятно?

— И неужели Мартанакос согласится? — Люба весело посмотрела на Русакову.

— Он? Едва ли, — вздохнула Русакова.

Вошла незаметно Варя. Она слышала весь разговор.

— Я знаю, как воздействовать на строптивного председателя, — сказала Варя.

— Ты, Варюша? — изумилась Русакова. — Что ж до сих пор молчала? Я бегая, не нахожу себе места, а она...

— Не верила раньше, что это всерьез. Думала, не послушаете Грошева, и всё. — Голос Вари был снова тверд и спокоен.

— Если б один Грошев! Даже обком и тот вмешался... Что ж ты предлагаешь?

— Сказать Кульзах, чтоб она... чтоб она воздействовала на Мартанаква. Она может. Только она, — сказала Варя.

— Кульзах? — воскликнула Русакова и молча установилась на Варю. Кажется, она кое-что поняла. Лицо ее прояснилось. Она улыбнулась и тихо произнесла:

— Вон как! Кульзах. Однако Мартанакв один теперь уж не решает.

— Но привлечь на свою сторону председателя — это почти победа! — сказала Люба.

— Правильно. Правильно. Я сейчас же поеду на огару. А телеграмму все же пошлю в Красногорск. Попрошу комиссию, — взволнованно проговорила Анна Васильевна.

— Я с вами поеду к Кульзах, — сказала Варя. — Вы ей только, пожалуйста... Хорошо?

Анна Васильевна поняла ее.

— Хорошо, Варюша. Устроим такой маленький заговор.

— А я скажу! — весело поддразнила Люба. — Я, как колхозный зоотехник, категорически запрещаю вам вмешиваться в колхозное животноводство!

— Ах ты, вредный зоотехник! — кинулась на нее Варя. Сестры со смехом схватились и обе упали на койку.

* * *

Из-под ног коней выбегали и прятались в щебенке серые ящерицы. Над горами, вдали, паслись белые отары облаков. Они лениво уходили на запад. Варя, жмурясь, смотрела на голую равнину. Дымилось, трепетало марево. Оно охватывало всадников горячим воздухом, обжигая их лица. Кружилась голова. Слабели мускулы ног. Хотелось спать.

«Как, все-таки, тяжело здесь», — услышала вдруг

Варя — и не поверила. Она повернулась в сторону Анны Васильевны. Та, поймав ее взгляд, качнула головой:

— Тяжело...

— Вы всегда восхищались Куягашем, Анна Васильевна, — улыбнулась Варя.

— Нет, — вздохнула Русакова. — Ничего тут нет такого, чтоб вызывало восхищение у человека. — Она решительно повернулась в седле к Варе и поймала ее руку. — Я всё знаю, Варюша...

Варя вздрогнула и растерянно глянула на Русакову. Кровь горячо ударила ей в голову.

— Нет, — тихо сказала Варя. — Всё прошло.

— Я понимаю тебя, Варюша. Ты сильная. Ты можешь. Это ведь я... я очень слабая. Ничего не забываю. Я не могу!

Русакова отвернулась, мелко задрожав.

— Анна Васильевна, что вы? — Варя даже остановила коня, натянув повод. Но Русакова, уже справившись с собой, горько усмехнулась и тепло похлопала Варю по плечу.

— Поедем, Варя. Поедем.

Варя была благодарна ей за то, что она ничего больше не сказала ей, не стала расспрашивать о ее любви. «Столько лет вместе, а другую ее не представляла себе. Неужели всё еще мужа любит? И неужели я так откровенно держала себя с Мартанакowym, что мои чувства к нему легко поняла Анна Васильевна».

Варе было очень стыдно. Она ни слова не скажет об этом. Ни слова!

Но Анна Васильевна, кажется, и не думала ни о чем расспрашивать. Она только добавила:

— Рано или поздно, а это, должно было прийти, Варя.

— Уж лучше б... еще позднее! — сказала девушка и взмахнула концом повода. Потянуло ветерком.

— Не отчаивайся, Варюша.

— Я и не отчаиваюсь. А вообще-то, надо бы всё это оставить и уехать...

— Ну вот, снова... — укоризненно покачала головой Русакова.

— Просто не могу я. Разве я камень?

— Правильно, Варюша. И все-таки, ты можешь заставить себя. Разве он виноват?

Варя задумчиво посмотрела в степь и покачала головой.

— А он будет огорчен. Очень. Ведь он просил тебя помочь Кульзах?

Варя подняла на нее глаза.

— Откуда вы знаете?

— Да ты же сама сказала, что надо помочь Кульзах, я и решила, что это его просьба...

— Я помогу ей. Как сумею, — вздохнула Варя, удивляясь проницательности Анны Васильевны.

— Я верю в тебя, Варюша. Ты справишься. А вот я... Я, кажется, одна остаюсь. Совсем одна.

— Анна Васильевна! — воскликнула Варя. — Я же дала вам слово!

— Верю. Только я о другом. О том, что здесь, — она ткнула пальцем себя в грудь, — на сердце. Неужели ты думаешь, у меня только козы и овцы на уме? — Она грустно улыбнулась. — Есть и другое. Но об этом не стоит... — Она решительно тряхнула головой. — ...Завтра придет большая почта. Мысль у меня, Варюша, есть... связаться с заводской лабораторией. — Голос ее уже был спокоен и тверд.

— С заводской? — переспросила Варя, с удивлением наблюдая, как легко владеет своими чувствами Анна Васильевна.

«А говорит — слабая, — подумала Варя. — Она очень сильная и... очень слабая!» — Варя улыбнулась.

— Мы свяжемся с лабораторией текстильного комбината. И знаешь, зачем? — Чтоб определить, какой пух практичней, изящней, красивее в материале... Какого месяца...

— Значит, чёску нужно проводить, — поняла ее Варя.

— Да, да. Ежемесячно вычесывать. Не всех коз. От одной брать.

— И образцы высылать в лабораторию, — догадалась Варя.

— Совершенно правильно. Как?

— Это будет очень хорошо, — сказала Варя с чувством. — Вы необыкновенный человек!

— Не совсем это так, Варюша, — улыбнулась Анна Васильевна.

И Варя поняла ее. Нет, не сухарь перед ней. Не аскет... Перед ней сильная женщина — ученый. Сегодня на

Варя — и не поверила. Она повернулась в сторону Анны Васильевны. Та, поймав ее взгляд, качнула головой:

— Тяжело...

— Вы всегда восхищались Куягашем, Анна Васильевна, — улыбнулась Варя.

— Нет, — вздохнула Русакова. — Ничего тут нет такого, чтоб вызывало восхищение у человека. — Она решительно повернулась в седле к Варе и поймала ее руку. — Я всё знаю, Варюша...

Варя вздрогнула и растерянно глянула на Русакову. Кровь горячо ударила ей в голову.

— Нет, — тихо сказала Варя. — Всё прошло.

— Я понимаю тебя, Варюша. Ты сильная. Ты можешь. Это ведь я... я очень слабая. Ничего не забываю. Я не могу!

Русакова отвернулась, мелко задрожав.

— Анна Васильевна, что вы? — Варя даже остановила коня, натянув повод. Но Русакова, уже справившись с собой, горько усмехнулась и тепло похлопала Варю по плечу.

— Поедем, Варя. Поедем.

Варя была благодарна ей за то, что она ничего больше не сказала ей, не стала расспрашивать о ее любви. «Столько лет вместе, а другую ее не представляла себе. Неужели всё еще мужа любит? И неужели я так откровенно держала себя с Мартанакowym, что мои чувства к нему легко поняла Анна Васильевна».

Варе было очень стыдно. Она ни слова не скажет об этом. Ни слова!

Но Анна Васильевна, кажется, и не думала ни о чем расспрашивать. Она только добавила:

— Рано или поздно, а это должно было прийти, Варя.

— Уж лучше б... еще позднее! — сказала девушка и взмахнула концом повода. Потянуло ветерком.

— Не отчаивайся, Варюша.

— Я и не отчаиваюсь. А вообще-то, надо бы всё это оставить и уехать...

— Ну вот, снова... — укоризненно покачала головой Русакова.

— Просто не могу я. Разве я камень?

— Правильно, Варюша. И все-таки, ты можешь заставить себя. Разве он виноват?

Варя задумчиво посмотрела в степь и покачала головой.

— А он будет огорчен. Очень. Ведь он просил тебя помочь Кульзах?

Варя подняла на нее глаза.

— Откуда вы знаете?

— Да ты же сама сказала, что надо помочь Кульзах, я и решила, что это его просьба...

— Я помогу ей. Как сумею, — вздохнула Варя, удивляясь проницательности Анны Васильевны.

— Я верю в тебя, Варюша. Ты справишься. А вот я... Я, кажется, одна остаюсь. Совсем одна.

— Анна Васильевна! — воскликнула Варя. — Я же дала вам слово!

— Верю. Только я о другом. О том, что здесь, — она ткнула пальцем себя в грудь, — на сердце. Неужели ты думаешь, у меня только козы и овцы на уме? — Она грустно улыбнулась. — Есть и другое. Но об этом не стоит... — Она решительно тряхнула головой. — ...Завтра придет большая почта. Мысль у меня, Варюша, есть... связаться с заводской лабораторией. — Голос ее уже был спокоен и тверд.

— С заводской? — переспросила Варя, с удивлением наблюдая, как легко владеет своими чувствами Анна Васильевна.

«А говорит — слабая, — подумала Варя. — Она очень сильная и... очень слабая!» — Варя улыбнулась.

— Мы свяжемся с лабораторией текстильного комбината. И знаешь, зачем? — Чтоб определить, какой пух практичней, изящней, красивее в материале... Какого месяца...

— Значит, чёску нужно проводить, — поняла ее Варя.

— Да, да. Ежемесячно вычесывать. Не всех коз. От одной брать.

— И образцы высылать в лабораторию, — догадалась Варя.

— Совершенно правильно. Как?

— Это будет очень хорошо, — сказала Варя с чувством. — Вы необыкновенный человек!

— Не совсем это так, Варюша, — улыбнулась Анна Васильевна.

И Варя поняла ее. Нет, не сухарь перед ней. Не аскет... Перед ней сильная женщина — ученый. Сегодня на

одну секунду открылась она глубже. И стала еще понятней, ближе, родней. У Вари возникло страстное желание хоть чем-нибудь помочь Русаковой.

— Анна Васильевна! А что если написать ему, а? — заговорщицки блеснула глазами Варя.

— Кому? — не поняла Анна Васильевна.

— Да ему... Вашему мужу...

— Ты очень меня удивила, Варюша. Это зачем же писать ему? — тихо спросила она.

Варя смутилась.

— А я думала... Может, он тоже страдает...

— Не станем говорить об этом, — твердо сказала Русакова. — Жалею об одном: не было ребенка у нас. Я была б счастливее, Варюша. О муже я забыла. Да, забыла.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Как-то на пункт приехал на своем маленьком ленивом коньке Вениамин Романович Старков. Анна Васильевна очень ему обрадовалась.

— Вы понимаете — одна-одинешенька сижу, — пожаловалась она ветеринару. — Девочки на стоянках. А я ничего не могу делать в последнее время.

— Сидит красавица в тереме и ждет, когда подвернется подходящий Иван-царевич и выкрадет ее, — пошутил Вениамин Романович, церемонно раскланиваясь, — а царевич к вашим услугам. И почти на сером волке. Разница только та, что у волка неподвижен один его хребет, а у моего Орешка еще и ноги.

— Вы всё такой же. И когда только повзрослеете?

— Оптимисты не стареют. Почему вы ничего не можете делать в такое, можно сказать, время, когда слава ученого зоотехника в зените?

— Ну, отряхивайтесь от пыли — и за стол. О славе потом. Спасибо вот, что надумали приехать. Наговоримся досыта. Каково сегодня веление вашего желудка? Сознавайтесь.

— Тут я всегда человек прямой и решительный, — оживился Вениамин Романович. — Сегодня я б освоил глазунью с лучком. Только этак, знаете, чтоб она еще тряслась и что-то лепетала.

— Знаю, знаю. Будет вам глазунья.

Примус зашипел, заторопился. Анна Васильевна под-
села к Старкову и укоризненно сказала:

— Почему это вы, Вениамин Романович, на такое
торжество не приехали? Из других аймаков люди были.

— На другой день только узнал. Вот честное слово
порядочного человека!

— Порядочного человека, — улыбнулась Анна Ва-
сильевна.

— Фу-ты, боже мой! Опять какие-то подозрения. Вы
меня просто изводите своим недоверием. Хорошо, что не
посватался в первый год вашего пребывания здесь.

— А что?

— И она еще спрашивает! Остались бы от козлика
ножки да рожки!

— Вот и не верно. Глупость сваяли, сознайтесь?

— Как подумаю о пухоносах — зря, думаю, не попы-
тался тогда, но вспомню, какой у вас невыносимый для
порядочного мужчины характер, — ну, думаю, молодец
Венка. Крепись и в дальнейшем. Не поддавайся оболь-
щению!

Анна Васильевна весело рассмеялась:

— А вот посмотрим!

«Доктор» внимательно взглянул на Анну Васильевну
и, шевельнув усом, промычал что-то неопределенное.

Глазунья шипела и «бормотала» на столе. Вениамин
Романович тотчас вооружился вилкой.

— Вы как хотите, а я как знаю, — проговорил он,
набрасываясь на глазунью.

— Одну минутку можно не горячиться?

— Нельзя.

— Жаль. Хотела городской гостинец раскупорить.

— Раскупорить? — живо подхватил «доктор». —
Жду-жду хоть три, хоть пять минут!

— Да ладно уж. До следующего раза... Может, еще
кто подойдет, — раздумала Анна Васильевна.

— Боже мой, что она со мной делает! О, коварная.

— Или уж раскупорить? — соображала Анна Василь-
евна.

— Сколько испытаний!

— Нет, пожалуй, обожду.

— Лучше б вы меня зажарили, бессердечная!

— Или сейчас поставить. Пробка слабовата. Вино-

одну секунду открылась она глубже. И стала еще понятней, ближе, родней. У Вари возникло страстное желание хоть чем-нибудь помочь Русаковой.

— Анна Васильевна! А что если написать ему, а? — заговорщицки блеснула глазами Варя.

— Кому? — не поняла Анна Васильевна.

— Да ему... Вашему мужу...

— Ты очень меня удивила, Варюша. Это зачем же писать ему? — тихо спросила она.

Варя смутилась.

— А я думала... Может, он тоже страдает...

— Не станем говорить об этом, — твердо сказала Русакова. — Жалею об одном: не было ребенка у нас. Я была б счастливее, Варюша. О муже я забыла. Да, забыла.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Как-то на пункт приехал на своем маленьком ленивом коньке Вениамин Романович Старков. Анна Васильевна очень ему обрадовалась.

— Вы понимаете — одна-одинешенька сижу, — пожаловалась она ветеринару. — Девочки па стоянках. А я ничего не могу делать в последнее время.

— Сидит красавица в тереме и ждет, когда подвернется подходящий Иван-царевич и выкрадет ее, — пошутил Вениамин Романович, церемонно раскланиваясь, — а царевич к вашим услугам. И почти на сером волке. Разница только та, что у волка неподвижен один его хребет, а у моего Орешка еще и поги.

— Вы всё такой же. И когда только повзрослеете?

— Оптимисты не стареют. Почему вы ничего не можете делать в такое, можно сказать, время, когда слава ученого зоотехника в зените?

— Ну, отряхивайтесь от пыли — и за стол. О славе потом. Спасибо вот, что надумали приехать. Наговоримся досыта. Каково сегодня веление вашего желудка? Сознавайтесь.

— Тут я всегда человек прямой и решительный, — оживился Вениамин Романович. — Сегодня я б освоил глазуню с лучком. Только этак, знаете, чтоб она еще тряслась и что-то лепетала.

— Знаю, знаю. Будет вам глазуня.

одну секунду открылась она глубже. И стала еще понятней, ближе, родней. У Вари возникло страстное желание хоть чем-нибудь помочь Русаковой.

— Анна Васильевна! А что если написать ему, а? — заговорщицки блеснула глазами Варя.

— Кому? — не поняла Анна Васильевна.

— Да ему... Вашему мужу...

— Ты очень меня удивила, Варюша. Это зачем же писать ему? — тихо спросила она.

Варя смутилась.

— А я думала... Может, он тоже страдает...

— Не станем говорить об этом, — твердо сказала Русакова. — Жалею об одном: не было ребенка у нас. Я была б счастливее, Варюша. О муже я забыла. Да, забыла.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Как-то на пункт приехал на своем маленьком ленивом коньке Вениамин Романович Старков. Анна Васильевна очень ему обрадовалась.

— Вы понимаете — одна-одинешенька сижу, — пожаловалась она ветеринару. — Девочки на стоянках. А я ничего не могу делать в последнее время.

— Сидит красавица в тереме и ждет, когда подвернется подходящий Иван-царевич и выкрадет ее, — пошутил Вениамин Романович, церемонно раскланиваясь, — а царевич к вашим услугам. И почти на сером волке. Разница только та, что у волка неподвижен один его хребет, а у моего Орешка еще и ноги.

— Вы всё такой же. И когда только повзрослеете?

— Оптимисты не стареют. Почему вы ничего не можете делать в такое, можно сказать, время, когда слава ученого зоотехника в зените?

— Ну, отряхивайтесь от пыли — и за стол. О славе потом. Спасибо вот, что надумали приехать. Наговоримся досыта. Каково сегодня веление вашего желудка? Сознавайтесь.

— Тут я всегда человек прямой и решительный, — оживился Вениамин Романович. — Сегодня я б освоил глазуню с лучком. Только этак, знаете, чтоб она еще тряслась и что-то лепетала.

— Знаю, знаю. Будет вам глазуня.

Примус зашипел, заторопился. Анна Васильевна под- села к Старкову и укоризненно сказала:

— Почему это вы, Вениамин Романович, на такое торжество не приехали? Из других аймаков люди были.

— На другой день только узнал. Вот честное слово порядочного человека!

— Порядочного человека, — улыбнулась Анна Васильевна.

— Фу-ты, боже мой! Опять какие-то подозрения. Вы меня просто изводите своим недоверием. Хорошо, что не посватался в первый год вашего пребывания здесь.

— А что?

— И она еще спрашивает! Остались бы от козлика ножки да рожки!

— Вот и не верно. Глупость сваяли, сознайтесь?

— Как подумаю о пухоносах — зря, думаю, не попы- тался тогда, но вспомню, какой у вас невыносимый для порядочного мужчины характер, — ну, думаю, молодец Венка. Крепись и в дальнейшем. Не поддавайся оболь- щению!

Анна Васильевна весело рассмеялась:

— А вот посмотрим!

«Доктор» внимательно взглянул на Анну Васильевну и, шевельнув усом, промышчал что-то неопределенное.

Глазунья шипела и «бормотала» на столе. Вениамин Романович тотчас вооружился вилкой.

— Вы как хотите, а я как знаю, — проговорил он, набрасываясь на глазунью.

— Одну минутку можно не горячиться?

— Нельзя.

— Жаль. Хотела городской гостинец раскупорить.

— Раскупорить? — живо подхватил «доктор». — Жду-жду хоть три, хоть пять минут!

— Да ладно уж. До следующего раза... Может, еще кто подойдет, — раздумала Анна Васильевна.

— Боже мой, что она со мной делает! О, коварная.

— Или уж раскупорить? — соображала Анна Василь- евна.

— Сколько испытаний!

— Нет, пожалуй, обожду.

— Лучше б вы меня зажарили, бессердечная!

— Или сейчас поставить. Пробка слабовата. Вино-

градное, как бы не испортилось, — рассуждала сама с собой Русакова.

— Р-р-р... М-р-р-р, — прорычал «доктор», вдруг страшно заикав. — Ох... дайте... что-нибудь... Этакое...

— Какая невоспитанность! — возмутилась Анна Васильевна, открывая дорожную корзинку. Когда бутылка «Токая» появилась перед Вениамином Романовичем, он облизнулся и перестал икать.

— Нет, думаю, зря тогда промазал. Надо было смелей. А я был ужасно несмелый. «Как, — думаю себе, — кто ты есть? Так себе. А она ведь — кандидат наук». Такая робость брала... И вообще я был робкий. Даже, помню, студенты мне всегда говорили: «Что это ты, Венка, такой робкий?» А я говорю: «Да так уж... В природе у нас. От пра-прадеда...» Ну, за ваше здоровье и успех!

— Вы спрашиваете, почему я не могу сейчас ни за что взяться? — спросила Русакова, когда бутылка была опорожнена, а жаровня «очищеца».

Анна Васильевна рассказала о своих злоключениях в последние дни. Старков стал серьезным.

— Откровенно говоря, я вам завидую, Анна Васильевна, — сказал он непривычно тихо, с легким волнением в голосе.

— Нашли чему завидовать!

— Честное слово! Во всем этом вижу жизнь... Завидую вашим неудачам, срываю. И дивлюсь: сколько у вас энергии! Верю: ничто не собьет вас с пути. А почему? Потому, что жизнь за вас. Все эти Стрункины, Грошевы — необходимые химеры, в борьбе с которыми вы оттачиваете свое мастерство, свое знание и умение бороться.

— Разве вы недовольны своей жизнью?

— Недоволен. Нет! — выдохнул с силой Вениамин Романович. — Но у меня тоже росли крылья... — Он заходил по комнате.

Русакова поняла, что за этой вечно веселой внешностью есть другой «доктор», который что-то переживает, отчего-то волнуется.

— Куда ж они делись, ваши крылья? — улыбнулась Русакова.

— Жизнь поотбивала, — махнул рукой «доктор» и рассмеялся.

— Пообщинала?

— Может, и так, — согласился Старков вздохнув. — Я вот переживаю за вас, Анна Васильевна. Посмотрю на то, как вы день и ночь... Столько заботы! А тут еще бесконечные палки в колеса. Как у вас хватает силы на всё? Откуда у вас смелость?

— Куда же ваша делась? — спросила в свою очередь Анна Васильевна.

— Не знаю. Я вот всю жизнь хотел иметь семью и, все-таки, побоялся жениться.

— Есть такие, — усмехнулась Русакова.

— Я не один. Я со всеми. Но и... кажется, действительно один, — растерянно произнес он. — Один. А ведь у меня тоже было столько планов!

— У кого ж их нет в молодости. Надо суметь пронести их через всю жизнь. Без этого я не мыслю себе жизни.

— Да, вас постоянно подогревают ваши идеи. Мысли ученого.

— Не всегда, — вздохнула Русакова. — Бывает, не хватает простого душевного разговора...

Намек? Старков съехался, отвел глаза. Анна Васильевна посмотрела в окно. Далеко в степи виден одинокий всадник. Солнце, уже нежаркое в это время дня, сияло над остроконечными вершинами гор. Закат был ясен. Завтра будет снова хороший день.

Старков, чего-то испугавшись, стал быстро собираться домой, в Куягаш.

— Что это вы? Посидели б, — пробовала уговорить его Анна Васильевна, явно разочарованная его внезапным отъездом.

— Прошу извинить меня. Вспомнил одно дело, — скороговоркой пробормотал «доктор», выходя из домика.

Вениамин Романович выехал в сумерках. Бурый, лохматый конек его Орешек, упрямый и ленивый, как ишак, на этот раз бодро затрусил под тучным «доктором».

— Очаровательная вы женщина, ей-богу! — крикнул с седла Старков. — Ваше благодатное влияние и Орешек чувствует, — похлопал он по крупу коня. — Повеселел.

— Не оглядывайтесь: свалитесь с седла!

— По крайней мере, тогда хоть в моих глазах возвысится он, как стоящий конь. Н-но! Полный вперед!

— Неисправимый. — Анна Васильевна постояла, посмотрела ему вслед. «Вот и веселье наше. Поговорим, пошутим — и снова за дело. А он... он, кажется, по-настоящему трус».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Вот уже больше недели идут работы на «трассе» канала, который соединит Шипучку с котлованом.

Трасса всего не больше километра, но грунт оказался твердым. Почти по всей территории залегали каменные плиты. Начались взрывные работы.

Две бригады, соревнуясь между собой, продвигались навстречу друг другу. Сойтись должны были на половине, у Желтого камня.

По подсчетам Карыма, его люди на шесть метров ближе к Камню, чем бригада Чечек. Об этом он сказал под большим секретом только своим, но каким-то образом секрет узнали по ту сторону Камня, и в ту же ночь разница в расстоянии была ликвидирована.

«Говорят, что Карым сам намекнул о том Чечек, — записала в дневник Люба. — Передают, что он никак не может успокоиться, соревнуясь с Чечек. Забывшись, Карым сам дает две нормы в день. «Сделает, а потом оглянется и хватается за голову, — рассказывает Марта-наков. — Столько сработал! А как у Чечек?» Положение, действительно, незавидное у парня. И отстать позорно (он-то думает, что о его чувствах к Чечек никто не знает), и обогнать шибко страшно — жалко ее.

Так и хочется вырваться на Шипучку! Вчера видели со взрывниками Полякова. Спрашивал обо мне. Интересно... Он славный и красивый, и такой, кажется, мужественный. Вот думаю, думаю: где же я его видела?

Наверное, нигде. Так, втемяшила себе в голову. А Оймок любит его. Оля. (Я буду так звать тебя, потому что Оймок — это по-русски Оля). Когда закончу эту бумажную волокиту! Надоела. Нельзя, глупая. Это зеркало колхоза... Откуда Варя узнала, что Чот Токушев безумно любит Кульзах? Незаметно. Да разве его узнаешь! Он такой скрытный и, кажется, себе на уме. Ну, хватит болтовни. О водоемах все колхозы заговорили. Ты стала знаменитой, Любка. Сознайся: приятно? Да, очень. Я чувствую, что победила. А ты, Жуковкин...

Вчера состоялось бурное заседание правления. Как мне было держать себя, когда решался вопрос о том, отправлять пухоносов на зимнюю тебеневку или закупить корм в соседнем аймаке и приступить к строительству хот небольшой кошары. Мартанаков предупредил меня: «Отвечать будем вместе. Учтите, вы колхозный зоотехник». Положеньице! Я все же поддержала заявление Мамия и Анны Васильевны. Мнения разделились. Ни о чем не решили. Что-то Варя говорила о Кульзах? Ах, да. Чтоб она воздействовала на Мартанакова. Очевидно, Анна Васильевна не сказала еще ей, а то б она приехала на правление. Мартанаков и часть правленцев упорствуют. Затягивается дело, а ведь скоро на зимовку. Кончаю, кто-то идет».

Едва Люба успела положить дневник в чемодан, как дверь широко распахнулась и на пороге села Толток.

— Ах, — простонала она, сваливая голову на бок. — Ох!

— Что такое? Ты что? — перепугалась, вскакивая, Люба.

— Ох! Сейчас... Дай отдышаться... Ох!

— Да ты откуда?

— От наших... ай... от наших строителей...

— Сегодня?

— Ага. Дай воды. Сгораю.

Напившись и отдышавшись, Толток рассказала о событиях на Шинучке.

— Как там уж вышло, но только Чечек, сговорившись со своей бригадой, все эти дни работала без перерыва на обед...

— Как же так?

— Да очень просто. Одни обедают — другие работают, ведут канал. А Карым и бригада его и не догадываются, спокойно отдыхают в обед, уходят пораньше на ужин. И вот сегодня, только солнце с обеда, как рядом с метой на Желтом камне взвился флаг. Чечек пришла первой. Но ты посмотрела б на Карыма!

Толток долго хохотала.

— Он сбросил рубаху, и кайлой и лопатой. Бьет, рубит. Кричит, как бешеный, на всех. Мокрые, озлившиеся, вгрызаются, вгрызаются. А по берегу ходит Чечек и ее бригада. Ну как, ловко?

— Молодец Чечек! Молодец! — похвалила Люба.

— Я уже ведь из отряда еду. Обещали завтра прийти с оркестром. А знаешь, кто придет? — Толток внимательно смотрит на Любу. Так внимательно, что Люба краснеет, догадывается.

— Нет. Не знаю. А ты что спрашиваешь так подозрительно?

— А я знаю. Знаю! — погрозила пальцем Толток. — Приедет Поляков.

— Ну и что ж?

— А почему краснеешь? А?

— Да так я. Тебе кажется.

— Он что-то часто о тебе речь заводит. Оля уже тоже догадалась. Она самолюбивая.

— Но я же... Честное слово! — взмолилась Люба.

— Я ничего. А при чем тут ты? Ну, поедем на Шипучку? Справим там открытие первого водоема. Все там будут. Завтра тебе хотят поручить взорвать перемычку и пустить воду в канал.

— Я не сумею.

— Покажут.

* * *

День был пасмурный, но душный. Бесконечно тянулись тяжелые темные тучи над горами, затянув их кисеей дождя. Через Куягашскую равнину неслись они уже легкие и сухие, будто спеша куда-то, чтоб напиться влагой и снова вернуться к горам. В редкие солнечные просветы видно было, как меняли свою окраску горы, становясь золотыми.

К вечеру, когда по небу расплзался длинными розовыми полотнищами закат, к Желтому камню спустилась, выбросив последнюю лопату грунта, бригада Чечек. В это время к стану подъехала пастушка Толток. Чечек бросилась к ней.

— Тебе комсомольское поручение: скачи в райком комсомола и сдай рапорт.

И тотчас со стана бригады помчался на лихом коне парочный.

Люди Карыма опоздали всего на два-три часа. Сошлись бригады, и перед каждой из них открылся глубокий, с острым от щебня дном, канал, соединяющий

Шипучку с водоемом. Люди стояли и улыбались, очень довольные своей многотрудной работой, и каждый представил себе мысленно, как по этому руслу покатит свои пенные воды бурная Шипучка, как вырастут по берегам канала (вчера только передали из райкома комсомола, что решили сразу же садить деревья на всех водохранилищах) чудесные первые цветы.

Но Карым был не в духе. Он не мог встретиться глазами с озорной Чечек, усыпившей его бдительность. «Теперь вовсе задерет нос. Не подходи», — думал он невесело. И решил не присутствовать на открытии.

Собравшись потихоньку, Карым хотел незаметно выскользнуть из лагеря, но приехала с Толток Люба. Они не отходили от него, и не то, чтобы подтрунивали, нет, но в каждом их слове чудился Карыму смешок. Ему даже припомнилось, как ехал по степи вместе с Любой. Каким он тогда старался выглядеть молодцеватым. Нет, надо все-таки улизнуть от торжества. Приедут с оркестром, и она, конечно, будет танцевать с кем-нибудь нарочно. Правда, он не умеет танцевать. Не будет же она сидеть и наблюдать за ним... Мартанакوف прибыл. Сам Шелест и даже Селиванов.

Секретарь райкома подозвал к себе Карыма. Тот подошел красный. «Ну, берегись. Начнут стыдить». Но Шелест крепко, горячо пожал руку и Карыму, и Чечек. Потом обернулся к людям и сказал:

— Поздравляю вас с победой, товарищи! С завтрашним днем! А где же виновница всей этой прекрасной застен? — спросил он вдруг. Девушки вытолкнули из толпы Любу. Шелест пошел ей навстречу и горячо пожал руку.

— Спасибо. Большое вам спасибо, товарищ Огнева. Ну, товарищ Мартанакوف, ей и поручим открывать воду?

Мартанаков подошел вместе с взрывником.

— Можно приступать?

— Давайте.

Люба подождла шнур и залюбовалась быстрой огненной змейкой, убегавшей к запалу.

— Уходите! Уходите! — закричал на нее Мартанаков.

Люба опомнилась и убежала к девочкам за камень. В это время раздался взрыв. Тугой воздух поднял тучи песка и щебенки. Когда улегся огромный столб из камня и земли, все с криком и шумом бросились к Шипучке. На месте перемычки зиял большой провал.

Вода в ручье на миг остановилась, потом живые струйки ее вошли в новое русло и смелей, смелей, искрясь в свете огней, побежали вперед.

Девушки, обнявшись, шли за ручьем и пели песни. И вот, когда в широкий котлован с шумом сбежали первые потоки воды, Оймок удивила всех.

Она шла с Чечек, Любой и другими подружками. Пораженные красивым зрелищем, девушки остановились и с легким волнением следили за тем, как наполняется котлован водой. Оймок произнесла:

— Было так... Пели сказители такую тяжелую песню...

Подняв голову, она взволнованно стала декламировать:

Где плодородья сок?
Куда девалась жизненная сила
Земли моей, иссушенной в песок?
Она и травы и сады растила...
Ту влагу высосал палящий зной,
И ветер, ослепив стада,
Метался по степи, и бешеный, и злой!
Весь мир, казалось, вздыбился тогда,
Чтоб посмеяться над твоей мечтой...
О, человек!
Ты был и мал, и слаб,
И против этой бури
Где было выстоять тебе!
О, человек!
Но мы не те...

Голос Оли стал упругим, прорвались звенящие нотки. Но вдруг она умолкла и, улыбаясь, поглядела вокруг.

Чечек схватила ее за плечо:

— Давай, Олечка! Ты не можешь на этом закончить. Я теперь знаю, о чем ты пишешь в той тетрадке.

Оймок счастливо блеснула глазами и, чуть-чуть откинув назад голову, смелым голосом продолжала:

Но мы не те!
Мы покорим тебя, мы не отступим!
У нас и мужества и силы хватит.
Мы ведь совсем другого склада люди,
Мы — коммунизма первые солдаты!
В долину эту, выжженную зноем,
Мы принесем прохладу теней...

Садами, злаками и травами покроем,
И заструится песней стройной
Вода в зеркальные бассейны...
И обретешь ты снова радость плодородья,
Мы возродим его из глубины твоей.
Цвести тебе, земля,
на счастье народа,
И краше, чем когда-то,
и полней!..

Когда Оймок кончила, был момент, в который все вдруг молча посмотрели друг на друга, потом кинулись к молодой поэтессе, но она, вскрикнув, бросилась бежать. Задержала ее Чечек.

— Оля! Оленька! — кричала она. — Да ты, честное комсомольское, ты знаешь кто, а?

Оймок, смеясь, вырвалась и пустилась бегом по краю котлована. Поднялся веселый шум, крики, смех.

— Ой, девочки, ой! — запыхалась она, отбегая в сторону и падая на песок. Лицо ее сияло. В глазах искрились слезы радости.

...Едва отгремели взрывы, как к Желтому камню подъехал Мамий с премией. И тут-то он узнал нерадостную для себя весть: в соревновании победила Чечек.

— Ну, что ж, — сказал Мамий. — Не везти ж этих баранов домой! Угощай людей! — сказал он сыну.

Ждали оркестр. А пока стали размещаться у костров. Весело и шумно полились беседы. Мартанакوف объехал канал, вернулся запыхавшийся, но очень довольный.

— Хорошо, хорошо, — говорил он. — Отдохнем недельку. Проверим отары и организуем посадку деревьев. Нам в этом деле вызвалась помочь молодежь рудника. Они заготовят нам саженцы сосны и пихты. А сейчас игры и танцы! — Он махнул рукой в сторону Куягаша. Оттуда быстро шла прямо по стене грузовая машина. А в ней что-то поблескивало.

— Оркестр! Оркестр! — засуетились девушки. — Рудничные!

С музыкантами приехал и Поляков.

«Я не знаю, что со мной делается последнее время! — записала Люба в дневнике. — Он подошел ко мне и стал просить, чтоб я выслушала его. Я сказала, чтоб говорил при всех. Он обиделся. Я с ним пошла танцевать и на-

говорила ему такое... Да разве он имеет право так поступать с Олей! И я, и все девушки знают, как он ухаживал за ней, а теперь... Я ему сказала: «Думала, что вы гораздо серьезней». — «О чем вы?» — говорит. — «Сами знаете. Давайте откровенно». — «Давайте, — спокойно отвечает и, легонько поддерживая меня сильной рукой, добавляет: — Тут ямка, не оступитесь». Смеется.

Стараюсь быть сердитой: «Что вы скажете об Оле Саруевой?» — «Оймок?» — переспросил он. «Да, да», — говорю. «Очень славная девушка, — отвечает. — И мне думается: она талантливая». — «И вы спокойно говорите об этом?»

Он удивленно глядит мне в лицо. Одним словом, я не знала, что сказать Оле. Она сама подошла ко мне и обняла.

«Я понимаю. Не надо. Не надо. Он такой хороший, славный». — «Оля, — говорю, — ты не думай, пожалуйста, что я...» — «Даже если и так, — говорит Оля. — Виновата я, а не он. Мне, может, просто показалось тогда, а я уж и подумала».

Милая Оля! Нет, нет. Я возмущаюсь ее поведением. Почему она мирится с таким положением? Или он на самом деле виноват тут меньше? Но он не мог не видеть, как она... Неправда! Неправда!

Почему я расстроилась тогда? Разве я б не пожалела, если б он вдруг повернулся ко мне спиной?»

* * *

После праздника на Шипучке Карым вернулся домой мрачный. Дело в том, что Чечек почему-то всё вертелась с девчонками, потом крутилась с этим шофером и ни разу не подала виду, что интересуется Карымом. «Ну, конечно, она победитель, — думал горько Карым. — А шофер что-то всё старался глядеть в ее сторону...»

Карым холодел от ревности и несколько раз пытался поехать на стоянку матери Чечек, где жила и сама девушка, но не решался.

Стал замечать Карым за отцом, будто уединяется он от семьи. Однажды Карым застал его на Апаш-Су. Он сидел, сгорбившись, на берегу и глядел не отрываясь на реку, будто ожидая чего-то. Худые, узловатые руки его

были зажаты меж колен. Старик что-то шептал. Карым прислушался.

— Нет! — решительно хлопнул тот ладонью о колено. — Такой семье нельзя рассыпаться! Не допущу!

«О ком это он? — подумал Карым. — Уж не уезжает ли кто в семье?» В другой раз очень странный разговор с невесткой Кульзах еще больше смутил Карыма. Отец ласково потрепал Кульзах по плечу и спросил:

— В чьей семье ты заметным человеком стала, Кульзах?

Та удивилась вопросу, но уверенно сказала:

— В вашей, отец.

— Так, так, — сощурил глаза старик, польщенный ее ответом. — В моей... А как ты думаешь, хорошо или плохо отцу, когда его всюду отмечают за хорошее воспитание детей?

— Я думаю, что не плохо это, — сказала Кульзах.

— Так, так, — кивнул головой старик. — Ну, а если бы кто из детей вдруг взял и бросил семью. Каково было б отцу?

Кульзах вскинула черные стрелки бровей, еще больше удивилась:

— Кто ж это, отец, хочет такую подлость сделать?

— Вот за это спасибо, Кульзах. Большое спасибо.

Старик обернулся и поманил пальцем Карыма.

— Ты ее знаешь, — сказал он. — Это жена твоего брата. Он жил в нашей семье, хороший был брат. Не так ли?

— Так, отец. Разве я думал иначе?

— Не знаю. Но ты должен твердо знать: она твоего старшего брата жена.

«Что всё это значит?»

* * *

Был вечер. Над степью пылали красные облака.

Карым отвязал своего коня и, искоса поглядывая на отца, который не успел еще скрыться за бугром — его лисья островерхая шапка маячила вдали, — тихо поехал в противоположную сторону. Он перебрался через Апаш-Су, обнаженную в этом месте перекатами, и свернул влево. На изгибе реки, в тени нависшего утеса, росла ма-

ленькая тополевая роща. За редкими ее кустами вился трепетной струйкой дымок.

Давно не видел Карым соседки Чечек. С того самого позорного для себя дня на Шипучке. Что и говорить, не совсем был разговорчивым он в тот вечер с ней. Но не может же она подумать о нем плохо из-за этого.

А сейчас стало известно, что Чечек берут в райком комсомола. Кажется, инструктором. Почему?

И тут приходят в голову самые мрачные мысли. Шелест не хотел тогда на Шипучке обидеть Карыма, а сейчас все-таки отметили Чечек. Да, не ему она чета. Беседы проводит с людьми. Попроси доклад сделать — сделает. Вот какая девушка Чечек. А теперь она уезжает. Разве в Куягаше не найдется парней лучше его, Карыма, простого табунщика? Ого, сколько угодно. Там и учителя молодые есть. Она и учителю под стать.

Эх, лучше б не знать эту Чечек! Зачем берут именно ее из колхоза? И чего смотрит товарищ Мартанакон? Почему распускает людей? Разве их так уж много в колхозе? А не поговорить ли сначала с Мартанаконвым?

Карыма захлестнули обидные мысли. Вот ведь уедет, и ни слова ему. Даже не хочет встретиться с ним. Рада, поди.

Что же делать? Ехать ли на стоянку Улановых или сначала поговорить с Мартанаконвым?

Карым не знал, на что решиться. Он ехал по берегу Апаш-Су и думал.

Чечек встретил неожиданно. Карым поднялся на большой каменный выступ, торчащий из земли, и вдруг прямо в глаза ему ударил тонкий серебряный свет. Он даже прищурился и тотчас услышал тихое пение. Сразу узнал слова этой песни. Ее часто пела Чечек.

Карым сполз с коня и осторожно стал пробираться меж деревцами. Подвела сухая валежина. Он хотел обойти ее, но задел за вершину, заторопился и упал. Чечек сейчас же вскочила.

— Это я, — сказал смеясь Карым. — Видишь, как спешил — даже упал.

— Ты слышал мою песню, Карым? — спросила Чечек, забрасывая назад косу с серебряными монистами. Карым указал на них.

— Это они... — сказал он. — Они остановили меня своим светом.

Чечек улыбкунулась.

— Что ты приехал, Карым?

— Как? Ты не хочешь меня видеть?

— Но к чему теперь?

Карым почувствовал озноб. «Решила бросить дружбу? Всё ясно».

— Ты... Ты скажи толком, — выдавил он тяжело слова, все еще не веря внезапному подозрению.

— О каком толке ты говоришь, Карым?

— Но я ничего не понимаю! — вскочил, забывая про осторожность, Карым.

Чечек оглянулась по сторонам и замахала на него рукой.

— Тише, тише, Карым. Разве оттого, что крикнешь, больше веры будет словам?

Карым отступил от нее и задохнулся от обиды и горя.

— Ты решила, значит, уйти? Понятно. — Он повернулся и шагнул к коню, но сейчас же оглянулся и с перекосенным лицом, стараясь говорить, однако, спокойно и насмешливо, спросил:

— Кто же он, лучший, о котором тоскуешь?

— Ты знаешь. Зачем смеяться?

— Нет. Назови его.

— Хорошо. Это ты, Карым.

— Так в чем же дело? — вскричал юноша и хотел схватить Чечек. Но она вырвалась и отбежала по берегу.

— Будто не знаешь?

— Честное комсомольское, Чечек. Ни капли!

— Вся степь говорит вот уже неделю. А, может, ты и в самом деле не знаешь?

Она набрала воздуха и выпалила:

— Ты — младший сын, Карым!

— Ну, потом? — не понял он сначала.

— Вот тебе и ну. У вас в доме вдовая сноха...

И тогда Карым понял всё. Он захохотал так, что сел на песок и ударил рукою по нему: Чечек вспомнила дедовский обычай, когда вдовая жена старшего брата обязательно становилась женою младшего.

— Как тебе на ум пришло такое, Чечек? — смеялся Карым.

Но Чечек совершенно спокойно сказала, что об этом все говорят, что Мамий, отец Карыма, сам заявил старикам, что не разрешит уйти Кульзах.

— Отец уважает ее, это правда, — сказал Карым. — Но разве это значит, что я должен жениться на ней?

Вдруг холодно вырезались в памяти слова старика: «Карым, ты ее знаешь? Это жена твоего старшего брата. Помни это, Карым». Неужели на это намекал старик? О чем же еще мог думать он, говоря так?

Карым испуганно посмотрел на Чечек и вскочил на ноги.

— Значит... значит, это правда, Карым? И ты поступишься комсомольской честью в угоду отцу, Карым? Прощай! — Чечек бросилась по берегу Апаш-Су. За ней Карым.

— Чечек, Чечек! Стой! Это неправда!

Она заслонила от него, будто защищаясь от удара.

— Я всё поняла, Карым. Прощай!

— Хорошо. Прощай. Только знай, что не такой дурак Карым, чтоб над ним старухи смеялись.

Он круто повернулся и чуть не бегом бросился через кусты. «Теперь к отцу. Теперь поговорить с ним с глазу на глаз. Неужели он задумал такое?» — билась мысль в его голове. Бешеным галопом Карым помчался по степи, не видя ничего, не слыша. Если бы он остановился на минутку и взглянул назад, то, может быть, понял многое, не стало бы замирать сердце от неслыханной обиды.

Чечек подняла хлыстик, брошенный им, и прижала его к своей щеке. А Карым был далеко. Голова его горела. Ветер свистел в гриве коня.

Уже темнело, когда он подскочил к домику, стоявшему в широкой прибрежной долине. Презрительно морщась и фыркая, разбежался небольшой табун молодых верблюдов. Карым соскочил на землю у прясла. Навстречу шли мать и Кульзах с полными ведрами молока.

— Отец дома? — порывисто спросил Карым.

— В контору уехал. Что случилось? — оглядывая тревожно сына, забеспокоилась мать.

— Нет. Просто нужен. Иди. Кульзах, ты погоди.

— Видишь ли, Кульзах, — начал Карым, когда они остались вдвоем. — Я, конечно, уважаю тебя. Но ты сама знаешь...

Карым рассказал о своей любви к Чечек и о своих подозрениях.

— В степи болтовня идет, Кульзах, я не виноват. Что ты на это скажешь?

Кульзах выслушала его и вдруг, рассмеявшись прямо ему в лицо, жарко блеснула глазами и скрылась в сениях.

...Всю ночь не спал Карым. Он то колесил по степи, как сумасшедший, свирепея, наливаясь бешенством, и тогда жестко бил коня и летел по полю, то, присмиревший, усталый, соскакивал на землю и падал навзничь. Особенно его поразило поведение Кульзах. «Всё идет так, как задумал отец!» — думал он.

* * *

На заре, перед восходом солнца, засыпая на своем полушубке, он увидел зовущие, жадные глаза Кульзах. Ее полные руки нежно обняли его шею и притянули к себе...

Карым вскочил с земли. С соседней горы тянулись к нему лучи сияющего солнца. В долине мирно пасся табун лошадей. Нерасседланным, путаясь в поводу, ходил его аргамак. Протирая глаза, Карым пошел к нему и в этот миг увидел отца. Мамий спускался в долину и, покачиваясь в седле, пел. Давно не видел его таким Карым. И вспомнил вдруг про вчерашнее. Кровь бросилась ему в лицо. Он выпрямился.

— Всё скажу. Мне наплевать, — прошептал Карым. — Он не имеет права ломать мне жизнь.

Карым почувствовал, как наливается решимостью. «Так и скажу — не имеешь права».

Старик еще издали, поторапливая обеими ногами коня, закричал весело:

— Ну, как они, лошадайки-то наши?

— А что им, — буркнул Карым.

— Ты почему такой?

— А так. Ничего.

— Отчего ж ты в такое время и словно вареный лист?

— В какое время? — подозрительно прищурился Карым.

— Время горячее, — сказал старик и пошел к косяку коней.

— Отец! — Карым бросился за ним. — Отец!

Мамий остановился и удивленно посмотрел на сына.

С силой выдавливая из себя слова, ставшие вдруг тяжелыми, заикаясь и от того злясь на себя, Карым хрипло стал выкрикивать:

— Ты это напрасно, отец! Я пойду в райком! Я на всё решусь! Я не могу ради твоей гордости...

Старик замер от его крика, от возбужденного вида, он ничего не понял.

— Ты что... Ты о чем?

— Все поняли тебя, отец. Что ты думаешь? На что решился? — продолжал выкрикивать тот запальчиво, махая руками.

Мамий вскипел, оборвал сына.

— Прикуси язык. Неразумно мужчине отвечать его до колен, — тихо, но властно сказал он хмурясь. — Говори хорошенько. Разве ты пьян?

Карым блеснул глазами зверовато, дико и продолжал кричать:

— Ты боишься, что уйдет она и решил женить меня? Ты ошибся! Ты пожалеешь о том, отец!

— Женить? Тебя женить? На ком?

— На Кульзах. Вся степь говорит!

Старик вдруг закашлялся и опустился на землю, пригнул голову к ногам. Карым понял, что он хохочет.

— Ты... Ты...

Мамий что-то хотел сказать, но тягучий кашель снова перехватил горло, и он, постучав себя по лбу пальцем, покачал головой и зашелся в кашле. Мало-помалу он успокоился. Встал, охая и вытирая слезы, и подошел к сыну.

— Ты, небось, слышал сказку про то, как храбрый козленок хвастался в отаре, что побьется с любым волком?

— Я знаю. Но к чему это ты? — неуверенно сказал Карым.

— А что из этого произошло, тоже знаешь?

— Слышал.

— Слышал, а в ум себе не взял. Подумай, может, умней будешь.

Старик пошел к коням. И долго слышал еще его смех и покашливание обескураженный парень. Но было уже легко на душе. Он уже знал твердо: не таковский его отец, чтобы вилать и говорить неправду. Значит, это вранье, глупая сплетня досужих старух.

Он догнал отца. Тот оглянулся и, показывая палкой на землю, спокойно сказал:

— Надо менять место. Видишь, как выбили.

Вечером, когда Карым, помешивая ложкой толкан в эмалированном котле, спросил отца, почему тот так загадочно говорил о Кульзах, Мамий выбил о сапог трубку, скупой улыбнулся.

— Чтобы ты помнил ее. О ней даже райком заботится, как о большом человеке.

Карым удивился.

— Так-то, парень. А ты...

* * *

В тот же вечер на стоянку Мамия прискакал нарочный из конторы. Он подал какую-то бумагу.

— Садись чай пить, — пригласил его старик к столу и, взяв бумагу, стал разглядывать написанное. Он вытягивал далеко от себя руку и смотрел на лист. Потом подносил ближе, сокрушенно вздыхая. Карым догадался: очки... очки ведь разбил он. Не видит теперь.

Ему очень хотелось узнать, о чем это пишут отцу, и стал втайне ждать, когда тот передаст таинственную бумагу. Но старик неожиданно вручил конверт подошедшей Кульзах.

— Это тебе. Я знаю — тебе. Прочитай.

Кульзах вскрыла конверт и быстро прочитала бумагу, потом опустила руку, чуть дрожащую, и как-то испуганно огляделась.

— Да, отец. Пришло. Иван Ильич прислал...

— Ну вот и дождалась.

— Что это, Кульзах? — спросил Карым.

— Путевка на курорт.

— Ты на курорт? Здорово! — ахнул парень.

— Велели сейчас же, — сказал нарочный.

— В контору?

— Нет, прямо в Куягаш. Секретарь райкома едет тоже в ту сторону на легковой. Он за тобой придет сейчас. Велел предупредить.

Кульзах счастливо зарделась. Она не могла скрыть своего восторга. Красива была Кульзах в эту минуту. Особенно глаза. Радость растопляла, казалось, ее зрачки, глаза делались большими и струили такой мягкий и

хороший свет, что каждый, кто видел ее в этот момент, не мог не улыбнуться, не ощутить в себе наплыва тихой, хорошей радости. Карым впервые видел ее такой. Она показалась ему необычайной. Но ласковый, заражающий каким-то буйным весельем и радостью взгляд ее вместе с тем таил в себе спокойную, горделивую уверенность, и здесь впервые Карым почувствовал непреодолимый, жгучий стыд за то, что мог подумать про нее такое. Ничтожным и маленьким показался он сам себе в эти тяжелые минуты.

«Вот жил и совсем не видел ее такой, — подумал Карым. — А ведь ее сам секретарь повезет на своей машине...» И он понял: даже в великом горе любимая работа красит человека.

Карым стал помогать ей. Он побежал в кладовую и отхватил кусок вяленого мяса.

— Пригодится. Верно?

— Спасибо, Карым. Ты меня проводишь? — сказала, смеясь глазами, Кульзах.

— Хоть до города. Ты не сердись на меня, Кульзах?

— За что? Ах, за то? — она засмеялась. — Но разве ты виноват?

— Вот именно. Поверил кому.

Кульзах надела самое лучшее свое платье — светло-коричневое, с грибками. Оно так хорошо облегало ее и делало такой солидной, что маленькая сестренка Карыма Галя хлопнула в ладоши и воскликнула:

— Ты совсем как учительница, Кульзах!

Посмеялись. А мать вытерла блестящие слезы, и все стали прощаться, так как в это время, где-то уже близко, раздался сигнал.

— Ну, поезжай, — сказал Мамий, стараясь быть серьезным и спокойным. — Карым, посмотри: это жена твоего старшего брата. Хорошенько посмотри — она едет на курорт. Сам секретарь райкома хлопотал об этом... Вот такую имей жену, Карым!

Кульзах весело рассмеялась, взяла маленький чемоданчик и, попрощавшись со всеми, вышла на крыльцо. К ограде подъезжал кургузый «ГАЗ-67». Кульзах последний раз оглянулась на родных. Заметила: старик подозрительно сморкался, отвернувшись в сторону, потом заторопился и, прищулив красные веки, сказал:

— Ты заслужила этот почет, Кульзах. Езжай. Пусть твое сердце будет спокойным за всё. Набирайся сил.

Уже и Галя вернулась из-под Желтого клыка, прокатившись на легковой машине, и сама машина скрылась из глаз, а он всё стоял и смотрел, смотрел в степь, не шевелясь, уставясь в одну далекую точку, будто боясь расплескать неосторожным движением неожиданно заполнившее всё его существо большое, жгучее счастье.

* * *

У секретаря райкома, оказывается, было маленькое совещание. В кабинете сидели Мартанакон и какой-то старик, приезжий. Открыв дверь, Кульзах в нерешительности остановилась.

— Проходите, Кульзах. Проходите, — приветливо помахал ей рукой Шелест.

Кульзах вошла и села на крайний стул.

— Я сейчас, — сказал Иван Ильич и, обращаясь к собравшимся, добавил: — Ну, значит, так. Машину рудник дает. Командуй здесь, товарищ Селиванов. Сажены надо вывезти постараться все. Закончили водохранилища в «Дьяны Дьел», в «Дьяш Корбо» в «Калипине», в «Сталине». Много потребуется деревьев.

«О чем это они? — подумала Кульзах. — Хорошо, что Иван здесь. Скажу ему свое слово о тебеневке пухоносов. Скажу так, как Варя и Анна Васильевна подсказали». И вдруг прямо к ней обратился Шелест.

— Теперь послушаем мнение Кульзах о пухоносах, — сказал он. — Как вы думаете: могут они протевеневать зиму в горах?

Кульзах встала.

— Они крепки. Они могут. Зачем бы тогда добиваться? Анна Васильевна говорит, что пухоносов будут разводить в каждом колхозе тысячами. Разве их можно тогда прокормить тут, в Куягаше? — Она осмотрела присутствующих и решительно закончила: — Пухоносов я погоню на тебеневку.

Мартанакон быстро взглянул на нее, хотел, очевидно, возразить, но ему не дала сказать Кульзах:

— Да, да, Иван Мартанаконич... Я никому их не оставлю здесь на зиму.

— Но... ведь это дело теперь уже не частное, — сказал, склонясь вперед, Селиванов.

— Вот именно потому и не разрешу никому, — отрезала Кульзах и строго посмотрела на Мартанакова. Тот опустил голову.

— Н-да, — в раздумье сказал Шелест. — Ну что ж... Затем и направляюсь в обком. Доложу. Возможно, приеду с комиссией.

— Вы позвоните... Позвоните оттуда, — попросил Мартанаков, — я ведь транспорт уже подготовил за лесом.

— Хорошо. Ну, поехали. Бывайте! — Шелест взял портфель со стола и быстро надел плащ, потом подошел к старику и подал ему руку.

— Прошу вас, Афанасий Михайлович, обращайтесь по всем вопросам к товарищу Селиванову.

— Не беспокойтесь. Договоримся, — сказал тот.

Мартанаков на крыльце шепнул:

— Счастливого отдохнуть, Кульзах. Скучать кое-кого заставишь...

Она улыбнулась.

— Плохо, если человека, который уже имеет жену...

Мартанаков рванулся к ней. Вот что! В этом, оказывается, всё дело. Поэтому она так холодна с ним за последние дни.

— Так ведь она... Ты разве не знаешь, Кульзах? Она же... — начал торопливо Мартанаков.

— Ну, поехали, — позвал Иван Ильич от машины, и Кульзах, не слушая больше Мартанакова, быстро сошла вниз. Садясь в автомобиль, мельком взглянула в растерянное лицо председателя колхоза. «Пусть подумает. Ведь Тана в Куягаше?.. Она, кажется, у тетки своей живет, у Чермешевой. Они что ж — не регистрировались?» К ней обернулся Шелест.

— Ну как? Устроились? — спросил он.

— Хорошо. Спасибо.

— Полный вперед! — кивнул он шоферу. — Стой! Селиванов идет! — Шелест положил руку на плечо шофера, тот за воротами остановил машину. Согнувшись и болезненно морщась, Селиванов подошел к газику.

— Поехали? — спросил он.

— Да.

— Ну, счастливо.

— Устройте получше Писаренко, — сказал Шелест. — Он тут у нас с недельку поживет. Обследует почву.

Пусть даст заключение, можно ли будет здесь разводить сады, когда поднимем воду на Апаш-Су.

— Сделаем, сделаем.

Шелест пожал руку Селиванову, и машина тронулась дальше. «Так вот кто этот старик. Известный садовод», — подумала Кульзах, и теплая радость коснулась ее сердца.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

С утра Чечек, приехав из райкома, взбудоражила молодежь «Кызыл Аскера». Карым, узнав об этом, собрался ехать к табуну, в поле.

— Ты разве не будешь на своем канале садить деревья? — спросил отец.

— Без меня справятся, — угрюмо ответил Карым, не глядя на отца. Тот подошел к нему и похлопал его по плечу:

— Кто обдирает барана наполовину, видел? Нет? Учись находить в любом деле хороший конец, Карым, никогда не останавливайся на полдороге.

— Разве мне обязательно ехать на рудник?

— Нет. Но на Шипучку обязательно.

— Это завтра.

— Хорошо. Поезжай, — согласился старик. — Я побуду в отаре Кульзах. Сакманщик проверю.

— Там теперь Анна Васильевна и дноет и почует.

— Хорошо, когда у человека в сердце забота сидит. Без этого человек словно чий на ветру — трясет листьями, качается.

Карым подозрительно взглянул на отца, вздохнул и вскочил на коня. «Забота, — шептал он, жмурясь от ветра и сдерживая горячего коня, когда уже мчался вдоль берега Апуш-Су. — Забота... сидит. В самом сердце сидит. А разве легче от этого?»

* * *

Часов в шесть вечера на усадьбу колхоза прибыла трехтонная машина с ящиками. На усадьбе захопотали, забегали девчата. Из кабины вылез Поляков. Он шутиливо стал разыгрывать Чечек.

— Вот что значит не мужчины. Ходят, мнутя, — сказал он.

— А вы парней бы в кузов посадили — давно собрались бы.

— Заедем в Куягаш. Там и парней посадим.

— Ну вот — давно бы надо. Ах, товарищ геолог: ученый, а не догадливый. Ко мне, ко мне, девочки! — закричала она, махая рукой.

...Не прошло и пяти минут, как девушки шумно забрались прямо в ящики, и машина, громко сигналив, помчалась в Куягаш... В Куягаше на машину, действительно, село несколько ребят.

— Любовь Николаевна! — крикнул, держась за раскрытую дверцу кабинки, Поляков. — Может, в кабину сядете?

— Нет, почему же, — торопливо ответила Люба. — Спасибо. Мне хорошо и здесь. — Лицо ее вспыхнуло. Она отвернулась.

— Может, кому неудобно там из девушек, — пожалуйста, — сказал он не совсем твердо.

— Поехали! Поехали! — закричали девчата. — Надо бы раньше позаботиться.

Машина, сотрясаясь, двинулась к шоссе. Сквозь шутки и смех прорвалась песня.

Машина прошла через Куягаш, прогрохотав по мосту через Апаш-Су, вырвалась на тракт, блестевший свинцом в бледных лучах месяца. Внизу слева промелькнуло несколько огней Куягаша. А где-то еще ниже по реке вспыхнула вдруг сразу целая гирлянда из костров.

Девушки посмотрели в темную степь. Промелькнули два молочно-белых глаза. Потом скрылись. Потом вынырнули снова. Шла какая-то машина.

Когда подъезжали к темной стене леса, встретились два всадника. Один из них приподнялся в седле и махнул рукой.

— Это ж Мартанакон! — закричала над ухом Любы Чечек. — Успел уже съездить на рудник.

Люба кивнула головой.

— Тебе нравится Мартанакон? — спросила неутомимая Чечек.

— Нравится.

Чечек нагнулась к самому уху Любы.

— Он даже помолодел, а знаешь почему? Ведь ему Тана раньше жизни не давала. Такая была... О себе только думала.

— А где она теперь? — спросила не без интереса Люба.

— Мы ее, может, увидим сегодня, — улыбнулась Чечек.

— Как? Она на руднике?

— Сама попросилась туда. Шелест вызвал Мартанкова. Все выяснилось. Они расстались очень мирно. До этого, помнишь, девушки приезжали из рудника со своим секретарем?

— На комсомольское собрание?

— Да.

— Ну?

— Тана встретилась со знакомой Санаш, бригадиром на руднике. За электрооборудование отвечает. Она и предложила Тане уйти к ней. Сейчас ученицей у электрика. Совсем другой стала.

— Нашла себя — вот и воспрянула. Это хорошо, — задумчиво сказала Люба и вдруг, восторженно, спросила: — Сколько рядов садить будем?

— Пять, кажется, сказывал Писаренко. Это лесовод из города. Старик добрый, видать, и веселый. Афанасием Михайловичем звать.

— Так это Писаренко! — воскликнула Люба. — Он садовод, а не лесовод. Я была в его саду. Яблони, груши. А какие цветы!

— Вот бы на наши пески приручить, а?

— Он не попросту приехал. Уж, поди, всю землю перещупал, пропустил сквозь пальцы, — сказала Чечек. — Обязательно для нас придумает что-нибудь, вот помните мое слово.

— Я тоже уверена, — сказала Оймок. — А то б позвали какого-нибудь лесника и насадили полосы. А вот, как вы думаете: за что хвататься корням на наших гальке и песке?

— Ухватаются. Обдумали, поди, всё, — заметила одна из девушек. — Стали б машины гонять.

— Вон, смотрите, еще две идут.

И верно, на шоссе со стороны Куягаша заворачивали две грузовые машины.

— А зачем ящики такие? — спросил кто-то.

— А затем, чтоб землю насыпать, — сказал один из парней.

— Землю? — удивились девчата.

— Да. Ту, где растут саженцы.
— А потом? — заинтересовались все.
— А потом...

— Ясно, ясно! — догадалась Чечек. — Потом для каждого саженца насыпать будем ее в яму. Так?

— Верно. Из тебя, пожалуй, лет через десять неплохой агроном выйдет, — улыбнулся парень.

— Всё может быть, — подтвердила Чечек смеясь. — А ведь отгадала.

— Точно.

— Какая же это умная голова придумала?

— Тот самый старик-садовод.

Девчата переглянулись.

— Я что говорила? — торжествуя оглядела всех Чечек, сверкая радостно своими озорными глазами. — Не в гости приехал он. Не на кумыс. Это уж точно.

Все согласились с ней.

Ехали уже больше часа. Давно оказалась позади голая степь Куягаша. Вокруг стояли горы, по склонам которых рос лес.

И, как часто бывает после оживленного разговора, наступило молчание.

Люба вдруг вспомнила о письме Жуковкина, которое принесли вчера. Как и в первый миг, при получении его, так и сейчас Люба почувствовала тревожное биение сердца, внезапный жар на лице. «Значит, решила навсегда вычеркнуть меня?» — вспомнила она упрек Анатолия. — «Я б мог сделать всё, чтоб ты была здесь же, со мной. Забываться в трущобу — ребячество. Мы всё это могли б после. А сейчас, молодым... Подумай, Люба! Я получил приличную квартиру. Кажется, есть всё. Не хватает тебя».

«Не хватает тебя!..» Меня! Ему нужно еще одно украшение для квартиры! — подумала с возмущением Люба. — Ты ошибаешься, Анатолий. Значит, я права. Ты страшный человек. Да, да, страшный».

Она глубоко вдохнула свежий встречный ветерок. «Да. Не будет так, чтоб украшением...»

Около поворота вправо машина сбавила ход и направилась в лес. Замелькали корни деревьев, колдобины. Местами попадался поперечный настил — машину сильно встряхивало, и девушки, охая и смеясь, подняли такой

гвалт, что шофер остановился и, высунувшись из кабины, спросил:

— Растрясло?

— Ой, потише! — взмолились девчата.

Машина пошла медленней. Но вот вдруг выскочила на хорошее шоссе. Скоро рудник.

...Поселок рудоуправления. Ослепительный в свете сотен электроламп, с прямыми улицами и веселыми стандартными домиками, он вырвался как-то неожиданно из-за высокой горы, преградившей было дорогу. «Здесь очень, должно быть, весело», — подумала Люба, вставая и следя за огнями. Они шли и шли куда-то по широкому ущелью.

Где-то слева, у реки, трудолюбиво попыхивал двигатель...

У клуба, нового большого здания, пахнущего еще свежими сосновыми стружками, машины были встречены бригадой молодых, горластых хозяев. Командовала высокая стройная девушка в телогрейке и кубанке. Лицо девушки было небольшое, курносое.

— Лиза! — узнала тотчас боевого комсорга Чечек.

— А-а! Начальство райкомовское! Слазь! — замахала рукой Лиза, подходя к машине. — Ребята, сюда! Принимай ящики!

И ящики пошли по рукам.

— Подруливай к реке, — командовала шоферу Лиза. — Не бойся, не бойся! Не слетишь.

Шофер открыл дверцу и, выглядывая, повел машину.

— У вас все такие?

— Какие?

— Да как ты, боевые?

— Таких много. Стой!

Из сырого земляного подвала стали быстро доставать молодые саженцы. Деревья были перевезены в поселок из Улангайской долины, где вот уже несколько лет применяет лесничество подсев и посадку деревьев. До этой долины было километров пятьдесят. Оттуда же вывезли, по предложению Писаренко, целый бугор черной земли.

Люба с незнакомой девушкой осторожно взяли за пук небольших саженцев пихты. Метелки корневищ были не больше корней овса или проса.

— И подумать только, что из этих саженцев могут

вырасти такие гигантские деревья! — сказала Люба, указывая на лес, который высился вокруг.

Девушка кивнула головой.

— Вырастут. Раз человек взялся — толк будет.

Афанасий Михайлович предложил оригинальный способ посадки деревьев.

— То-есть, проще говоря, — сказал он, — мы перенесем в пустыню ту землю, на которой были выращены саженцы. Тут важно делать эту работу быстрее. Нужен напряженный труд. Опыт, я уверен, должен быть удачным.

И вот три машины прибыли с рудника с саженцами хвойных деревьев. В кузове в ящиках лежала для них родная земля.

На посадку съехались не только молодежь всего ай-мака, но и старики и старухи. Мамий лично привел шесть древних стариков, давно освобожденных от всякой работы в колхозе.

— В любом деле желанья мало — покажи работу, — сказал один из них, беря лопату и, отмерив пять шагов, воткнул ее в песок. Посмотрел, вздернув козыю бородку, вскинул весело глазами и подмигнул в сторону девушек.

— А ну, которая самая бойкая — таскай землю!

— Вот как по-нашему! — хитро щуря глаза, сказал весело Мамий.

Одна из девушек захватила в ведро земли, и, смеясь, пошла за стариком.

Шли сразу в пять рядов. Смех и шутки помогали в работе. Селиванов тоже принял участие в посадке.

Тут же был Афанасий Михайлович Писаренко. Быстрыми и энергичными движениями он поправлял неверно установленные деревца. С ним ходил Мартанак. Он смотрел, радуясь, на то, как одна за другой росли зеленые строчки посадок, удаляясь к котловану.

Анна Васильевна вернулась с лесопосадок взволнованная. С нею прибыл на пункт Афанасий Михайлович. Он всю дорогу подтрунивал над ее слабостью.

— Ну, брат, а я слыхал, что-то вы тут затеяли с «золотым руном». Теперь — не верю!

— Почему же, Афанасий Михайлович?

— Да где такому сердцу, как у вас, заниматься нововведениями.

— Но вы только представьте себе: сотни лет голая

равнина — и вдруг... И вдруг в перспективе — зелень дубрав. Трава. Цветы. Бассейны.

Писаренко подхватил в тон ей:

— Огурцы и помидоры. Клубника и смородина. Верю, верю! Надо восхищаться силой человека, а вы прослезились.

— Это от радости, Афанасий Михайлович. Всё же сердце-то женское, — улыбнулась она.

— С женским сердцем — и почти десяток лет на этой плите?

— Представьте себе, — вздохнула Русакова. — Я люблю ее.

— Ну, а чтоб вы ее еще пуще полюбили, вот мы и возьмемся за ее преобразование.

* * *

Отара пухоносов покорила сердце старого экспериментатора с первого взгляда. Глаза его блестели ярким огнем, движения стали молодыми, быстрыми.

— Да вы знаете, Анна Васильевна... Знаете... Вы и есть настоящий преобразователь пустыни! — воскликнул он горячо. — Какое несметное богатство! Да ведь можно по всем аймакам. Не так разве? Кто от золота откажется? Какой хозяин?

— Есть такой, — сказала твердо Русакова, и лицо ее стало холодным.

— Кто?

— Хозяин нашего пункта!

— Зональная? — вскричал старик, и усы его, широкие, белые, сердито поднялись.

— Да. Представьте: всю эту «возню», как они там говорят, с пухоносами несколько лет дирекция считала пустой и никчемной затеей.

Писаренко снял кепку и вытер лысину платком. Лицо его выражало растерянность.

— Так чего ж вы молчали? Надо было писать, писать!

Прощаясь, Писаренко твердо пообещал немедленно, как только приедет в город, зайти «куда следует».

— Вот теперь я узнал ваше женское сердце, Анна Васильевна, — сказал он, горячо трясая ее руку. — Вы большой ученый.

— Я ведь не одна.

— Это естественно. Около новаторов, учась у них, растут новые люди...

— Да, вы правы... А сознайтесь: не родилась ли уже смелая мысль у садовода — добиться здесь выращивания фруктов? Ну, например, какой-нибудь яблоньки «Подарок Куягаша»? — улыбнулась Анна Васильевна.

Садовод подошел к коню и, тяжело сядя в седло, весело сказал:

— Боюсь сказать «да», но и в «нет» тоже не очень-то верю.

Оба рассмеялись.

* * *

После посадки деревьев на Шинучке старики обратились к Мартанакovu с просьбой провести в колхозе традиционные осенние скачки. Ежегодно, перед уходом на зимнюю тебеневку в горы, в колхозах проводятся такие соревнования. Лучшие бегуны участвуют на районных бегах.

Мартанакoв разрешил готовить коней к ближайшему воскресенью. Во всех бригадах колхоза началась деятельная подготовка. Карым вместе с отцом отобрал шесть скакунов и стал их обьезжать. Мамин сам бывал с ним.

— Хочешь иметь коня сильного и быстрого — приучай бегать на большие расстояния, — говорил он.

Они первые дни ездили по десять километров шагом. Потом переходили на рысь. Купали. Чистили, растирали кожу жесткими щетками. Мамин удивила статная, огненно-рыжая кобылица-четырёхлетка.

— Ее побереги последней. Красиво идет, — сказал старик.

Карым день и ночь теперь находился в табуне. Он посылал своих тайных осведомителей в другие бригады и узнавал, как идет подготовка. Смущали резвые сильные кони Сакмаровых. «На скачках обязательно будет и она. А что, если побьют? Совсем опозоришься».

И вот наступили скачки. Весь колхоз съехался на равнину, к Серому Клыку, огромному мечеобразному камню. Уже четыре... затем пять бегунов Карыма завоевали своей резвостью первые места.

Старики сидели в широком кругу на открытом поле и пили теплую араку. Внешне они были спокойны. Но когда в последний заезд разгорячившийся Карым проезжал мимо, еле сдерживая огненную пышногривую кобылицу, Мамий видел, как дрогнули седые веки у старика Сакмарова, как выплеснулась через край его пиалы живительная влага напитка. Карым посмотрел на отца. Мамий даже не взглянул в его сторону, хотя желтоватый зрачок его напряженно вспыхнул.

«Неужели сакмаровский саврасый возьмет?» — подумал Карым, глядя на точеные ноги скачущего впереди коня.

— Эй, наездник! Не вылетишь из седла?

Карым нагнулся вбок, покачался в стремях и беззаботно тряхнул чубом:

— Не беспокойся — на хвосте приедем!

Отец крикнул и взял пальцами жидкую свою бородавку. «Зачем хвастает Карым, — так, наверное, подумал он. — Зачем? Хорошо ли, если подумают о нем, как о хвостуне? Зазнались, скажут, насмеются... Плохо, плохо сказал Карым».

Мамий покосился на Сакмарова и заметил, как быстро-быстро замигал тот, словно обжегся. «Обиделся старик».

— Где можно видеть еще таких овец, как у вас? — сказал Мамий, хитро наклонясь к Сакмарову. Тот оживился.

— Да. Можно гордиться, — сказал он, блестя счастливо глазами. — Не скоро таких найдешь.

— Нет, — согласились остальные. — Это ведь дочь твоя выходила таких?

— Да. Толток, — сказал гордо Сакмаров. — Моя дочь.

— Умная дочь у тебя. Будет толк из нее. Будет, — подтвердил Мамий. — Ей бы с Кульзах... Та всё ищет что-то. По-своему делает всё. Вот была на МТФ — суглинок давала коровам... Круглые сутки пасти стала. Взяла коз — «Золотую отару» вывела вместе с Анной Васильевной.

Не мог самолюбивый Мамий Мурзагулов льстить долго. Да и как хвалить других, когда у самого первая семья в аймаке? Правда, Магузум...

...Карым, проезжая мимо девушек, быстро взглянул в их сторону и встретился с глазами Чечек. Они были полны радостного блеска. Разве не Карым с отцом выходили таких коней?

Карым понял этот блеск в ее глазах, но было почему-то тяжело на душе. Через несколько минут вот по этому месту, вырывая с корнями метелки ковыля, промчатся наездники, и кто-то из них будет первым. Карым посмотрел в степь к мете — огромному камню, похожему на гигантский клык. Когда-то давно, говорят старики, высилась здесь одинокая скала. Дождем и ветром слизало ее былую мощь. Разрушались породы одна за другой, пока не отшлифовалась самая твердая. И стоит она, как клык необыкновенного зверя, похороненного щебенкой. Недаром его и прозвали Серым Клыком.

У Серого Клыка наездники повернули назад. Сначала было видно только, как они, слившись с лошадьми, разом наклонились и взмахнули руками. Раздался глухой далекий гул.

— Пошли! Пошли! — закричал народ.

На фоне легкого облачка отчетливо выделялись скачущие кони. Они быстро приближались. Всё явственнее, всё громче топот. Старики от напряжения привстали на колени. Мамий, несмотря на то, что был уверен в Карыме, почему-то ощущал тревогу. Он уже различал вытянутые морды мчавшихся коней. Вот, высоко вскидывая ноги, вырвалась их кобылица. Мамий сломал в руках былинку.

— Давай, давай повод! — бормотал он, стиснув зубы, видя, как кобылица высоко несла голову, сдерживаемая рукой Карыма.

Расстояние между Карымом и бегунами быстро росло. Теперь уже все видели это. Победа была полная. Вдруг в тот самый момент, когда Карым ослабил повод, кобыла, испуганная метнувшейся из-под живота подпругой, всхрапнула, рванулась в сторону. Карым, хватая воздух руками, вместе с седлом упал на придорожную твердую землю.

* * *

Мамий стоял в приемной врача и, беспомощно оглядываясь по сторонам, мял дрожащими руками шапку-треух. Тут же взволнованно, тихо беседуя друг с другом,

ходили из угла в угол Мартанакон, Русакова, старик Сакмаров...

Чья это девушка жмет испуганной козочкой у дверей?

Ах, это же соседка Чечек Уланова. Да, да, бригадирша.

Вошел врач. Он строго блеснул очками, поздоровался и, обращаясь к Мамии, тихо, но твердо, как умеют говорить только врачи, сказал:

— Придется ему полежать, — и, видя нетерпеливое движение Мамия, добавил: — ничего опасного. Отделался ушибами. В октябре может новые призы брать.

Мамий обрадовался. Тяжелый камень свалился с сердца.

— Парень он здоровый, — поддержал доктора Мартанакон.

Мамий часто-часто заморгал глазами и, молча пожав руку врачу, натянул на голову треух.

Все пошли за ним.

* * *

Вечером Люба засела за письмо. Она решила твердо на этот раз ответить Жуковкину. Прежнего Анатолия, энтузиаста, смелого и порывистого, она не видела даже по письмам. Она решила прервать свое молчание и дать ему повод подумать о своем действительном положении. Перечислив, какие письма она от него получила и указав на причину своего молчания, Люба писала:

«Сознаюсь: не думала тебе совсем отвечать, но сейчас не такие дни. Совсем недавно по первому арыку через самый трудный участок полупустыни от Шипучки пошла вода в котлован. Это первая наша радость. Ты скажешь: какое это имеет отношение к моей работе или работе пункта? Могу ответить: самое прямое.

Видишь ли, в чем дело: мы живем тем, что выдвигает на сегодня сама жизнь.

Работаем вместе с коллективом. Какие славные, смелые люди живут в этой полупустыне! Они и каналы строят, и водохранилища на стоянках, и выводят новые породы скота.

Вчера вернулась Анна Васильевна из обкома партии, где делала доклад о работе пункта. Пухоносы — золотой фонд для области. Варя работает над цигейкой. Кульзах

будет бонитером. Чечек — геологом. Оля — артисткой или поэтом. Карым — мелиоратором. Ты спросишь: что за люди? Это те, о которых нужно писать целые книги.

С ними я и работаю. Я очень, очень довольна, что так получилось у нас! Что я не угодила с тобой на «заметное» место мало заметной вещью. Ты очень плохо знаешь меня, оказывается.

Эх, Толька, Толька! Здесь работы непочатый край. Вылазь, пока не поздно, вылазь на свет божий из своей уютной квартирки! Чему ты там научишься? Учти: с тебя спросят. Кто? Народ. Жизнь. Она спросит обязательно, как уже спрашивает с некоторых».

Люба подумала, перечитала написанное и зачеркнула «Толька, Толька», написав сверху: «Ты». Те слова сделали мостик в прошлую их дружбу. А она решительно жгла его.

И вдруг ей стало страшно жаль этого прошлого, с которым она так смело порывала. Все-таки были минуты, которые просто так не забудешь.

«Интересно... допустим, он ошибся», — подумала она. «Да не только ошибся, — запротестовала вторая мысль. — Он пренебрег ради тщеславия всей нашей дружбой».

«Ну, хорошо. А что ты сделала, чтобы доказать ему, что он не прав? Ведь ты ничего не сделала! Ты всячески выживала из памяти всё, что с ним было связано...»

«Нет, почему он поступился всем?»

«Да он думал, что недоверие твое временное. А потом, когда он станет заметным, когда там докажет, что он серьезный и способный биолог, ведь тогда, ему казалось, ты легко уверуешь в его способности и вернешь ему дружбу».

«Нет уж, дудки...» — отпарировала вторая мысль, та, которая колола в сердце. Но посидев еще над письмом, Люба зачеркнула «ты» и снова рядом написала «Толька, Толька».

Сжигать мосты совсем — было страшно.

* * *

Карым уже на пятый день поднялся с койки. Правда, еще здорово саднило бок — на нем была содрана кожа, было плечо, но лежать сутками казалось Карыму невы-

носимым. Плохо, что ни одного человека в палате. Скучно. Вечером он садился к окну и до рассвета смотрел в темную степь. Он улавливал малейшее движение и строил догадки: «Что это? Куда? Зачем?»

Чаще всего приходил на память момент его падения с коня. Это казалось ему постыдным. «На виду у всех... на ее глазах упал, как мальчишка», — жгла, мучила Карыма мысль. Она преследовала его, не давала покоя.

«А что, если действительно подпруга была подрезанной, как говорил отец?» — приходило внезапно подозрение, чтобы хоть немного успокоить уязвленное самолюбие. Отец сказал на одном из свиданий: «Срезана, как бритвой, до половины, и только конец взлохмачен, порван. Неужели пряжкой?»

Карым не верил этому, да и сам Мамий не мог представить, чтоб кто-то на такое решился. «Пряжка может потереть — это правда», — думал Карым, и снова перед его глазами мелькали пестрые наряды девушек, испуге взметнувшиеся руки... боль и сильный, оглушительный удар в плечо и голову.

— Как мальчишка, как мальчишка. Ай-ай-ай, — шепчет в отчаянии Карым, ходя ночью по палате. — Что она подумала?

Карым потушил лампу, чтобы лучше была видна степь, и подсел, как всегда, к окну.

Больница находилась за Куягашем, в редкой тополиной рощице у Апаш-Су. У окна несколько изогнутых тонких деревьев, песчаный бугор за оградой и дальше голая равнина до самых гор.

Скоро колхозные бегуны будут оспаривать первенство в аймаке. «Отец говорил, что вместо него, Карыма, на их кобылице поедет Одаров, — думал уныло Карым. — Хороший паездник Одаров. А вот обгонит ли он сакмаровского Саврасого? Он не любит, когда его обходят слева. Он тогда приостанавливает бег и хочет укунить соперника. Сказал я отцу, чтоб передал об этом Одарову? Кажется, сказал».

Карым вздохнул и задумчиво стал смотреть в окно. «Что делает сейчас Чечек? Небось, спит и не думает. Нисколько не думает, что вот я тут... Один. Может, ей снится тот шофер?»

Всколыхнулось сердце Карыма, сжалось, больно зашлось... Не вытерпев, вскочил. Раненым тигренком заме-

тался по комнате. В глазах картина: бравый, молодой шофер подходит к Чечек и ловко ведет ее по кругу. Она порхает в его сильных руках, как перышко утки, когда летит оно, кувыркаясь, оторванное от крыла... Карым тогда чуть не заплакал от обиды.

Мрачные мысли лезут в голову, ложатся тяжелым грузом на сердце. И нет выхода, нет просвета из этого круга. Карым стискивает челюсти и закрывает глаза, но перед ним снова живые, яркие встают картины: то оркестр на Шипучке, то его дорога к Чечек, на стоянку, то вздыбившаяся кобылица кидается в сторону и он летит, беспомощно взмахнув руками, на землю...

— Всё, всё, — шепчет он. — Выздоровею, возьму справку, уйду на производство. Хорошо бы на курсы попасть, да вернуться через год-полтора при всей форме. Как специалист...

Карым воодушевляется, и скрытое торжество наполняет, поднимает его. Это уже не тот Карым. Это специалист по коню... Теперь его даже ураган не выбросит из седла.

Карым приподнялся и вздрогнул: кто-то осторожно пытался открыть створку окна. Карым резко оборачивается и замирает. Расплющив нос о стекло, неизвестный пытливо вглядывается в темноту палаты. Легкая кисть спадает с шапки и переливается в лучах луны.

— Карым, — доносится до него глухой далекий голос. Он узнал бы его из колодца с любой глубины, из-за любых укрытий. — Открой скорее, Карым!..

Он кидается к окну, придерживая больное плечо, и торопливо щелкает задвижками. Створка со скрипом открывается.

— Чечек, Чечек, — шепчет он, ошеломленный ее появлением. Она приподнимается на завалинку, улыбается, и что-то сует ему в руки.

— На, на. Твоя мать послала.

Он растерянно берет из ее рук какой-то мешочек.

— Как твое здоровье, Карым? Ты похудел.

— Ничего. Ты это как? Ты...

— Молчи. Молчи. Поправляйся быстрее, до свиданья. Не сердись на свою Чечек. — Она машет ему рукой, смеется ласково и сама закрывает окно.

— Чечек! Чечек! — кричит Карым, рванув на себя створку.

— Ш-ш-ш! — доносится до него из-за деревьев. Вот что-то мелькнуло через городьбу и на лунную дорожку тотчас выехал всадник. Всадник обернулся, махнул рукой и погнал коня в галоп. Дробный перестук копыт донесся до Карыма. Он стоял у окна, прижимая к груди маленький мешочек, и беззвучно шептал: «Чечек. Милая, славная. Дурак я, Чечек, дурак».

Он долго еще стоял и смотрел в степь, и мнилсЯ ему звонкий перестук копыт. Потом закрыл окно, и, подсев к столу, развязал мешочек. Оттуда вывалились пахучие свежие сырчики. Они были тверды, но рассыпчаты, так и таяли во рту.

— Это твои... твои сырчики, Чечек, — улыбнулся Карым. — Я никогда не ел таких вкусных сырчиков.

Он еще раз подошел к окну, и степь, за минуту до этого мрачная и белесая, сверкала теперь серебристой дымкой. Всё, казалось, пело, переливалось, блистая невиданными сказочными самоцветными камнями. И мечта и тайные желания — всё теперь встало на свое место, всё сбудется. Быть тому, о чем втайне думал Карым. Счастливые, радостные видения снились ему в эту ночь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Причин не разделять успехи и радости, которые всё чаще стали посещать людей после войны, было у Токушева много.

Если б старый кооператор Василий Токушев, умерший в конце тридцатых годов, увидел своего сына, он, наверное, не узнал бы его. Он вспомнил бы, какие надежды подавал мальчишка Чот, радуя сердце отца хорошим ростом и светлой головой. Он вспомнил бы, как не раз хвастался им перед соседями.

— Хороший растет парнишка, — говорил Василий Токушев. — Может по торговой части пойти, а может и по другой какой... Нынче дороги всем открыты...

Учился Чот легко, опережая сверстников знаниями, которые он приобретал из книг...

— Ты смотри, не очень с ними, — шептал сыну Василий Токушев, — с мальчишками. Они год-два — и за кабаргой в горы, а ты со своими способностями пойдешь... ого-го! Можешь таким начальником стать, что сотни шкур кабарги даром возьмешь. Принесут. Учти.

В комсомол записался? Нет? Ай-яй-яй. Такой умный — и такой дурень. Не видишь разве, каким путем идти?..

И Чот, подумав над словами отца, принес заявление в комсомольскую ячейку. В комсомол его приняли, но как-то всё сторонились.

Рос Чот гордым и болезненно самолюбивым. Язык — остр и зол на шутки.

К нему даже за помощью не обращались, он и помощь обращал в свою пользу, умышленно искажая и перевирая подсказку.

Так Чот и не приобрел себе друга.

Но это обстоятельство не особенно его, кажется, волновало.

— Другу нужно полсердца своего отдать и полголовы, — говорил отец. — Лучше оставить себе и то и другое...

И Чот в душе соглашался с отцом.

В 1927 году он закончил школу и поступил в Красногорский рабфак.

— Смотри, — говорил отец, напутствуя сына. — Идешь на большую дорогу. Не давай никому непутевому сбить себя.

— Не беспокойся, — заверил Чот. — Не такой, чтоб споткнуться.

— Молодец! Вижу! — обрадовался отец и справил ему костюм и драповое пальто.

В Красногорске Чот впервые встретился со своим двоюродным братом Николаем Марчиным, который был на несколько лет старше его и совершенно не похожим по характеру на Чота. Николай Марчин был видным общественником в городе. Неплохие организаторские способности поставили его, комсомольского работника, в ряд с первыми организаторами ТОЗов.

Завидуя брату и его общественному положению, Чот Токушев стал активнее вмешиваться в жизнь, чаще выступать на молодежных собраниях, даже записался в литературную группу при издательстве. Два-три рабфаковца писали в газеты, печатая свои стихи и рассказы. И Чот взялся за перо.

И первые же опыты ему удались. Стихи похвалили и напечатали. Это воодушевило Чота. Он стал засиживаться над тетрадкой со стихами. В это время приехала из Кызылука Еркелей Ешева, дочь партизана.

Чот помнит, как в Кызылуке Еркелей ездила в школу на серой рысистой кобылице и казалась тогда Чоту неприступной красавицей.

Но теперь дело другое. Чот уже пишет стихи и становится известным человеком в областном центре. Еркелей сама как-то спросила Чота, не из Кызылука ли он, на что тот с некоторым горделивым достоинством ответил:

— Плохо, когда у человека на земляков память плохая.

— Это правда, — смутилась Еркелей и улыбнулась. — Но ведь я же вспомнила первой!.. Даже больше... я знаю, как вас зовут! — Еркелей кокетливо вскинула брови. У Чота радостно забилося сердце. Она назвала его... Значит... значит... она...!

Еркелей весело посмотрела на Чота, и в глазах ее он увидел весеннюю ростепель.

В этот вечер они пошли вместе в кино.

С этого дня потерял Чот покой. Он искал ее встреч, ждал часами ее мимолетного взгляда, стихотворение за стихотворением посвящал то ее глазам, то косе ее, то походке.

Всем, решительно всем полюбилась ему гордая Еркелей.

И дни и ночи он думал о ней. Чот решил рассказать ей всё. Он встретил ее в коридоре рабфака и шепнул: «Сегодня... в сквере... хорошо?»

Еркелей как-то странно посмотрела на него и, кажется, непроизвольно качнула головой. Целый час ждал ее Чот, мучаясь в догадках, что с ней случилось. Наконец, она пришла.

— Еркелей! — воскликнул Чот. — Я давно... Правда, Еркелей! Давно хотел сказать... Понимаешь?

Губы Еркелей дрогнули. Она силилась улыбнуться.

— О чем?

— Я всё хотел... и не мог, Еркелей. Пройдем в сквер. Там, кажется, никого нет.

— Так это тайна? — тихо и как-то безучастно спросила Еркелей.

«Что с ней? Какая-то странная сегодня», — подумал Чот.

— Нет, Еркелей, — сказал Чот. — Теперь уж это не тайна. Вот. — Он развернул перед ней газету и ткнул

пальцем в стихотворение, под которым стояла его подпись.

Девушка с любопытством нагнулась над газетой. Стихотворение называлось «Я люблю».

— Кого, Чот? — делая вид, что не понимает его, спросила Еркелей.

— Тебя. Тебя люблю, Еркелей, — вспыхнул Чот.

— Меня нельзя любить, Чот. Я тебе должна сказать страшную правду, — с трудом проговорила Еркелей. — Страшную. — Слезы брызнули из ее глаз.

— Говори! — схватил ее за руку Чот.

— Говорят, отец выступил где-то на собрании в Кызылуке и заявил при всех, что не пойдет в «артель». — Девушка вздохнула и добавила тихо: — Горячий он. А меня исключить могут из рабфака.

— За это не могут, Еркелей, — несмело возразил Чот. — При чем же ты?

— Но ведь — отец!

— Если ты уедешь в Кызылук, я тоже брошу учиться, — горячо сказал он. — Я сейчас же пойду. Я пойду к директору. К комсorgh... или... или к брату в райком. Ты не бойся. Никто не имеет права!

Но Чот никуда не пошел. Он написал письмо отцу, и тот сообщил, что, действительно, старик Ешев выступал против ТОЗов. «Все начальство им недовольно, и как бы партизанский билет не отобрали у него. Смотри, не связываясь с девчонкой — положишь пятно на себя».

Тяжело было Чоту, но он выдержал. Он порвал с Еркелей.

Еркелей никто не исключил из рабфака, и она, успешно закончив его, поступила в педагогический институт. Но на Чота Еркелей не могла уже больше смотреть.

С этого времени повалились на него несчастья одно за другим.

Сначала он не выдержал вступительные экзамены в университет. Оскорбленный, он вернулся в Красногорск. Была у него гордая мечта — стать национальным поэтом. Конечно, первым, ведущим. Чота помнят в Красногорске, в издательстве. Его примут на работу, и он посвятит себя целиком творчеству. Он напечатает поэму... потом другую...

В издательстве, в самом деле, уже готовилась его первая книжка, и Чот был полон надежд. Ему мнилось

гордая Еркелей, ее заискивающая улыбка. Разве она устоит теперь? Разве посмеет откачнуться от известного поэта?

И вдруг страшный удар. Группа отпускников-студентов выступила на литературной группе с резкой критикой его стихов. В некоторых стихах обнаружили плагиат.

Чот был всенародно посрамлен. Его исключили из комсомола. О работе в издательстве теперь нечего было и думать. Книжка не пошла. Чот покинул Красногорск.

В предвоенные годы он работает в одной из районных газет в скромной должности секретаря редакции. Он усиленно печатает свои экзотические стихи, обрабатывает легенды и сказания, соболезнуя славной, ушедшей навсегда старине.

Влюбляется в заведующую клубом. Узнав о том, что за ней усиленно ухаживает физрук школы, неоднократно чемпион областных соревнований по слалому, Токушев, никогда не участвовавший в гонках, становится на лыжи, но в беге с соперником ломает себе ногу.

Выписался из больницы Чот на костылях и, уволившись, вернулся в родной дом. Отец Чота не дожил до его возвращения. Разуверившись окончательно в сыне, он стал выпивать с горя. Потерял доверие пайщиков. Пришлось из кооперации уйти. В тот самый год, когда Чот сломал себе ногу, Токушев-отец, простыв, схватил крупное воспаление легких и, за несколько дней до приезда Чота, умер.

Кызылук!.. Село, которое туманными заманчивыми долями горных голубых вершин и стремительным бегом на десятки километров видимого по широкой долине тракта впервые вызвало в нем беспокойное, страстное желание подняться, взлететь. Оно лежало теперь перед ним, попрежнему волнуя бешеным бегом горных потоков и такой же загадочной далью чуть синевших горных вершин.

Но в Кызылуке Чот не мог оставаться. Слишком свежи несбывшиеся мечты и слишком много он обещал односельчанам и ровесникам.

«В генералы меня прочил, — подумал неласково об отце Чот. — А я вот... разжалованным солдатом иду по жизни».

От соседей осторожно узнал о бывших одноклассниках. Оказалось, что он один на мели остался. Еркелей

давно работает в Красногорском педтехникуме, а отец ее — бессменный председатель крупнейшего в Кызылукском колхоза. «Хорошо хоть курсы счетоводов мимоходом закончил. Что б стал делать?» — горько подумал Чот и, на скорую руку продав отцовский домик, надумал ехать в горы. Он решил побывать в верховьях Кара-Кем, в колхозе «Кызыл Мааны», где председательствовал его сродный брат Николай Марчин. В этом колхозе он бывал не раз, еще учась в рабфаке. Навсегда запомнилась ему тополевая и березовая роща на самом берегу могучей реки. В роще он не раз бродил один в хорошие, золотые дни осени, когда сквозь поредевшую листву просвечивают изумрудные волны реки, когда под ногой легко и нежно шуршат опавшие листья.

У брата Чот прожил больше месяца и, никому не сказав ни слова, собрался вдруг и уехал.

* * *

Холодным, замкнутым, ищущим уединения — таким помнит Соен Марчина приезжавшего к ним в «Кызыл Мааны» Чота, сродного брата мужа. Жил он у них подолгу, и всё избегал людей. Не раз видела его Соен то у реки, вырезавшего из корней осины какие-нибудь фигурки своим удивительным ножичком, то одиноко сидевшим где-нибудь на прибрежной скале в глубоком раздумье. (Складень у него был отменный: вместо ручки — марал, стоявший на коленях. Ногами он выталкивал лезвие и тогда выпрямлялся весь, готовый к прыжку. Никогда больше не видела такого ножичка Соен).

Жила Соен за спиной мужа хорошо, вольготно. Для беспокойств не было причин. Дом — полная чаша. Ежедневно у очага собирались гости. Они пили чай с толканием, ели жирную баранину и славили хозяйскую доброту и гостеприимство Соен. Та растолстела. Раздаласьвширь. Легкие корявины на ее лице почти совсем сравнялись, заплыли нунцовой полнотой. Во всей ее манере и движениях появилась величественная осанка и медлительность. Так и положено быть жене степенного и рачительного хозяина, каким был Николай Марчин. На работу Соен не ходила: было что дома делать, успевай только.

Муж редко ночевал дома. Он, начиная с ранней весны

до поздней осени, жил больше то в поле на бригадных станах, то на стоянках пастухов и чабанов. А то вызовут в область на большое совещание какое-нибудь — там недели полторы или две живет.

Считался он дельным хозяином и передовым человеком. Так бы, может, и жила Соен тихо да мирно, если бы не гроза, разразившаяся над их домом.

Началось издалека. Началось с того, что Марчин возмнил о себе. Перестал вникать в хозяйство, в детали его, всё чаще и чаще стала париться у костра арака.

Аймачное начальство по старой памяти похваливало Марчина. Оно не заметило разлада в делах председателя. И вдруг как снег на голову: председатель уличен в подлоге. Было обнаружено несколько фиктивных актов на падеж и недород.

Позор мужа для Соен был полной неожиданностью, и она тяжело перенесла его, чувствуя некоторую долю вины и своей перед колхозом. Вместе с другими она стала выходить на работу. Летом — в поле, зимой — на молочнотоварную ферму, и никто не мог упрекнуть ее в плохой работе. И все-таки ей казалось, что лучше бы уйти в другой колхоз.

Вдруг появляется Чот. В 1943 году он прибыл в Куягаш на должность бухгалтера колхоза «Кызыл Аскер». Предложил ей переехать в Куягаш. Соен с радостью ухватилась за его предложение. Ее отпускают, и вот она в Куягаше. Отара. Соседи по тебеневке на ее глазах в первый же год получили по восемнадцать—двадцать овец дополнительной оплаты. Почему же и ей не зажить так же безбедно? И Соен со страстью молодой женщины включается в общую борьбу за образцовую отару. Она слышала не раз, как хвалили некоторые хозяйскую бережливость Чота, и это радовало ее.

Но нынче один случай лишил ее покоя и заставил передумать многое. Заехала к ней на стоянку Тана. Ветреная и бесшабашная, она не могла найти сочувствия у Соен, но было ее немного жаль. Всё же она одна осталась. Угостила ее Соен свежим барашком. Села Тана к ококу, смеется:

— Безмужние мы с тобой. Мой-то на-днях чуть не поколотил меня при встрече.

Соен удивленно посмотрела на гостью — не поверила. Не такой Мартанакон, чтоб это сделать.

— Не веришь, а?

Тана вытащила ножичек из кармана и принялась резать мясо. Соен заметила его, удивилась: где она еще видела такую резную ручку — красивый марал вытаскивает точеными ногами лезвие?

— Как пустит коня — еле отскочила в сторону. Но я сама виновата, — продолжала Тана улыбаясь. — Наговорила ему всё, что с бабьего языка сорвалось.

Смотрит Соен и думает, где же она этот ножик... И вдруг вспомнила: у Чота видела его, там еще, на Кара-Кем!

— Хороший у тебя ножичек. Красивый, — заметила Соен будто невзначай, и добавила: — Зря ты распалила мужика. Он хороший.

— Хорош, да не для всех, — нахмурилась Тана, вытаскивая из котла жирный кусок. Минуту помолчала. Потом, спохватившись, Тана протянула ножик: — Про этот спрашиваешь?

Соен кивнула.

— Находка.

— Красивая находка, — сказала Соен и подумала: «Как это он потерять мог такой нож!»

— Ага, — сказала Тана. — Я его на скачках нашла... Во время обеда снимали все седла в кучу. Араку стали пить. Тогда еще Чот напился пьяным, отполз к седлам и упал рядом. Все смеялись над ним. Ну, а когда седла взяли — я тут в траве и нашла. Это, наверное, его, а мне не хочется отдавать. Не будь ротозеем. Не теряй. Правда? — Тана рассмеялась.

— Как же... Почему разбился Карым, — не слыша ее, спросила Соен.

Тана прожевала мясо. Отерла губы.

— Всякое говорят. Одни — кобыла споткнулась. Другие — лопнула подпруга. Будто нашли под кожаным крылом седла надрез в двух местах. Известно, кто будет смотреть подпругу под крышкой седла. Недосмотрел Карым, она и лопнула.

— А Чот?

— Чот проспался и ушел. Он даже не видел, как понесли Карыма.

Страшная догадка кольнула Соен в сердце. Она даже задохнулась от страха. Но справилась с собой. Не подала виду. Старалась прогнать эту мысль. Но мысль

не уходила и била-била, точно молотком в мозг: «Он, он».

...Погостила Тана и уехала к тетке, а Соен лишилась сна. Разве неправда, что Чот сватался к Кульзах и она отказала? Правда. Разве неправда, что он и до сих пор преследует ее? Правда.

Напился и лег к седлам. Никогда не видела его Соен пьяным. Он не поднялся и тогда, когда Карыма понесли и весь народ бросился за ним. Пьян был. Конечно, в таком положении, если бы и потерять нож, так кто же скажет, что ты им подпрыгнул?

Ушел покой от Соен. Сон потеряла. А тут стал наезжать он.

И она поняла всё.

Чот сидел как-то в ее юрте и пил чай, презрительно и зло кого-то высмеивая.

— Правда ли, Чот, — спросила она, — что колхоз решил удвоить свои стада за эти годы?

Он фыркнул и сердито буркнул:

— И ты?

Соен покраснела. Неужели она пропащий теперь человек и обречена вечно носить мужнин позор, как тяжелый камень? Разве она не может радоваться, как все, общей радости и успеху? Разве она немощна и не может по-честному трудиться?

— Чепуха, — презрительно сморщился Чот. — Вот погоди, буду сам скоро хозяином. Выдвигают. А для этого нужно кое-что... Понимаешь? Кое-что...

Он предложил подписать акт о падеже ярки в отаре Соен, хотя падежа не было.

— Зачем же тебе, Чот? А потом ведь врач должен осмотреть.

— Ты черкни, а там не твоя забота. Я знаю, как дальше быть. А овцу нужно одному большому человеку. «Может, уехать хочет? Пусть берет. У меня своих десять».

Взвалив через седло зарезанную ярочку, Чот уехал в Куягаш. «Неужели так нужно?» — не понимала Соен.

Она думала, думала, как поступить ей. Одного ей хотелось — пойти и рассказать Мартанаккову все свои сомнения, но что-то удерживало ее.

Говоря Соен о том, что его выдвигают и что он сам скоро будет хозяином, Чот и сам верил в это. У него

был высокий покровитель — заведующий аймачным отделом сельского хозяйства Стрункин. Давно приметил заведующий строгого и ревностного хранителя колхозной копейки Чота Токушева. (Таким Чот зарекомендовал себя с первых лет работы в колхозе). Заметил Стрункин в нем и другое: Токушев не прочь похозяйничать и сам. В годы войны он выгодно отличался от многих малограмотных председателей колхозов своей строгостью и разносторонними знаниями. Поэтому сам Стрункин как-то в разговоре с Токушевым сказал:

— Тебе, дорогой товарищ, пора вылазить из-за конторки... Да. Пора бы и за руль браться.

Токушев скромно ответил:

— Ну, что вы, Спиридон Яковлевич!.. Разве я сумею?

— Пустяки! — махнул рукой Стрункин. — Я поставлю вопрос.

Но так как от природы Стрункин был очень рассеянным человеком, то и забыл в тот же день о своем обещании. Не забыл Токушев. Он всячески стремился напомнить о том Стрункину. Как-то встретился он с ним в Куюгаше.

— Ты это что... с овцой? — удивился Стрункин.

— Поручал продать на базаре, и не продали. Вот и думаю: что с ней делать? Назад не повезу. Хорошо, что встретились. Где вы живете? Спиридон Яковлевич?

— Что ты? — испугался Стрункин. — Еще подумают.

— Ничего и не подумают. Днем. Свое мясо. Вы ведь не очень-то сладко живете тут, в аймачном центре. Знаю. Жил сам. И не спорьте.

Так закрепил свое знакомство с начальством Чот Токушев. Нужно было действовать смелее и решительней. Но Стрункин попрежнему уклонялся от прямых разговоров. И тогда Чот сказал сам:

— Знаете... Чувствую, действительно, силу, Спиридон Яковлевич... Ну, что вот Турубаев? Воё сквозь пальцы... Безграмотный и, скажу прямо, — жулик. Растаскивает колхоз.

— Нам известно. Нам известно. Будем принимать меры, — торопился сказать Стрункин. — Ты вот что: оформляйся-ка в партию. В одной рекомендации можешь быть уверен, — он ткнул себя в грудь.

Чот понял, что Стрункин оттягивает дело на неопределенный срок. А тут уж Советская Армия подошла

к Берлину и вот-вот войне конец. Придут фронтовики, и тогда в мечту о хозяйствовании едва ли можно будет верить. Он ничего не сказал Стрункину, а про себя твердо решил: одна-две анонимные бумажки о взяточничестве заведующего сельхозотделом испортят ему карьеру навсегда.

Мартанакова встретил сначала в штыки, потом понял, что так можно погубить себя. А в штыки было за что...

Давно приглядывался Токушев к красивой и степенной Кульзах, а потом влюбился слепой безнадежной любовью. И чем больше и дальше уходила она от него, чем решительней отталкивала от себя, тем яростней была его любовь.

Смерть Магузума, мужа Кульзах, окрылила его. Но у несчастной любви уши и глаза очень велики: Токушев заметил опасность после первой же встречи Мартанакова с Кульзах на опытной отаре пухоносов. Он увидел безнадежность своего положения и понял: любви их может помешать только разве случайно свалившийся на голову счастливого соперника камень. Токушев следил за каждым шагом молодого председателя и о всех промахах тотчас же сообщал в аймакисполком Селиванову. Так появилась его жалоба после того, как отару Соен Марчинной перевели из Кок-Озека в другое место, а туда поместили пухоносов. Видя, что, жалоба не помогла, он решил действовать иначе. Он поехал к Соен и сказал:

— В колхозе узнали о твоём муже — берегись! От моих стараний — твое благополучие. Ты думаешь, случайно это, что тебя из Кок-Озек выгнали? Эге! Это случайно, что лишилась ты лучших выпасов и лучшего загоны? Эге!

«И всё муж, муж! Почему она не сказала всем сразу, а приняла и носит его позор до сих пор!»

Токушев подошел к ней. Сел на корточках перед огнем.

— Да, отдали Кок-Озек для отары Кульзах.

«Ага, Кульзах, — подумала Соен. — Это очень верно. Такая отара, такой молодняк. Это правильно сделали».

— Но отара Кульзах, — продолжал он, — все равно подохнет зимой на тебеневке. — Он сплюнул в огонь. — Ты должна помочь мне. Слушай.

Лицо Токушева вытянулось, глаза сузились. «Где она видела его таким звероподобным? Ах, да, там, на Кара-Кем. Это было, кажется, в 1938 году. Тогда он подговаривал мужа. Но о чем он хрипит?»

— Я слушаю тебя. Говори, — сказала Соен.

— Ты выгонишь маток с ягнятами на клетку. И потом... потом заявишь... — Он прислушался и добавил скороговоркой, испытующе глядя в ее лицо и чуть осклабясь: — А я уже написал председателю аймакисполкома. Сообщил уже, что падеж начался... что он по вине правления. Я тебя для убедительности сестрой назвал.

— Так, так, — тихо сказала Соен, глядя Чоту прямо в глаза.

Да, он тогда сказал, сказал такое. И голос как сейчас. Она стояла за дверью и всё слышала.

«Твой аил и мой аил на самой Кара-Кем. И никого, никого вокруг! Никто не мешает заниматься, чем хочется. Я бью зверя. Ловлю рыбу в реке. Пью араку. Сочиняю песни. Я и моя природа. Я ушел от общества. Зачем нам возиться с пахотой, с хозяйством?..»

А потом они обнаружили ее, но она притворилась, что ничего не поняла. Тогда Токушев хитро, вот так же, осклабился и сказал: «О господи! Да кому запрещено видеть какие угодно сны! Разве они по заказу бывают? Ну и слыхала. Так это же сон, говорю тебе!»

— Так, — очнулась Соен. — Так. Значит, я должна выгнать ягнят на гибель. Выгнать вместе, чтоб их потоптали матки?

— Дура. Кто тебя обвинит в том? Где укрытия для ягнят лучше, чем в Кок-Озек? Скажешь: «Нет у меня укрытия».

— Есть, Чот, укрытия: хорошие, надежные...

Он злобно посмотрел на нее. Что-то было подозрительное в этом ее спокойствии. А Соен закурила трубку и села рядом.

— А не скажешь, почему это не сбылся твой сон, Чот? Помнишь — там, на Кара-Кем?

Токушев отпрянул в сторону. Лицо его взмокло. По нему поползли ручейки пота. Он расширил ноздри, тяжело задышал. В глазах настороженно то вспыхивала, то затухала мысль. Токушев решал: он может убить ее. Соен знала об этом. Но странно, она не ощущала боязни. Какая-то необычайная сила вспенила ей кровь, вы-

прямил ее, собрала воедино ее гордость и человеческое достоинство.

— В каких источниках кормишь ты свою ненависть и злобу, Чот? — Голос ее дрожал. И эта дрожь еще больше придавала ей смелости. Пусть не думает, что от страха дрожит она... Нет! От волнения дрожит. Она волнуется — это верно.

— В каких, Чот?

Он поднялся.

Ох, как звенит за юртой! Как пусто! Соен слышит жвачку и шум отары. Они так далеко от людей! Но Соен не боится. Пусть скажет он... Чего он боится? Ведь не боялся ж издеваться надо всем, чему и она радовалась в колхозе: над успехами людей, над новыми начинаниями. При ней издевался вслух! Пусть же скажет.

— Что молчишь, Чот? Кто язык отъел твой? А не скажешь ли еще о том, не терял ли ты где своего перочинного ножичка с белой костяной ручкой? Что-то я не вижу его у тебя, Чот. А я хорошо помню, что был он еще тогда, когда ты из Красногорска к нам в Кызыл-Мааны» приезжал. Уж не на скачках ли ты его... Помнишь, когда разбился Карым.

Соен не успела договорить. Чот ударил ее в лицо. Глухо икнув, она упала к стене и тихо сползла на кошму. Он стал остервенело топтать ее сапогами.

Потом быстро стал шарить вокруг: по стенам, у окошка, ища злополучный нож. Но вдруг застыл: ему почудился топот копыт. Он схватил кошму и бросил ее на Соен. Выскочив наружу, Токушев кинулся было к коню, но поспешно отскочил назад и, дрожа всем телом, едва успел захлопнуть за собой дверь: огромная овчарка, оскалив клыки, стояла у двери.

Токушев приоткрыл дверь и тихо, хрипло позвал:

— Полкан! Полкан!

Умная собака смотрела на него не отрываясь холодными, немигающими глазами. Ничего хорошего не было в ее взгляде. «Вот черт, ведь не даст выйти», — подумал он с отчаянием.

— Ну, ты... Полкан, Полкан, — высунул он голову, — хочешь мясо? На, возьми, — он вернулся в аил и, вытащив из котла кусок, протянул собаке. Та легла около куска.

— Ну вот, ну вот. А ты не узнал. Дурак. Свои ведь.

Лицо Токушева вытянулось, глаза сузились. «Где она видела его таким звероподобным? Ах, да, там, на Кара-Кем. Это было, кажется, в 1938 году. Тогда он подговаривал мужа. Но о чем он хрипит?»

— Я слушаю тебя. Говори, — сказала Соен.

— Ты выгонишь маток с ягнятами на клетку. И потом... потом заявишь... — Он прислушался и добавил скороговоркой, испытующе глядя в ее лицо и чуть ослабляясь: — А я уже написал председателю аймакисполкома. Сообщил уже, что падеж начался... что он по вине правления. Я тебя для убедительности сестрой назвал.

— Так, так, — тихо сказала Соен, глядя Чоту прямо в глаза.

Да, он тогда сказал, сказал такое. И голос как сейчас. Она стояла за дверью и всё слышала.

«Твой аил и мой аил на самой Кара-Кем. И никого, никого вокруг! Никто не мешает заниматься, чем хочется. Я бью зверя. Ловлю рыбу в реке. Пью араку. Сочиняю песни. Я и моя природа. Я ушел от общества. Зачем нам возиться с пахотой, с хозяйством?..»

А потом они обнаружили ее, но она притворилась, что ничего не поняла. Тогда Токушев хитро, вот так же, ослабился и сказал: «О господи! Да кому запрещено видеть какие угодно сны! Разве они по заказу бывают? Ну и слышала. Так это же сон, говорю тебе!»

— Так, — очнулась Соен. — Так. Значит, я должна выгнать ягнят на гибель. Выгнать вместе, чтоб их потоптали матки?

— Дура. Кто тебя обвинит в том? Где укрытия для ягнят лучше, чем в Кок-Озек? Скажешь: «Нет у меня укрытия».

— Есть, Чот, укрытия: хорошие, надежные...

Он злобно посмотрел на нее. Что-то было подозрительное в этом ее спокойствии. А Соен закурила трубку и села рядом.

— А не скажешь, почему это не сбылся твой сон, Чот? Помнишь — там, на Кара-Кем?

Токушев отпрянул в сторону. Лицо его взмокло. По нему поползли ручейки пота. Он расширил ноздри, тяжело задышал. В глазах настороженно то вспыхивала, то затухала мысль. Токушев решал: он может убить ее. Соен знала об этом. Но странно, она не ощущала боязни. Какая-то необычайная сила вспенила ей кровь, вы-

прямилла ее, собрала воедино ее гордость и человеческое достоинство.

— В каких источниках кормишь ты свою ненависть и злобу, Чот? — Голос ее дрожал. И эта дрожь еще больше придавала ей смелости. Пусть не думает, что от страха дрожит она... Нет! От волнения дрожит. Она волнуется — это верно.

— В каких, Чот?

Он поднялся.

Ох, как звенит за юртой! Как пусто! Соен слышит жвачку и шум отары. Они так далеко от людей! Но Соен не боится. Пусть скажет он... Чего он боится? Ведь не боялся ж издеваться надо всем, чему и она радовалась в колхозе: над успехами людей, над новыми начинаниями. При ней издевался вслух! Пусть же скажет.

— Что молчишь, Чот? Кто язык отъел твой? А не скажешь ли еще о том, не терял ли ты где своего перочинного ножичка с белой костяной ручкой? Что-то я не вижу его у тебя, Чот. А я хорошо помню, что был он еще тогда, когда ты из Красногорска к нам в Кызыл-Мааны» приезжал. Уж не на скачках ли ты его... Помнишь, когда разбился Карым.

Соен не успела договорить. Чот ударил ее в лицо. Глухо икнув, она упала к стене и тихо сползла на кошму. Он стал остервенело топтать ее сапогами.

Потом быстро стал шарить вокруг: по стенам, у окошка, ища злополучный нож. Но вдруг застыл: ему почудился топот копыт. Он схватил кошму и бросил ее на Соен. Выскочив наружу, Токушев кинулся было к коню, но поспешно отскочил назад и, дрожа всем телом, едва успел захлопнуть за собой дверь: огромная овчарка, оскалив клыки, стояла у двери.

Токушев приоткрыл дверь и тихо, хрипло позвал:

— Полкан! Полкан!

Умная собака смотрела на него не отрываясь холодными, немигающими глазами. Ничего хорошего не было в ее взгляде. «Вот черт, ведь не даст выйти», — подумал он с отчаянием.

— Ну, ты... Полкан, Полкан, — высунул он голову, — хочешь мясо? На, возьми, — он вернулся в аил и, вытащив из котла кусок, протянул собаке. Та легла около куска.

— Ну вот, ну вот. А ты не узнал. Дурак. Свои ведь.

Токушев прикрыл за собой дверь и несмело шагнул к ограде, где был привязан его конь. Но второго шага он не успел сделать. Полкан привстал и бросился со злобным рычанием ему на грудь. У самого подбородка Токушева щелкнули страшные челюсти. Токушев в ужасе отпрянул назад, отшвырнув собаку. Но в следующее же мгновение почувствовал, как правую руку повыше локтя кто-то стиснул железными клещами.

— Пош-шел! Пошел, сволочь! Ч-черт! — взвизгнул Токушев, перепуганный насмерть. Кое-как вырвал руку и, открыв дверь, заскочил обратно в аил. Соен лежала у стены, прикрытая кошмой. Токушеву стало душно. Он разорвал ворот рубахи.

— Неужели... неужели... нет выхода? Но что это? — Волосы зашевелились у него на затылке: около аила слышался топот и чьи-то голоса.

Бешено рванулось сердце. Он дрожащими руками схватил топор и встал у двери. Потом отбросил его в сторону. Лицо его просветлело. Он подскочил к Соен, взял ее на руки и положил на койку. Голова Соен безжизненно свесилась. Токушев стал хлопотать около нее. Он набросил полотенце ей на голову...

В аил вошли Чечек и Люба. В сумерках они увидели взмокшего Чота, его дикие глаза и вскрикнули.

— Не бойтесь. Это я. Наверно, страшный? — Бухгалтер горько улыбнулся. — Хорошо, что вы приехали. Несчастье.

— Я открою дверь! — сказала торопливо Чечек. Костер осветил внутренность аила. — Что с ней?

Девушки бросились к койке.

— Приехал навестить ее. Сестра она мне. Конь споткнулся, она с него об камень лицом. Без памяти лежит вот уже минут пятнадцать.

— Она... вам... сестра? — удивилась Люба.

— Как же. Одна вот была. Сродная.

— Так что же делать? Что делать? — заметалась Чечек.

— Немедленно... Немедленно в Куягаш! — воскликнула Люба. — Мы можем, Чечек, остаться с отарой, — она вопросительно посмотрела на подругу.

— Да, да, придется, — торопливо кивнула головой Чечек.

Когда вытаскивали все трое Соен, Полкан кидался

к своей хозяйке, взвизгивал, отскакивая в стороны, зло рычал. Токушев прятался за девушек, помогая нести. Вдруг Полкан, обнаружив его, ошетинился и схватил за ногу. Токушев вскрикнул, выпустил из рук Соен. Чечек, рассердившись, схватила палку и отхлестала собаку.

— Пошел вон! Пошел! — затопала она ногами. — Прямо не понимаю! Что с ним? Нашел время злиться!

— Удивительная собака, — оглядываясь на овчарку, проговорил перепуганный Токушев. — Сколько раз бываю, и никак не может простить мне маленького греха.

— Греха? — удивилась Люба.

— Ну да. Ногу отдалил ему как-то.

— Злопамятен.

— Довезете? — усомнилась Люба.

— Хоть сто километров, — торопливо подбирая повод, ответил Токушев. На коленях, поперек седла, лежала Соен.

...Огни Куягаша, светившие всю дорогу впереди, отстранились, отпрянули влево. Конь Токушева спустился в неглубокий овраг. «Стукнуть ее еще раз и... конец, — всплыла мысль. — Сказать, что умерла дорогой».

Показалась низина, заросшая тальником. Справа бельмовато блеснула Апаш-Су. Прибрежные гальки. Песок. Токушев осторожно слез с седла, придерживая одной рукой Соен. Положив ее около воды, он стал смачивать ей голову, лицо, грудь...

Соен очнулась глубокой ночью. Она узнала Токушева.

— Почему не прикончил? — слабо проговорила она.

— В уме ты? — сердито сказал Токушев. — Не разговаривай. Тебе вредно волноваться. Ударил и ударил. С горячки. Мало ли что случается среди родственников... Но ты учти... — Токушев сжал ее руку: — Длинный язык вокруг шеи обмотать можно. Ясно? Помни эту поговорку. И не забудь, что ты мне всем обязана. Это тоже полезно помнить.

Светало. Подъезжая к больнице, Чот наклонился к лицу Соен.

— Я ведь сказал... упала ты с коня. Слышишь?

Соен молчала.

Отпустив Токушева, Чечек оставила Любу на стойбище Соен, а сама в ночь выехала к Мартанакону на Шипучку

К восходу солнца Мартанакров был уже в Куягаше. Вороной жеребец его был серым.

Узнав, что у Соен только слегка повреждены челюсть и язык, Мартанакров облегченно вздохнул.

— И надо же. Перед самым уходом в горы. Хорошо, что не так опасно, — проговорил он, прощаясь с врачом и наказывая, чтоб он позвонил в колхоз, когда ей можно будет всё кушать...

Он решил заехать в райком и рассказать Шелесту о подготовке скота к зимней тебеневке. «Надо окончательно решать с пухоносами, — думал он. — Будет комиссия? Ждать ее или уже не ждать?» Секретаря не застал — куда-то выехал.

Повернул коня обратно. Навстречу дул холодный ветер. Тучи свисали ниже гор. Грязные, рыхлые неслись они над долиной, изредка швыряя в лицо остатки мелкого дождя. День казался безликим, мрачным, пасмурным. Но Мартанакрова не покидало какое-то светлое, радостное чувство. Он вновь обрел энергию и силу. Кульзах вчера сказала ему «по секрету», что Варя сама предложила ей учиться на бонитера и готовиться к сдаче экзаменов при техникуме. «Она меня так обрадовала, — сияя от счастья, сказала Кульзах. — Нехорошо будущей жене председателя быть темной бабой». Так и сказала: «Будущей жене председателя!» Значит, всё решено... Значит, она уже сама готовится стать его женой! Он, конечно, не выдал своего разговора с Варей. Пусть будет это тайной — его и Вари. Хорошая девушка. Вот будет жаль, если уедет из Куягаша.

Он проезжал мимо центрального магазина, только что отстроенного, с блестящей от дождя красной крышей и хоботами дождевых труб по углам, спускающимися к бочкам. Дождь был настолько слаб, что по трубам со всей крыши тенькали в бочки два слабеньких ручейка. А на дороге даже не прибилась пыль. Из магазина девушки несли красные полушалки. Они разворачивали их на руках, примеряли.

— А что, если... — подумал вслух Мартанакров и соскочил тут же с коня.

— Пусть попробует отказаться, — добавил он вслух и вошел в магазин, одергивая на себе ватную куртку.

Ступая мягко на носки, он легкой походкой подошел к прилавку. Оглядевшись осторожно по сторонам и не

обнаружив знакомых, он быстро наклонился к продавцу. Скосив глаза на груды полушалков, сказал тихо:

— Самый красивый и самый крепкий. Один. Заверните, пожалуйста.

Прихватив еще полкирпича чаю и табаку, Мартанак обвел взглядом магазин и обратил внимание на детские трехколесные велосипеды. Он небрежно кивнул в их сторону.

— Почему?.. Ай-яй, и не дорого. Совсем ведь не дорого.

Продавщица с готовностью бросилась к велосипедам.

— Посмотрите?

Мартанак сделал серьезное лицо. Один миг помедлил, потом с решительным видом подошел и стал рассматривать машины.

— Это ж, знаете... Такая для малыша будет радость! — расхваливала продавщица.

— Нда. Техника. Известное дело. Что ж... Вещь, конечно...

— Практичные... Очень практичные велосипеды, — убеждала продавщица. — Лучшей марки...

— Нда. И марка. Точно... — Мартанак не знал, как отойти, не обидев продавщицу. Наконец, вздохнув и опустив глаза, он сказал:

— Ну, ладно. Верхом я. Понимаете? Если не успеете продать, то как-нибудь на этих днях...

— Что вы! Их к вечеру разберут! — с сожалением и досадой воскликнула девушка.

Мартанак пожал плечами и, уже скользя взглядом по другим предметам, тихо направился к двери. «И что это я вздумал? Тоже... Отец нашелся. Вот бы Кульзах узнала!» И все-таки он не мог иначе. Не мог.

Мартанак вскочил на коня и с места погнал его на крупной рыси в степь.

На стоянке Кульзах неожиданно встретил Мамия.

Иван Мартанакевич привязал коня и подошел к аилу.

— Дьякши ба, — сказал он весело, закрывая за собой дверь и приближаясь к костру. Мамий взглянул на него и кивнул головой.

— Дьякши... Дьякши.

Старик сплюнул в сторону и выколотил о каблук сапога трубку.

Кульзах резала и бросала в котел мясо. «Как хоро-

що, что и отец здесь, — подумал он и нащупал за пазухой мягкий сверток. — Можно решить обо всем сразу. Пусть знает старик».

— Какие новости? — спросил старик.

Мартанакوف пожал плечами.

— Соен месяца два пролежит... Надо искать замену или рассортировывать отару.

— Так, — протянул Мамий и недружелюбно посмотрел на председателя. Его тон не понравился Мартанакову. «Что с ним?» — подумал он.

— Так-так, — повторил Мамий, и Мартанаков понял, что он начинает серьезный разговор. Что-то есть на сердце старика — это и по его прищуренным и холодным глазам видно, и по тону голоса.

Мартанаков насторожился.

— Что-то дороги стал перепутывать, председатель.

Иван Мартанакович почувствовал озноб. Очень уже недружелюбным показался ему вопрос. «Чего он хочет? Неужели он думает держать ее около себя?»

— Я тебя не совсем понимаю, Мамий Мурзагулович. В проводниках еще не нуждался, — сказал он мягко.

— Не хитри. Вижу... за колхозное дело у тебя сердце разрывается?

Мартанаков пожал плечами и выразительно посмотрел в сторону Кульзах. Ему показалось, что она улыбнулась, не повертывая головы от котла.

— Оно у тебя стало очень мягким за последнее время, — продолжал сурово старик. — Но, если у тебя на сердце весна, то колхозному скоту от этого не прибавится цветов на пастбище. На дворе осень... Не забывай.

— И все-таки, я не пойму тебя, Мамий Мурзагулович! — воскликнул Мартанаков.

— Слушай, не перебивай.

Мамий снова набил трубку и положил в нее раскаленный уголек, выхватив прямо из костра голой рукой. Старик был взволнован, но кричать не пристало ему — не мальчишка. Но он скажет. Скажет. Разве он не отвечает так же за колхозный скот?

— Был вчера у табушников, — начал он, — думают гнать табуны. А кони... Кто смотрел коней?

— Как кто? Зоотехник Огнева.

— Зоотехник, — насмешливо протянул Мамий. — А что она понимает, эта девушка?

— Но ведь она же... Все-таки имеет диплом.

— Нам надо учить молодых.

Мамий затянулся поглубже, сердито посопел и добавил:

— Старательная она, а многого еще не знает. Вот отбили табун, а в нем насчитал я с мягкими щелеватыми копытами восемь жеребят. Зачем погибать им в горах? Или вот с отарой Чермешевой. Ей читают лекции о том, о сем, а она точно еще не знает, где будет тебе-невать. Это непорядок, Иван Мартанакovich. И ты, и я — оба мы члены правления. Только ты вот почему-то весел, а я сердит. Почему? — скажи, пожалуйста!

Обвинение в бездеятельности было незаслуженным и потому обидным. Многого мог бы простить старику председатель, только не это. Он весь месяц почти не слезит с седла, ездит по стоянкам, но ведь не может успеть всюду.

Мартанак не скрывал, что обиделся. Он сухо сказал Мамию:

— Увидел ты, Мамий Мурзагулович, непорядки — это хорошо. А исправил их, как член правления?

— У меня власти нету. Я сказал. Но послушаешь или нет — не знаю.

— Нам всем надо стараться, — сказал Мартанак и быстро вышел из аила. Пока Мамий и Кульзах хватились, он уже был в седле.

— Иван! — крикнула Кульзах, спохватившись, быстро добавила: — ...Мартанакovich! Иван Мартанакovich!

Мамий молча стоял у раскрытой двери и торопливо попыхивал своей трубкой. Мартанак, не оглянувшись назад, вылетел вскачь на увал и скрылся.

— Обидчивый... какой, — тихо проговорила Кульзах.

— А ты не беспокойся. Это только к лучшему. К лучшему это, Кульзах. Скоро перегон скота. Надо хорошо готовиться. И тут нам жалеть друг друга не надо.

— Но получилось, будто мы прогнали его, отец.

— Он не подумает так. Я ведь могу и построже с ним, а? Кульзах? — Старик ласково потрепал ее по плечу и тяжело вздохнул. — Я вижу, Кульзах. Мне ли оставить его весну? И не хочу. Не пытаюсь. Ведь и ты не в силах противиться этому. Не так ли говорю, Кульзах? Да разве я против? Он хороший... настоящий. А такой никогда не обидится на старика.

Кульзах, радостно вздохнув, посмотрела в степь.

— Правильно, отец. Он не может. Не должен.

— Вот и хорошо, Кульзах. Я рад, что ты по душе ему.

— Отец!

— От этого не уйдешь. Ты такая видная, красивая. И я готов... Готов встретить... его, — голос старика дрожал.

Кульзах закрыла лицо руками.

Он положил свою руку на ее голову.

— Ничего, Кульзах... Ведь мы теперь все в одной большой семье... Разве не одни заботы у нас? Разве не одни думы?

— Да, отец. Да.

— И разве не отцом я тебе буду и потом?

— Для меня и для него, — сказала Кульзах, вытирая слезы.

— Спасибо, Кульзах. Я знал. Ты согреваешь мое сердце. Спасибо.

* * *

А Мартанак в это время, мучимый сомнениями, гнал коня к стоянке Чермешевой. На груди шуршала оберточная бумага, в которой был завернут полушалок. Никогда таким тоном не говорил с ним Мамий. Значит, заметил и недоволен. Не хочет, чтоб Кульзах бросила его аил. Да и сама Кульзах... Вдруг и она еще раздумывает, и те слова... что женой... А вдруг и они — просто шутка?

Шуршит, шуршит на груди пакет. Жжет сердце обидой и горечью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Наступили решающие дни в колхозе. С базы центральной усадьбы день и ночь уходили караваны верблюдов, лошадей, яков с продуктами, фуражом для зимовщиков. Люба удивлялась выносливости Мамия (ему, как члену правления, была поручена подготовка части отар к осеннему переходу).

Он сутками не уходил из конторы или днями не сле-

зал с коня, торопя с отбором отар для зимней тебеневки. Девушке приходилось не раз делать с ним огромные перегоны. Высокий, худой, с круглой головой и длинной шеей, он был неутомим.

Взгляд его, казалось, всегда безразличных глаз был на самом деле очень внимателен, а движения неторопливы, но точны. Часами Мамий мог ехать в одной позе, чуть склоняясь на левый бок и посасывая трубку, молчать, не замечая как будто ничего вокруг. Но стоило коню его бодро вздыбить уши, попрядать ими, как он тут же сплевывал в сторону и говорил:

— Ну, вот и приехали.

Люба долго еще тщетно всматривалась вдаль, стараясь различить хоть признаки отары и жилья, но ничего так и не увидев, с удивлением и любопытством ждала. Через несколько минут из открывшегося вдруг перед ними оврага выскакивали навстречу лохматые, злые псы и с сиплым лаем бросались под ноги коням.

Они въезжали на новую стоянку.

Почти во всех аилах Мамий садил себе на колени чумазных ребятишек и, к удивлению Любы, вытаскивая гостинцы, безошибочно называл по имени:

— Ты, Тая, просила машинку купить? На, Тая, шей. — Он ставил на стол игрушечную деревянную швейную машинку. Девочка охватывала ее обеими руками и бежала, сияя глазенками, в угол. А Мамий уже говорил второму, жадно, зверовато поблескивавшему глазами, вихрастому мальчику:

— А вот мотоцикл. Смотри — сам побежит. — И он тут же заводил игрушку к неопишуемой радости ребятишек.

Придирчив до мелочей был он в эти дни с зимовщиками.

В конце октября отары пошли к горам. На огромном пространстве лилась живым потоком пестрая масса косяков, табунов и отар, проходя через полупустыню к видневшимся вдали туманным хребтам голубоватых гор.

Записи Любы в эти дни были лаконичны, коротки.

«20 октября. Соревнование здесь, оказывается, лучше всего проверять осенью, перед началом перегона: чем у чабана больше овец выбраковывается и признается негодным для перегона на зимнюю тебеневку, тем, значит, хуже он работал. Я заметила, как ревниво следят за

этим все: и табунщики, и пастухи, и чабаны. Имя любого из них, давшего наивысший процент отбора, становится тотчас известным в аймаке».

«24 октября. Вернулась, чтобы проводить Варю и Кульзах с отарой. Варя уже сложила книги, теплые вещи. Я только вчера виделась с Кульзах. Она посвежела, стала еще красивей.

«Чуть с тоски не умерла, — говорит, — как это некоторые каждое лето ездят на курорт?»

Подъехал Мартанак, и мы с Варей расцеловались. Отару пухоносов приезжал проводить Иван Ильич.

Все эти дни ждали комиссии. Шелест разрешил гнать отары. «Ну, — сказал он мне весело, — замечай, зоотехник, дороги. Будем проверять — ездить зимой». Зимой, говорят, ни одной не найдешь. В степи становится скучно. Отары и стада ушли по составленному нами плану.

Последними, в ноябре, уйдут табуны коней. Новость: Олю Саруеву вызвали в обком комсомола и направили в театральное училище. Милая Олечка, не сердись на меня! Я завидую ее характеру. Такой бы мне — сильный, спокойный.

Близится великий праздник — годовщина Октября. Не скрою: часто смотрю на тракт, по которому мчатся через аймак, туда, на Большую землю, автомашины. Мы договорились встретиться с Чечек и, может быть, съездить на праздник к рудничным. В райкоме решили: отправить ближним зимовщикам кинопередвижку на 7—8 ноября. Может быть, лучше на эти зимовки съездить? Посмотрим. Как дошла наша отара до места? Мне не удалось съездить на зимнее пастбище. Анна Васильевна вместе с Мамием взялась сопровождать отару».

* * *

Русакова и Мамий вернулись в самый канун праздника. У Любы в этот день гостила Чечек. Девушки только что договорились провести октябрьский праздник на ближних зимовках и уже соображали, как бы не разъехаться с киномехаником, который выедет из Куягаша, как дверь отворилась и на пороге появилась обветренная, закутанная в большую белую шаль Анна Васильевна. Девушки с криком бросились к ней.

— Стойте, стойте, — отбивалась от них Русакова,

счастливо улыбаясь. — Во-первых, привет вам от Вари и Кульзах... Просили навещать.

— Спасибо. Спасибо. Во-вторых?

— А я разве сказала: «во-вторых?», — удивленно подняла брови Анна Васильевна, успевшая раздеться. Глаза ее сияли. — Это я, чтоб вы отцепились.

— Нет, нет, не обманывайте! Во-вторых, это самое главное.

— Ну, хорошо, девочки. Вы отгадали. Во-вторых, все до одной козочки дошли до зимнего пастбища и благополучно начали тебеневку.

— Вот это замечательно. А как трава?

— Травостой богатый, лучше и желать не надо. А какие места, Люба! И ручей, и подветренные склоны. Молодой сосняк и кедрач.

— Мы обязательно съездим, Анна Васильевна! Обязательно! — воскликнула горячо Люба.

— Ну хорошо, хорошо.

— Мы с тобой, Люба. Я знаю где, — сказала Чечек. — Только туда зимой трудно. Это ведь на Синьке? На том быстром ручье, который у Синюхи?

— Против Горбатой гривы, — кивнула Анна Васильевна.

— Видели, где Синёк падает со скалы?

— Мы левей шли, по косогору.

— Так идут осенью и весной. А зимой на том склоне девятиметровые навесы из снега. А прямо, где водопад — намерзает ледяной мост.

— Интересно! — воскликнула Люба.

— У самой горловины, где собирается вода, образуется затор из льда и снега. Снег всё выше и выше. Вода пробьет отверстие — и вниз. А снег висит, как мост. Пропитается водой, застынет. Даже синий делается. Из этого, как он называется...

— Ты говоришь сказочные вещи, — удивилась Люба. — Из хрусталя? Из мрамора?

— Вот-вот! Не веришь? Сама увидишь.

Все уселись вокруг камелька. На нем в закрытой жаровне что-то шипело и булькало, распространяя по комнате вкусный запах.

— Успела кстати, — улыбнулась Анна Васильевна, живая на жаровню. — А я, признаться, проголодалась.

— Мы словно поджидали вас.

Вдруг в дверь постучали.

— Войдите, — сказала Анна Васильевна, опуская на плечи шаль. Дверь открылась, и через порог бойко шагнул молодой парень в фуфайке и больших кожаных рукавицах. Он чуть сдвинул назад кубанку и весело проговорил:

— Здравствуйте. А я на машине за вами!

— Здравствуйте! Садитесь. Проходите, — засуетились девушки, признав в госте шофера Шелеста.

— Иван Ильич послал за вами, — сказал он.

— Вон как! А вы все равно посидите. Ведь рано еще. Поужинаем! — сказала Анна Васильевна.

— Мне еще в «Калинин». Туда раза два сгонять придется. А где Мамий?

— Это по пути, — сказала Чечек.

— Ну и ладно!.. А вы кушайте... Я посмотрю машину...

Уже садились в машину, когда Любу позвали в контору.

Вернулась с листом бумаги.

— Что это? — не поняла Анна Васильевна.

Люба молча подала ей бумагу.

— Телеграмма?

— Читайте. Передали по телефону.

Анна Васильевна читала долго, с трудом разбирая слова без очков. Наконец, свернула лист вчетверо и задумчиво произнесла:

— Быстро шагает. Интересно. Мне, например, хочется его видеть.

— Можно ехать? — осведомился шофер.

— Да, да, конечно.

Телефонограмма взволновала и Любу, и Анну Васильевну, — это сразу заметила Чечек. Она внимательно поглядывала то на ту, то на другую. Все молчали. Машина быстро летела по толстому слою гравия.

Когда проехали Птичий клюв и впереди замелькали огни Куягаша, Чечек не вытерпела, спросила:

— Что-нибудь неприятное?

— Как тебе сказать, — улыбнулась скупой, натянутой улыбкой Люба и отвела глаза в сторону. — Как тебе сказать... Приятное — и не очень...

Анна Васильевна обернулась при этих словах Любы и серьезно сказала:

— А ты не торопись с выводом, Любаша. Подумай.
— И... думать... не буду.
— Да, ты ведь у нас принципиальная, — сдвинула брови Анна Васильевна. — А жаль. Seriously говорю, Люба.

— Я серьезно.
— Не верю я, чтобы ты легко так.
— И не совсем легко. Он знает о том, сколько я... Он знает... сколько почей. Да, что там говорить! — махнула рукой Люба и, закусив губу, отвернулась.

— И все-таки подумай, — тихо сказала Анна Васильевна.

Люба глубоко вздохнула и, заметив молчаливый любопытный взгляд Чечек, тихо улыбнулась и протянула ей бумажку.

— Прочитай.

Чечек быстро пробежала глазами телеграмму.

— Темно? — спросила Люба.

— Прочитала. Но...

— Придется сказать, — улыбнулась Люба. — Это Жуковкин. Мы с ним учились вместе, только на разных отделениях. Понимаешь?

— Да.

— Хороший был. Ну... друг. Ясно?

— Конечно! — улыбнулась Чечек.

— Да не совсем оказался другом. Не поехал вместе. Ему предложили место в Управлении. Прельстился. Понятно?

— Да, да.

— Можно сказать, предал.

— Ну уж, Люба! — упрекнула Анна Васильевна.

— Верно, верно! Я так расцениваю его поступок.

— А если он там нужнее? — спросила Чечек.

— Чепуха! Подумаешь — талант! — решительно сказала Люба. — Собственно, что мы о нем беспокоимся? Ведь он придет как официальное лицо. Его командируют сопровождать профессора.

— И, конечно, захочет увидеть тебя, поговорить с тобой, — сказала Анна Васильевна.

— А я постараюсь уехать в горы, на стоянку. Например, к Чермешевой, — засмеялась Люба.

— Мы ему укажем туда дорогу, — сказала Чечек.

— А я к Саруевым.

— Мы и туда покажем!

— Надоест ездить по горам! Вы ему тряского коня дайте.

Все рассмеялись.

Машина ворвалась на улицу Куягаша. По бокам замелькали огни. К Дому культуры, подняв воротники пальто, торопливо шли люди.

Желтоватые квадраты света падали от окна в улицу. В них, легко кружась, падали наискосок снежинки.

Почему-то на миг перед Любой мелькнуло его лицо — растерянное, испуганное, с прилипшей на лбу светлой прядью волос. Она бежала вверх по крутой лестнице обшполкома. «Я могу отказаться. Честное слово, Любка! Это временное обалдение», — говорил он горячо, едва успевая за ней. — «Ты подумай: такое заметное, завидное положение!»

— Пока ты только карьерист, — прошептала Люба, — и ничем, ничем не доказал свою любовь...

Едва они вошли в зал Дома культуры, как их окружили знакомые лица.

— Люба! Сюда!

— Чечек! «Тайфун»! К нам! — раздавалось со всех сторон.

Девушки, парни, карымова гвардия, окружили пришедших. Подъезжали на конях, на машинах. Зал наполнялся. Разноголосый шум стоял вокруг.

С Лизой Плавневой, комсоргом рудника, встретились, как старые друзья. Обнялись.

— Тебе бы встречать нас, как хозяйке! — упрекнула Лиза Чечек, лукаво светясь глазами.

— Обленилась.

— Я ж так и думала. Какой из тебя воспитатель молодежи!

— Обожди-ка, наострюсь, я с вас, рудничных, спрошу!

— Давай, давай. Ну, как саженцы наши?

— Ничего... А мы вот Толток спросим. Эй, Толток!

Круглая, розовощекая девушка тотчас отделилась от стайки молодых подруг. Она возглавляла звено лесоводов.

— Скоро тебя перерастут твои воспитанники?

— Вот чего страсть боюсь, девчонки, — созналась на смехица Толток.

— Ах, вот как! Ты по себе меряешь!

— А вы думали как? Интересно мне будет заблудиться в роще? То ли дело, пока они по колено! Всех вижу! У каждого больное место найду.

— Ишь ты, врач лесной!

— Лесная царевна!

— Нет, кроме шуток, — весело искрились глаза у Лизы. — Как растут?

— Не по дням, а по часам. Эх вы. Сразу видно — темные люди в лесном хозяйстве.

Девушки засмеялись.

— Да и правда. Они хоть бы за землю уцепились осенью. Какой теперь рост! Весной суваки пророем. Овес по рядам расти будет.

Девушки удивились:

— Это зачем?

— Защита, — солидно сказала Толток.

— Отход большой?

— Пока мало. Что скажет весна...

— Ну, а ты как думаешь?

— Думаю, летом в прятки будем играть на Шипучке.

— Ой, Толток! Неужели правда?

— Тсс! — В дверях показался Карым в сопровождении преданной охраны из парней. С ближних рядов вскочило еще человек десять. Они ринулись навстречу своему бывшему начальнику, крича и всех расталкивая.

Девушки со смехом отпрянули с прохода и стали пробиваться к передним рядам.

Проходя мимо Анны Васильевны, тщетно пытавшейся оторваться от энергичных собеседников, Люба расслышала слова Енчибаева:

— Эй, Анна Васильевна, — сказал он, качая головой и держась за ее рукав, — «Золотое руно», слышишь, искали сто и еще, может, сто лет, а вы нашли его — и на тебеневку! Ай-яй-яй!..

— Ничего опасного, товарищ Енчибаев, — говорила Анна Васильевна. — Они будут прекрасно тебеневать. Ведь нам нужен такой скот, который бы жил в условиях Куягаша. Конечно, надо улучшить содержание.

— Вот! А я что?

— Мы для «золотой отары» завезли концентрат. Потом, думаем весной на отдельных клетках в горах подсеять траву.

— Вот! — вскидывал палец Енчибаев. — А я про что?

Девушки прошли прямо за сцену. Там их неожиданно атаковал Батеев, секретарь райкома комсомола. Он напустился на Чечек:

— Товарищ Уланова! Ну что это за дело? Я туда и сюда, а она...

— Вы же меня отпускали в «Кызыл Аскер»?

— Когда? — секретарь уставил на нее туманный взгляд, шевеля лохмы волос левой рукой. — Вот не помню. Ах, да. Ну хорошо. Так ведь надо же совесть...

— Ага, есть — совесть иметь! — Чечек вытянулась. Тот посмотрел на нее, улыбнулся. Вытащил папиросы.

— В общем, давай обсудим. Одним словом... Приглашай всех подруг.

— Пошли, девочки. Секретарь отошел, — громким шепотом объявила Чечек.

Оказывается, не хватало еще красных скатертей на большой праздничный стол президиума. Но все лозунги и плакаты были прибиты.

— Да как же вы допустили? — кинулась на секретаря Лиза. — Скоро открывать, а тут...

— Да вот, не согласовали. Поручил, понимаешь, второму секретарю, а его Иван Ильич в «Калинин» отправил.

— Любите всё уточнять да согласовывать. Я б... Эх, вы!

Батеев пожал плечами, радуясь, однако, тому, с какой энергией принялись девушки за оборудование.

Батеев — вчерашний учитель, парень скромный и стеснительный. И почему-то особенно вот с этой звонкоголовой, с рудника. Не может никак привыкнуть, робеет. Уж очень таким, необыкновенным светом лучатся ее глаза. Посмотришь — и, прямо непонятно почему, смещаешься, и даже кажется, что ниже ростом становишься.

— Гвоздей! — кричит с табуретки Лиза.

Батеев срывается с места.

— Молоток, пожалуйста! — просит Люба.

— Веребочки или шнурок бы...

«Да где же она, клубная администрация!» — секретарь бросается за сцену. Хорошо, что навстречу Поляков со своими участниками самодеятельности.

— Выручай! Замучили! — Батеев указал на девушек. Поляков тотчас стал хлопотать вместе с ними. Сходили за недостающими скатертями, нашли гвоздей.

...Пришлось как-то так, что слева от Любы сел за столом президиума Поляков. Она смотрела в многолюдный зал, мерцавший огнями ламп, и сердце ее билось широко и бурно. Геолог был очень сдержан сегодня, но Люба чувствовала ежеминутно его взгляд. Иван Ильич длинной указкой водил по большой карте аймака.

— Вы видите, как меняется лицо нашего аймака, — говорил он. — Как оно свежее, поправляется, наливается живительной энергией...

Было очень приятно думать, что и твой первый басейн — важный вклад в общее дело. Думать именно в этот торжественный день, когда все люди великой державы ведут переключку о своих трудовых делах.

Вон сидит Мамий. Он, как всегда, спокоен на вид. Но это — на вид. Любе-то известно, что за этой непроницаемостью. Мамий ждет, каким обрисует Иван Ильич завтрашний день. Очень любит говорить и думать о будущем Куягаша Мамий.

А вон — известный Кадыр Бабаев. На груди старика — два ордена. И его думы знает Люба. Однажды всю ночь рассказывал он легенду об исчезнувшей породе серебристых верблюдов. Кадыр говорил о том, как бедному Анчи Салбашеву жадный бай за двадцать лет работы отдал старого одногорбого верблюда. Побрел Анчи по степи, убитый горем, даже не глядя на «подарок». А верблюд шел за ним. И вот, когда сел Анчи у реки и горько заплакал, вдруг слышит голос: «В слезах горе не утетишь, Анчи. Ты посмотри на меня». Вскочил тот, смотрит: стоит верблюд его перед ним, и более нет никого. «Это ты сказал мне?» — удивился Анчи. «Я. Заведи меня в воду и смой грязь байских стойбищ». Послушался Анчи, стал обмывать его. Плеснул раз водой, а под рукой серебряная полоса вспыхнула. Анчи зажмурился от необыкновенного блеска. «Не бойся, Анчи. Я не обычный верблюд. Я серебряный. Только становлюсь я им, когда на воле, когда не в байском табуне. Мы будем счастливы с тобой. Смывай, смывай грязь!»

И счастливый Анчи запел веселую песню и стал плескать воду на удивительного верблюда. И он стал блестящий, словно выточенный. И не один, а два полных

горба стоят на его спине (один был из-за грязи не виден раньше). «Выдерни пять волосинок с моей шеи, — говорит верблюд, — и ступай продай любому баю. Они жадны на серебро. Они тебе и мяса, и хлеба дадут». Так и сделал Анчи Салбашев. И стали они жить весело на воле. Но жили недолго. Узнал старый бай, какого необыкновенного верблюда отдал он Анчи, — разослал гонцов своих, велел схватить его.

И схватили. Но только поставили серебряного верблюда в загон с байскими верблюдами, как шерсть на нем тотчас поблекла, потускнела, а потом повисла комьями грязи.

...Кадыр понял легенду. Где еще найдешь в этой равнине таких сильных верблюдов, как у него? И это понятно: не в байской загонке выросли они, а на широком колхозном поле.

За Кадыром сидит с подружками веселая Толток. Большое ей нынче поручено дело — ухаживать за посадками на водоеме. Работа, прямо надо сказать, никому не знакомая, а кто скажет, что девушка не справляется с ней?

А вон на нескольких скамьях делегация с «рудника». Среди них стройная, молодая работница с черными тяжелыми косами на груди и большими глазами, которые насмешливо и гордо поблескивают. Неужели Тана? И словно в ответ на ее мысли Шелест сказал:

— На территории аймака — известный в стране высокогорный рудник. Освоить его помогли наши люди. Они смело пошли за мастерами на высокую гору, которая чуть ли не на три тысячи метров возвышается над уровнем моря. Пошли, в тяжелых условиях стали выполнять государственные задания. Там выросли прекрасные специалисты рудного дела. Вот взять, к примеру, Санаш. Она не только хорошо следит за электрооборудованием в шахте, она уже имеет учеников и последователей. Так, стали квалифицированными шахтерами-электриками Тана Мартанакоева, Сыркашева, Попова и другие.

«Молодец Тана, — с восхищением глядя на красивое лицо Мартанакоевой, подумала Люба. — Ты нашла свою настоящую дорогу, Тана. Это очень-очень хорошая дорога!»

Восторженное, сильное чувство ни разу за всё собра-

ние не покидало Любу, и только когда вспомнила вдруг про зимовщиков, про Варю, Кульзах и других, немного стало грустно. Хотелось хоть на миг перенести эту торжественность туда, на стоянку. Очень мало еще делается, чтобы скрасить одиночество тебеневщиков. Правда, им будут посланы, как сказал Иван Ильич, радиоприемники. Это свяжет зимовщиков невидимой нитью с миром. Им ежедневно будет докладывать страна о том, как прожит день, каких успехов добились советские люди в своем великом созидательном труде.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вскоре после праздника приехала в Куягаши комиссия. Возглавлял ее известный в Сибири биолог, профессор Фурсов. Высокий, с белыми колючими бровями и короткой, аккуратно подстриженной бородкой, он первый быстро выскочил из машины и захлопал руками по долгополому черному тулупу.

— Что ни говорите, а нагрузку уже чувствую, — сказал он своим двум спутникам — молодому парню, краснощекому, здоровому, и полной женщине, которые, наклонясь, вылезали из газика.

— Вы это, собственно, к чему? — спросила женщина басовитым грудным голосом.

— А к тому, Клавдия Степановна, что Куягашская высота уже дает о себе знать. — Он положил руку свою на грудь и показал, что воздуха недостаточно. — Видите?

— Вижу, — улыбнулась Обручева, снимая доху и встряхивая ее. — Придется акклиматизироваться.

— Нет уж, увольте, — тряхнул весело головой профессор.

— Вот это да! — воскликнул второй пассажир, оглядывая окрестности аймачного центра.

— Что? — лукаво посмотрела на него Обручева.

— Страшно. В горах белым-бело, а тут серая равнина. Холодная.

— А вы, кажется, собирались сюда не так давно?

Жуковкин опустил голову.

— Был такой порыв... юности.

— Ах, вон как! Ну, пошли, товарищи. Селиванов уже ждет.

Жуковкин вздохнул, перебросил через руку шубу и, подхватив чемодан, поспешил за Обручевой.

Они не успели войти в ограду, как их остановил Ивашкин.

— Товарищи! Минутку, — крикнул он, учащенно дыша.

— Что с вами? — удивился профессор.

— Зап... пыхался. Бежал. Шелест приказал завернуть вас...

— Как? Во что завернуть? — вскинул бровями старик.

— В райком завернуть. Там и Селиванов.

— Ах, вон что! — рассмеялся старик. — Ты, брат, поточней выражайся.

По пути в райком Жуковкин старался идти вместе с Ивашкиным.

— Послушайте, а где ж тут опорный пункт? Неужели на этом месте? — махнул головой в степь Жуковкин.

— Опорный пункт? А вон там, — они остановились. — Видите, вот прямо перед нами стоит скала, похожая на клюв?

— Да, да, — воскликнул Жуковкин, обрадованный тем, что пункт, очевидно, все-таки не на степи, а в горах или около них. Но Ивашкин разочаровал его.

— От этой скалы — вправо, на степь. Там усадьба «Кызыл Аскера».

— Прямо. Там?

— Так точно... Там дислоцируется. — Ивашкин укордкой взглянул на молодого ученого и солидно кашлянул: знай, мол, наших. У калитки он остановился, открыл ее и пропустил всех вперед.

— Пожалуйста, — сказал он.

— А пункт, что же... в хорошем доме? — понизив голос, не отставал от Ивашкина Жуковкин.

— Пункт? Нет. В обыкновенной избушке, даже без крыши... Примитивность, — щегольнул снова Ивашкин. — Привыкли. Вы, наверное, к Анне Васильевне?

— Да... Собственно... Конечно. Где ж у них пуко- носы?

— В горах.

— Ах, уже!

— И уже порядочный промежуток времени...

— А скажите — все обитатели пункта в горах? Или, может...

— Зачем все? Одна Огнева.

— А не скажете, какая Огнева? Их две сестры.

Ивашкин подозрительно оглядел приезжего.

— Варвара Николаевна.

— Да, Варя. Варвара Николаевна. Самоотверженная девушка, — торопливо проговорил Жуковкин, заметно оживляясь. — Мы, видите, немного знакомы. Учились вместе с Любой... Она-то уж, конечно, дома?

— Официально говорить — не имею достоверных сведений. Слышно было, собиралась на какую-то стоянку. Разве вот буран помешал.

— Там бело! — махнул в сторону гор Жуковкин.

— Метеорологические условия неважные. Три дня уже плохие данные, — важно заметил Ивашкин.

Жуковкин еще раз с крыльца осмотрел неприветливую холодную равнину, в глазах его мелькнуло тоскливое выражение. Он взялся за ручку двери и вошел в помещение.

• * •

«21 января. Все эти дни после того, как получила телеграмму от Анатолия, были днями какой-то смутной тревоги. Я не могла сидеть на месте, хотелось дела, движения. Я съездила на молочнотоварную ферму. Познакомилась с доярками, их работой. Замечательные девушки. Живут в лесу. Хорошо у них. Мороженая рябина прямо над коровником звенит в кистях. А ручей одел камни в ледяные чехлы и звенит, звенит. Всего около пятидесяти километров до фермы, а этой серой пустыни и в помине нет!

Каждый день, возвращаясь откуда-нибудь на пункт, я думала: «Вот приеду на усадьбу, а там машина... А из домика выходит он...»

Да, нечего скрывать — хотелось увидеть его тем, прежним. И обида и всё, всё казалось мне переболевшим, утратившим свою остроту. Но я знала, что не будет так, как в мечтах. У меня всегда наоборот получается. Не знаю уж почему, а это так. Его не было все эти дни. Прошло пять, неделя, десять дней, и я привыкла к ожиданию. Оно уже не стало меня тревожить. Нет, а всё же:

как мы и о чем будем говорить с ним? Как ему наша степь покажется? Интересно, какой он стал.

Сегодня приехала Чечек из Куягаша. Мы с ней натопили жарко нашу печурку и уселись на койке читать. «Повесть о настоящем человеке». За окном холодный ветер катит по равнине непримерзшие гальки. Печурка гудит, плита красная.

Вдруг вбегает Толток. (Она на зиму собирается в Красногорск к Писаренко, в школу садоводов).

Как всегда розовая, круглая, она закричала на нас, замахала руками. Схватила с Чечек, давай возиться. Насилу уняла их.

— Так вот, друзья мои! Ой, жарко! Ой! — заохала Толток.

— Ты с новостью? Говори, — наступала на нее Чечек.

— Ой, сейчас. Дай вздохнуть. У тебя ведь кулаки-то...

— Да разве тебя проймешь — «Лесную царевну»!

— Новость... Позвонили сейчас из Куягаша.

— Кто?

— Звонила Анна Васильевна. Она только что из колхоза «Калинина» заехала к Шелесту.

— Ну и что? О чем она звонила?

— Чтоб ехали мы все в кино...

— Пришла? — ахнули мы.

— Пришла.

— Урра!

Пришла долгожданная картина — «Молодая гвардия». Мы засуетились. Время уже было часа четыре. Нужно успеть.

— И еще велела передать тебе, Люба, — сказала Толток с загадочным видом.

— Что? — так и присела я, чувствуя, что будет сказано что-то особенное. — Что?

— Приехала комиссия. И он приехал.

Голову мою обнесло жаром, словно попала я в печь. Я просто не хотела уж и ехать. Девчонки затормошили.

...Мы закрыли домик и верхами отправились в Куягаш...»

...«25 ноября. Только сегодня я смогу поговорить с тобой, мой родной дневничок. Не знаю, с чего начать. Начну с того дня, со встречи с Анатолием. Из-за него я почти не видела картины. Но по порядку.

Я думала, мы встретимся где-нибудь в райкоме, а оказалось совсем не так.

Едва мы подъехали к клубу, как навстречу нам вышел из толпы, в широкоплечем драповом пальто и легкой шапке, он. Я узнала его сразу. Только в лице появилось что-то такое, надменное, что ли, хотя и старался он вести себя попроще.

У клуба уже стояло много коней. Привязали и мы своих.

— Будешь ругать? — спросил он, пытаясь помочь мне слезть с седла.

— Погоди, — отстранилась я. — Тут барышень не снимают с коней.

На него все смотрели. Он обращал на себя внимание, и это ему, кажется, нравилось. Он бравировал. Много говорил и громко смеялся. Всем своим видом старался показать городского человека.

— Весь аймак, очевидно, съехался? — обвел он рукой привязанных коней. — А там давно уже была эта картина... Я смотрю, здесь все верхами...

Мы подошли к кассе.

— Не трудись — я уже взял два билета, — схватил меня за локоть Анатолий. — До сеанса... — он отвернул рукав и заглянул на часы, — до сеанса еще полчаса, если начнут во-время. Может, поговорим?

— Пройдем в читальный зал.

Я была спокойна. Анатолий, прежний Анатолий, исчез бесследно. Со мной незнакомый «специалист», с небрежно покровительственной улыбкой на губах, подвижных и тонких. И речь, и манеры — ничего не осталось от того милого, прежнего.

Это и хорошо.

Мы никак не могли наладить откровенный разговор. Что-то восставало у меня в душе против того, чтобы возмущать воспоминания о прошлом.

Я поняла: к нему уже нет возврата. Кажется, понял и он, потому и говорил вообще, вскидывая брови, делая глаза и жесты.

Простенький зал с двумя рядами столов, покрытых старыми скатертями, и почти голые стены не нравились ему. Он подымал свои угловатые плечи и тихо возмущался.

— Да, Люба... Разреши мне по-старому назвать тебя.

— Пожалуйста, называй.

— Ты не поступила заочно в институт?

— Пока нет. Не было еще времени.

Он сделал страшные глаза.

— Что ты делаешь? Ты совсем губишь себя, Люба!

— Почему?

— Да ты подумай! Все учатся. Торонятся. Пока есть возможность и свежо всё в памяти. А потом, учти, труднее будет. Ты понимаешь, в чем дело, — он понизил голос. — Скоро будет решать всё диплом. Без него ни шагу.

— У меня есть диплом.

— Надо иметь высшее образование. Это сейчас девиз нашей молодежи.

— Ради диплома? — спросила я, вполне понимая его.

— Ради будущего. Если б представилась мне такая возможность, я б всю жизнь учился.

— А когда работать?

— Вот в том-то и дело. Но все-таки, знаешь, в высшие сферы, — это между нами — разве нам запрещена дорога?

— Это в какие же такие высшие сферы?

— Ну... как тебе... Вот я приехал сюда с профессором Фурсовым. Он оттуда, из этих сфер. Только простоватый. Нет видимости.

— Позировать не умеет? — улыбнулась я. — Он, наверняка, не думал о высшей сфере.

— Завидую, откровенно, таким. А тут, говорят, и способности есть у меня. Честное слово, сам Фурсов мне говорит. А все-таки... все-таки далеко до этих сфер.

Я засмеялась.

— Бодливой корове бог рог не дает, — сказала я.

— Ты всё смеешься. И не можешь понять, что то, о чем я мечтаю, похвально. Скажу тебе откровенно, заезжал я к мамке. Ты знаешь, она главным бухгалтером у меня в Госбанке работает. Она обещала хорошо поддерживать. Я люблю свою мамку. Она настойчива страшно. И чудная, — он усмехнулся. — Очень предостерегала от... Знаешь чего? Любви. — Анатолий засмеялся. — Если б она знала, как мы с тобой...

— Не надо! — резко сказала я. — Не смей! Не смей...

— Ты... что? — оглядываясь, тихо спросил он.

В это время раздался звонок. Мы поднялись и пошли.

У входа я столкнулась с Сергеем Поляковым. Он улыбнулся приветливо и, нагнувшись ко мне, негромко сказал:

— Успели взять билет?

Я молча кивнула головой.

— А я б сказал, картина, — обернулся Анатолий, — не на уровне.

На него все посмотрели с недоумением. Поляков внимательно глянул сначала на него, потом на меня. А я чувствую, что краснею. Откуда это всё у него? Такой апломб, а вот душонка... С такими душонками, хоть талантливых, разве можно в «высшие сферы»?

А он проберется. Лбом проломит барьеры. Только вся ученость нужна ему лично для себя. Для своих эгоистических целей.

Как мне было стыдно за него! Я не видела Полякова, но всё время чувствовала его взгляд. Конечно, он удивился. Мне б надо уйти, пересест к девочкам. Но я не ушла и никуда не пересела.

На другой день на двух машинах приехала к нам комиссия. Тут были Шелест, Селиванов. Мартанакوف приказал подседлать коней, и целый отряд всадников отправился в горы, к пухоносам. Я очень хотела б съездить туда же, но не была еще у доярок, на МТФ. Эта ферма у нас расположена вдоль по Апаш-Су. Там уже лес. Вчера приехала оттуда доярка Маруся Чернова. Поедем с ней вместе. Сейчас упаковываю свежие журналы и газеты. Захвачу из библиотеки книг. Просили... А хотела б я повидать пухоносов, пока еще мал снег. Да и вообще узнать, как они тебенюют.

Сегодня стоит такая оттепель! Наверное, в ущельях снег растаял. Солнца нет, а тепло, как в мае.

Итак собираемся».

«28 ноября. Уф! Кое-как добралась. Нашла записку от Анны Васильевны. Пишет:

«Любаша, если приедешь рано — получи на складе колхоза баранины. Я выписала. Распоряжение у Мартанакова под клеенкой на столе. Мы всей комиссией у Шелеста будем заседать.

Чтоб не волновалась, коротко скажу о пухоносах. Всё в порядке. Верно, снег сошел почти весь, но и там, где он сохранился, они добывают корм. Наедаются не

хуже улучшенных. Жук... скучный. Но обо всем после. Анна».

Я написала докладную Мартанакону (пять подвод не обеспечат зимой подвозку сена на МТФ), отнесла ее в контору.

Неожиданно приехал Стрункин. Я знала, он был дружен с Токушевым. А тут его не узнала.

Бледный, точно выбеленный, с трясущейся губой и вытаращенными глазами, он не вошел, а влетел в контору.

— А-а... Прохвост, — прохрипел он, с ненавистью глядя на Токушева, сжал кулаки и пошел на него.

Я хотела уйти, — он занял весь проход. Бросился к столу бухгалтера.

— Мерзавец! — визжит он. — Писать доносы на честных людей? Ах ты, негодяй! Но учти: я сам сказал: «Принимал от него взятки. Хотел...»

— Замолчи, дурак. — Побагровев, еле сдерживаясь, Токушев двинулся на Стрункина.

Тот вздрогнул, отступил назад. Потом сбросил шапку на пол, тяжело сел на стул.

— Ты... что?

— Сняли. Как паршивую овцу, выбросили, — проворчал он. — И всё ты... подлец!

— Но! — стукнул кулаком о стол Токушев. — Ты сам хорошая скотина! Ничего я не писал.

— Писал... писал. Видел сам из рук Шелеста.

Тут он только заметил меня, и я выскользнула наружу, пораженная тем, что услышала и увидела. Что случилось?

Всё выяснилось с приездом Анны Васильевны.

— Ты о Стрункине? Очень интересно, — сказала она. — Так и крестили друг друга? Что ж, от Токушева ждать можно. Давая взятки, хотел быть председателем. Стрункин содействовал ему, но не удалось. Исключили.

— Из партии?

— Да. Чему ж ты удивляешься? За это надо судить.

— Правда, — согласилась я.

Анна Васильевна, отогревшись, стала рассказывать о поездке в горы. Поездка прошла хорошо. Пухоны очень понравились Фурсову. Он долго беседовал с Кульзах, Варей. Исследовал качество коз. Под конец сказал: «Народ не ошибся, если назвал эту отару «Золотой ота»

рой». Поздравляю вас, Анна Васильевна, с серьезной победой. Пухоносы тебеневают будут. Вижу».

— Да, — спохватилась Анна Васильевна, — тебе Варя что-то черкнула тут. — Она всё с Жуковкиным больше беседовала.

Варя писала: «Сначала все подтрунивал о нашем «диком» (так и сказал!) житье-бытье, но когда рассмотрел пухоносов, я заметила в его глазах такой блеск — алчный. Он сказал: «А что... могут, пожалуй, вам и лауреатство дать». Я нарочно, чтоб поддразнить, сказала: «Не могут, а уже ходатайствуют». Он так и задрожал. Глаза забегали, зашныряли. Ох, Любка! Я же говорила тебе не раз о нем: чернильная душа. Да ты его лучше разглядишь теперь».

— Когда они едут? — спросила я Анну Васильевну.

— Завтра к обеду. Жуковкин обещал еще поговорить с тобой.

Анна Васильевна призналась: «Думала о нем лучше. Не обижаешься?»

— За что же мне обижаться? Так оно и есть.

«Не уехать ли к Чечек, чтоб не захватил меня здесь?» — подумала я.

Но что все-таки со мной? Никуда я не уеду, а буду ждать его... Тогда почему же хочется говорить ему дерзости, противоречить во всём, зло высмеять? Почему? Почему это?

Анатолий приехал. Он встретил Анну Васильевну в конторе, куда та ходила к Токушеву, чтобы передать просьбу Соен. Они о чем-то спорили, потому что, открывая дверь, Анна Васильевна сказала:

— А мне помнится, совсем недавно я слышала от вас другие слова. Помните — в сквере Красногорска, когда вы пришли вместе с Любой и горячо говорили о радостях труда, о поэзии трудностей.

— Я остался энтузиастом, — сказал Анатолий. — Энтузиастом личного роста и совершенствования, — поправился он.

— Тогда я не поняла, очевидно, вас и вашего, извините, странного энтузиазма. Вы очень озабочены личным совершенствованием.

— Это верно. Разве это плохо?

— Нет. Но смотря какую цель человек ставит перед своим совершенствованием.

— А кому какое дело?

— В таком случае ясно. Здесь едва ли найдете единомышленников, — сказала решительно Анна Васильевна и посмотрела на меня.

Я кивнула ей головой.

— Что ж, — вздохнул Жуковкин. — Тем хуже для некоторых.

Он посмотрел записи Анны Васильевны, коллекции трав Куягаша, предложения.

— Арыки, суваки? — спросил он. — А когда?

— Когда будут.

— Что ж вы не пробовали подсеять некоторые травы сами?

— Потому что это совсем не входит в наши планы, да и не имеем таких возможностей.

— Вот и не можете сказать, какие можно здесь культивировать на корм.

— Эспарцет, суданку. Они не особенно притязательны к осадкам. Когда будет на степи вода, можно вернуть работу по гибридизации местных высококалорийных трав с имеющими богатый травостой.

Мне показалось, что в его безразличных тусклых глазах мелькнул светлячок. Огонек зажегся на один только миг, в следующий — снова опустилась завеса из чего-то серого, туманного. Он сказал:

— Улита едет, когда-то будет.

— Конечно, неудобств и труда впереди много. Это не в оранжерее института.

— Вы гордитесь тем, что бесконечно переживаете трудности. А, собственно, зачем они, эти бесконечные трудности и неудобства, если знания можно получить и в культурной оранжерейке опытного институтского участка? Разве у вас выше будут знания?

— Не спорю, молодой человек, боящийся трудностей.

— Я их ничуть не боюсь, но не вижу в том необходимости. Ведь то, что делаете вы, совсем не является ни героизмом, ни подвигом. Каждый здоровый физически человек мог бы вынести всё это легко. Наоборот, сильные духом натуры, по-моему, стремятся в самую гущу, самую кипень жизни. А ведь она там, в центрах культуры, а не тут, на краю земли.

— Может быть, — согласилась я, рассердившись, — только неужели у всех тех, кто стремится в эту самую

кипень жизни, такая глупая спесь и столько этого же-манства?

— Наконец-то, заговорила! — воскликнул он. — Вижу, дошло. Ведь я понимаю тебя: не хочешь сознаться, что всё тебе здесь уж надоело, осточертело. Не так ли?

— Объясняться в этом каждому... уполномоченному не буду, — сказала я.

— Спасибо за откровенность...

Подъехали Фурсов и Клавдия Степановна. Старик был жизнерадостен.

— Ого! Ты уже здесь? — воскликнул он, обращаясь к Жуковкину, который тотчас же встал. — Сиди, сиди... страждущий.

— Вот изучал, — кивнул Жуковкин на журналы.

— Ну, это полезно, — сказал Фурсов не то одобрительно, не то иронически. Затем обернулся к Анне Васильевне: — Мы, кажется, во-время съездили в горы. Сегодня опять буран. Да, дело затеяно могучее. Западно-Сибирский институт животноводства займется пухопосами. Боюсь, что с весны начнем надоедать вам всякими комиссиями.

— Ничего. Мы к ним привычны, — улыбнулась Анна Васильевна. Вскоре они стали прощаться.

— Ну, — тихо сказал Анатолий, — неужели... ты...

— Да, — ответила я твердо.

— Что ж. Будем искать счастье... в другом месте.

— Ищи. Ведь такие, как ты, есть. Их легко найти в городе. Обрати внимание на лотошниц. Некоторые, чтобы остаться только в городе, торгуют квасом, пирожками, имея диплом инженера или техника.

— Что ж, я не осуждаю. Они по-своему видят свое счастье и куют его. В нашей стране не запрещается каждому свое, — сказал он.

— Жаль. Я б таким, кто так думает, совсем не разрешила учиться в институтах и техникумах.

Он улыбнулся.

— Разрешит тебе ответить твоей же вчерашней пословицей: бодливой корове бог рог не дает.

— Я б их отовсюду, — продолжала я запальчиво, — этих прилипал, думающих только о своем счастьеце... которым... которым никто из настоящих не завидует...

— Из настоящих? Уж не... Ах, ясно! Ну что ж, буду с тобой откровенней: мне дают отдел.

— Преуспел?

— Начальство видит, — развел он руками. — Мы расстаемся как враги. Эх, Люба...

— Прощайте.

— Не откажите последний раз, стоик, — он протянул руку. — Разреши надеяться...

— На что?

— Что выбирать тебе первое дамское платье буду я...

Спокойное упрямство я увидела в его глазах, и мне стало жалко его. На одно короткое мгновение передо мной стоял прежний Анатолий. Но это было мгновение. Передо мной снова надутый чиновник.

— Прощай, — сказала я. — Выбирать тебе придется не для меня... первое дамское платье...

Пришла из конторы Клавдия Степановна. Обнялись с Анной Васильевной.

— Ну, Анна, смотри. Держись. Всей областью будем следить. Бывайте!

С Жуковкиным, мы расстались совсем чужими. Я не чувствовала от нашей разлуки с Анатолием опустошения в душе. И, сознаюсь, не чувствую до сих пор. Это, наверное, к лучшему.

— Я б, кажется, с таким поступила по-твоему, — согласилась, задумчиво глядя в окошечко, Анна Васильевна. — Тяжело разочароваться в любимом человеке. А в Жуковкине столько высокомерия, тщеславия. Но это еще полбеды. Как он странно понимает задачу свою в жизни!

— Я не слыхала от него никогда раньше такого... — сказала я. — Скрывал?

— Мог. А может, и нет. Пришло после под плохим влиянием. Или проснулось в нем, как отрывка мещанского, старого.

На степи застучали гальки — поднялся холодный ветер с гор. В нашей избушке быстро остыло. Пришлось растапливать снова печку.

Я часто задумывалась над тем, почему Анна Васильевна одна. Я никогда не слыхала, чтоб она назвала кого-нибудь из родных, кроме сестры, живущей в Москве. И сегодня я узнала всё. У нее нелегкая жизнь. Выросла она в семье лесоруба, где-то в Кировской области. Ей было двенадцать лет, когда подрубленной сосной раздавило отца. Долго не могли вытащить мужики сук, который пригвоздил его к земле. В тот же год мать перееха-

ла к брату на станцию Тайга, что около Томска. Мать устроилась будочницей, Анна работала в ремонтной бригаде. Младшая сестра пошла в школу, Анне было не до учебы. Но тяга к знаниям была так сильна, что она наравне с сестрой вечерами усваивала то, что изучала та на уроках. Так вместе и кончили железнодорожную семилетку. Одна — в школе, другая — дома. Свидетельство пришлось доставать, сдавая экстерном. А через три года, окончив вечерний рабфак, она поступила в сельскохозяйственный институт. Увлечлась биологией. После окончания института была взята в аспирантуру. За работу о флоре горных зон Алтая ей присвоили звание кандидата биологических наук.

— Это были очень счастливые дни, — сказала Анна Васильевна, улыбаясь, задумчиво теребя небольшие локоны на висках, которые серебрились под ее рукою. — Да... В это время начинаются и мои несчастья. Личного порядка. Я полюбила. Он был тихим, незаметным на вид парнем — железнодорожником. Я подготовила его, он кончил институт и остался в химлаборатории. Я знала: он был упорным в достижении своей цели. Многие работы в лаборатории меня убедили в его незаурядных способностях. Да. Он оказался талантливым человеком. Я внушила ему, чтоб он развивал свои способности и пробовал экспериментировать. Мы вместе прожили восемь лет. Пожалуй, эти годы были самыми счастливыми. Потом начался разлад. Он подкрался незаметно. Сначала, казалось, спорили о пустяках. Муж стал нервничать из-за всякой мелочи: пуговница оторвется — ругается, не приду из института к обеду — дуется, покрикивать начал. К этому времени он заканчивал научную работу. Как-то я задержалась на работе прихожу — он лежит на диване. Молчит. Я спросила его, кушал ли он. «С такой женой, — говорит, — скоро ноги вытянешь». — «Но ведь ты видишь, что я занята». «Надо решиться тебе, — сказал он. — Или там, или здесь. Я не могу так. Я женщин представлял себе иными». На другой день я ушла к подруге, а потом уехала в горы.

Анна Васильевна вздохнула и замолчала.

— Где ж он? Что делает?

— Он женился на какой-то медичке в тот же год. Кажется, счастлив. Она бросила работу. Домохозяйкой у него. А он... Он кандидат наук. Заведует лабораторией.

Человек дельный, но вот с такой червоточинкой оказался. Мне думается, я была права, уйдя от него. Зачем мешать человеку?..

— Но ведь вы ж его вытащили на свет! — возмущенно закричала я.

— Мещане, Любушка, люди страшные. Сердца у них нет. Оно в чехольчике спрятано. И открывается тогда, когда нужно это хозяину.

— Вы... Вы не очень жалеете о нем? — спросила я.

— Нет, Люба, жалею. Очень.

— Он неблагодарный.

— Да. Но...

— И никаких им «но», Анна Васильевна!

— Если б ему настоящую душу.

— Это другое дело. Вот и Анатолий.

— Вам-то непростительно.

Я удивилась.

— Почему же именно нам?

— Потому что сейчас комсомол больше занимается вопросами духовного роста молодого человека. А в те годы проще было. Как же ваша организация не раскусила Жуковкина раньше? Ты могла ошибиться. Верю и вижу — ошиблась. Но вся организация?.. Не знаю...

Анна Васильевна права. Много было у нас споров, помню, на них и он, Жуковкин, активно выступал с красивыми и выдержанными речами, а в жизни сам оказался с гнилью. Плохо задним числом осознавать это.

Ветер словно поугагать решил: сорвался на степь, подымая легкую порошу, и снова умчался к горам, и опять они курятся, курятся. Как мне хочется сейчас туда, к Варе. Наговориться б досыта. Поспорить. Может, даже поругаться».

* * *

Три раза пытался Токушев увидеть Соен, и все три поездки оказывались неудачными — больная была в тяжелом состоянии. Сегодня вызванный к телефону врач сказал, что наметилось улучшение и Соен можно увидеть. «Купить бы что-нибудь ей... Пусть увидит, что забочусь, — решил он, собираясь в Куягаш. — Полушалок куплю... черт с ней...»

В Куягаше он заехал в магазин и выбрал самый яр-

кий и цветастый полушалок. «Сладкое возьму — кажется, она любит... Пусть не думает, что зло имею...»

Когда стемнело, пошел в больницу. Его пропустили к Соен. Он увидел ее лежащей в небольшой отдельной палате. Увидев его, Соен испуганно вскинула брови и уставилась на узелок, который Токушев нёс в руках. «Обрадовалась», — подумал он и поднял узелок повыше:

— С гостинцем... — Он попытался ласково улыбнуться. — Свои ведь... Не чужие. Правда?..

Губы Соен вдруг задергались, задрожали. Она хотела что-то сказать и не могла.

— На, на, Соен... Возьми... Разве мы чужие?..

Соен резко оттолкнула от себя подарок. Токушев встретился с ее взглядом, вздрогнул:

— Ты что? Что, Соен?

— Уй... ди! — с трудом выговорила она, и столько было ненависти и презрения в этом слове, что Токушев откачнулся, испуганно оглянулся на дверь.

— Уй... ди! — донеслось до него снова. Токушев растерянно схватил узелок и стал лихорадочно шарить левой рукой по халату, ища пуговицы, но их не было. Он запахнул его. Попятился к двери. Кусочек сахара выпал из узелка и покатился под койку. Это вывело Токушева из оцепенения. Он стиснул челюсти и с ненавистью выдавил:

— Ну, смотри... Смотри...

Он кинулся под койку, подобрал выпавший кусочек сахара и шумно вышел. Закрыв дверь, громко сказал:

— Вот беда... Вот беда... Даже не узнаёт...

Он передал сестре халат, та подозрительно, как показалось ему, посмотрела на узелок.

— Плохо ей... Плохо, — пробормотал Токушев. — И не смотрит на гостинцы...

— Хуже?! Я сейчас, сейчас, — заторопилась, заволновалась вдруг сестра и чуть не бегом бросилась к палате. Токушев поспешил на улицу. Дорогой твердо решил покинуть аймак.

* * *

Ноябрь стоял холодный. С утра до вечера по степи гуляли ветры, гремя ледяными гальками. Летела редкая снежная пороша. Пустынно и неуютно в степи. Справа и слева от нее в горах — серые завесы из облаков. Там

шумит пурга. Там гудят ущелья. Вихрит, заметает склоны и долины буйная метелица.

В такие дни Анна Васильевна и Люба не раз выходили, закутавшись в шали, за поселок и с тревогой смотрели на дальние отроги гор, туда, где укрылись от пронизывающих ветров стада и отары всего аймака.

— Курятся и курятся горы, — вздыхала Анна Васильевна. — Небось, снегу намело по пояс!

— Как же мы будем пробираться туда? — со страхом говорила Люба.

— Одну зиму, помню, трактора пускали по Камлакскому ущелью. Пробивали дорогу. Вот такие же были метели в декабре, январе, феврале...

— Пробились?

— Местами снежные тоннели сделали.

— А скот?

— Скот ничего. Это в ближних горах много почему-то снега выпадает, а туда подалее есть склоны, где его почти нет. Тем и интересны Алтайские горы. На двух разных склонах одного хребта — два разных микроклимата. На одной стороне яблоки сади — созреют, на другой — только лишайник да колосец растет.

Все эти дни Анна Васильевна приводила в порядок записи. Люба часто выезжала на МТФ, которая находилась в низовье Апаш-Су, километров за сорок от центральной усадьбы колхоза. Здесь, на государственной земле, или, как говорят, «фондовой», колхозу разрешалось ставить сено.

Ферма стояла на опушке леса. Рядом с гор бежал незамерзающий ручей, который километром ниже впадал в Апаш-Су. По долине его было выстроено несколько домиков для работников фермы. Ухаживало за скотом три семьи: Елатовы, Кучумовы и Старожиловы.

Бодрый и веселый старичок Наум Захарыч Старожилов, заведующий фермой, стуча деревянной ногой о пол, доложил в первую любину поездку:

— Из мужского пола — один, как перст. Выбора нет. Прошу любить и жаловать.

— Сядь, сядь ты, зубоскал. О, господи! Все прыгает! — сокрушенно проговорила Екатерина Ивановна, его жена, худенькая, больная уже старушка.

— Не конфузь, старуха, перед новым человеком. Наше дело служивое.

Нравилось Любе у Старожиловых. Чистая, уютная комната. Грозди рябины и калины, висят в сенях и на крыше избы всю зиму. Сугробы. Сверкающие шапки снега на елях. Всё напоминало какую-то забытую красивую сказку.

Люба привозила газеты, книги. В эти дни в домик к старикам сходились все обитатели фермы. Ивановна и кто-нибудь из девушек быстро заполняли опрокинутые железные листы и сита пельменями. Захарыч объявлял перерыв и бежал за дровами.

— Эх ты, старый леший, — ласково ворчала Ивановна. — Да нешто я разожгу это сырье? А смолевые никак на засол бережешь?

— Ну, едят тя мухи, — хлопал громко рукавицами о полусубок старик. — Сушная беда с такой старухой.

В комнате тепло. Ярко горит лампа. В окно заглядывает завьюженный куст рябины. У рябины синеватый ствол и до самого верха нет сучьев. Люди сидят, откинувшись к стенке. Лица их сосредоточены. А Люба читает учебник по зоотехнии или журнал. Почитает, побеседует. Знает: попросят прочесть «интересную» книгу. У Любы, конечно, она припасена. Вечер затягивается до вторых петухов.

На обратном пути поехала в Куягаши: решила завернуть в райком, вспомнила — просил Шелест.

Шелест был на квартире. Оказывается, ему сегодня нездоровилось после поездки на ферму дальнего колхоза.

— Может, мы... без него решим ваш вопрос? — спросил помощник.

— Он просил меня зайти. Значит, неудачно?

Звякнул телефон. Помощник снял трубку.

— Райком слушает. Да, да, Иван Ильич. Хорошо. Ясно. Сделаю. Тут к вам, — он зажал трубку ладонью и быстро спросил Любу: — Как вас?

— Да зачем вы. Надоедать ему!

— Скорей, скорей!

— Огнева...

— Вы слушаете, Иван Ильич? Тут к вам товарищ Огнева из «Кызыл Аскера». Как? Хорошо. Скажу.

Помощник повесил осторожно трубку и сказал:

— Просил на квартиру.

— На квартиру?

— Очень просил. «Пусть, — говорит, — обязательно зайдет. Мне ее нужно». Хотите, я вас провожу?

— Зачем это я пойду на квартиру?

— Ничего. Познакомьтесь с Натальей Петровной, с Колькой. Хорошая семья. Душевная.

— Приехала жена?

— С сынишком. Такой... самостоятельный. Колька, одним словом.

Наталья Петровна вышла на крыльцо встретить. Белокурая, лет тридцати двух женщина с накинутой на плечи полудошкой быстро взглянула на Любу, сконфуженную, растерявшуюся, схватила ее за руку и, смеясь, повела в комнату.

— Вот и гостя, Ванюша! — крикнула она сильным, приятным голосом. — Раздевайтесь, раздевайтесь. Сейчас будем ужинать.

Люба заупрямилась.

— Ну кого, кого вы стесняетесь? Ванюша, где ты застрял?

Иван Ильич, снимая на ходу большие роговые очки, которые надевал, очевидно, только дома, потому что Люба никогда не видела его в очках, шлепая обутыми на босу ногу теплыми галошами, шумно открыл дверь и категорически замахал руками.

— Никаких разговоров. Колька! Где ты? А ну, поухаживай за Любовь Николаевной.

Из комнаты показалась голова коня... Затем раздался повелительный окрик:

— Да стой ты, упрямый дурень!

— Колька, натаскаю за уши! — ужаснулся отец.

— А что он, папа, задом норовит... Стой! Тпрру!

Из комнаты вышел с озабоченным лицом мальчик лет пяти, с белыми, материнскими волосами, спадающими мелкими локонами на лоб.

— Здравствуйте, — сказал он, смело подходя к Любе. — А мне нынче опять не пришлось учиться.

— Почему же?

— Папка виноват. Ездим и ездим. Ну, я-то ладно, так ведь мама прозевала работу!

Все засмеялись.

В комнате полстены занимала широкая этажерка-библиотека. На столе лежала открытая книга. Люба ма-

шинально посмотрела в нее и с удивлением взглянула на Ивана Ильича.

Он чуть улыбнулся, понял ее.

— Для практики читаю.

— Это на каком языке? — спросила Люба.

— Стендаль. Французский.

— Я читала его «Красное и черное», потом еще что-то. Но вы в подлиннике читаете? Это интересно?

— Конечно. Некоторые подробности...

Наталья Петровна пожаловалась за столом:

— Приехала вот. Бездельничаю. А он и не торопится с работой.

— Отдохни, Наташа. Успеешь, — сказал Иван Ильич, с удовольствием разгрызая кусок сахара.

— Не оправдывайся, папка. Нечего, — заметил Колька и, посмотрев на своего коня, привязанного к койке, вдруг спросил Любу: — Вы коня тоже на выстойку поставили?

— Тоже.

— Он потный?

— Да.

— Смотрите, не давайте ему воды! — погрозил он. — Я вот вчера своего напоил...

— Ну и что? — заинтересовался Иван Ильич.

— Не слышал? В животе урчало... А мне с ним беда, — и обращаясь к Любе, спросил: — А вам что лучше: сахар или яблоки?

— Сахар.

— А мне яблоки, — вздохнул Колька. — Сахару полно везде. А яблок у нас немножко уже осталось, там мамочка спрятала их, когда шибко-шибко захочется...

— Сейчас, наверное, не шибко? — спросил Иван Ильич.

— Не шибко, — тихо ответил Колька, пряча глазенки.

— Ну, как зимует ферма? — поинтересовался Шелест.

Люба рассказала.

— Говорят, очень там за Белым бомом красиво. Правда?

— Да.

— Вот Наталье кто-то сказал. Просится съездить. Художничает она у нас.

— Ну уж художник. Рисую немного.

— Я что? Я не вру. Вы уже в следующую поездку, пожалуйста, заезжайте за ней.

— Я не помешаю вам в работе? — спросила Наталья Петровна.

— Да что вы! Конечно, нет!

— Значит, договорились, — обрадовалась Наталья Петровна. — Там, такие заброшенные над ручьем деревня. Да?

— Да, — удивилась Люба, — откуда вы знаете?

— Я фантазирую...

— Всё. Решено. В следующую поездку еду с вами.

— Это ведь не близко, Наталья, — предупредил Шелест. — Километров сорок пять отсюда. Не ошибаюсь?

— Нет, — подтвердила Люба.

— Разве много?

— Но верхом, Наташа. Может, машина пройдет? — Иван Ильич посмотрел на Любу.

— Там через ручей не перебраться, и лесом километра четыре. Дорожка узкая и камни.

— На коне... Мне нравится, — воскликнула Наталья Петровна. — Это так интересно! Я сделаю несколько этюдов с натуры. И людей надо показать. Ведь там хорошие люди?

— Там все очень хорошие. Славные, — горячо сказала Люба.

Поговорили о зимовщиках. Иван Ильич интересовался пухоносами.

— Если до января не поступят сведения, пробиваться придется к ним, — сказал он решительно.

— Анна Васильевна извелась от заботы. Мартанакوف ежедневно ездит к ущелью. Говорит — темно. Буран.

— Мартанакوف молодец, — заметил Иван Ильич. — Слыхали, небось, как в эти бураны пробился он из Красногорска? Снег... Сугробы. Мороз. Весь тракт до Кызылука забит. А он доставил десять машин с овсяной мукой. Как закончатся в горах метели — доставим подкормку.

Прощаясь, Наталья Петровна взяла слово с Любы, что та будет заезжать к ним.

...«Хорошая, милая семья», — думала Люба, направляясь из Куягаша в «Кызыл Аскер».

На выезде неожиданно догнал Поляков. (Он недалеко

от колхоза руководил буровыми работами). Сдерживая горячего гнедого коня, весело крикнул:

— Вот когда я вас догнал!

Люба обернулась. Поляков, разгорячившийся от быстрой езды, смотрел на нее, натянув левой рукой повод, в глазах всплывали искринки.

— И давно догоняете? — удивилась Люба.

— По правде сказать, давненько, Любовь Николаевна.

— Не замечала, — лукаво улыбнулась девушка.

— В том то и беда, — сказал печально Поляков. — Совсем вы меня не замечаете. — неожиданно вырвалось у него.

Люба сжала повод.

— Посмотрите, посмотрите, как недолюбливает мой Игренька вашего рыжего... Ишь, кусает! — торопливо воскликнула Люба, испугавшись его какого-то особенного голоса.

— Он у вас сердитый.

— Ничуть. Он, по-моему, злится на то, что ваш всё поровит вприскачку, в галоп, а ведь Игренька сегодня прошел более сорока километров!

— Вы? Сорок километров? — удивился Поляков.

— Чему же тут удивляться? Между прочим, я и сама иногда поражаюсь. Давно ли пять километров без отдыха не могла проехать.

— Человек ко всему привыкает, — неопределенно сказал геолог, задумчиво глядя перед собой. — Все равно вы устали... Это заметно.

Он нагнулся к ее лицу.

— Крепитесь?

— Давеча, когда подъезжала к Куягашу, почувствовала усталость. Это правда.

— А сейчас?

— А сейчас... Кажется, легче. — Люба взглянула на него, засмеялась.

У Птичьего Клюва он придержал коня, но в следующий же миг догнал Любу.

— Вам ведь влево? — спросила Люба, не скрывая легкого удивления.

— Если я не надоел вам, я поеду через «Кызыл Аскер»...

— Ветер, — сказала Люба, будто не слыша его. — Что это вы форсите? Почему не закроете уши?

— Они у меня нечувствительны к ветрам! — весело сказал Поляков.

— До поры до времени, — серьезно сказала Люба.

Ее такая домашняя строгость и внимание напомнили ему что-то давно утраченное, полузабытое. Опахнуло материнской заботой. Почему-то вспомнились крутые яры Усть-Пристанн на Оби, где провел он веселое, беззаботное детство. Рыбные заводы на Чарыше, который стремительно летел через всю широкую предгорную долину откуда-то из гор и под самыми окнами их небольшого домика разрезал своими зеленоватыми водами широкую, спокойную Обь.

Промелькнули на миг и заслонили Куягашскую равнину шумные молниеносные полеты стаи стрижей над яром, стену которого они источили своими гнездами. Цепляясь ногами за едва заметные выступы глиняной отвесной стены крутого берега, он с группой мальчишек зорит гнезда. Внизу — узкая полоска галек у самой воды. До нее метров пятьдесят. Сорвешься — не миновать беды. Но всё сходит благополучно.

С полным ртом маленьких голубоватых яичек (в карман не положишь!) он поднимается на берег и осторожно выкладывает добычу на траву. Штанишки — в глине, на рубашонке — размазанные желтки от случайно разбитых яичек. Озорная соседка, глазастая, конопатая Надя, дочь бакенщика («А тебе будет встрепка!») провожает его до ворот.

Молчаливый взгляд матери. Как он проклинал себя за то, что вызывал ее недовольство! Ласково-грустные глаза, в которых было и отчаяние, и еще что-то такое, что вызывало в нем чувство презрения к себе. Он обещал себе не делать больше того, что причиняло боль матери.

С крутого яра на широкий простор, в какую-то волнующую даль, всё сильнее манила великая сибирская река. И он понял: не уйти ему от нее. А получилось иначе — кончил геологоразведочный техникум. Сначала думал, что временная эта специальность, что обязательно он станет речником, но потом полюбила. Много стертось из памяти в годы войны! Посильней были впечатления, чем картины далекого детства, и вот только

в какие-то особенно теплые минуты вдруг нахлынут, растопят сердце до боли приятные воспоминания. Какое-то одно произвольное движение мысли или чужого слова — и ты во власти этого дорогого, незабываемого. И снова перед глазами промелькнут в стремительных полетах, словно черные молнии, куцехвостые стрижи над яром, и снова засверкают перед глазами светлые дали и плеск родной реки. В последний год перед войной он прибыл домой на пароходе «Коммунист». На восходе солнца, перед самым тем яром, мощным ревом потряс сонную еще пристань гудок «Коммуниста». Через несколько минут он увидел ее — худенькую, с накинутой на плечи черной шалью. Около их небольшого домика (почему-то только тогда он заметил, что домик их стал уже староватым, да и не таким просторным, каким был раньше и рисовался всегда в воспоминаниях) стояла мать...

Поляков с усилием оторвался от мимолетного воспоминания, подумал: «Но почему... Люба?» И ему вдруг давно знакомыми показались и красивый росчерк ее бровей, и какая-то особенно близкая ему насмешливо-ласковая ее улыбка. У нее было и от той Нади что-то. И от матери. Да, теперь он понял, почему уже не раз каким-то неуловимым движением глаз, головы Люба ему напомнила далекое, дорогое детство.

«Я люблю ее. Надо ей сказать об этом», — решил Поляков. — «Сейчас скажу!» — подгонял он себя.

Но начать такой разговор не мог.

Уже запестрели постройки центральной усадьбы. У небольшого домика опорного пункта стоял, ежась от холодного ветра, небольшой конек. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— А у нас гости! — воскликнула Люба. — Знаете кто?

Поляков посмотрел на коня.

— Кто же этого скорохода не знает! — улыбнулся он. — Такой же неуязвимый, как и его хозяин!

— Неуязвимый? А посмотрите на него сейчас! Видите? Возмущается как!

— Пробрало наконец-то. Это ветер его так атаковал. Ведь его ни плетью, ни палкой — ничем нельзя вывести из терпения. Одним словом, Орешек.

Люба соскочила с седла и, отвязав заколевшего на

ветру коня, отвела вместе со своим в небольшую стойку, сплетенную из ивовых прутьев.

— Всё теплее будет. А вы? — спросила она Полякова. — Может, погрелись бы немного? Такой ветер.

— Спасибо, Люба. Я когда-нибудь... Разрешите? А сейчас я б спросил у вас, Люба... кто это был с вами в кино? Такой...

— Какой? — улыбнулась Люба.

— Надменный.

— Не понравился?

— Нет.

— Жаль. А это мой жених.

— Ах, жених, — похолодел Поляков.

— Бывший, — добавила Люба и, рассмеявшись, махнула рукой и побежала в домик.

Поляков посмотрел ей вслед, улыбнулся тоже и погнал коня через звонкую-холодную равнину к горам. Он не чувствовал холодного, морозного ветра. Сердце его горячо билось.

* * *

В комнате было тепло и уютно. Весело трещал камелек. Едва Люба успела перешагнуть порог, как Венямин Романович воскликнул:

— Вот и Любушка! Теперь попробуйте поспорьте с нами, Анна Васильевна!

— Что случилось?

— Люба! — обрадовалась Русакова, откладывая в сторону какой-то журнал. — Раздевайся, раздевайся скорей. Не поморозила руки? Такой ветрище!

— Она как свежий помидор! Эх, вот что значит молодость. А я проехал на своем Орешке и целый час торчал у печки — зуб на зуб не попадал.

— Так ведь вы же на Орешке, Венямин Романович! — засмеялась Люба, снимая шаль.

— А что, Орешек — лошадь видная. Кормить бы его овсом. А то что он ест? Убожество. Он по всем признакам конь стоящий. И кость, и мускулы, и копыта — настоящие. Рассчитанные на долголетие.

— Проживет-то он долго. В этом нет сомнения. Но «примешь ты смерть от коня своего», — весело рассмеялась Анна Васильевна.

— Это почему же? — изумился «доктор».

— Заездит он вас!

— А это верно. С его характером можно долго жить, — согласился Вениамин Романович. — Разрешаю тебе поухаживать, Любушка. Ну вот. Теперь садись сюда, поближе к печурке, и я тебя спрошу об одной очень важной вещи.

Анна Васильевна поставила разогревать чай. Из посуда эмалированного чайника скоро послышалось тоненькое пение. Люба с удовольствием под села к плите. Ее охватило таким приятным теплом, что она зажмурилась и только сейчас почувствовала, что очень крепко устала. «Доктор» уселся поудобнее и зажег потухшую папиросу.

— Вот слушай, милая, что со мной происходит, — сказал он, обращаясь к Любе. — Хотя не так я начал. Это Анна Васильевна говорит, что со мной «происходит». Дело вот в чем. Дня три назад... Да позвольте, скажу точно: 18 декабря, во вторник, я вспоминаю о том, как мы вместе провожали пухоносиков в горы, как тщательно осматривали каждую матку, каждого козленка... и мне вдруг показалось, что я обнаружил у одной очень крупной бусой козы трещину на заднем копытце. Я, помню, решил завтра отбить эту матку и не пустить в горы. Но... очевидно, забыл это сделать. Коза ушла на тебеневку с расколотым копытом! Вы представьте себе весь ужас создавшегося положения! Меня все эти дни грызет, мучает страшная мысль: «Ты виновен в гибели животного! Из-за тебя отара лишится замечательной матки».

— Во-первых, это не такая уж прекрасная матка, — сказала Анна Васильевна.

— Почему? — не понял Вениамин Романович.

— Уж только потому, что она бусая, а не белая, как того порода требует.

— Ну хорошо, — согласился Вениамин Романович. — Во-вторых?

— Во-вторых, если даже и расколото одно копыто, так расколото, как вы говорите, заднее. А это не опасно, потому, что главное — передние. Ими она разгребает снег.

— Нет, нет, вы мне не говорите. Не успокаивайте, — замахал руками Старков. — Всё это будет на моей со-

вести. Вы, Любушка, если скоро будете там, на тебе-невке, обязательно найдите эту бусую козу.

...Проводив «доктора», Анна Васильевна сказала:

— Стареет мужик.

— Заботливый, — добавила Люба, приятно разомлевшая от тепла. — А я что-то не помню такой козы.

— Ее и не существует в отаре.

— Не существует?

— Вот именно.

— Так почему ж не разубедили его?

— Не надо. Бесполезно. Такие вещи бывают. Могут быть с каждым. Кажется — видел, а на самом деле и не видел. Со мной такой случай произошел. Впервые я приехала в Томск в 1925 году. Прохожу Ушайку, иду по набережной, и вдруг на углу Ленинского проспекта остановилась как вкопанная: когда я была здесь? Когда видела этот дом, забор синий, вон ту надпись метровыми буквами прямо по стене дома: «Керосин, бензин»? А мысль подсказывает: «Будешь переходить проспект, слева будет стоять извозчик, по тротуару тебе навстречу попадет женщина с корзиной. Из корзинки морковная ботва будет торчать». Подхожу к тротуару и перехожу улицу. И на самом деле — и извозчик, и женщина. И морковка.

— Странно. И никогда не были до этого в Томске?

— Никогда.

— А у Венямина Романовича?

— Тут просто навязчивая мысль. Ведь бусой-то козы у нас, действительно, не существует. А ему втемяшилось в голову...

* * *

Прошло несколько дней. Стояла сухая ясная погода, хотя над горами попрежнему висела белая завеса — там продолжался буран.

— Скоро кончится, — сказал Мартанак, натягивая на руки меховые рукавицы.

Анна Васильевна вопросительно посмотрела на председателя.

— Не замечаете? — Мартанак шумно выдохнул воздух. — Начинается мороз. Это верный признак.

Русакова согласилась с ним. Но этот «признак» ока-

зался для Куягаша несостоятельным. Едва они покинули исполком аймачного Совета, на котором слушали отчеты председателей колхозов, как с гор подул резкий, порывистый ветер. Потом началась легкая пороша. Злые, колючие снежинки больно впивались в лицо, а ветер пронизывал, казалось, насквозь.

— Вот тебе и приметы, Иван Мартанаквич, — воскликнула Русакова, поднимая воротник и поправляя шаль.

Тот махнул с досадой рукой:

— И что здесь за зима такая!

Вспомнив, что ему нужно повидать Шелеста, он остановил коня.

— Поезжайте, я догоню вас.

Анна Васильевна не успела выехать в степь — поднялась метель. Сразу вокруг закружилось, заплесало, запело на все лады. Со всех сторон в лицо забросало снегом. Мокрый снег плотно ложился на одежду и тут же замерзал, образуя корку. Анна Васильевна задохнулась, охнула и соскочила с коня. Ехать было нельзя. Она решила завернуть в первое попавшееся жилище.

Ей открыл мужчина.

— Пожалуйста, проходите, — пригласил он, закрывая на засов двери. — Коня я сейчас. Одну минутку...

Глянув на вошедшую, хозяин всплеснул руками:

— Анна Васильевна! Вот так раз! Фу-ты, господи.

— Спасибо. Спасибо. Я сама, Вениамин Романович. Действительно — встреча!.. Вы б коня, голубчик... к вашему Орешку...

— Всё будет... Всё... Я сейчас...

Он выскочил на улицу, а Русакова, раздевшись и оберев лицо полотенцем, критическим взглядом обвела кухонку и небольшую комнату старого холостяка.

Она была приятно удивлена. Всюду чувствовалась хозяйская заботливая рука. На окнах — недавно выстиранные и хорошо проутюженные шторы, аккуратными стопками сложены книги на деревянной полке. Вычищенные вилки и ложки были воткнуты за планочку, прибитую около кухонного шкафа голубого цвета. Во второй комнате передний угол занимал разросшийся под самый потолок фикус. Тут же, под его ветками, на тумбочке стоял радиоприемник. В небольшом простенке между «голландкой» и дверью — вешалка для верхнего платья.

Она была задернута чистой марлей. Кровать — высокая, аккуратно закрытая голубым покрывалом. Около нее теплые туфли, вязанные, видно, дома. Очень похожа пряжа на ту, что намотана в клубок, лежащий на левом подоконнике. (В клубке торчал вязальный крючок).

Отряхиваясь, вошел «доктор».

— Смотрели хозяйство? — улыбаясь, заговорил он, тщательно тряся полушубок у порога.

— Вы никогда не говорили, что у вас домработница живет, Вениамин Романович.

— Откуда вы взяли, уважаемая Анна Васильевна?

— Да по всему видно, — она повела рукой вокруг себя. — Чистота.

Старков засмеялся.

— Ох, так всё это надоело, Анна Васильевна. Всё ведь я сам делаю, и даже — смешно, может быть — даже носки вяжу сам, чиню белье.

— И... И стираете?

— Когда есть время. А что? Не нахожу зазорным.

— Что ж тут зазорного, — согласилась Русакова.

— Я не из щепетильных. Сам могу всё... Уж вы только мужчинам не говорите... Ну, Анна Васильевна, давайте откушаем. У меня тут кое-что есть. — Он засучил рукава, вымыл руки и полез в печь.

Вскоре на столе, прямо в жаровне, стояло вкусно пахнущее жаркое из уток.

— И это сами?

— А кто ж? Сам. Хороший помощник у меня есть.

Он потянулся к полке с книгами и достал оттуда красиво оформленную кулинарную книгу. Удивлению Анны Васильевны не было границ. Она в совершенно ином свете увидела «доктора», которого раньше представляла беспечным холостяком-забулдыгой.

Старков достал бутылку коньяку.

— По маленькой, Анна Васильевна. Не отказывайтесь, пожалуйста. Вы у меня сегодня в плену.

Коньяк преобразил доктора. Он смеялся, шутил, пробова! петь. Потом вдруг загрустил. Стал жаловаться.

— Ну вот, — сказала Анна Васильевна, — что с вами? То было совсем очаровали. А тут кукситься стали.

— О, кавалер я галантный. А правда, могу я еще женщинам нравиться?

— Вполне. — Анна Васильевна вздохнула.

— По мелочам размениваюсь, Анна Васильевна. По мелочам. Когда-то, как и вы, жил большими идеями. Потом, когда не вышло, перешел на мелочи. Дошел до огорода. Люблю его. До спицы вязальной — балуюсь. Вот как, — сказал Вениамин Романович с горькой усмешкой.

— Вас очень уважают как врача.

— Э, что там. Разве это настоящее?

— Что ж тогда настоящее?

— Не знаю. Вот вы, пожалуй, лучше знаете, потому что вы у настоящего дела стоите. Вы творец. Вам хорошо. А я...

— Вы просто растерялись. Вам нужен сильный друг. Его плечо...

Вениамин Романович боязливо взглянул на Русакову и пробормотал:

— Да. Может быть, вы правы.

...Через час буря утихла. Анна Васильевна тепло распрощалась с «доктором». Задерживая ее руку в своей, Вениамин Романович глухо сказал:

— Я вас прошу очень, Анна Васильевна. Очень прошу помнить наш разговор.

— Хорошо, — согласилась Анна Васильевна, с любопытством разглядывая сконфузившегося вдруг «доктора». — Хорошо. Но и вы не забывайте того, что я сказала вам.

— Вы меня встряхнули и... встревожили. Честное слово, Анна Васильевна. Вас проводить?

— Да нет. Зачем? Я не заблужусь. До свиданья.

Она выехала за ворота, за которыми сразу же начиналась степь. Вокруг тонкой пеленой лежал снег. Подмораживало. Анна Васильевна с волнением думала о Старкове. Чем-то этот «доктор» сумел вызвать у нее не то жалость, не то... дремавшее до этого большое чувство. Анна Васильевна боялась даже в уме сознаться себе в этом. Но было так...

* * *

Соен вернулась в колхоз через полмесяца. Вечером зашла на пункт.

Она молча села к печурке (Люба, согревшись, уже спала).

— Тоскливо, Соен? — посочувствовала Русакова.
— Так бы и улетела, — вздохнула Соен. — Да не пробиться.

— В горах буран.

— Курятся. Сколько дней, помнишь?

— Уже дней пятнадцать.

— Много навалит.

— С твоей отарой надежный человек.

— Это верно. А сама лучше...

— Что-то я слыхала, Соен, будто Токушев сдал дела?

— Сегодня отпустили. — Лицо Соен потемнело.

— А ты знаешь, я и не предполагала, что он твой брат.

— Брат? — мрачно усмехнулась Соен. — Он хорошо сделал, что уехал.

Анна Васильевна с удивлением посмотрела на Соен, не зная, как понять ее такой странный тон. Но Соен больше не произнесла ни слова. Русакова не стала ее расспрашивать, решив, что не поладили в последний миг друг с другом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Горы... Горы. Узкие глубокие ущелья с крутыми склонами. И кругом мельтешат в глазах хлопья сырого снега. Вверху, сразу же за деревьями — серая муть. Там, у белков, сталкиваются стихии. Ветер гонит караваны туч, они припадают, отяжелевшие, на склоны гор и, расчесанные могучими кедрами, расползаются встрепанной куделью, и снег кажется то жесткой кострикой, то мелкими остатками растерзанных туч. На дне ущелья бурный, стремительный Синёк. От незамерзающего ручья — пар. Голые валуны посредине обрастают тонкими кружевами прозрачного льда.

Звенит желтыми гроздьями ягод замерзшая рябина; охваченный паром, склонился над ручьем нарядный куст калины.

Буран стих. И вдруг наступила оттепель. Мокрый снег на утро покрылся коркой льда. Где-то в вышине бледным пятном вырисовывается солнце.

Отары овец и коз, выпущенные из загонков, устремляются на свежие склоны.

Кульзах стоит у ворот загонки и, опершись на палку,

с тревогой наблюдает за отарами. Пока овцы и козы бежали около ручья, всё было еще хорошо. Страшное должно было начаться выше. Вот почему так пристально и тревожно смотрит на отару Кульзах. Скрипнула дверь. В полушубке, в теплой белой барашковой шапке вышла во двор Варя. Она проследила за взглядом Кульзах.

— Ты все-таки думаешь...

Смотри. Слышишь? — Кульзах стукнула палкой по земле, раздался тихий ледяной звон.

— Корка? — испуганно вскинула брови Варя.

Кульзах тяжело вздохнула.

— Вот беда-то. А может, взберутся?

Она с надеждой посмотрела вперед. Передние животные перебежали уже Синёк и стали подниматься на склон, ошипывая сухие ветки высокой травы. Вот одна из коз упала на колени. Враз поскользнулись и задние ноги.

— Ой! — зажмурясь, вскричали обе женщины.

Коза скатилась к ручью. Отчаянно крича и тыкаясь мордой об лед, за ней последовала крупная овечка.

Кульзах бросилась вперед.

— Куда! — закричала она, размахивая и грозя отаре палкой. — Назад!

Бежать было тяжело и скользко. Держась за стебли трав, за кусты, Кульзах удалось вырваться вперед.

— Что же теперь делать? — испуганно закричала Варя.

— Не пускай их на склоны... Подержим пока около ручья. Туда дальше по нему много травы...

— Но разве это выход?

— Выход на сегодня и, может, завтра, — подтвердила Кульзах.

Варе стало жарко. Она расстегнула полушубок и, не спуская глаз с отащавшей за дни буранов отары пухоносов, со страхом подумала: «А что, если везде обледенели склоны? Что тогда? Пробиваться обратно в колхоз? А там?»

В полдень, загнав обратно полуголодные отары, Варя и Кульзах стали совещаться.

— Далеко от нас остальные зимовки?

— Чермешева — за Синюхой-горой. Вон там! — Кульзах махнула рукой в сторону обледенелой горы, возвышавшейся прямо перед зимовкой.

— Батеевы и Саруевы — по Каракемскому ущелью. Там! — Кульзах указала в противоположную сторону. — Туда не попасть через горы. Табуищики с конями еще дальше.

— Выходит... — взволнованно сказала Варя, — выходит, что сакманицы отары Соен да мы с тобой в этом ущелье?

— Нам дали самое травостойное. И ветров тут ведь нет. Они там, наверху гуляют. В других ущельях хуже. И ветры заходят и травы не такие.

— Но здесь гололедица. Что мы будем делать! — сказала Варя с отчаянием. — Погоним отары домой.

— Домой? На песок? Нет, Варя. Надо здесь искать.

— Искать? Отощают отары. Тогда и назад не выберешься. А дома, там, на степи, могут договориться с соседним аймаком и прокормить зиму. Ведь ты только подумай — пухоносы!

— Погибнуть не дадим. Мы их погоним дальше.

— Дальше? Куда? А там как?

— Узнаем.

— Значит, одной надо ехать, узнать?

— Да. Я поеду. Тут недалеко есть Белый камень. Скала такая у Синька. За скалой долина есть. Там всегда было много травы. И тихо. Может, нет льда.

— Но ведь там нет избушки? Как же мы?

— Избушки нет. Правда.

— Ударят сильные морозы — замерзнем.

— У нас есть кони и топор есть.

— Ты думаешь...

— Мы сделаем сами как-нибудь. Аил можно. Его легко сделать.

— Правильно, Кульзах. Лишь бы спасти коз и овец. А сами... Сами проживем и в аиле. Ведь жили раньше пастухи всю зиму!

Кульзах поднялась с чурки, на которой сидела, и сняла с гвоздя шаль.

— Поеду.

— Уже? Ну хорошо. Счастливо. Я одна пока... — В голосе Вари зазвучала неуверенность. Ей страшна казалась ночь. — Ты, Кульзах... когда вернешься?

— Сегодня заеду на стоянку Соен. Ночую у ней. Завтра — до места.

Одевшись и подтянув потуже пояс шубы, отороченной снизу красной вязью узора, Кульзах подседлала своего коня и, взглянув на солнце, села в седло.

— Хлеба вот возьми, Кульзах, и мяса копченого, — вышла за ней с рюкзаком Варя.

— Сырчиков давай пару. Не могу много есть в дороге.

Варя заскочила в кладовку и добавила сырчиков.

— Не отказывайся. Всякое может быть. Знаешь русскую пословицу: «Едешь на день, бери запас на неделю».

— Умная русская пословица, — засмеялась Кульзах и, приторочив к седлу рюкзак, тотчас покинула стоянку. За ней бросился огромный лохматый пес Буян.

— Назад! Назад! — закричала Варя. — Кульзах, пусть он останется!

Кульзах придержала коня и погрозила псу:

— Пошел домой! Я тебе! Карауль отары. Хорошо карауль...

Буян остановился, сел, поглядывая с любопытством на хозяйку, проводил ее взглядом за ручей и, поднявшись, ленивой походкой направился к загонке. Подошел к Варе, потерся об ее ноги, помахивая огромным пушистым хвостом, будто говоря: «Ведь я нарочно. Попугать тебя хотел. А ты и в самом деле переполошилась».

— Ты что же это, а? Одну меня оставить хотел? Нехорошо, Буянчик. Нехорошо.

Проводив Кульзах, Варя села за стол и занесла в журнал события первых дней тебеневки.

К вечеру единственное окошко, выходящее к загонке, затянуло пушистым снегом. Варя затопила камелек. Кое-где на нем полопалась глина. В образовавшиеся щели потянуло дымом. Варя достала золы в поддувале и сверху присыпала щели. Дым продолжал сочиться с боков. Подбросив в печку дров, Варя вышла к отарам. На улице взглянула на руки, засмеялась — они были в саже.

В горах темнеет быстро. Не успело солнце перевалить за соседнюю сопку, как над Синьком поднялся густой туман и тотчас же прибрежные деревья заискрились блестками инея. Снег хрустел под ногами. Овцы и козы кричали. Голодные животные грызли жерди загородок. Увидев Варю, отары пришли в движение, поднялся рев.

«Придется подбросить еще из запасов, иначе расшвыряют ночью изгородь», — с тоской подумала она.

С большой осторожностью сняла Варя проволоку с четырех тюков прессованного сена и разделила его по отарам.

Подкормка, рассчитанная только как прибавка для суягных маток и ослабевших, таяла на глазах. Оставались еще концентраты. Но при таком положении отар надолго ли их?

Смотря, как быстро поедают овцы и козы брошенное им сено, Варя с болью в сердце подумала: «А что, если всюду обледенели горы? Дойдут ли отары до соседнего аймака?» И вдруг новая мысль: «А откуда тебе известно, что у соседей есть корма столько, чтоб хватило его для этих отар? Ну, пухоносы, те на особом счету. Их прокормят, лишь бы дожили. А остальные? Разве улучшенные малую ценность имеют, по сравнению с простыми, грубошерстными?»

Варя смотрела на отары, и сердце ее разрывалось от обиды на то, что так плохо вдруг получилось с этой зимовкой. Но для Вари вполне ясно: тебеневать пухоносы будут. Кто же виноват в том, что случилась эта гололедица?

В это время послышался скрежет и скрип.

Затряслись жерди от острых зубов. И Варя снова похолодела от страха.

Она вернулась в избушку, хотела зажечь лампу, но раздумала. В комнате было тепло. Окно оттаяло, и с подоконника капало на пол. Варя подошла к окну. В устье быстро темнело.

«Интересно, добралась Кульзах до Соен или нет. Ехать прямо без дороги, около ручья, да еще ночью... Надо быть смелой». Ей на мгновение представился темный лес, нагнувшиеся от склонов к ручью мелкие заросли ивняка и ели на берегу. А кругом — никого. Ты да конь. Страшно.

Варя посмотрела на дверь, перевела взгляд на стену, где висела малопулька. Все равно в избушке страшнее. Так и ждешь: вот сейчас кто-то откроет дверь.

Отары в окне уже расплывались в общую темную массу.

Хотела Варя закрыть дверь на крючок, но вместо

этого взяла топор и, выйдя на улицу, рядом с избушкой свалила сушину.

Расколов и изрубив ее, соорудила большой костер. С ней у костра ходил довольный Буян — всё не одному дежурить приходится.

Костер горел у самой загонки. Варя приспособилась на чурке.

Так за всю первую ночь и не заходила в теплую избушку Варя. Задремала, сидя, перед самым рассветом. Проснулась, почувствовав сильную боль щеки. Оказывается, отлетела искра от пихтового полена. Пихта горела, во все стороны разбрасывая горящие иглы искр. В костре дымила одна пихтовая головня.

Было уже светло. В морозном воздухе искрились блестящие инея. Замерзли ноги и спина. Вздрагивая от озноба, Варя решительно встала и пошла в избушку. Здесь было холоднее, чем на улице. Оказывается, забыла трубу закрыть на ночь. Хотелось спать. Но было не до сна. В горах наступал день... Покормила Буяна. Захватив с собой кусок хлеба, вышла к отаре. «Что делать? Где пастись?» — не давала покоя мысль. Она осмотрела склоны. Они были покрыты снегом, из-под которого торчала трава. При мягком снеге достаточно было разгрести его копытом. Одного этого правого склона хватило бы двум отарам до февраля. Так густы и хороши травы здесь. Но теперь, когда льдом покрылась вся земля и нижний слой подтаявшего снега, об этом нечего было и думать. Надо попытаться попасть еще в долине ручья. И вдруг Варя обратила внимание на заросли тала и молодого осинника в полкилометре от избушки, в том месте, где Синёк делает крутой поворот влево и уходит за увал.

«Покормлю по ручью и — туда», — решила Варя, подходя к загонке.

— Ну, Буян, ты не пускай их сюда, назад. Понял? А я пойду вперед. Тут сиди. Ясно? — Собака, вильнув хвостом и попрядав ушами, села.

Варя выдернула жердн из гнезд и положила их одним концом на землю. Через них сейчас же стали прыгать овцы.

— Куда, куда! — махала руками Варя, направляя овец по ручью.

За овцами вышли козы. Они были степеннее: не бежали, не рвались вперед. Захрустели в зубах животных

торчащие из-под снега метелки трав и молодые ветки тальника.

Варя с беспокойством смотрела на пухоносов. На некоторых недоедание уже сказалось: они похудели, стали не так резвы. Особенно это заметно было на молодых матках, давших в июне первый окот. Они не успели пагулять жира. Варя находилась впереди отар, тщательно наблюдая за тем, чтобы ни одно животное не проскочило раньше времени вперед.

Тяжелые, безрадостные думы лезли в голову. То ей казалось, что они с Кульзах двое возвращаются в колхоз, погубив в горах обе отары, то самих их, обессиленных, голодных, подбирают охотники и везут на своих конях в степь.

Под конец дня очень хотелось спать. Но спать нельзя — нужно дежурить. Вдруг пришло опасение: а что, если отары не захотят идти вечером в пустые загоны? Эта мысль не дала Варе покоя до самого вечера. По тому, с какой жадностью поедали животные молодые деревца, Варя сделала вывод: этих зарослей едва ли хватит на два дня. «Надо не пускать их дальше», — решила она и подняла угрожающе палку.

— Куда? Кыш! Кыш обратно!

Варя с силой била по деревьям. Овцы и козы испуганно шарахались назад. Вот, кажется, уже весь берег чист: ни кустика, ни былинки. Живая лавина голодных животных двигалась упорно на Варю. Кое-где овцы стали просачиваться вперед. Разве всюду успеешь?

Пришлось уступить, отойти в глубину рощицы. Но ей стало страшно: чем же она завтра будет их кормить? Ведь Кульзах не приедет еще.

«Ну пусть, пусть вот пару этих осинок съедят — и хватит, хватит. Нельзя дальше пускать».

— Кыш, назад! Кыш!

Отогнала отару, а она опять подобралась к ногам.

— Назад, назад! — кричит Варя и бьет палкой о землю, о деревья.

Солнце уже дрожит на зубцах хребта. Всё ниже и ниже. Пора. Надо гнать домой...

Поборов усталость, Варя с угрожающим видом двинулась на отару. Она отчаянно махала палкой и кричала, пока не охрипла.

Передние ряды заворачивали назад, но стояло Варё

отойти вправо или влево, как вся отара снова продвигалась вперед.

— Куда! Куда! Вот беда! .

Овцы поседали свежие деревца. У Вари опускались руки. Ею начинало овладевать отчаяние.

«Что делать? Как поступить?» — стучало в висках. И она не находила решения. «Если не пойдут назад — не пушу вперед ни на шаг», — прошептала она. Вот одна из коз хотела проскользнуть слева, Варя за ней — отогнала. Справа сразу две шмыгнули под осинку. Варя к ним. Тоже отогнала. Но это когда одна, две. А если все придвинутся, разве справишься? Так и есть. Отары медленно, но верно двигались и двигались вперед. От бессилия хотелось реветь. Но разве поможешь делу?

Пришла в голову спасительная мысль: сено! Она распакует один тюк и заманит им отары. Варя обрадовалась и позвала к себе Буяна. Умная собака послушно забежала вперед.

— Сиди, Буянчик. Не пускай. Ясно? — Бегом бросилась к избушке. Достала с крыши тюк, развязала его, затащила в избушку, взяв с собой большой пучок.

— Мась, мась, мась! — позвала она, показывая сено.

Овцы, а с ними и козы бросились за ней. Варя бегом кинулась к загонке. Сено вырвали из рук.

Больше десяти раз пришлось Варе возвращаться за сеном, пока не переманила обе отары. И тут почувствовала она, что совсем выбилась из сил. Покормив Буяна, Варя в изнеможении опустилась на чурку, валявшуюся у двери.

Темнело. На чистом небе вспыхивали одна за другой звезды, а Варя сидела, безразличная ко всему. Вдруг где-то за стеной послышалось ржанье. Она встрепелась и вспомнила, что за весь день не поила своего коня. С трудом встала, повела к ручью. Пил он, часто отрываясь. С его гуттаперчевых губ стекали звонкие капли.

— Ну, что ты там увидел? Пей! — уговаривала его Варя.

Но вот он заржал снова, сотрясая свое рыжее тело. Посмотрев в глубь ущелья, подождал. И откуда-то издали раздалось уверенное ржанье. Варя обрадовалась, стала пристально смотреть в осинник, через который шла тропа. «Неужели Кульзах? Вот хорошо!»

Показался конь. Ес, Кульзах, Воронко. Но что это? Вороной шел один. В седле никого не было.

Варя поймала его. Осмотрела сбрую. Всё на месте.

«Где же Кульзах?» — подумала Варя, подозрительно осматривая коня. Нет ли крови где? Не изранен ли он? Всякое может случиться. Могут и звери... Пу, как теперь? Что делать?

Не заметила, как на глазах выступили слезы. Варя вскочила на своего коня и выехала за осинник, приглядываясь ко всему.

— Кульза-ах! Кульза-а-ах! — пробовала кричать хриплым голосом.

Но никто не откликнулся. Она схала, сжав зубы, вперед и вперед. Предметы стали расплываться перед глазами, и Варя поняла, что уже поздно и дальше ехать не следует.

Вторая ночь у костра. В избушке страшно. Жар подпалил ресницы и брови. Усталость сковала все члены. До полуночи встряхивала Варю боязнь за Кульзах. Потом и это уже не волновало. Тупое безразличие начинало замораживать ее. Вдруг она вскакивает и, выбежав к ручью, замерев вся, слушает, слушает.

Ей кажется, что ее зовет Кульзах.

Возвращается, садится у костра, еще больше уставшая и разбитая. Одолевает сон. Он то приходит, и тогда летит она куда-то, легкая и свободная, без этого тяжелого груза усталости; то неожиданно покидает ее, и тогда, вздрогнув, она просыпается. Кажутся радужным кольцом огненные искры костра. Где-то высоко в небе огромными снежными кристаллами блестят звезды. Яркие созвездия похожи на букеты дивных белых цветов. Горит чеканной дорогой Млечный Путь. Чей это путь усеян, как цветами? Варя снова закрывает глаза. Во сне видит: пришла к ней на стоянку Соен. Она наклоняется над костром и ласково смотрит на Варю.

«Устала», — слышит Варя ее голос, и добавляет: «Я тоже. Убродная шибко дорога. И столько идти... Крутом лед».

А рядом с Соен Буян стоит. Он доволен, хвост так и ходит.

Варя открывает глаза и вскрикивает: перед ней на корточках сидит Соен и морщится, заслоняясь от костра ладонью.

— Проснулась? — говорит она ровным, спокойным голосом, таким, как во сне. — Намаялась за день. Кульзах в избушке?

Варя, обрадованная, бросается к Соен.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

...Кульзах обследовала несколько склонов за Белой горой. Склоны были пологие, широкие, поросшие пихточом и лиственницей. Убедившись, что здесь хорошая трава и нет гололедицы, Кульзах повернула коня и быстро поехала домой. Нужно было добраться к закату солнца хоть до Соен, со стоянки которой выехала она сегодня утром.

Переезжая в одном месте Синёк, Воронко оступился, припал на колени, и Кульзах, застигнутая врасплох, полетела через голову коня, на каменный противоположный берег. Когда очнулась, уже темнело. Долго лежала она, не понимая, что случилось с ней и где она. Хотела было вскочить на ноги, но страшная боль в левом плече пригнула ее к земле. Она вспомнила всё. Большим усилием воли заставила себя сесть. От боли кружилась голова. Первая мысль — о коне.

Присмотревшись, обнаружила его в ближних кустах. Кульзах позвала его. Воронко, попрядав ушами, продолжал, однако, стоять. Попробовала встать и дойти сама, но боль в бедре и ключице выбила сознание. Очнувшись, Кульзах сжала зубы и приподнялась на правую руку. Попробовала ползти на одном боку.левой рукой нельзя было пошевелить. Малейшее движение вызывало резкую боль в ключице. Кульзах нащупала больное место.

«Переломила косточку», — подумала она. Нужно было бы снять шубу, но кто поможет?

С большим трудом Кульзах просунула больную руку за опояску. «Не будет болтаться, — подумала она, морщась от боли. — Так лучше». Подползла к коню и тут поняла, что не подняться в седло. Боль в левом бедре не дает ей встать даже на колени.

В изнеможении Кульзах опускается на снежную землю. Начинают мерзнуть руки и ноги. Что делать? Как поступить ей? «Сейчас так хорошо у костра, — вспыхнула и потухла мысль. — Что можно придумать? Как

сообщить туда, Варе? Будет ждать, надеяться на завтра. Сегодня, значит, она и не ждет».

В лесу быстро темнело, а Кульзах беспомощно лежала у ручья и смотрела, как вспыхивают звезды. Она искала выход и не находила его. Подошел конь.

— Воронко, Воронко, — прошептала Кульзах. — Выручай. А ты... Ты можешь, Воронко! — воскликнула Кульзах.

Она приподнялась и сломила прут.

— Иди, иди один... Но, но!

Кульзах привязала повод за луку седла, выгнала коня из кустов на тропку. Вот он остановился, обнюхал свои следы и тихо заржал.

— Ступай, Воронко. Ступай! — откликнулась Кульзах, с трудом подползая к тропе. Тут она снова приподнялась и стегнула коня прутом.

— Иди же... Иди.

И Воронко послушно пошел по своему следу. Кульзах поползла за ним. «Если остановится, крикну хоть издали», — думала она.

Она ползла, ползла по тропке, оставляя за собой глубокий прямой след, будто провез кто волоком бревно. Когда немела и застывала правая рука и леденел бок. Кульзах падала грудью в снег и лежала, зажмурясь и не шевелясь, до тех пор, пока мокрый лоб ее не начинал мерзнуть. Тогда она приподнимала голову и заставляла себя двигаться дальше.

К полночи она доползла до Кругляша (так назывался большой отполированный дождями и ветрами камень, около которого проходила тропа). Оглянулась назад. Белая гора была попрежнему рядом.

Где-то за увалом завыл одинокий волк. Кульзах вострепелась, но не испугалась. Нашупав на боку деревянные ножны, она вытащила острый нож. Боли уже не чувствовала. Было какое-то оупение. Хотелось спать. Так бы вот ткнуться лицом в воротник и уснуть. Но спать нельзя. Нужно победить сон. Иначе смерть. И снова поворачивалась на правый бок и, преодолевая усталость, острые покалывания в плече, ползла вперед.

...Кульзах лежит на спине и смотрит, не отрываясь, на светлую полоску неба. «Оттуда бы... — медленно ползет мысль, — оттуда далеко видно... Во всех ущельях. Крикнуть бы или помахать рукой, поскакали бы на по-

мощь. А в этом ущелье темно... Душно... И голосу, наверное, тесно. Кто услышит? Голос не долетит до вершины кедра, который склонился над этим ручьем...»

Было уже поздно. Зимняя ночь длинна. И особенно она длинна, когда один, и когда в таком далеком глухом ущелье, и еще когда по прибрежным кустам крадутся неотступно за тобой настороженные тени.

Да, тени есть. Они то пропадают в ложинках, то черной молнией пересекают бугры и открытые места. Пока еще прячутся светлячки, их глаза. Хищника легко узнать по глазам. Кульзах держит нож под рукой и третий раз пытается заставить себя ползти. Но силы будто кто сковал. Отяжелевшее тело не помогает руке. Отказалась подчиняться правая нога — она или онемела или, намокнув, застыла.

Кульзах слушает, как совсем близко шевелятся под осторожными ногами кусты краснотала и сухой травы. «Это уже на моей стороне, — думает она, не шевелясь. — Значит, перешли ручей где-то. Может, им кажется, что я совсем ослабела. Тогда они готовятся к прыжку. Может, они уже примеряют расстояние. Надо подняться. Надо попробовать крикнуть. Ах, Варя... Хорошо б, если в русской пословице было и о спичках сказано. Тогда б мы положили спички. Да... Три... пять коробок...»

Она вспомнила, что мешочек с продуктами оставила еще там, у Белой горы. «Съели вместе с мешком, наверное. А спички... Спички могли бы спасти жизнь».

Кульзах прислушалась. В кустах было тихо. «Вот сейчас... сейчас...», — стучит, замирая, сердце. Она вытянула в руке нож. Собрав всю силу, напрягаясь, села. От боли замелькали в глазах красные полосы. Интересно, как эта звезда называется? Да их не одна, их много в этой кучке. Они смотрят со своей высоты. Им все равно. Упала бы одна своим светом к ее ногам... Где Иван? Сейчас нет такой силы, которая могла бы ей помочь...

Кульзах прислушивается. Слух ее ни разу еще не обманывал. Вот видит она настороженные искры глаз... Звери тут. Они ожидают. Они, если не очень голодны, могут быть терпеливыми. Кульзах откидывает голову назад и что есть мочи кричит:

— О-о-о-о!

Тени бросаются в сторону. Но они не уходят далеко.

Они будут ждать. Кульзах это знает, и потому, набрав духу, кричит еще, пугая птиц и мелких зверушек, встряхивая полуночную дрему ущелья.

— О-о-о-о! — летит, летит по ночи ее голос.

Кружится голова. Где взять силы? Еще немного, и она упадет.

Кульзах пробует осторожно опуститься на правый локоть, но вдруг видит перед собой свирепый оскал волчьей пасти. Вскрикнув, она падает назад. Но вместо волчьих зубов ощутила на щеке горячее дыхание, кто-то лизнул ее прямо в лицо. Послышалось повизгивание. Это был Буян.

Соен, узнав от Вари о поездке Кульзах, о странном возвращении ее коня, забеспокоилась.

— Надо ехать. Надо ехать. Тебе посидеть придется, Варя.

Варя сначала наотрез отказалась, но, устыдившись минутной слабости, кивнула головой:

— Хорошо. Как ты думаешь, что с ней случилось? — спросила она Соен.

Соен, как всегда, помедлила с ответом. Выбила трубку и, бодро поднявшись, загадочно сказала:

— В горах и скала стреляет... Полетит камень с вершины — на тропу — смотришь, и нет человека вместе с конем... Где сёдла? В избушке?

Соен оседлала обоих коней и тотчас поехала вниз по ручью. К задней луке свободного седла была приторочена длинная веревка.

Вернулась к полудню. Кульзах была привязана веревкой к березовой волокуше.

— Везти тебя в Куягаш придется, — забеспокоилась Варя, когда Кульзах уложили в постель.

Кульзах подумала о Мартанакове. Качнула головой. — Нет. Пусть никто не знает, — решительно отказалась она. — Зарастет. — И, болезненно улынувшись, добавила: — Я ведь живуча. Вот увидите, ничего не случится.

Соен, ощупав ее плечо, сказала твердо:

— Главная косточка переломлена.

— Ключица, — пояснила Варя.

— Перевяжи, Соен, как ты умеешь. Я вытерплю, — попросила Кульзах.

Соен молча согласилась. Разделась, вытащила из-под пояски руку Кульзах, потом сняла с Кульзах шубу.

Та, стиснув зубы, не проронила ни одного слова. Выступивший пот и бледное лицо показывали, как было трудно ей переносить боль. Но главное, очевидно, было впереди, потому что, взявшись за больную руку, Соен сказала своим невозмутимо спокойным голосом: «Держись», — и стала, приподнимая, сгибать руку к груди, зажав в то же время двумя пальцами переломленную ключицу.

— Полотенце! — кивнула Варя. — Вяжи здесь, — указала она. — Теперь тут. Посильней.

Больное плечо и руки Кульзах были забинтованы туго-натуго двумя полотенцами. Варя села на ее топчан.

— Лучше? — спросила она.

— Легче. Пусть так зарастет, — слабо улыбнулась Кульзах.

— Какая была кошмарная ночь, — вздохнула Варя. — И как это ты... Я б, наверно, с ума сошла.

— Нет, не сошла б. Послушай, как кричат отары.

— Голодны, вот и кричат, — сказала Соен. — Ты говоришь там, за Белой горой, трава?

— Там... богатые склоны. Вода рядом. Была бы я здорова... Сегодня можно в ночь.

— Ничего. Мы пока с Варей попасем в осиннике. Ты лежи. Не тревожь косточку. Пусть схватит хрящ.

Так и пропасли в молодой осиновой роще пять дней обе отары. Соен за это время успела съездить на свою тебеневку. Она привезла кору лиственницы, заготовленную еще прошлой весной для аилов.

Сначала Варя не поняла, зачем она везет кору; поняв — похвалила за догадливость, помогла уложить.

Потом Соен вырубилла две длинных березки и, соединив их вязком посредине, соорудила хорошую волокушу для Кульзах.

Накануне перегона отар она отвезла кору на место новой стоянки и поставила там легкий аил. Потом увезли Кульзах.

Через два дня на новое место перешли обе отары.

Потом перевезли туда же сено и небольшой запас концентратов. Они были сложены за широкую, но очень ненадежную (в две жерди) изгородь. Загонка тоже была сделана на скорую руку. Ведь пришлось для каждой пары кольев протаивать костром землю. Вот почему и загонки пока в две жерди. Доделывали вечерами. За день выбирали тонкий жердевой осинник, а вечером, срубив его и очистив, возили к стану.

На утепление аила пожертвовали несколько тюков сена. Его положили нетолстым слоем между двумя стенками коры. Костер поддерживали круглые сутки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Стояло первое тихое морозное утро. Под лучами солнца искрились островерхие вершины гор. Куягашская равнина лежала попрежнему черной. Горели холодноватой изморозью острые грани камня и крупных галек. Земля замерзла, и степь казалась чугуниной. Звенели подковами кони. От этого было как будто еще холодней.

Шелест, Мартанакон и Селиванов подъезжали к Камлакскому ущелью. Не добравшись километра три до ущелья, кони пошли по снегу. Чем ближе горы, тем он становился глубже. Около ущелья уже брели по брюхо. От лошадей пошел пар.

— Если дальше будет так — не проехать, — сказал Шелест, с беспокойством взглядываясь в раструбы ущелья.

— Дальше — хуже, — мрачно откликнулся Селиванов, — так каждый год.

— А может, это здесь... полосойхватило, так бывает, — заметил Мартанакон, которому очень не хотелось возвращаться и который всю дорогу весело возражал на скептические замечания Селиванова.

С вершин камней, которые преграждали въезд в горы, свисал снег. Всадники остановились и с тяжелым сердцем посмотрели вверх, потом слезли с коней.

— Давайте решим, что делать дальше, — сказал Шелест. — Что вам сообщили за последние дни о тебе-невке? — обратился он к Мартанакону.

— Дело тяжелое, — ответил тот. — Гололедица.

— Гололедица? Значит, снегу-то там нет?

— Есть, но не такой. После первых буранов, в оттепель, снег подтаял и замерз.

— Эти завалы километра три-четыре. У кромки гор, — вставил Селиванов.

— Значит, если пробиться сквозь них, то там уж будет легче дойти до тебеневщиков?

— Точно, — сказал Мартанак, — главное, — вот эти несколько километров.

— О пухоносах ничего не известно?

— Ничего. Правда, на днях пробралась туда Соен Марчина. Она прошла до вчерашнего бурана. Если Кульзах не забыла, за Синьком всегда хорошие травостой и почти нет снега.

— А если забыла?

Мартанак пожал плечами. Он пробовал влезть на снежную стену, но, провалившись по грудь и побарахтавшись в снегу, запыхавшийся и мокрый вернулся к коням.

— Мягкий, не дает шагу шагнуть, — еле проговорил он, отдуваясь и отряхиваясь от снега. — Подождать дня три нужно. И тогда на лыжах перевалить эту стену. Снег зачерствеет.

— Ясное дело, — подтвердил Селиванов, — тогда будет легче перейти. Ничего, Иван Ильич, не попишешь.

— Надо посоветоваться с людьми, — сказал Шелест.

— Собственно... и так видно, — пробовал возразить Селиванов.

— Нет, нет, — перебил его секретарь райкома, — созовем актив. Чувствую, что прохлопали мы многое с осени.

Шелест мрачно посмотрел на Селиванова:

— И вы, Степан Петрович, не смогли подсказать мне, как работник опытный, можно сказать, местный.

— В чем же это, Иван Ильич, я виноват?

— Чувствую, заставит нас гололедица подвозить корм.

— Кто же знал, что она будет!

— Надо предвидеть, — сухо сказал Шелест, садясь на коня.

Уставшие лошади еле дотащили своих седоков до центральной усадьбы «Кызыл Аскера», где спутники и заночевали.

«Мне было жаль их всех, — записала в дневнике Люба. — Сидели у нас часов до трех утра. Секретарь райкома хотел знать все особенности тебеневки.

— Ничего не скажешь, — задумчиво сказал он, выслушав всех. — Дешевая вещь, эта тебеневка, но иногда может стоить очень больших денег. Тридцать тысяч отхода за зиму считается нормальным, говорит товарищ Селиванов. Да как же можно согласиться с этим? То, что нарождается за лето, чуть ли не на одну треть уничтожает тебеневка. Ну, а если подсеивать травы на ближних склонах, чтобы не гонять в глубь гор?

— Мы это предлагаем колхозам, Иван Ильич, — сказала Анна Васильевна. — Всё решают. — Она посмотрела на Селиванова. Тот, хоть и не видел ее взгляда, понял, что разговор касается его.

— Здесь ни в одном колхозе нет сеялок, — возразил он. — Не принято как-то. Испокон веков тебеневка. И облизполком ни одной строчкой не упоминает в своих отрошениях.

— Но неужели вам не ясно самим? — вознегодовал Шелест. — Впрочем, напрасно мы спорим и горячимся. Это будет. Обязательно. Это дело недалекого будущего, а сегодня другой вопрос: как спасти животных.

На пленуме райкома, который состоялся спустя два дня в Куягаше, Енчибаев предложил пробраться в горы с Темрюкского ущелья — это вправо от Кызылукского километров на шестьдесят.

— Сколько километров ехать по нему? — спросил Шелест.

— Двести пятьдесят или триста! — выкрикнул кто-то из зала.

— Так, — подтвердил Енчибаев.

— Это не выход из положения, — сказал Шелест.

Анна Васильевна сидела бледная-бледная. Я как посмотрела на нее, так и упало у меня сердце. Неужели нет выхода?

Выступил Мамий:

— Был такой снег. Давно. Не запомнил, в каком году. Только тогда не было льду под снегом. Тогда были ущелья недоступны до первых сосулук на сугробах. Потом по твердому снегу прошли парни на лыжах. Нынче

ждать так долго нельзя. Отары могут погибнуть. Надо попробовать с первыми морозами пройти. Снег осядет. Тверже будет.

Даже Мамий ничего не придумал. Мартанакон несколько раз вскакивал и недобро посматривал на Анну Васильевну. Я поняла его: он не может простить себе то, что согласился отправить пухоносов на тебеневку. Понимала это и Анна Васильевна. Ей было очень тяжело, она молчала.

Зашел Поляков. Он был взволнован. Сразу попросил слова. — На руднике принято решение, — сказал он и посмотрел в настороженный зал. — Решение о том, чтобы взорвать скалу на дороге в ущелье. Вместе с ней будет разрушена снежная стена. А потом на лыжах легче, человек пятнадцать проберутся к тебеневщикам.

Когда я услышала эти слова, мне хотелось от радости заплакать. Правду говорит Варя, называя меня мокроглазой. Что-то вот со мной получается в такие минуты. Но я не хотела, чтоб мое волнение видел он. Я отвернулась в сторону, гляжу под ноги. Взглянула на Анну Васильевну — она потихоньку вытирала слезы...

Я обязательно попрошусь в горы, с ними. Сейчас ночь. Чечек у нас. Она побежала в контору взять какие-то сведения у нового бухгалтера. Мы собрались завтра ехать к Камлакскому ущелью. Чуть свет с рудника уходит туда на лыжах небольшой отряд рабочих. Очень плохо, что нет у нас лыж. Мы собираемся от Камлакского ущелья идти пешком за лыжниками. Чечек говорит: до отары пухоносов не так далеко, важно пройти первые три-пять километров. Я захватила для Вари консервов, шоколаду.

Надо уложить свежие газеты и журналы. Кажется, бежит Чечек. Писать кончаю. Возвращусь к тебе, мой дневничок, наверное, не скоро — после поездки в горы...»

Но получилось не так, как думала Люба.

В тот день, когда пятнадцать сильных, мужественных лыжников под командой Полякова пересекли усадьбу колхоза «Кызыл Аскер» и, не останавливаясь, направились цепочкой к горам, Люба и Чечек, действительно, тронулись в путь. Измучившись, к вечеру они дошли до Камлакского ущелья.

Люба смотрела на огромную снежную гору с завитой

книзу вершиной, которая показалась девушке гигантской застывшей волной с пенным гребнем.

«Неужели полетит всё это?» — думала она, однако ничуть не сомневалась, что так и будет.

Поляков деятельно готовил взрывников. Они уже, пробивая для ног отверстия в снегу, лезли к скале.

Всё уже было готово, когда увидели подъезжавших со степи всадников.

— Отставить, — приказал Поляков.

Люба втайне любовалась его строгостью и деловой распорядительностью.

Подъехали Шелест и Мартанак. Секретарь райкома, осунувшийся за последние дни, весело поздоровался со всеми и очень удивился, увидев Чечек и Любу.

— А вы... вы куда собрались?

— На тебеневку, — твердо сказала Люба.

— Придется отложить до другого раза.

Поляков попросил всех отойти в снежный грот, сделанный в горе метрах в ста от ущелья.

Едва они вошли в него, как земля дрогнула. Раздался глухой взрыв. Что-то пронеслось над головами, шумя и свистя. Посыпался снег. На степь метнулся ураган.

Пошли к месту взрыва. Сплошной белой завесой висел в воздухе мелкий снег. Когда он рассеялся, все увидели перед собой совершенно свободный проход, но в глубине его всё еще отваливались от крупчатой стены огромные глыбы снега. По ним легко было взойти наверх и, перебравшись через снежный завал, спуститься в ущелье.

Шелест подошел к Полякову и крепко пожал его руку.

— Есть дорога, — сказал он. — Спасибо. Теперь легче.

— Пройдут этот перевал ребята — и хоть выючных посылай, — подтвердил Мартанак. — Сдюжит.

— Дорога будет, Иван Ильич, — сказал Поляков и посмотрел на Любу, которая с решительным видом пошла к Шелесту.

— С нами? — спросил геолог.

— Нет, нет, — повел рукой секретарь райкома.

— Ну почему же, Иван Ильич? — воскликнула Люба. — Мне же необходимо, как колхозному зоотехнику.

— Как колхозный зоотехник вы нужны в другом месте.

Шелест рассказал о том, что он информировал обком партии о создавшемся положении на тебеневках.

— Вчера прибыли по Темрюкскому ущелью два табунщика из «Кызыл Тана». Они передали, что гололедицы нет, что скот при экономном и осторожном скармливании травы можно пасти, но подкормка нужна.

— А пухоносы? — не вытерпев, спросила Люба.

— О них не знаем. Вот поедут пока товарищ Чечек Уланова, Поляков... Я б сам тоже не прочь, но займемся другим делом. Обком партии передал, что на железной дороге в городе Б. уже стоит эшелон с концентратами. Будем вывозить немедленно. Поедете в Б. с Мартанакowym и тремя председателями колхозов нашей степи. Дело серьезное.

— Да, — согласилась Люба, — серьезное дело, — и с завистью посмотрела на Чечек.

— Любовь Николаевна, — обратился к ней Поляков, — я могу от вас передать Варе и Кульзах... Что вы хотели?

— Что скоро буду у них. Что надо держаться. Пусть экономят сено.

— Передам в точности. Повторить?

Люба засмеялась:

— Доверяю вашей памяти. Чечек! Как же мы вот с книгами, подарками?

— Давай мне, — сказала Чечек.

— Нет, зачем же! — остановил ее Поляков. — Мы сейчас разложим на всех! — и он позвал лыжников.

— Верно, так и нужно, — одобрил Шелест.

Сборы были закончены. Лыжники полезли наверх. На вершине Поляков помахал рукой. Люба взволнованно ответила ему. Вскоре лыжники скрылись в ущелье.

...Так Люба очутилась с колхозниками, командированными на приемку концентратов в городе Б.

Иван Ильич, отпустив Селиванова лечиться, вызвал Мартанакowa, коротко дал ему наказ:

— Помогай. Организуй людей.

— Какой из меня руководитель, — заупрямился Мартанакow. — В своем бы колхозе.

— Ну, это ты брось, — прервал его Иван Ильич.

— Где складывать будем? Не здесь же, в самом Куя-

гаше? — вздохнул Мартанак, не имея сил возражать секретарю в такое время.

— Машины легко пройдут степь до ущелья. Разве заметет? — Шелест с опаской посмотрел на Мартанак.

— Здесь много снега не выпадает.

— Отлично. Встречай машины и свози к центральному ущелью.

— А подвоз на зимовки?

— Сейчас же созывай председателей колхозов... Договоришься о транспорте.

Мартанак в тот же вечер позвонил во все колхозы и отправил с базы потребсоюза двое весов к Камлакскому ущелью. Подобрали и весовщиков. Приступили к расчистке площадки для груза.

Первые машины прибыли в конце декабря. Они пробирались сквозь буран. Завьюженные, с остатками пожелтевшего снега в углах кузова, они пересекли Куягашскую степь.

Сто двадцать машин сплошными колоннами мчались по тракту к далекому аймаку, везя драгоценный груз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Сначала Грошев принял какого-то посетителя. По всему было видно, что пришедший (низкий, невзрачный человек, в длинной не по росту шинели и с большим шарфом на шее) — не здешний. Проводив его до ворот и вежливо, к общему удивлению работников станции, распрощавшись с ним, Грошев появился среди сослуживцев в прекрасном расположении духа. Он даже пошутил с рыженькой машинисткой Розой. Прошелся по всем комнатам, выкурил папиросу с бухгалтером, постоял у окна, тихо что-то мурлыча себе под нос, и вдруг, делая грустное выражение лица, сказал:

— Неважное сообщение получил. Оч-чень скверное.

Лица всех повернулись к директору.

— Да-с. Но кто, как не я, предрекал гибель всей этой затеи?

— Что случилось, Виталий Юрьевич? — потянулись сотрудники.

Грошев обвел всех глазами, выдержал паузу и резко произнес:

— Пухоносы Русаковой приказали долго жить. Да-с...

Полубовавшись тем, какое впечатление произвело его сообщение на присутствующих, директор постоял еще с минуту и, тихонько посвистывая, прошел в свой кабинет.

Как только за ним закрылась дверь, среди служащих поднялся переполох. Зоотехники, агрономы, просто технические работники — все сочувствовали Анне Васильевне. Даже рыженькая машинистка Роза, поглядывая в кругленькое зеркальце и проводя пуховкой по носу, откровенно сказала, правда, не слишком громко, потому что до двери директора было рукой подать, но и не слишком тихо, чтобы все слышали, что Anne Васильевне просто «не везет» в жизни, но что она «золотая женщина».

— Какой удар! — сказала полная, дебелая кассирша. — Почти десять лет в такой трущобе — и вот вам плоды работы... Не перенесет Анна Васильевна! Нет. Я ее хорошо знаю — она стала нервнобольная.

— А я что-то не особенно верю во всё это, — сказал хмуро молодой зоотехник. — Не нравится мне тон директора...

— Тсс! — подняла пальчик к губам машинистка. — Ходит, — она показала на дверь.

— Ну и пусть. А мне-то что? Я свое мнение высказываю. Вы подумайте: у человека беда, а он радуется. Чему?

Но все задвигали, каждый на своем столе, кто книгой, кто счетами. Роза прошла такой трелью по клавишам машинки, что некоторые зажали уши. Зоотехник презрительно улыбнулся, сплюнул под ноги и сейчас же поймал на себе негодующий взгляд толстой кассирши.

— Ну и черт с вами! — махнул рукой парень. — Атмосферка называется! Научная...

Он схватился за пальто и выскочил за дверь.

— Возмутительно, — прошипела кассирша. — В приличном научном учреждении — и эти, знаете ли, фыр-фыр...

— Поведеньице! — кивнула ей, сжав накрашенные губы, рыжая машинистка Роза.

— Я это, знаете ли, так не оставляю. Такие выпады, и против кого? Против директора, против нашего руководителя Виталия Юрьевича.

— Не оставляйте, Леля Сергеевна. Не оставляйте! Это по вашей профсоюзной линии.

А Грошев, пройдясь тем временем по кабинету, решительно сел за стол и придвинул к себе лист чистой бумаги.

...Вечером его приняла Клавдия Степановна Обручева.

— Вы получили известие о пухоносах? — взволновалась Клавдия Степановна.

— Да-с. И, к сожалению...

— Что-о? — испугалась Обручева.

— Да-с. Я так и предполагал. Такой финал я предвидел. Не следовало поднимать вокруг этой затеи фанфарного грома. Теперь вот, как видите... — Грошев развел руками. — Такое обидное фиаско.

— Откуда у вас эти сведения?

— Из надежного источника.

— Мы никак не могли из-за буранов связаться с Куягашским опорным пунктом, — сказала Клавдия Степановна, пристально смотря на директора. — И только вчера Коломин разговаривал с Шелестом. Но о пухоносах и тот пока ничего не знал.

— Оттуда приехал человек.

— Кто?

— Бывший заведующий сельхозотделом Куягаша товарищ Стрункин. Он, так сказать, один из пострадавших из-за пухоносов. Его сняли с работы за то, что якобы препятствовал внедрению этих коз в колхозное производство. Как глупо получилось!

Обручева нахмурилась, взялась за ручку.

— За Стрункина спасибо. Значит, он в Красногорске? Его разыскивают.

Грошев растерялся, побледнел.

— Я вам говорю вполне ответственно, — продолжала она. — А с пухоносами... Мы постараемся вызвать Русакову.

— Конечно, — поспешил согласиться с ней Грошев. — Может быть, с отарой не так уж плохо? Я, собственно, за тем и пришел, чтобы посоветоваться с вами. Вот будет хорошо, если вызовете ее с отчетом о зимовке.

Грошев смиренно поднялся, чувствуя, что беседа на этом окончена и ему пора уходить.

Выждав, когда шаги Грошева затихли в коридоре,

Клавдия Степановна порывисто встала, вышла из-за стола и тут же тяжело опустилась в кресло. Она долго сидела молча, уставясь в одну точку, потом решительно вскочила снова.

— Нет, Русакова не такая, чтоб молчать. А вот съездить к ним не мешало бы.

Обручева набросила на плечи шаль и быстро написала докладную начальнику управления.

В тот же вечер с попутной машиной она выехала из Красногорска на тракт, который проходит в десяти километрах от города, пересекая ближнюю к нему деревню Токмак. Около чайной она обнаружила целую колонну автомашин, идущую до Куягаша.

— Жмых? — спросила она шофера, усаживаясь в кабину.

Тот утвердительно кивнул головой.

— Вы первым рейсом идете? — поинтересовалась Клавдия Степановна.

— Вторым успел.

— Вот как!

Шофер внимательно посмотрел на пассажирку и не без гордости сказал:

— За двое суток скатал туда.

— Это здорово, — искренне обрадовалась Клавдия Степановна.

— Задание правительственное. Само, говорят, министерство интересуется нашей авторотой, — он пыхнул папирской и, бросив окуроч, поднял, стекло.

Через минуту машина мчалась по обледеневшему тракту.

«Молодец, молодец Шелест. Зажег людей!» — взволнованно думала Обручева.

— А как там, в Куягаше? — наклонилась она к шоферу. — С овцами как?

— Мы подвозим к ущельям. Ничего не знаю. С погрузочной площадки развозят по зимовкам на конях.

«Как хорошо, что я поехала. Увижу всё сама», — подумала Обручева.

* * *

Принимал весь груз сам Мамий Мурзагулович. Он был строг и принципиален. Благодаря его распорядительности ни кони, ни верблюды долго не заставались

около складской площадки. Выюки беспрерывно отправлялись караванами.

Люба, приняв весь груз на железнодорожной станции и заскладировав его там, выехала с третьим рейсом автомашины: пужно было попасть на зимовку, проследить, как выполняется рацион в скармливании концентратов.

Неожиданно встретилась прямо у Камлакского ущелья с Карымом. Тот солидно поздоровался и подошел к ней.

— Здравствуйте, Люба! — улыбнулся Карым, подавая руку.

Люба сняла рукавицу.

— Карым! Вот не ожидала сейчас увидеть! Ты откуда? С гор?

— Оттуда. Привет от всех. И от Чечек тоже. — Он снова улыбнулся.

— Спасибо. Как она там? Что с нухоносами?

— Ничего. Хорошо. Одна старая коза болеет. Зорькой звать. Приехала еще Анна Васильевна. И доктор.

— Они там?

— Все там. Из Красногорска есть даже...

— Кто же?

Не знаю. Еще рудничные есть.

— Ты их видал, Карым?

— Ехали. Видал. Я заставил Чечек у табунщиков погостить. — Он хитро подмигнул, но Люба ничего не заметила. «Значит, его уже там нет», — подумала она.

— Вот беда, что я с дохой стану делать? Ведь не полезу ж я с ней на седло! Да и конь-то у меня на пункте, — сказала Люба.

Подошел Мамий.

— Дьякши, дьякши, — сказал он ласково, — на зимовку собрались? Слышал. За твоим конем сейчас пошло. Только придется вам, товарищи, хоть по пуду, но обязательно приторочить к седлу концентраты. Я никого туда не пускаю без груза... Вчера Обручева была с Мартанакowym. Поехали по Камлакскому ущелью — всё равно заставил повесить по мешку овса.

— Обручева? — с удивлением переспросила Люба. — Из Красногорска?

— Да, из самого обкома, — подтвердил Мамий.

«Вот и хорошо, — подумала она. — Анну Васильевну обрадует. Разберется на месте».

Сначала в ущелья к зимовщикам с радостной вестью прорвались лыжники, с ними — неугомонная Чечек. Вскоре на всех стоянках знали, что о положении нынешней тебеневки известно обкому партии и что секретарь райкома Шелест добился уже концентраторов.

Веселее задымили костры. Анна Васильевна и Вениамин Романович прибыли на стоянку Кульзах и Вари вскоре после лыжников. Они двое суток подряд осматривали коз. Пухоносы опали, но на ногах держались крепко. Было ясно, что они при такой тяжелой зимовке пуждались в подкормке.

Новое место стоянки отары, выбранное Кульзах, отличалась богатым травостоем, но площадь имела небольшую, поэтому скормливать траву нужно было расчетливо. Прошла первая партия автомашин. Наступило затишье.

Приехал, не вытерпев, Мамий. Он очень испугался за руку Кульзах. Успокоили его. Он объехал выпасы. Покачал головой, долго думал о чем-то.

В костре непрерывно шелкала пихта. Красные искры летели от нее во все стороны, будто алые шмели.

— Какое вредное дерево, — улыбнулся старик. — Трещит... Злится.

— Да, около нее не задремлешь, — сказала Русакова, что-то чиркая в блокноте при свете костра.

— Горите! — заметил Вениамин Романович.

— Где? Ах, боже мой! — Русакова быстро потушила на платье искру.

Вениамин Романович сидел на чурке, вытянув над костром руки и отстраняясь назад.

— Прессованного сена у вас, если дать досыта — на пять дней, — задумчиво сказал Мамий. — Пока там подвезут вам концентраты... Есть такой выход...

Все с надеждой посмотрели на него.

— Такой... Кормить на тебеневочной клетке полдня.

— Полдня? — удивился Вениамин Романович. — Тогда они через полмесяца протянут ноги от истощения.

— А остальные полдня, — продолжал Мамий, — остальные полдня загонять вот в этот осинник и кустарник. На ночь давать сено.

Анна Васильевна обрадованно посмотрела на присутствующих.

— Пожалуй... Как вы думаете, товарищи?

— И-да, — неопределенно пожевал полными губами «доктор».

— Так-то еще можно, — сказала Кульзах, держа левую руку на перевязи.

— Больше выхода не вижу, — кивнул Мамий, с тревогой глядя на Кульзах.

Первая партия вьючного каравана прибыла через три дня. Варя тут же составила рацион. Вениамин Романович два раза пытался съездить на стоянку к Соен, но возвращался обратно. Дело в том, что «доктор» совсем не мог ориентироваться в незнакомой местности.

— Что за чертовщина! — удивлялся Вениамин Романович, пожимая плечами под общий смех. — Еду прямо, почти никуда не сворачиваю, ну, думаю, километров восемь отмахал, глядь — снова тут же Синёк, те же горы, стоянка. Это что такое?

— Смех и грех, — вздохнула Анна Васильевна, нахотавшись до слез. — Тут петля... Едешь, гору огигаешь, и снова на старое место.

Утром Анна Васильевна все-таки предупредила и Варю и Кульзах (которая ничего делать не могла, но на тебеневку с отарами выходила) о том, что нужно следовать совету Мамия. Концентраторов неизвестно сколько будет, а зима еще вся впереди.

Так и делали. С утра до обеда отары пасли на склонах, а с обеда сгоняли вниз, в осинник.

Пока среди пухоносов падежа не было. С концентраторов отары заметно повеселели. Вдруг Анна Васильевна стала замечать за старой козой Зорькой что-то неладное. Ходит она невеселая, старается отбиться в сторону и лечь.

— Что с ней? — забеспокоилась Анна Васильевна. — Варенька! Вениамин Романович, что это с Зорькой?

— Да, заметное понижение аппетита. Апатичное состояние, — промычал «доктор». — Чувствуется процесс... Но что — сказать трудно.

— У вас вечно, Вениамин Романович, в запасе эти слова: «Сказать трудно», — сдержанно возмутилась Анна Васильевна. — Вот когда трудно, вы и должны сказать нам.

— Попробуйте, когда такими симптомами начинаются сотни болезней.

Анна Васильевна была в отчаянии. Она неотступно следила за старой козой. К вечеру Зорька слегла.

Полночь. Шипят и потрескивают сырые дрова в костре. Дым шарахается по сторонам, взбудораженный случайным ветром. На куче сена лежит Зорька, оттянув шею. В глазах ее, обращенных к костру, прыгают, как живые, блики огня. Зорька безучастно смотрит в одну точку. Она тяжело дышит.

— Последняя могижанша. Родоначальница породы, — говорит Вениамин Романович.

— Вам легко, — вздыхает Анна Васильевна. — А мы с ней вместе пять лет. Жалко. И главное, когда появился настоящий корм, решила заболеть.

— Простудилась. Глотала с травой лед. Воспаление. Вряд ли выживет.

Анна Васильевна смотрит на открытую дверь в аил и видит, как закуржавел мех на дохах, накрывшись которыми спят Кульзах и Варя.

— Пригрелись, — тихо говорит Анна Васильевна и идет, чтобы поправить на спящих сползающие дохи. По ущелью, осыпая блестящими инеем деревья, шагает мороз. Где-то громко треснуло дерево, шурша полетела шапка снега.

— Этим осинам достается зимой, — сказал, зябко поводя плечами, Вениамин Романович. — Сочные деревья. Мороз-то и выжимает из них всё до капли.

— Ложились бы, Вениамин Романович, — советует Анна Васильевна.

— У меня бессонница.

— Упрямый вы человек.

Помолчали.

— Вот странно, — заговорил Вениамин Романович. — Живем, кажется, на краю земли — черт знает где! Даже стоянки разделены вот такими махинами, как Синюха, а почему все-таки нет чувства одиночества? Так, чтоб, знаешь, сковали тебя тоска, безвыходность, растерянность. Помните, у Мамина-Сибиряка есть такой грустный рассказ «Зимовье на Студеной»... Мы, пожалуй, подальше того старика с его Музгаркой, а вот и тени нет обреченности. Почему? Почему вот сидишь у костра где-то на краю земли под Чуйскими Альпами, а вот локоть своего

соседа зимовщика, который за хребтом от тебя, чувствуешь?

— Вот вы сами ответили себе, — сказала Русакова. — Чувствуешь локоть соседа — это значит, что живешь не один.

— Возможно, — задумчиво проговорил «доктор».

— Ой, что с Зорькой! — испугалась Анна Васильевна.

Коза повалилась на бок и вытянула ноги. Вениамин Романович бросился к ней. Мелкая дрожь потрясла Зорьку. Она подняла раз голову, попыталась подняться и не могла. Тогда застонав, хрипя, она откинулась навзничь.

— Зорька! Зоренька! — подняла ее голову Анна Васильевна, но в глазах козы уже стоял холод.

— Кончено, — констатировал, тяжело вздохнув, «доктор».

Анна Васильевна, тяжело ступая, прошла в анл.

Старков через минуту вошел туда же.

— Чудная вы женщина, Анна Васильевна, — сказал он, несмело кладя ей руку на плечо. — Ну, стоит ли из-за козы и так...

— А вот не могу, Вениамин Романович. Жалко.

— Ну и ладно, ну и хватит. Вы помните наш разговор у меня на квартире, Анна Васильевна? Тогда — в буран? — Голос Старкова дрогнул, потеплел. — Я всё это время думал о нем.

— О чем же вы думали? — как-то подобралась, встрепетнулась Анна Васильевна.

— Помните, вы сказали, Анна Васильевна: «Вам нужен сильный друг».

— Да, — тихо сказала Русакова, опуская глаза.

— Я много думал, Анна Васильевна. Много. И вот считаю, что только, пожалуй, вы такой человек, Анна Васильевна... Да.

Русакова быстро посмотрела на Старкова, вспыхнула.

— Я слабый человек, Вениамин Романович... Вы же видите, — улыбнулась она.

— Нет, вы именно такой человек. Это минутная слабость.

— Хорошо. Я подумаю, Вениамин Романович. Я ведь не особенно вам верю!

— Не верите? Почему же? Вот я сказал. Я думал долго, Анна Васильевна, и решил. Да. Окончательно... —

Голос Старкова терял свою уверенность с каждым словом.

Сомнение снова холодной волной охватило его.

— Да, да, Анна Васильевна, — он встал, пряча глаза от внимательного взгляда Русаковой.

— Хорошо. Я, пожалуй... Только это не окончательно. Лучше я подумаю. Лучше скажу завтра. Завтра, Вениамин Романович, — Анна Васильевна вышла наружу. Сердце ее бурно и радостно билось. Что ж, она не против. Она не может жить неполным счастьем. Работа — разве это всё? Вениамину Романовичу она поможет. Встряхнет. Оживит его деятельность. Они должны жить хорошо...

...Пронала гнетущая тревога всех этих дней. Анна Васильевна была теперь твердо уверена в том, что всё кончится хорошо. И для нее наступят другие дни.

* * *

Утром Старков куда-то исчез. «Наверное, к соседям уехал», — подумала Русакова.

В полдень на Синьке сорвались с камня в воду две молодые козочки. Их быстро понесло бурной водой. В ста метрах от этого места, за осинником, Синёк падал с каменного уступа на острые, обточенные пороги с высоты в пять—шесть метров. Внизу — бурный водоворот. Козочек быстро потащило к этому небольшому водопаду. Анна Васильевна как раз проходила берегом. Всё это она видела. Не задумываясь ни минуты, она скинула с себя полушубок и прямо в валенках бросилась наперерез. Козочки были спасены. Но Анна Васильевна промочла насквозь. Увидев это, Варя подбежала к ней, сняла с себя пимы, закутав свои ноги в полы полушубка.

— Обувайте. Скорее, скорее.

— А ты? Что же ты будешь делать?

— Я посижу на шубе, пока вы сбегаете на стоянку и принесете старые, подшитые.

Анна Васильевна переобулась в сухие валенки и бегом пустилась к аилу. Юбка ее обледенела и больно резала колени.

Вываченные из воды козочки стояли на берегу и дрожали. Мороз сковывал их шубки, и они сжимались, горбились, становились всё меньше и меньше.

«Погибнут, — подумала со страхом Варя. — И сама может простыть», — посмотрела она вслед Анне Васильевне.

Вдруг раздался лай Буяна. Собака бросилась куда-то вниз по ущелью. Потом замолчала. «Неужели едет кто? — подумала Варя и улыбнулась. — Вот будет смеху. Сижу с голыми ногами на шубе».

В это время из-за осинової рощи к Синьку выехали два всадника. В одном из них, краснея, сразу же признала Мартанакowa, на втором коне сидела полная женщина.

Варя готова была провалиться сквозь землю от стыда за свое положение.

* * *

— Анна, ты с ума спятила? — едва соскочив с коня, закричала Клавдия Степановна и бросилась к анлу. Анна Васильевна успела уже переодеться и разыскивала запасные валенки для Вари. Она обернулась на сердитый голос и остановилась.

— Ты? К нам? — хлопнула она радостно руками. — Какими судьбами?

Увидев Мартанакowa и всё сообразив, Анна Васильевна крепко пожала руку Обручевой.

— Ну, я тебя спрашиваю: в уме ты была, когда бросилась за козами в ледяной поток? — наступала сердито на Русакову Клавдия Степановна.

— Пустяки. Пустяки. Ведь я сухая уже! Вот Варюша там на шубе сидит.

Мартанакow вскочил снова в седло, взял из рук Анны Васильевны валенки и вскачь помчался к Синьку.

— Она сухая! Хм! А бежала целый километр от ручья — сухая? Нет, не любишь ты свою работу, Анна.

Русакова растерянно стояла и смотрела на свою подругу, отчитывавшую ее, как девочку.

— Да, право же, ты, напрасно, Клавдия.

— Выговор тебе... Вот. Выговор. Выговор. Не оправдывайся. Ясно?

— Ясно, — покорно сказала Анна Васильевна, с некоторой опаской, смотря на расхаживающую заведующую.

— Ну, а теперь давай поцелуемся, — прогудела примиряюще Клавдия Степановна. И женщины обнялись.

— Пойдем принесем тех козочек...

— Я же ведь так и знала, — проговорила Клавдия Степановна после осмотра пухоносов. — Я ж знала... Я верила в тебя, Анна. В вас всех — Варю, Кульзах. А ему вот на столько не верила, — она показала полминцинца. — Очередная провокация, — презрительно сплюнула Клавдия Степановна.

— Был! Говорил... Он? — догадалась Анна Васильевна. — «Пропала отара, погибли пухоносы!» Так?

— Так, так, — кивнула Клавдия Степановна и, улыбнувшись хорошей, доброй улыбкой, добавила: — Такое дело не погибнет.

Варя, краснея от смущения и растерянности, не знала, как оценить поступок Мартанаква. Она и оправдывалась, и стыдилась своего смешного положения. Иван Мартанаквич соскочил с коня и, улыбающийся, подошел к ней.

— Не замерзли?

— Дышу.

— Ноги, ноги как?

— Кажется, еще теплые.

Мартанакв вдруг сел на соседний камень и схватился рукой за свой валенок:

— Я вам носки шерстяные... А то как же на седле.

Варя засмеялась, сверкнув благодарно глазами.

— У меня есть. Есть даже пуховые. Вы что же думаете?..

— Вот и хорошо. Тогда разрешите, я вас на коня подниму.

Он растеряннo, опустив руки, стоял перед девушкой.

Варя весело поглядела на председателя.

— Я ж тяжелая. Во мне шестьдесят два килограмма.

— Ну это ничего! — воскликнул Мартанакв и, схватив ойкнувшую Варю, посадил ее на седло, ногами в одну сторону.

— Сидите. Я сейчас. Сейчас. — Он подал ей шубу и велел одеться. — А ноги мы быстро. Быстро.

Мартанакв сбросил с себя полушубок и укутал ей ноги. Сам остался в ватной фуфайке.

— Зачем вы, Иван Мартанакевич? — всыхнула Варя, чувствуя, что не может говорить, что в груди растаяло что-то невыразимо приятное, обожгло сердце.

Она отвернулась, подавила вспыхнувшее чувство, украдкой смахнула неожиданную слезу. Мартанак не заметил и не понял. Поддерживая одной рукой Варю, другой держась за повод, он поднялся на стремена и сел за седлом, понукая завертывшегося и приседавшего на месте коня...

* * *

Пришла из отары Кульзах и стала помогать Анне Васильевне готовить обед. Примчался с Варей Мартанак... Он напустился на Кульзах, почему она не выехала до сих пор в степь и не обратилась к врачу.

— Теперь уже нечего там делать, — сказала Кульзах, обжигая председателя ласковыми, горящими глазами. — Почернел ты, Иван. Одни скулы, — сказала она тихо.

Мартанак осторожно взял ее руку и сжал в своей:

— Обо мне нечего беспокоиться. Мне положено...

Оба рассмеялись.

Анна Васильевна по их смеху, по притихшему вдруг председателю и Кульзах хорошо понимала их состояние. Она сама готова петь сейчас. У нее у самой назревает большое событие. «Не сказать ли Клавдии? — подумала вдруг она. И тут же решила, что пока еще рано. Рано... Потом. Потом можно и пригласить. Что это с костром — никак не хочет гореть! Она сунула руку в карман ватника, надеясь обнаружить там спички, чтобы поджечь бересту с другой стороны, и вместе с коробком вытащила пакетик. «Что такое? — с недоумением подумала Русакова. — Кажется, никаких порошков не пила на ночь.» Но тут она обнаружила надпись на нем: «Анне Васильевне».

Русакова выпрямилась и быстро развернула записку. «Прости меня, подлеца, Анна. Я не достоин тебя. Я не могу. Старков».

Анна Васильевна почувствовала озноб. Она посмотрела куда-то в ущелье и беззвучно прошептала: «Что же это такое? Вот и всё...»

К костру подошли Кульзах и Мартанак. В их глазах сияло счастье.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Прошла долгая зима. В мае, когда отшумели горные потоки, а на склонах загорелись огоньки и медунницы, пошли отары на степь. Все население колхозов собралось к ущельям, чтобы приветствовать зимовщиков, посмотреть на стада.

В небе было много солнца, в глазах людей — веселья и радости. Овцы катились из ущелий лавина за лавиной. Живым потоком они растекались по степи.

Главный пункт — у Камлакского ущелья. Здесь на камне развевается красный флаг. Несколько палаток и аилов. Десятки нерасседланных коней. Много людей. Радиоприемник «Родина». Патефоны. К этому ущелью идут и едут люди. Секретарь райкома Иван Ильич Шелест, Мартанакон, Селиванов то и дело посылали нарочных-верховых в глубину ущелья. Парнишки, распластав на ветру полы шубенок, носились туда и обратно на бойких лошадях.

Шелест волновался.

— Ничего у них там не случилось? — вполголоса говорил он Мартанакону.

— А что может случиться? Поздно тронулись. А потом Анна Васильевна ни за что не допустит, чтобы идти сразу гоном... Идут по склонам и пасут.

Селиванов сердито поглядывал вокруг.

«И к чему это всё? — морщился он. — Выдумал какую-то встречу прямо у гор — «День пастуха». Десятки весен выходят из ущелий стада. И совсем не обязательно встречать здесь каждого зимовщика. Можно б и в Куягаше созвать на какое-нибудь большое совещание. Премировать там или отблагодарить за хорошую работу».

В это время из соседнего с Камлакским ущелья, поднимая тучу пыли, вышло несколько отар овец. Мартанакон сообщил:

— Саруевы. Мать и дочь. Дочка из Красногорска на днях приехала. В театр зачислена. Мать сохранила овец на 98 процентов. Отход совсем незначительный.

Шелест решительно сказал:

— Давай, зови.

— Эй, Томый! — крикнул Мартанакон самому меньшему из верховых. — А ну, позови сюда Ульгей Саруеву. Быстро!

Мальчишка заколотил голыми пятками по крутым бокам коня.

Ульгей в длинной, отороченной снизу и сверху шубе, в круглой с кистью шапке, спокойно, трусцой подъехала к Мартанакону. В зубах ее дымилась маленькая трубочка. Глаза, узкие, далеко запрятанные вглубь, светились спокойно и ровно.

— Самый ценный сй, — шепнул Шелест. Мартанакон кивнул головой.

— Дьякши, ба, ба, — сказала Ульгей, остановив коня у знамени.

— Здравствуй, Ульгей!

— Товарищи! — обратился Шелест к присутствующим. — Чабан Ульгей Саруева в трудную зимовку доби-лась почти стопроцентного сохранения поголовья овец. Районный комитет партии, товарищ Саруева, благодарит вас за отличную работу. — Шелест подошел к пастушке и пожал ей руку. — А правление колхоза премирует вас ценным подарком.

— Ур-ра! — раздалось вокруг.

Вдруг грянул медный гром. Все оглянулись: к ним шла рудничная машина. Оркестр играл марш.

Ульгей приняла из рук Мартанакона подарки и, сняв шапку, растроганно благодарила.

Из машины на ходу выскакивала молодежь. Люба, Чечек и Лиза Плавнева, увидев Оймок Саруеву, бросились к ней:

— Оля! Оля! — кричали девушки, махая руками. Та увидела их, соскочила с коня. Девушки кинулись обнимать ее.

По степи со стороны колхоза «Дьяны Дьел» показались с небольшим красным флагом группа всадников.

«Хлебом не корми, чтоб только промчаться с формом», — подумал Селиванов, соображая, кто бы это мог быть. Распознал желтую шубу Енчибаева, болезненно поморщился. — «Рад. А чему? Сколько, интересно, погибло у него за зимовку?»

А стада шли и шли.

Наконец, из Камлакского ущелья выехали сразу трое верховых. Они на всем скаку врезались в стадо яков, разделив его, будто саблей, надвое, и поскакали к флагу.

— Идут! Идут! — кричали они, указывая назад, на ущелье.

— Пухоносы идут! Пухоносы!

Все подались вперед. А из ущелья уже плыло белое облако пухоносов. За ними золотистые придонские овцы... По бокам и сзади отар — верховые. Варя, Кульзах, Анна Васильевна...

Мамий подъехал с семьей на двух верблюдах. Енчибаев, едва соскочив с коня и передав знамя заместителю, бросился к пухоносам. Он даже забыл поздороваться с Шелестом, которого, не заметив, оттолкнул локтем в сторону. Глаза его блестели радостью и счастьем. Он сдернул с головы шапку и бросил ее на землю, закричав что есть силы:

— Ай, трус, Енчибай! Кому ты верил! Сердцу трусливому верил! Вот они идут! Такие ж, как уходили! Ай, Енчибай! Ай-яй-яй!

Все засмеялись. Енчибаев обернулся и, узнав Шелеста, попятился назад.

— Здравствуйте, Иван Ильич! Кто человеку подкладывает холодную змею на сердце?

— Какую змею, Енчибаев? — не понял его секретарь.

— Уй, уй, — качал головой председатель «Дьяны Дьел». — Страх пошто бывает?

Увидев Анну Васильевну, Енчибаев закричал.

— Здравствуй, Анна Васильевна! Езень!

— Езень, езень, товарищ Енчибаев, — ответила та, подъезжая и здороваясь со всеми. — Встретить приехал?

— А как же, — ответил Енчибаев, — Вот смотрю, какую пару для себя отметить. Заявку помнишь? По форме, как есть.

Анну Васильевну, Кульзах и Варю окружили. Их поздравляли с благополучным возвращением отары, а Мамий поднес круглую деревянную чашу с аракой.

— Пей, Анна Васильевна, а то сухое лето будет!

— Иван Ильич, не откажи, — подошел старик и к секретарю райкома. — За благополучную зимовку.

Шелест поднял чашу.

— Ну что ж. Иван Мартанакевич, давай поддержи компанию.

Мартанакоев улыбнулся в свои небольшие черные усы.

— Это можно. Я не против. — Он кивнул в сторону Селиванова: — Степан Петрович!

Тот категорически затряс головой.

— Нельзя ему — желудок, — сказал Шелест. — Ты

нас хоть морально поддержи, Степап Петрович, — добавил он, смеясь.

— Это могу, — согласился тот. — За славных зимовщиков!

Прошли отары Соеп.

— Ну, спасибо вам, Иван Ильич, за концентраты, — сказала громко Анна Васильевна. — От всех зимовщиков спасибо.

Женщины закивали головами.

Все дружно стали аплодировать.

— Дыраш, дыраш! — крикнул кто-то. Тотчас десятка два парней бросились к коням и через минуту умчались в степь.

Так начался «День пастуха».

На огромной каменной площадке было поставлено несколько айлов и юрт.

В одних пастухи-зимовщики могли отдохнуть, в других — помыться в бане, пройти медицинский осмотр.

— Эй! — кричит неугомонный Епчибаев знакомому пастуху. — Хочешь кудри делать? Пожалуйста. Иди в парикмахерскую. Вон, вон, белая палатка! Бороду можно срезать. Здорово режет. А потом этот самый... как его... Душистая вода на твоё лицо побрызжет! Хорошая вода!

Тут же в широкой юрте несколько портных-модисток панеребой предлагают девушкам новые фасоны.

Рядом, в двойной юрте — магазин. Девушки веселой гурьбой идут выбирать материал.

— Сегодня вечером тут будет кино, — говорит Чечек, указывая на огромную цветную афишу, прибитую на одном из айлов.

— «В шесть часов вечера после войны», — читают вслух все. — Вот здорово!

— И еще будет две картины, — говорит Чечек. — «Воздушный извозчик» и «Близнецы».

Вдруг откуда-то вывернулся верхом Карым. Он на всем скаку осадил коня перед девушками и, широко улыбаясь сказал:

— Все, все на лекцию. Вон туда, где флаг.

— А кто читает? О чем?

— Сам Иван Ильич. А о чем — узнаете на месте.

— У-у, ты! — замахнулась на него Чечек,

Конь Карыма шарахнулся в сторону. Карым не качнулся в седле.

— Гражданочка. Ай-яй-яй, — не меняя тона, покачал головой Карым. — Как невежливо!

Девушки громко расхохотались и бросились на невозмутимого парня. Тот сделал вид, что страшно перепугался, замахал поводом и, смеясь, усакал по поселку, сзывая народ на лекцию.

День встречи зимовщиков превратился в большой, яркий праздник.

У далекого ущелья, места встречи славных тебеневщиков, до глубокой ночи горели костры и раздавался смех. В эту ночь Мартанакон до самого дома провожал старика Мамия с семьей. А утром было объявлено о женитьбе председателя и Кульзах. При всем народе секретарь райкома поздравил жениха и невесту. Все шумно и радостно приветствовали их, а Мамий пригласил собравшихся на той¹.

— Будто от сердца отрываю кусок, — сказал он. — Но ведь песня хороша у кайчи², жена — при муже! Такая есть поговорка. Приручайте счастье к своему дому, Иван Мартанаконич.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Однажды вечером обитатели пункта получили от Обручевой телеграмму, которая заставила строить разные догадки и Анну Васильевну, и Варю. В телеграмме было всего четыре слова. «Поздравляю, обнимаю всех. Обручева».

— Почему? За что?

Утром Анну Васильевну вызвал Шелест. Бюро райкома, по настоянию Шелеста и единодушному мнению его членов, утвердило план строительства водоемов по всем стеним колхозам аймака. Только что прослушанное сообщение Мартанакон об огромной дополнительной прибыли, полученной от того, что колхоз впервые нынче стал сдавать чистую шерсть, заставило руководство аймака обратить на строительство водоемов серьезное внимание. «Узаконить», как сказал Селиванов, по-

¹ Той — свадьба, празднество.

² Кайчи — певец, сказитель.

свежевший, ожившийся после двухмесячного пребывания на курорте.

Шелест познакомил присутствующих с высоким худым человеком в роговых очках, сидевшим тут же в кресле перед секретарем райкома.

— Товарищ Розов. Главный инженер и начальник гидрогеологической партии.

Инженер встал, провел в смущении ладонью по голому черепу, снял почему-то очки, слегка наклонился к присутствующим и сел снова.

— Начинаются исследовательские работы на Анаш-Су, — сказал Шелест.

— Разрешите? — поднял руку Розов.

— Пожалуйста.

Инженер раскрыл на коленях папку и достал из нее какие-то бумаги:

— Я познакомился с результатами детальной разведки 1940 года. Данные исчерпывающие. Нынче мы изучим изменения береговой зоны и долины реки. На это потребуется месяц — полтора.

— Ну и отлично, — подхватил Шелест. — Мы можем подобрать людей на курсы мелиораторов, электриков, садоводов. Будем продвигать к месту будущей плотины землеройные экскаваторы.

— Да, безусловно, — согласился инженер. — Больших изменений в плане не вижу. Место надежное.

Затем утвердили план распространения пухоносов по аймаку.

— Обком предлагает продать нынче несколько коз в Кызылукский и Улаганский аймаки, — сказал Шелест, обращаясь к Мартанаккову. — Сможем это сделать?

— Уже продали две пары в «Дьяш Корбо», — ответил Мартанакков.

— Вот и отлично.

Енчибаев обратился к Селиванову:

— Нынче мы будем чесать пух со своих. Как там, товарищ Селиванов, выговор не влепишь за скребницы?

Все засмеялись.

— Теперь уж вы мне скорее влепите, — весело пробасил председатель аймакисполкома. — Есть образец скребницы.

— Узаконенный? — спросил кто-то. Селиванов покраснел, не ответил.

...После бюро Шелест попросил Анну Васильевну остаться.

— Хочу... Давно хотелось обрадовать вас. Обрадовать сильно, Анна Васильевна, — сказал Шелест, — Вы заслужили это.

— Благодарю вас, Иван Ильич. Ваша помощь очень была ощутима для нас.

— Я был обязан. Что ж вы не спросите, какую радостную весть хочу я вам сказать?

— Правда, не знаю, что и предположить, Иван Ильич.

Шелест вышел из-за стола и подсел на диван к Русаковой.

— Обком партии отправил материалы о выведении пухоносов в Комитет по Сталинским премиям. Он ходатайствует... Понимаете? Поздравляем вас. Обрадуйте Варю и Кульзах. — Он взял руку Анны Васильевны и крепко сжал ее. Русакова достала из рукава платочек.

— Ничего, Анна Васильевна. Теперь всё хорошо. Хочется мечтать. Я, однако, буду писать когда-нибудь, а?

— Что писать? — не поняла Анна Васильевна, справившись с волнением, которое ее охватило.

— Что... Может, романы.

— Ну что ж. Это хорошо. В добрый путь.

— Нет, так я. Мечты...

Шелест отодвинул штору и посмотрел в окно.

— Мы часто с Наташей вместе мечтаем... Вот так посмотрим в окно на эту плиту, и представляем ее, по силе возможности, лет через двадцать. — Он улыбнулся. — Сады... травы... ваши пухоносы. Это будет. — С плотинкой не рано? Ваше мнение?

— Она ведь с будущей весны начнет строиться?

— Конечно.

— Народ поддержит. Помните, Мамий говорил: «Пока ее, эту мечту о Большой воде, к сердцу поближе положили мы». Теперь всколыхнется эта мечта. Зажжет сердца!

Вдруг Анна Васильевна, о чем-то вспомнив, удивленно посмотрела на секретаря и, просветлев, улыбнулась.

— Телеграмма... Понимаю теперь.

— Что такое? Какая телеграмма?

— От Обручевой. Получили сегодня. Поздравляет, а мы не знаем, с чем... Жаль вот, Варюша уезжает нынче

— Далеко? — удивился Шелест.
— В институт.
— Да... — Шелест взволнованно прошелся по кабинету. — Теперь ей будет легче учиться. Практика-то какая!

— Жалко мне ее. Мы ведь как родные жили. А Люба радуется: «Теперь, — говорит, — помогу я тебе». Варюша ей хорошо помогала, когда Люба училась.

— Передайте Варваре Николаевне мой привет. Когда будет уезжать, сообщите, — попросил Иван Ильич.

— Хорошо.

Анна Васильевна собралась уходить.

— Да, а как же с помощником для вас? — поинтересовался Шелест. — Ведь, наверное, хороший зоотехник нужен?

— Есть такой. Не дипломированный, правда, но очень способный, — улыбнулась Анна Васильевна.

— Кто же?

— Кульзах.

— Разве она...

— Вполне. Чего не знает — подучится.

— Правильно. Действуйте, Анна Васильевна.

Шелест вышел с Русаковой на крыльцо. На дворе было прохладно — дул ветер с белков.

— Вы верхом?

— Привыкла.

— Багиров!

— Я вас слушаю, Иван Ильич, — выскочил из приемной шофер.

— Машину для Анны Васильевны!

— Есть машину!

Анна Васильевна решительно запротестовала и, распрощавшись, затрусила по песчаной пыльной улице Куя-гаша.

* * *

Люба все эти дни много ездила по летним стойбищам. В июне уже успела загореть. В те редкие дни, когда приходилось бывать дома, она торопилась привести в порядок записи, расчеты, сводки. Редко удавалось заглядывать в дневник. Записи были торопливы, сбивчивы. «Вот будет свободное время — исправлю, дополню», — думала она.

В конце июня Люба записала:

«...Варя окончательно решила ехать в институт.

Ее узнать нельзя — совсем замкнулась. Что с ней? Жалко бросать пункт? Но ведь можно и вернуться будет после!

Анна Васильевна ведет отбор пуха разной чески. Экспонаты посылает куда-то в текстильный комбинат. Мысль интересная.

Анна Васильевна по-настоящему талантлива. А вот я никак не справлюсь с делами. Не могу добиться высокой продуктивности на МТФ. Далеко. За глазами. Зоотехния нарушается без конца. Жалуются доярки — болят пальцы. Где ж я возьму электродойку? Буду ставить вопрос перед правлением. С яками — ничего не могу поделаться. За этими дикарями никто по-настоящему не может ухаживать.

Оля на каникулах. Живет на стоянке матери. Была у нас. Ночевала.

28 июня. Сережа... Сережа... Чаше и чаще ты передо мной... Нет, в моем сердце. Его бригада бурильщиков у Птичьего клюва. От нас видно — день и ночь работают. Сергей не отходит от буровых вышек. Говорят, на одной из скважин уронили снаряд на забой. Сергей трое суток не спал — снаряд был поднят. У Птичьего клюва ждут выхода нужной породы. Самоотверженностью Сергея восхищается весь рудник. Он такой решительный, смелый! А ведь ничего не говорил мне об аварии!.. И вообще не говорит, когда ему трудно. Тебе бывает часто тяжело, Сергей... Часто, я вижу, вижу... Милый, упрямый. Я верю — ты найдешь породу.

2 июля. Сергея не узнать — сияет: порода найдена! И как он скромн... Дорогой мой, я все понимаю! Отказался от путевки на курорт, которой его премировали. Был у нас. Говорит: «Никуда один из Куягаша не поеду». Анна Васильевна с Варей переглянулись и посмотрели в мою сторону. Что ж, я и не хочу скрывать: Сергей мне дорог.

4 июля. Сегодня Карым прискакал. Смеется. Рад чему-то страшно. Оказывается, зачислили его на курсы мелиораторов. О плотине все говорят. Ждут настоящего дела. Мартанакон мне сказал как-то: «На водоемах народ испытал смелость своей мысли». Может быть. Теперь

все чувствуют, что можно осилить и большое дело. С Карымом идут парни: Ялатов, Амыров и еще кто-то.

— Доволен? — спрашиваю Карыма.

— Буду водой командовать! Еще бы! — воскликнул он.

Я рада за него. Чечек просится на эти курсы — райком комсомола не отпускает. Хотела идти к Шелесту.

Все мы готовимся к свадьбе Мартанакова.

Вчера впервые видела двух волков и, странное дело, ничуть не напугалась.

6 июля. Сегодня вызывал Иван Ильич. Попросил нарисовать схематическую карту всех водосмов в аймаке. Потом позвал на квартиру. Наталья Петровна расцеловала меня и стала выговаривать за то, что не бываю у них. Ее картины «В окрестностях Куягаша» и «У Белого борма» — изумительны. Она хочет написать портреты лучших людей аймака. «Обожди, заставлю и тебя скоро позировать», — говорит она. Я перепугалась, но, откровенно говоря, не очень. Иван Ильич ошеломил меня новостью о наших будущих лауреатах. Дома спрашиваю Анну Васильевну, а она говорит: «Еще ничего неизвестно. Ясно. Но всё же!»

* * *

Уже темно было, когда от табунов Мамия Мурзагуловича отделился всадник и помчался к Апаш-Су. Он был в одной рубашке и даже без кепки. Волосы его, черные, прямые, развевались во все стороны.

Быстрый конь мчался по тропинке вдоль берега, бесстрашно огибая крутые повороты над обрывами. Всадник сумрачно смотрел через левое плечо в реку, ища брода, и, не отыскав его, смело своротил коня с крутого откоса к воде.

Выбравшись на противоположный берег, он посмотрел по сторонам и, найдя направление, погнал мокрого коня через пустынную степь к горам. Где-то вправо издали мигали огни Куягаша, влево — ни одного костра.

Карым безошибочно отыскал в темноте ночи отары матери Чечек и, под громкий лай сторожевых собак соскочил с коня прямо у ее костра.

— Езень! — коротко бросил он девушке, вскочившей при его появлении.

— Здравствуй, Карым. Ты — как ночная птица. Вырвешься из тьмы и снова скроешься, — сказала Чечек, внимательно смотря на парня.

— Так и есть, Чечек. Как ночная птица.

— Значит, я права. И сердце мое чуяло. Что говорит он?

— Он интересно говорит, да мне-то что? Мне не легче...

— Понятно. Тогда зачем ты мечешься по степи ночью? Чего ищешь?

— Я могу не послушаться, Чечек! — вскочил Карым. — Разве я сосунок, чтоб бояться убежать от матери?

— Нет уж. Я не хочу. Я очень уважаю вашу семью, Карым, и отца твоего и мать твою, потому и не могу. Как думают они, так и пусть.

— Что ты говоришь! Совсем они не против, Чечек! — вскричал Карым.

— Ты какие-то загадки говоришь, Карым. Не против, а сами не хотят, чтобы я была в вашей семье. Как так?

— Ты понимаешь, они любят тебя, Чечек.

— Любят?

— Ну да. Любят. Только...

— Что только?

— Ну, слушай, я расскажу всё, как было. Я выбрал время, когда отец сказал мне за столом: «Теперь ты, Карым, на курсы послан. Будешь новую степь делать, и люди на тебя смотреть будут. Чувствуй и помни это. Не оступись. Не осрами семью».

«Хорошо, — сказал я, — через год у меня будет специальность, отец. Ответственная. И руки поэтому сильнее у меня. Я вижу завтрашний день, отец. И очень рад, что буду добывать этот день один из первых.»

«Вот и хорошо, — сказал он. — Я уверен, что ты повзрослеешь там, на курсах».

«Отец, — сказал я. — Я хочу сказать». «Говори». «Ты хорошо знаешь Чечек, отец?» «Очень хорошо, — говорит. — И отца ее знал и мать — славные люди». «Кульзах от нас уходит, отец. Некому ее заменить в семье».

«Ага, понимаю, — усмехнулся он и посмотрел на мать. — Так заменить, говоришь, Кульзах?»

«Да, отец, Чечек не возражает», — говорю я.

«Не думал, Карым, что ты еще до курсов потеряешь голову», — сказал и пошел на улицу. Пришел через полчаса и добавил: «Ты пойми: девушка-то Чечек хорошая, ученая. На работе себя уже проявила. А ты? Не успел и дня побыть на курсах — и уже: «отец, жени меня». А вдруг ты никудышный будешь, этот водный мастер? Всей семьей покраснеем за тебя. При чем же тут Чечек, хорошая работница? За что же ей-то краснеть? Нет, по работай. Пусть тебя люди узнают. А тогда... Тогда совсем другое дело.»

— Так и сказал? — засмеялась Чечек.

— Так, — вздохнул Карым. — Чему ты смеешься?

— Тому, что ты смешной такой. И меня перепугал и сам испугался.

— Ты рада?

— Конечно, рада. Разве мне плохо будет услышать от людей: «Смотри, какой специалист Карым. Смотри, как он старается. Завидный жених Карым».

Чечек громко рассмеялась, подскочила и повалила навзничь сидящего у костра Карыма.

Тот вскочил и бросился догонять быструю и сильную Чечек...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Накануне тоя группа всадников во главе с Мартанаквым выехала из колхоза на тракт, быстро миновала Куягаш и скрылась в направлении Кызылука. Ночью стало известно о том, что мать Кульзах, жившая со старшим сыном в Кызылукском аймаке, выехала в сопровождении родственников на той.

Мартанакв на запасном коне вез дорогие подарки матери будущей жены. В арчимак¹ были запрятаны пуховая шаль — подарок дочери, несколько плиток чаю, два суконных отреза, головка сахару, несколько папуш душистого табака и дорожный термос с аракой.

Куяганскую пустыню пересекли до жары.

Потные, тяжело дышавшие кони с удовольствием вошли под тень деревьев Улаганского лесного массива. Встретились неожиданно у развилки на рудник.

¹ Арчимак — переметные суммы.

Мартанакон помог теще сойти с коня и, разбросив потник под кедром, усадил ее в тени дерева.

— Как доехали? — спросил он. — Как здоровье?

— Спасибо. Коня идут хорошо. Как ваша дорога?

— Благополучно.

После этого он развязал арчимак и, смеясь, вытряхнул их содержимое на траву.

— Кульзах вам посылает и я, и Мамий...

— Спасибо. Спасибо, — вежливо сказала Дидигей.

— Это вам спасибо за такую дочь.

— Она у вас тут, в Куягаше, такой выросла. Мамню спасибо говорите, — скромно сказала Дидигей.

Подумав, она добавила:

— Да, на детей не жалуясь. Вот и сын сейчас заместителем председателя колхоза. Выдвинули. Старательный очень. Я еще сама коров не бросаю. Слышно про наших коров? — Сильная, еще моложавая женщина прищурила из-под шапки глаза на нового зятя.

— Слышно, — кинул ей Мартанакон и достал термос.

— Но такое придумать, как пухоносы... — Она покачала головой. — Это вы молодцы.

— Опять же Кульзах, — сказал Мартанакон и стал наливать араку.

— Это по какому же обычаю? — смеясь спросила Дидигей. — Даришь подарки в дороге, араку даешь?

Сопровождающие весело захопотали вокруг, сбрасывая рядом шубы и садясь на них.

— Это, тетушка Дидигей, наверно, наш обычай. Обычай простой вежливости! — сказал Карым, весело поглядывая на термос.

Все рассмеялись...

...Повернули коней в Куягаш уже поздно. Сквозь деревья, обступавшие дорогу с обеих сторон, солнце едва пробивалось своими лучами.

Довольна... Очень довольна своим расторопным зятем Дидигей. И такой хороший обычай придумали они. Тепло сердцу Дидигей, так тепло, что хочется запеть. Но неприлично пожилой женщине петь при молодых мужчинах. Что о ней подумают?

Дидигей смотрит украдкой на гарцующего впереди Мартанакон, на его вышитую белую рубашку, и радостные думы волнуют ее. Эти думы только для песни. Но она не запоет.

«Этот сумеет добыть счастье, — шепчет Дидигей и вздыхает легко. — Если не сумеют его добыть нынче, то что это за семья такая?»

И вспомнилось ей, как выходила замуж сама. Давно это, правда, было, но помнится хорошо. Три дня сидела она за занавеской, слушая шум пьяных, и не смела даже подать знать о себе. Рядом, в новом аиле, веселятся родственники жениха. На третий день открыл занавеску его племянник. Принес грудинку и топсуур араки. Страшно есть хочется, но кто-то шепчет сбоку: «Лучший кусок отдай жениху. Первая не пей араки — так требует обычай». И она руками отрывает жирную часть куска и, опустив глаза, протягивает Янге... Он ест и смеется. У Дидигей кружится голова. Она какой-то женщине дает первой испить араки (так принято). Та мочит губы и часть выплескивает в очок.

— Ешь, Дидигей. Ешь, — смеясь, говорит Янга и подталкивает ее в бок. — Так умереть можно с их обычаями.

Она с жадностью набрасывается на мясо.

...Дидигей выпрямляется в седле и тихо чему-то улыбается.

«А Янга хороший был всю жизнь. Очень добрый и ничему дедовскому не верил. Первым в партизаны пошел. За новую жизнь».

Дидигей вздыхает. Да, не дожил. Убили бандиты. И ведь совсем перед колхозами убили. Нет, ничего не скажет плохого про дорогого Янгу Дидигей. Кульзах в него пошла. Смелая и решительная. Что задумает — делает.

Быстро темнеет. Скоро, кажется, лесу конец. Всё чаще просветы.

Мартанакров приподнимается в седле и, оборачиваясь, кричит:

— А ну, веселей!

Он пускает своего вороного жеребца крупной рысью. за ним подгоняют коней остальные. Так ехали километра три.

Лес всё реже. Больше у дороги стали попадаться прогалины и камни.

— Ну, еще одна запалка, как у нас старшина любил поговорить в походах, и амба, — улыбается Мартанакров. — Как мама Дидигей?

— Что остается делать овце, когда она на веревке? — смеется Дидигей, обтирая с лица пот.

— Теперь недалеко. Вот проедем Ворота, а там и Куягаш, — говорит Мартанаков. — Из лесу б выбраться.

...Ворота нависли над дорогой, грозясь обрушить со склонов камни. Далеко вверх, у самой вершины горы, разрушенной когда-то строителями тракта, неизвестно на чем держатся огромные шпильки скал.

Было совсем темно, когда кони всадников громко зацокали по каменному насту. Ворота.

Вдруг жеребец под Мартанаковым всхрапнул и заплясал испуганно на месте. Мартанаков взглянул кверху. Где-то там у каменного оголенного ската зашуршала щебенка, не успел он сообразить, в чем дело, как в следующее мгновение он почувствовал тупой удар в голову, в плечо. Ему показалось, что он вместе с конем прыгнул в какую-то черную пропасть, на мгновение даже ощутил звенящую пустоту, потом всё расплылось, рассыпалось искрами перед глазами и померкло.

Едва прекратился шум падающих камней, все бросилось через Ворота.

— Ловите коня! — скомандовал Карым, а сам бросился к Мартанакову, который лежал у обочины дороги, свесив голову в кювет. Он поднял его и понес дальше от Ворот. Но нести было тяжело.

— Ижер, — сказал он, тяжело дыша, молодому парню, дальнему родственнику Кульзах по матери. — Ижер, помоги. Вот так. А теперь положим сюда.

Дидигей, охватив голову обеими руками, молча смотрела на безмолвного Мартанакова, еще минуту назад такого веселого и разговорчивого.

— Не бойтесь, тетушка Дидигей, — сказал Карым. — Он дышит! Воды бы сейчас. А голова почему-то мокрая! Он зажег спичку и откачнулся. Всё лицо Мартанакова было в черных струйках.

— Кровь!

Карым вскочил.

— Где термос?

— Тут у седла! — донеслось от лошади, которую только что поймали. — Здесь приторочен.

— Давай сюда! Ижер! Воды! Вот Апаш-Су прямо. Триста метров. Там, где плотина будет! Увидишь. Камни на берегу.

«Этот сумеет добыть счастье, — шепчет Дидигей и вздыхает легко. — Если не сумеют его добыть нынче, то что это за семья такая?»

И вспомнилось ей, как выходила замуж сама. Давно это, правда, было, но помнится хорошо. Три дня сидела она за занавеской, слушая шум пьяных, и не смела даже подать знать о себе. Рядом, в новом анле, веселятся родственники жениха. На третий день открыл занавеску его племянник. Принес грудинку и топсуур араки. Страшно есть хочется, но кто-то шепчет сбоку: «Лучший кусок отдай жениху. Первая не пей араки — так требует обычай». И она руками отрывает жирную часть куска и, опустив глаза, протягивает Янге... Он ест и смеется. У Дидигей кружится голова. Она какой-то женщине дает первой испить араки (так принято). Та мочит губы и часть выплескивает в очок.

— Ешь, Дидигей. Ешь, — смеясь, говорит Янга и подталкивает ее в бок. — Так умереть можно с их обычаями.

Она с жадностью набрасывается на мясо.

...Дидигей выпрямляется в седле и тихо чему-то улыбается.

«А Янга хороший был всю жизнь. Очень добрый и ничему дедовскому не верил. Первым в партизаны пошел. За новую жизнь».

Дидигей вздыхает. Да, не дожил. Убили бандиты. И ведь совсем перед колхозами убили. Нет, ничего не скажет плохого про дорогого Янгу Дидигей. Кульзах в него пошла. Смелая и решительная. Что задумает — делает.

Быстро темнеет. Скоро, кажется, лесу конец. Всё чаще просветы.

Мартанакوف приподнимается в седле и, оборачиваясь, кричит:

— А ну, веселей!

Он пускает своего вороного жеребца крупной рысью. за ним подгоняют коней остальные. Так ехали километра три.

Лес всё реже. Больше у дороги стали попадаться прогалины и камни.

— Ну, еще одна запалка, как у нас старшина любил поговорить в походах, и амба, — улыбается Мартанаков. — Как мама Дидигей?

— Что остается делать овце, когда она на веревке? — смеется Дидигей, обтирая с лица пот.

— Теперь недалеко. Вот проедем Ворота, а там и Куягаш, — говорит Мартанакон. — Из лесу б выбраться.

...Ворота нависли над дорогой, грозясь обрушить со склонов камни. Далеко вверх, у самой вершины горы, разрушенной когда-то строителями тракта, неизвестно на чем держатся огромные шпили скал.

Было совсем темно, когда кони всадников громко зацокали по каменному насту. Ворота.

Вдруг жеребец под Мартанаконым всхрапнул и заплясал испуганно на месте. Мартанакон взглянул кверху. Где-то там у каменного оголенного ската зашуршала щебенка, не успел он сообразить, в чем дело, как в следующее мгновение он почувствовал тупой удар в голову, в плечо. Ему показалось, что он вместе с конем прыгнул в какую-то черную пропасть, на мгновение даже ощутил звенящую пустоту, потом всё расплылось, рассыпалось искрами перед глазами и померкло.

Едва прекратился шум падающих камней, все бросились через Ворота.

— Ловите коня! — скомандовал Карым, а сам бросился к Мартанакону, который лежал у обочины дороги, свесив голову в кювет. Он поднял его и понес дальше от Ворот. Но нести было тяжело.

— Ижер, — сказал он, тяжело дыша, молодому парню, дальнему родственнику Кульзах по матери. — Ижер, помоги. Вот так. А теперь положим сюда.

Дидигей, охватив голову обеими руками, молча смотрела на безмолвного Мартанакон, еще минуту назад такого веселого и разговорчивого.

— Не бойтесь, тетушка Дидигей, — сказал Карым. — Он дышит! Воды бы сейчас. А голова почему-то мокрая!

Он зажег спичку и откачнулся. Всё лицо Мартанаконва было в черных струйках.

— Кровь!

Карым вскочил.

— Где термос?

— Тут у седла! — донеслось от лошади, которую только что поймали. — Здесь приторочен.

— Давай сюда! Ижер! Воды! Вот Апаш-Су прямо. Триста метров. Там, где плотина будет! Увидишь. Камни на берегу.

Ижер вскочил на коня и скрылся в темноте.

— Не бойтесь, тетушка Дидигей. Не бойтесь.

— Карым... Карым... — нагнулся к нему один из гостей. — Мне показалось... Нет, не могло показаться. Я старый охотник.

— Что? Что?

— Там, на вершине Ворот... Там. Человек, Карым.

— Человек? — Карым испуганно взглянул наверх.

— Да, да. Меня никогда не обманывал слух.

В это время Мартанак ов очнулся. Он застонал. Приподнял голову и тотчас опустил ее.

— Лежи, лежи, дядя Иван.

— Меня ударило? — тихо проговорил Мартанак ов.

— Или... Или ударили, — поправил его Карым. — Вот и вода. Нашел, Ижер?

— Нашел. Берег крутой, насилу достал.

Карым схватил термос.

— Пей, дядя Иван. Пей. Хорошо?

— Хорошо. Голову только, саднит...

— Давай вымоем рану.

— Лицо... Голову такой водой опасно. Мама Дидигей, придется от той материи, которая на платье, оторвать немного... Она тонкая.

— Я сейчас, сейчас... Сколько нужно... Сколько нужно, — засуетилась Дидигей, обрадованная тем, что Мартанак ов очнулся и заговорил сам.

Прошло еще некоторое время, прежде чем Мартанак ов смог подняться и с помощью Карыма и других сест в седло.

Луна еще не взошла. Где-то у степных озер кричали ночные птицы. Рядом с Мартанак овым нога в ногу ехали с одной стороны Карым, с другой — Ижер.

— Кто-то сказал, что человека видел на вершине? Правда это? — спросил Мартанак ов.

— Да, кто-то говорил.

— Это я... я, — выдвинулся сзади кызылукский парень.

— Зачем же он туда? — недоумевал вслух Мартанак ов.

— Не знаю, но человек был. Мне даже показалось.

— Что?

— Будто он спустился туда к лесу.

— Никто не слышал, — сказал Ижер.

— Охотник по-своему и слышит и видит, — ответил парень.

— Если человек, то он мог случайно свалить камень, — рассуждал Мартанак.

— Случайно мог только тот, кто идет открыто, не прячась за выступы, — возразил охотник.

— Но неужели он... За что? Кто он? — воскликнул недоверчиво Мартанак.

— Что я могу сказать? Я видел или даже не видел, а только знал, что там человек. У того, кто из-за камня смотрит, глаз особенный. Я его всегда чувствую.

Они ехали по Куягашской равнине. Будто униженный алмазами гигантский ковер, низко над головой висело ночное небо. Здесь, на этом высокогорном плато, до алмазного ковра, казалось, рукой подать.

— Встречные верховые! — сказал Карым, указывая вперед.

Мартанак, морщась от боли в голове, всмотрелся перед собой и ничего не увидел.

Вскоре показался отряд. Кто бы это мог быть в ночь? Через несколько минут они съехались, и в первом же всаднике, поднявшем в руке карманный фонарик, Мартанак узнал начальника милиции Пономарева.

— Кто такие? — прогудел Пономарев. — Откуда?..

— Свои. Не узнаешь?

— Мартанак? — удивился тот, пряча фонарик. — Кто тебя, брат, так расписал?

Тот засмеялся:

— Наверное, злой дух. За непокорность.

— Ну, это еще полбеды. Я уж думал живой дух. Упал, что ли?

Мартанак рассказал о происшествии. Пономарев задумался:

— А ничего подозрительного наверху не приметил? — спросил он.

— Я приметил. Я ехал сзади, — взволнованно сказал кызылукский охотник и рассказал о своих подозрениях.

Вслушав его, Пономарев тихо воскликнул:

— Вот это похоже на правду! Ну, счастливо добратся! — козырнул он и, обернувшись, скомандовал: — Петренко!

— Я!

— Оставайся с Рогулевым и Курочкиным здесь и смотрите по обе стороны Ворот. Ясно?

— Да.

— Остальные за мной! С тракта! — махнул рукой начальник милиции и первый направил коня через кювет.

Через минуту их растворила темнота.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

В «День пастуха» Соен премировали правлением ценными подарками — ей лично Мартанакон вручил отрез красивой шерстяной материи на костюм и зеркало. Большое зеркало, во всю стену.

Что ж, Соен не старуха. Ей совсем недавно исполнилось тридцать лет! Разве зазорно иногда и в зеркало посмотреться?

Вспоминая о празднике, Соен каждый раз возвращалась к пережитому и, ей казалось, всем запомнившемуся моменту. Она ведет свою отару. Две девушки-сакманщицы по бокам идут. Около флага стоит группа мужчин, а на ровном месте новый поселок.

Среди мужчин узнала Мартанакова. Он что-то говорил тому, в высокой защитного цвета фуражке, что стоял справа от него, говорил и на нее показывал. Потом они стали смотреть бумаги, и вдруг Мартанакон кричит:

— Соен Марчинна! Просим сюда! — и подзывает к себе. Невысокий мужчина в фуражке, которого Мартанакон звал не то Иван Кузьмич, не то Иван Ильич, протянул ей руку и сказал, улыбаясь:

— Спасибо за хороший труд, товарищ Марчина.

Мартанакон поднял высоко в руках отрез, а Мамий — зеркало. У нее отобрали коня девчонки. Эта веселая Чечек схватила Соен и повела к белешвейкам. А зеркало поставили пока у юрты, в которой работали врачи, и все, кто шел мимо, смотрелись в него.

Потом в своем докладе Мартанакон упомянул и ее имя вместе с именами Кульзах, Мамия, Саруевой. Нет, никто не скажет в колхозе, что Соен ленива, что она не хочет видеть колхозные отары сытыми и большими.

Соен никогда в жизни не забудет того ласкового весеннего дня, когда ее отметили вместе с лучшими людьми колхоза. Она почувствовала, что произошло в ее жизни.

ни событие, которое будто выпрямило ее, заставило ясными глазами, без опаски за прошлое мужа взглянуть на жизнь.

«Я ведь не из страха. Я сама так хочу жить, — думала Соен. — Как лучшие люди хочу».

И эти думы наполняли песней ее сердце. Соен была уверена, что стоит на правильной дороге.

Вчера она примеряла перед зеркалом новый костюм. Целый час стояла Соен перед какой-то незнакомой загорелой прилично одетой женщиной.

В первое мгновение, действительно, не узнала себя. В нем Соен обязательно будет поздравлять Мартанаква на его тое. А тут что-то есть в кармане. Помада! Не иначе Чечек-озорница, подсунула! Что ж, можно чуть-чуть, наверное, и помаду пустить в ход.

Словно помолодела Соен. Словно напилась Соен животворной воды из чудесного, сказочного ключа.

На днях заезжала Люба и оставила новую книжку. В ней рассказывается про опыт чабанов Сибири.

«Хорошая, должно быть, книжка», — подумала Соен и решила вечером как-нибудь засесть за нее.

Сегодня весь день носились над Куягашской сухой равниной черные, грязные тучи.

Рано стемнело.

Соен переоделась, села против зеркала на овчинах и придвинула к себе фонарь. Она уже развернула книжку в руках, как вдруг порыв ветра ворвался в аил и пламя в фонаре поднялось кверху.

Младшая сакманщица Январчи с широко раскрытыми от страха глазами захлопнула дверь, боязливо покосилась на нее и прошептала:

— Мужик... Как волк, заросший... Стоит...

Соен вскочила. Предчувствие схватило, сжало сердце.

— Где? Кто такой?

— У загонки. Я не разглядела.

— Чего ж ты испугалась? — стараясь быть спокойной, сказала Соен и, подняв в руке фонарь, хотела идти наружу.

В это время дверь упала на стену аила, и в рамке двери выросла коренастая фигура... Чота Токушева.

Соен вскрикнула и отступила назад; он перешагнул порог и закрыл за собой дверь.

— Не бойся, — хрипло проговорил вошедший. — Я

устал. Не выгонишь же ты голодного и измученного человека?..

— Проходи. Садись. Я не узнала, — проговорила Соен, еле ворочая языком, не зная, куда поставить фонарь. Наконец, повесив его, она подошла к окошку.

— Янарчи, сходи за водой, — попросила она девочку, та выскользнула с котелком за дверь. Соен присела к подернутым тонкой пленкой пепла углям и стала раздувать их. Вытирая рукавом глаза, она следила за Чотом. Он осторожно, но внимательно осматривал аил. В отблеске вспыхнувшего костра Соен увидела его плотно сжатые губы и презрительно сощуренные глаза.

— Богатеешь, как посмотрю. Зеркало. А это что висит? Костюм? Ха-ха-ха! — схватился за живот Чот. — Это когда же ты его надевать будешь? Может, на бал пойдешь?

— Может, Чот, и на бал, — спокойно ответила Соен. — Да, Чот. Может.

Он оборвал смех, нахмурился. Похудевшее, ставшее узким лицо его, черная бородка и лохматые брови, серdito насупленные, придавали ему сходство с волком.

— К свадьбе готовитесь?

— Знаешь? Зачем же спрашиваешь, Чот? Ты вот, наверное, тоже решил поздравить молодых?

Соен внимательно посмотрела ему в глаза. Он как-то странно взглянул на нее, встал и, словно смутившись, шагнул к зеркалу.

— Может, и поздравлю, — донесся его чуть дрожащий голос. — Ведь никто ничего не знает? — Он повернулся к Соен.

— О чем? — не поняла Соен.

— О том, почему я ушел отсюда?

— Не знает.

— Ты по-родственному поступила, Соен, — мягко сказал он. — Я у тебя отдохну несколько дней. И уйду. На свадьбе можешь гулять — я шучу. Никто меня не звал. Сделай так, чтоб никто не знал и о моем приходе.

— Почему?

— Я... Так хочу.

У Соен зашло сердце от тревоги. Она не верила в его добрые намерения. Его язык говорит не то, что таится на сердце. Нет, ничутью не верит его мирному тону

Соен. Он что-то задумал недоброе. Это так. Но как узнать об этом, чтоб предотвратить готовящуюся беду? Можно, можно, Соен. Главное, не выдай себя, что не веришь ему. Не вызови у него подозрений.

— Почему ты нигде не работаешь, Чот? — спросила Соен, взяв себя в руки.

— Работал. Сейчас в другом месте буду. От товарища письмо получил, — он посмотрел изучающе на Соен и, очевидно, не найдя ничего подозрительного, добавил: — Я по пути заехал.

— По пути? Откуда ж? — удивилась Соен. — Ведь дальше граница?

— В одну сторону граница, а в другую нет. В другую Тува.

Правда, она слыхала. Есть по соседству такая область. Тувинская. Там тоже скотоводы.

— Хорош ли скот у тувинских колхозов?

Чот небрежно бросил:

— Всякий.

— Как они живут?

— Можно подумать, что ты политикой стала интересоваться, Соен, — недовольно усмехнулся Чот. — И живут всяко.

Соен не ответила на его насмешку. «Нет, не с добрыми намерениями заявился Чот в эту темную ночь», — твердо решила она. Но сказала другое:

— Я не знаю, о какой ты политике говоришь, Чот. Что колхоза касается, как же не интересует меня?

Пришла Янарчи. Она подала котелок с водой Соен и села на корточки рядом, поглядывая на Чота.

— Кого видела, девочка? — спросил неожиданно тот.

Молодая пастушка вздрогнула.

— Никого, — пролепетала она под пристальным взглядом нежданного гостя.

— Такой дорогой и впредь ходи, — сказал он и обратился к Соен: — отара пухоносов в Кок-Озек?

— Там.

— Кульзах с ней?

— И Кульзах, и Варя.

Соен притворно вздохнула и добавила:

— Кульзах счастлива. Идет за человека, которого любит...

Чот быстро взглянул на нее, подметил настороженность, тихо сказал:

— Любит? Значит, жить хорошо будет. Пусть живут. «Кульзах! Вот куда ты хочешь нанести удар!»

На языке Соен спокойствие, в сердце — буря.

— Когда той? — безразличным тоном, даже отвернувшись зачем-то, спросил Чот.

— На день Победы. Скоро, скоро той.

— Три дня, — подсчитал Чот.

— Завтра ждут мать Кульзах и братьев.

— Из Кызылука?

— Оттуда.

Чот прошелся по айлу и попросил постелить ему постель.

— Пешком ведь. Машины из Тувы идут больше по другой дороге. Вот и пришлось на своих двоих.

«Так ли? — не поверила Соен. — А не выбрал ли ты сам себе одиночную дорогу?»

Постелив ему, Соен оделась.

— К отаре? — спросил Чот.

— К ней.

— А сакманщицы?

— Сегодня моя очередь.

— Зверя сейчас на степи нет.

— Все равно.

Когда выходила, встретила его внимательный долгий взгляд. И страшная мысль сковала ее на мгновение. «Ведь он может сначала нас... тут всех... Потом в одну и ту же ночь там — на Кок-Озек». Мысль эта настолько была неожиданной и властной, что Соен на мгновение растерялась, но, овладев собой, вышла из айла.

* * *

Неужели понял Чот, что о целях его прихода Соен догадывается? С утра до самого вечера он не упускал из виду отару. Как сообщить Кульзах? Послать за чем-нибудь Янарчи? Но что она может сказать? «Приехал Чот Токушев»? Кто этому удивится? Ведь бухгалтер ушел открыто, по заявлению.

«Вернулся, — скажут, — не понравилось на новом месте». Сообщить, что пришел как враг — не поверят. Нужно самой, а как уйти? Надо что-то придумать...

Соен почти не спит. Она выжидает удобный момент. Еще бессонная ночь — и она свалится от усталости.

В канун свадьбы из-за Апаш-Су на центральную усадьбу проехал Мамий с сыном Карымом. Соен еще раз от самого старика получила приглашение на той. Был жаркий полдень. Отара только что вернулась от реки на отдых. Соен стояла у аила. Рядом за дверью смотрел в щель Чот. Она даже слышала его дыхание. Попойв Мамия чегенем, Соен поблагодарила за приглашение. Старик, вытирая усы, сказал:

— Какая может быть благодарность. Кульзах помнит твоё доброе дело. Она плохих людей не позовет на свадьбу.

Как хотелось Соен броситься к старику и предостеречь его. Сказать ему, что и Кульзах и всем им грозит опасность. И что эта опасность таится тут, у нее за спиной. Но чем раскрыл он свой замысел? Кто поверит тебе? Не сочтут тебя за сумасшедшую, даже если ты выскажешь предположение? Где у тебя доказательство его преступных мыслей?

Прощаясь, Мамий бросил, будто между прочим:

— Тещу поедут встречать сегодня. Сам хотел ехать с подарками. Известили — еще вчера выехали.

— На лошадях едет?

— Верхами через Улангай.

— Поехали, отец. Поехали, — торопит Карым и, подмигнув Соен, добавляет: — Сегодня хватил немножко. Ишь, разговорчивый какой. У каждого аила готов чегень пить.

— Ты смотри... На отца, — беззлобно говорит Мамий, понукая коня.

Едва они скрылись в ближней ложбинке, Чот вдруг объявил о своем решении уехать.

— Так сразу?

— Ты понимаешь, что я не мог бы быть равнодушным к их женитьбе.

— Я понимаю, Чот. Это трудно.

Казалось, он был искренним. Этому можно верить.

— Надо наварить мяса на дорогу.

— Обойдусь вяленным. Есть?

— Есть.

Он тут же стал собираться в дорогу. Такая поспеш-

Чот быстро взглянул на нее, подметил настороженность, тихо сказал:

— Любит? Значит, жить хорошо будет. Пусть живут. «Кульзах! Вот куда ты хочешь нанести удар!»

На языке Соен спокойствие, в сердце — буря.

— Когда той? — безразличным тоном, даже отвернувшись зачем-то, спросил Чот.

— На день Победы. Скоро, скоро той.

— Три дня, — подсчитал Чот.

— Завтра ждут мать Кульзах и братьев.

— Из Кызылука?

— Оттуда.

Чот прошелся по айлу и попросил постелить ему постель.

— Пешком ведь. Машины из Тувы идут больше по другой дороге. Вот и пришлось на своих двоих.

«Так ли? — не поверила Соен. — А не выбрал ли ты сам себе одиночную дорогу?»

Постелив ему, Соен оделась.

— К отаре? — спросил Чот.

— К ней.

— А сакманщицы?

— Сегодня моя очередь.

— Зверя сейчас на степи нет.

— Все равно.

Когда выходила, встретила его внимательный долгий взгляд. И страшная мысль сковала ее на мгновение. «Ведь он может сначала нас... тут всех... Потом в одну и ту же ночь там — на Кок-Озек». Мысль эта настолько была неожиданной и властной, что Соен на мгновение растерялась, но, овладев собой, вышла из айла.

* * *

Неужели понял Чот, что о целях его прихода Соен догадывается? С утра до самого вечера он не упускал из виду отару. Как сообщить Кульзах? Послать за чем-нибудь Янарчи? Но что она может сказать? «Приехал Чот Токушев»? Кто этому удивится? Ведь бухгалтер ушел открыто, по заявлению.

«Вернулся, — скажут, — не понравилось на новом месте». Сообщить, что пришел как враг — не поверят. Нужно самой, а как уйти? Надо что-то придумать...

Соен почти не спит. Она выжидает удобный момент. Еще бессонная ночь — и она свалится от усталости.

В канун свадьбы из-за Апа-ш-Су на центральную усадьбу проехал Мамий с сыном Карымом. Соен еще раз от самого старика получила приглашение на той. Был жаркий полдень. Отара только что вернулась от реки на отдых. Соен стояла у аила. Рядом за дверью смотрел в щель Чот. Она даже слышала его дыхание. Попов Ма-мия чегенем, Соен поблагодарила за приглашение. Старик, вытирая усы, сказал:

— Какая может быть благодарность. Кульзах помнит твоё доброе дело. Она плохих людей не позовет на свадьбу.

Как хотелось Соен броситься к старику и предостеречь его. Сказать ему, что и Кульзах и всем им грозит опасность. И что эта опасность таится тут, у нее за спиной. Но чем раскрыл он свой замысел? Кто поверит тебе? Не сочтут тебя за сумасшедшую, даже если ты выскажешь предположение? Где у тебя доказательство его преступных мыслей?

Прощаясь, Мамий бросил, будто между прочим:

— Тещу поедут встречать сегодня. Сам хотел ехать с подарками. Известили — еще вчера выехали.

— На лошадях едет?

— Верхами через Улангай.

— Поехали, отец. Поехали, — торопит Карым и, подмигнув Соен, добавляет: — Сегодня хватил немножко. Ишь, разговорчивый какой. У каждого аила готов чегень пить.

— Ты смотри... На отца, — беззлобно говорит Мамий, понукая коня.

Едва они скрылись в ближней ложбинке, Чот вдруг объявил о своем решении уехать.

— Так сразу?

— Ты понимаешь, что я не мог бы быть равнодушным к их женитьбе.

— Я понимаю, Чот. Это трудно.

Казалось, он был искренним. Этому можно верить.

— Надо наварить мяса на дорогу.

— Обойдусь вяленным. Есть?

— Есть.

Он тут же стал собираться в дорогу. Такая поспеш-

ность вызвала подозрение, но он, казалось, об этом совершенно не заботился.

«Не спрячется ли он где-нибудь поблизости, чтоб нанести удар в день тоя?» — испуганно подумала Соен. Она была уже уверена в том, что Чот засобирается в дорогу неспроста. Надо предупредить. Но как?

Чот простился сухо, хотя казался немного растроганным.

— Возвращаться больше не думаю. Прощай, — сказал он и пошел к тракту.

Соен стояла долго у аила и смотрела ему в спину. «Неужели враг? Неужели с камнем за пазухой?» — думала она. На сердце легла какая-то смутная тревога. Так бывает всегда у Соен перед большим несчастьем. «Не верю. Не верю твоему овечьему смирению», — прошептала Соен.

Почти до самого вечера промучалась Соен с охватившей ее тревогой. Потом не вытерпела. Приказав сакманщикам смотреть за отарой, она направила коня к Куягашу и погнала его вдоль тракта.

Утром по степи разнеслась весть о том, что в Борогах был ранен Мартанаков. Сорвавшимся камнем ему раскололо на голове кожу и ушибло правую руку и плечо. Весть вызвала много толков и предположений. Говорилось о том, что камень был направлен злой рукой. Пустил его с горы Чот Токушев, который, как оказывается, жил у Соен на отаре уже двое суток и ушел от нее в тот день, когда Мартанаков уехал встречать тещу.

Чота обнаружил в лесной сторожке начальник милиции, которому будто рассказала о Чоте очень многое Соен Марчина. А Карым доказывал, что не иначе как Чот подрезал тогда на скачках подиругу. Трудно разобраться во всем том, что было высказано в день ареста бывшего бухгалтера. Одно было ясным для всех: пригревали несколько лет змею на своей шее и не замечали ее жала.

А сейчас люди съезжались на веселый той к Ивану Мартанаковичу Мартанакову. Уже в длинную улицу выросли аилы приехавших гостей. За поселком у коновозей бьют копытами землю лучшие бегуны колхозов. Кайчи настраивают свои топшуры. Самые сильные люди аймака затягивают на себе опояски для борьбы...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В июле Варя пришло извещение о том, что она зачислена в институт. Вечером обошла отары. Ее сопровождала Кульзах. Стояли они снова в Кок-Озеке. Варя осмотрела знакомые очертания увалов, ручей, вырывающийся из земли, темную степь с правой стороны, и ей стало грустно.

— Жалко? — тихо спросила Кульзах, обнимая Варю и заглядывая ей в лицо.

— Очень, — прошептала Варя.

— Тогда останься. Разве обязательно ехать? — воскликнула Кульзах, которой также до слез не хотелось расставаться с девушкой, отдавшей столько лет этой Куягашской степи. Варя покачала головой.

— Это невозможно, Кульзах.

Они прошли по ручью. В каком-то порыве Варя прижалась к Кульзах и горячо проговорила:

— Какая ты счастливая, Кульзах. Я радуюсь за тебя.

— Разве у тебя несчастье, Варя?

— Нет. Но... Я полюбила этот край.

Она задумалась.

— Приезжай сюда, Варя, когда кончишь учиться.

— О, это не скоро. Может быть. Да... Я тебя прошу вот о чем, Кульзах, обо всех изменениях породы писать мне. Как приживутся наши пухоносы в других колхозах. Хорошо?

— Конечно.

— Я тебе передам, Кульзах, одну очень важную вещь. — Варя подумала, поколебалась минуту и, решившись, твердо добавила: — Очень для тебя ценную вещь.

Кульзах с любопытством посмотрела на Варю.

— Мои записи и наблюдения за эти годы. Ты прочитай их, Кульзах. Они помогут тебе стать бонитером.

Кульзах с благодарностью стиснула ее руку в своей.

— Спасибо Варя.

— Ну, кажется, все, — вздохнула Варя, оглядываясь вокруг. — Да. Всё.

Варя ускочила на пункт, откуда в сопровождении Любы и Анны Васильевны выехала утром в Куягаш.

Шелест на прощанье сказал:

— Помните, Варвара Николаевна, аймак вашей работы никогда не забудет. И встретит всегда, как члена

своей семьи. Будьте такой же упорной и в учебе. Желаю успехов!

Прибежавший к райкому Вениамин Романович как-то очень странно дергал нижней губой и всё отворачивался, пытаясь говорить о постороннем. «Милые знакомые лица. Ведь столько лет! — думала Варя. — А вон, кто это скачет? Это Мамий. Добрый старый друг. И он...»

Варя почувствовала щекотливый комок в горле.

Мамий долго смотрел в глаза девушке, держа в своих шершавых ладонях руки Вари.

— Учиться едешь? Хорошо. — Он прищелкнул языком и повторил: — Хорошо. Не забывай. Да и так не забудешь. Знаю. Вот жена прислала, — сказал он, кивая на притороченный к седлу мешок.

— Что вы, Мамий Мурзагулович, — запротестовала Варя.

— Обидеть хочешь? Обижай напоследок.

Варя улыбнулась, вздохнула.

— Старуха сама связала, — сказал Мамий, вытаскивая из мешка пуховую верблюжью телогрейку. — На память, Варвара Николаевна. Наденешь — вспомнишь.

Варя горячо поблагодарила старика. Стали собираться. Шелест предоставил свою машину. Варя всё смотрела на широкую улицу поселка. Мартанакон с утра вместе с гидрогеологами выехал на Белый бом, к месту будущей плотины.

«Неужели опоздает?»

Машина шла тихо. По бокам и сзади ее сопровождали верхами Люба, Сергей Поляков, Вениамин Романович. Решили проводить до Белого борма.

На возвышенности, у места постройки плотины, машина по просьбе Вари остановилась. Отсюда была видна вся Куягашская равнина. Варя долго стояла и смотрела на нее.

«Ведь вон у того холма Кок-Озек. Там пухонсы. А вон, против этого Птичьего клюва, опорный пункт», — думала Варя. От Белого борма ехали верховые. «Да, родился новый план, — подумала она. — Пройдет несколько лет, и эту степь не узнаешь». И Варя почувствовала, что не может навсегда расстаться с этим краем. Придет время, и она вернется.

Варя вздохнула и молча пошла к машине. В это

время от показавшейся группы верховых отделился всадник.

— Стойте! — закричал Вениамин Романович, подъезжая к шоферу. — Кто-то скачет сюда!

— Где? — вспыхнула Варя.

— Вон-вон, от реки.

«Это он. Он», — стукнуло трепетно сердце. Варя откинулась на сиденье и вдруг торопливо проговорила:

— Поехали. Быстрей. Пожалуйста, быстрей!

Анна Васильевна, которая должна была ехать вместе с ней до Красногорска, с удивлением посмотрела на Варю.

— Это ж Мартанакон, Варя! — воскликнула она.

Машина тронулась. В это время на шоссе вылетел на своем вороном жеребце Мартанакон. Варя открыла дверцу и, встав на подножку, помахала рукой. Мартанакон, осадив коня в кювет, крикнул ей... Что — не разобрать из-за шума мотора. И вот уже вместо всадника над дорогой огромная лиственница. Бросился с поворота прямо под колеса машины высокий песчаный берег.

Тракт ныряет в первую зелень деревьев и трав.

Когда машина скрылась за поворотом и всадники повернули обратно, Вениамин Романович решительно сказал:

— Уеду и я. Хватит. Смотрите на нее, на уродину, — воскликнул он, приподнимаясь в седле и указывая на широкую каменную пустыню, курившуюся в сизой дымке марева. — Столько лет отдать ей! Довольно! Теперь меня никто не заставит сидеть здесь. Нн-о! Нн-о!

Поляков и Люба переглянулись.

— Ну, доктор! Вот не думал никак, — сказал, подмигивая весело, Мартанакон, сворачивая снова к реке.

— Да что вы, Иван Мартанаконич! — разозлился еще сильнее «доктор». — Не уговаривайте! Подумаешь — Куягаш. Да есть ли где хуже место? «Куягаш», — повторил он презрительно. — А потом, мне не много уж и надо. Могу даже в крупный колхоз где-нибудь, например, в Приобской пойме. Травища там — во! По колено. Воды — залейся. А ведь тут же ни черта.

Вениамин Романович с сердцем ударил Орешка, который, вильнув хвостом и фыркнув протяжно, ничуть, кажется, не разделял раздражения хозяина и шел себе попрежнему тихим, размеренным шагом.

— Н-но ты, сколопендра! — рванул его за повод Вениамин Романович, — каждого уговаривай.

Почувствовав твердую хозяйскую руку, Орешек затрусил вперед. Поляков и Люба пропустили его.

— Расстроился, — вздохнула грустно Люба. Помолчала и добавила: — А человек он хороший.

— Думаете, он в самом деле уедет? — спросил улыбаясь, Поляков.

— Я знаю. Ему просто тяжело стало. Он любит эту степь и вряд ли когда расстанется с ней.

— А трудно к ней привыкнуть?

— Не думаю. Почему-то я привыкла скоро.

— Водоемы вас полонили, — говорит Поляков и внимательно смотрит ей в лицо.

— А вы знаете, — воодушевилась Люба, — нынче еще один будем строить!

Поляков нахмурился.

— Люба...

Она со страхом вскинула на него глаза, сердце рванулось.

— Посмотрите, как далеко уехал Вениамин Романович! — сказала она быстро, указывая на дорогу. — Догоним, развеселим его! Ну, вперед!

Она взмахнула поводом и сразу же почувствовала на лице приятный ветерок. А сердце поет радостно и широко и, словно уловив его песню, какая-то маленькая птичка взмыла над самой головой в голубую высь и щебечет: «Ми-лый! Ми-лый!» «Разве он не слышит? — подумала, улыбаясь, Люба. — Неужели не догадывается?» А не сердце ли это поет так? Вперед, вперед!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Анну Васильевну вызвали в обком партии. Вызывали ненадолго, как обещал Коломин, а пришлось прожить почти две недели. Приехала на зональную и сразу почувствовала что-то неладное. Грошев не показывался, два дня избегал ее, ездил на междугороднюю три раза в день и всё куда-то звонил, хлопотал. Сотрудники станции вежливо раскланивались с ней, а молодой зоотехник Грачев, который всегда возмущался «атмосферкой» на станции, откровенно и во всеуслышанье выпалил:

— Теперь мы поработаем, Анна Васильевна! По-настоящему, от всего сердца!

Даже толстая кассирша кивнула ей покровительно и произнесла:

— Местком заверяет нас, Анна Васильевна, в этом.

— Ничего не понимаю. В чем дело? — пожимала плечами Русакова.

— Как? Вы ничего не знаете? Да вас... Вы... — кассирша покосилась на дверь кабинета директора, и хотя знала, что там никого нет, что Грошев час назад уехал для разговора по прямому проводу с Москвой, не решилась сказать вслух того, что уже почти решено. «Всё может быть — неизвестно как дело повернет», — благоراضно решила она и села. — Вас что-то тут. Вызывают вас.

Грачев презрительно посмотрел на струсившую кассиршу и сказал:

— Вы не знаете, а я от самой Обручевой слышал. Переводят вас директором станции.

— Директором станции? — поразились Русакова и вдруг рассердилась: — Шутить изволите, молодой человек?

— Честное комсомольское, Анна Васильевна!

Русакова почувствовала слабость. Она села на стул и взяв за руку стоявшего перед ней Грачева, попросила:

— Ты, Ваня, сядь. Сядь, скажи, что известно тебе.

— Клавдия Степановна сказала. Обком настаивает.

— Обком?

— Да, сам Коломин, Яков Иванович.

Грачев нагнулся к Русаковой и негромко добавил:

— Соглашайтесь. Соглашайтесь. Мы тогда так размахнемся!

— Нет, Ваня. Какой я директор! Мне б хотя со своей темой справиться.

Она тотчас уехала в город. Но ни Коломина, ни Клавдии в городе не оказалось. Искала встречи с Грошевым — не нашла его. «Как нарочно все избегают меня», — подумала Русакова. Решила заняться хозяйственными делами. Пошла на ветучасток, отобрала для пункта медикаменты.

Набрав полмешка различных снадобий, она стала ждать автобус, идущий до зональной. Вдруг, запыхавшись подошел Грошев.

— Н-но ты, сколопендра! — рванул его за повод Вениамин Романович, — каждого уговаривай.

Почувствовав твердую хозяйскую руку, Орешек затрусил вперед. Поляков и Люба пропустили его.

— Расстроился, — вздохнула грустно Люба. Помолчала и добавила: — А человек он хороший.

— Думаете, он в самом деле уедет? — спросил улыбаясь, Поляков.

— Я знаю. Ему просто тяжело стало. Он любит эту степь и вряд ли когда расстанется с ней.

— А трудно к ней привыкнуть?

— Не думаю. Почему-то я привыкла скоро.

— Водоемы вас полонили, — говорит Поляков и внимательно смотрит ей в лицо.

— А вы знаете, — воодушевилась Люба, — нынче еще один будем строить!

Поляков нахмурился.

— Люба...

Она со страхом вскинула на него глаза, сердце рванулось.

— Посмотрите, как далеко уехал Вениамин Романович! — сказала она быстро, указывая на дорогу. — Догоним, развеселим его! Ну, вперед!

Она взмахнула поводом и сразу же почувствовала на лице приятный ветерок. А сердце поет радостно и широко и, словно уловив его песню, какая-то маленькая птичка взмыла над самой головой в голубую высь и щебечет: «Ми-лый! Ми-лый!»! «Разве он не слышит? — подумала, улыбаясь, Люба. — Неужели не догадывается?» А не сердце ли это поет так? Вперед, вперед!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Анну Васильевну вызвали в обком партии. Вызывали ненадолго, как обещал Коломин, а пришлось прожить почти две недели. Приехала на зональную и сразу почувствовала что-то неладное. Грошев не показывался, два дня избегал ее, ездил на междугороднюю три раза в день и всё куда-то звонил, хлопотал. Сотрудники станции вежливо раскланивались с ней, а молодой зоотехник Грачев, который всегда возмущался «атмосферкой» на станции, откровенно и во всеуслышанье выпалил:

— Теперь мы поработаем, Анна Васильевна! По-настоящему, от всего сердца!

Даже толстая кассирша кивнула ей покровительственно и произнесла:

— Местком заверяет нас, Анна Васильевна, в этом.

— Ничего не понимаю. В чем дело? — пожимала плечами Русакова.

— Как? Вы ничего не знаете? Да вас... Вы... — кассирша покосилась на дверь кабинета директора, и хотя знала, что там никого нет, что Грошев час назад уехал для разговора по прямому проводу с Москвой, не решилась сказать вслух того, что уже почти решено. «Всё может быть — неизвестно как дело повернет», — благоразумно решила она и села. — Вас что-то тут. Вызывают вас.

Грачев презрительно посмотрел на струсившую кассиршу и сказал:

— Вы не знаете, а я от самой Обручевой слышал. Переводят вас директором станции.

— Директором станции? — поразилась Русакова и вдруг рассердилась: — Шутить изволите, молодой человек?

— Честное комсомольское, Анна Васильевна!

Русакова почувствовала слабость. Она села на стул и взяв за руку стоявшего перед ней Грачева, попросила:

— Ты, Ваня, сядь. Сядь, скажи, что известно тебе.

— Клавдия Степановна сказала. Обком настаивает.

— Обком?

— Да, сам Коломин, Яков Иванович.

Грачев нагнулся к Русаковой и негромко добавил:

— Соглашайтесь. Соглашайтесь. Мы тогда так размахнемся!

— Нет, Ваня. Какой я директор! Мне б хотя со своей темой справиться.

Она тотчас уехала в город. Но ни Коломина, ни Клавдии в городе не оказалось. Искала встречи с Грошевым — не нашла его. «Как нарочно все избегают меня», — подумала Русакова. Решила заняться хозяйственными делами. Пошла на ветучасток, отобрала для пункта медикаменты.

Набрав полмешка различных снадобий, она стала ждать автобус, идущий до зональной. Вдруг, запыхавшись подошел Грошев.

— А! Мое вам! Что это у вас? Медикаменты? Почему же сами?

— Кто ж?

— Вот-те на! Завтрашний директор и...

— Давайте, Виталий Юрьевич, без этих шуток... Не люблю.

— Фу, господи! Да правда же! Она не верит. Ухожу. Переводят меня на более крупную станцию.

— Все равно. Меня это не интересует.

— Да что вы на меня-то, право?

— Я ничего.

— У Коломина были?

— Нет еще.

— Тогда понятно. Я предложил сам вашу кандидатуру. Я. Да. До свиданья!

«Врет или говорит правду?»

* * *

Сначала зашла к Обручевой.

— Ну, что выдумали?

— В чем'дело, Анна?

— Не представляйся, Клавдия.

— Ничего, ничего. Не волнуйся. Хорошо, что вовремя пришла. — Она взглянула на часы. — Пошли.

— Куда?

— Ждет Яков Иванович.

— Я не пойду, — решительно махнула рукой Анна Васильевна и села. — Нечего мне делать там.

— Это у первого-то секретаря нечего делать?

— Но ведь ничего не выйдет из вашей затеи!

— Посмотрим.

— Клавдия! Заступись, пожалуйста!

— Хорошо. Пошли.

* * *

Коломин приветливо встал навстречу, усадил на диван, сам подсел рядом. Стал расспрашивать о Куягаше. Очень интересовался пухоносами, о водоемах спросил.

— Хорошо вы там живете. Весело.

— Правда, Яков Иванович, — подхватила Русакова, — работы непочатый край. Я, наверное, за десятки лет не справлюсь со всем, что надумала.

Коломин посмотрел на Обручеву.

— Секрет?

— Почему же. Вот определяю ценность пуха по пернодам. Я ведь с текстильным комбинатом связь держу, потом дождусь, когда пойдет вода на степь, травам займусь. Много работы.

— Это хорошо. Приветствую вас. Вот у нас не всё в порядке на самой станции. Как-то не так получается. Куда-то вбок норовит Грошев. С жизнью нет связи настоящей...

— Поправить надо, — подсказала Русакова.

— Пробовали не раз. Одним словом, вы, очевидно, в курсе событий? — Коломин встал, весело посмотрел на Обручеву и прошел за свой стол.

— В курсе, — подтвердила Обручева.

— Вот и хорошо. Пока можете ехать, Анна Васильевна. Желаю успеха!

— Яков Иванович!

— Мы всё это уже учли, Анна Васильевна. Всё. Не станете же вы нам планы путать? Поезжайте! Да, ждите больших событий.

— Событий? Где?

— В биологической науке.

Анна Васильевна, твердая своему слову, но не решаясь спорить сейчас с секретарем, оглушенная, ничего не понимающая, покинула кабинет Коломина.

Прощаясь с Обручевой, она опомнилась и сказала решительно:

— Вот уеду в Куягаш и не ждите меня.

— Ну, ну, не сердись. Я же знаю, что у тебя доброе сердце.

— Не надейся. Рассержусь.

Вечером пошел дождь. Ночью он усилился, а на другой день нельзя уже было выйти из дому. Дождь лил пять суток. И все пять суток Анна Васильевна никуда не выходила.

Под Кызылуком на встречной машине узнала Карыма. Он махал ей кепкой, улыбался. «На курсы, — подумала Русакова. — Вот и новая специальность в Куягаше — мелиораторы».

В Кызылуке она решила сходить в колхоз «Дьяш Корбо», чтобы посмотреть на козочек, которых продали сюда весной.

Пухоносы оказались в горах, за десять километров от аймачного центра. Несмотря на усталость, не раздумывая, согласилась съездить к ним верхом.

Вернулась при огне. Прошла к знакомому почтарю Егорычу, который жил почти на самом краю села в небольшом домике с красными наличниками. Пришлось как-то во время войны добираться Анне Васильевне на перекладных до самого Куягаша. Егорыч ходил с почтой по кольцу километров пятьдесят. Он очень заинтересовался пухоносами. А она рассказала ему всю историю борьбы за отару. Добрый старик передал Анну Васильевну другому кольцевому, и так на шестой день она благополучно добралась до опорного пункта. Другой раз прихватил ливень в Кызылуке. Трое суток лил дождь. По улицам аймачного центра стремительно неслись бурные потоки, врываясь на огороды, разрушая песочную насыпь тракта. Всё это время прожила Анна Васильевна у любознательного почтаря, познакомилась с Аграфеной Семеновной, маленькой тихой старушкой, женой Егорыча. Она каждое утро поджаривала на большом железном листе вкусно пахнувшие тыквенные семечки, без которых, казалось, просто не могла жить. Вечерами Анна Васильевна читала газеты вслух и отвечала на многочисленные вопросы старика, очень интересовавшегося международной жизнью.

Решила навестить стариков и в этот раз. Егорыча дома еще не было (поехал в Буравихин лог косить на ночь травы коням). Аграфена Семеновна ей очень обрадовалась. Захлопотала, забегала по кухне и первым делом насыпала на стол целый стожок тыквенных семечек.

— Щелкай, Анна Васильевна, пока самовар вздую, — улыбаясь, попросила старушка и загремела трубой. — А старик всё тебя вспоминал. Всё вздыхал.

— Что случилось? — забеспокоилась Анна Васильевна.

— Известно — газеты.

— А-а. Растолковать что-нибудь? — догадалась Русакова.

— Требуется вроде. Со вчерашнего дня ходит, как опоенный, и газету в кармане носит. Хотел будто даже в райком идти.

— А что ж на почте? Там начальник есть. Грамотные вокруг.

— Не могут — вот вопрос! Да и не верит им шибко-то.

— Да что ж такое? — удивилась Русакова и вспомнила, что уже трое суток не видела газет.

«Что ж такое произошло?» — думала Анна Васильевна.

Егорыч приехал поздно. Женщины уже укладывались спать. Открывая ему сенцы, Аграфена Семеновна с упреком сказала:

— Тише топай, медведь. Можно же без шума повесить сбрую?

— А ты это что, старая? Никак нервная стала? — насмешливо сказал Егорыч и стал громко сморкаться.

— Тсс! Тебе рассказывают! Наверно, уже спит. Ждала, ждала — и уснула.

— Кто? — удивился Егорыч. — Неужто...

— Вот тебе и неужто! Поменьше б шарился ночью. Проходи, проходи.

— Приехала! Ах, мать честная! — поразился и обрадовался Егорыч, проходя на цыпочках по кухне.

Анна Васильевна, всё слышавшая, улыбнулась про себя и, быстро одевшись, вышла из комнаты.

— Здравствуй, Егорыч! Я ведь не спала еще. Не беспокойся!

— Ах, ясное море, Анна Васильевна! А я так тужил. Зажигай лампу, старуха. Тут такое дело, что не уснешь все равно.

— Мне Семеновна говорит, а я не пойму, что это тебя так заинтересовало?

— Как что? А совещание?

— Какое совещание?

— Как это, его... Фу ты... Да разве не читала?

— Представь себе. В Красногорске бегала до упаду, а тут в дороге второй день.

Старик вытащил из кармана аккуратно сложенную газету и подал ее Русаковой.

Анна Васильевна с нетерпением развернула газету, пригладила складки на ней и, нацепив пенсне, вслух прочитала: «С сессии ВАСХНИЛ СССР. Положение в биологической науке». Газета давала короткое сообщение об извращениях в биологии.

— Вот это своевременно! — заключила Русакова.

— Прочитала? Ну, объясняй, пожалуйста, что это за такие люди маргависты и, как их...

— Морганисты... менделисты, вейсманнсты, — задумчиво сказала Анна Васильевна.

— Да, да, всякие тут «исты». Это что за штука, Анна Васильевна? Замучились мы на почте-то. Начальник уже звонил куда-то. Обещал разъяснить через несколько дней.

— А ты как думаешь, Егорыч, — улыбнулась Русакова, — нужно было б специально созывать ученых страны, если б эти «исты» были б просто безобидными спорщиками?

— Конечно, тут неспроста дело.

— Правильно. Все они стояли против мичуринского положения о том, что породу живого организма легко может изменить внешняя среда. Они, например, не верят, что приобретенные организмом признаки могут стать наследственными.

— Это как же, стало быть, понять?

— А вот так. Скажем, в совхозе «Каравачево» зоотехники и животноводы добиваются от некоторых коров путем раздоя, правильного ухода и кормления очень высокой продуктивности. Ну, допустим, до сорока литров молока в сутки. Так вот: морганисты говорят, что эта корова не передаст уже приобретенной высокой молочности потомству. Наследство передает только неизменяемый невидимый ген. Вещество, переходящее якобы из рода в род. Без него внешняя среда не может активно влиять на наследственные качества.

— Вот оно что! — удивился старик. — Значит, как бы мешают жизни вперед двигаться? Так, что ли?

— Похоже на это, Егорыч. Ты обратил внимание еще на то, чем они десятки лет занимались? На что тратили сотни тысяч народных средств?

— Да как же! Обратил! С мушками возились. С комариками. Ага. Это, стало быть, одна линия у них. Лишь бы делами полезными не заниматься?

— Правильно, Егорыч.

— Смехота! Да они б посмотрели, за которую науку народ ухватился. Чего он ждет от ученых! Морганисты! — вздохнул старик насмешливо. — Да кабы не Мичурин, видел бы Кызылук яблони? Тут все фрукты — картошка да черемуха с калиной. Испокон веков. А пше-

ница? Кто вырастил нашим краям устойчивую пшеницу? Мичуринцы. Нет, на мухах коммунизма не построишь! Я так думаю.

— Правильно, Егорыч. Нам нужна такая наука, которая бы служила народу, помогала ему в борьбе с силами природы.

— Спасибо. Теперь усну. А то как сон, так — шабаш. Не идет и только. Все думаю, думаю.

Анна Васильевна не вздремнула до самой зорьки. На рассвете вышла тихонько за дверь. Прошла тропинкой, через огород, к реке и присела на ровный камень на высоком скалистом берегу. Над водой стлался легкий туман.

Где-то ниже шумела, клокотала меж камней диковатая Кара-Кем. Она смотрела на волны, на горы, высившиеся сразу же за рекой, а мысли были далеко.

Вот прочитала о разгроме морганистов, о их долготлетней вредной работе, и почему-то припомнились все эти трудные годы, проведенные ею на самом краю земли. Недоверие. Порой издевки и насмешки. Неудачи. Отчаяние. Сколько было бессонных ночей и бессильных слез, когда сталкивалась с недоверчивой настороженностью скептиков. Да скептики ли они? И хоть было очень обидно за пережитое, однако Анна Васильевна чувствовала почему-то не боль, а растущее большое и радостное чувство торжества.

Разве она не верила, что придет настоящее, большое признание? Разве хоть раз покорялась она постыдному чувству отступления перед трудностями?

Нет, не может она упрекнуть себя в этом. И тем более не собирается она сейчас почить на лаврах. Работать. Работать.

С левого берега реки что-то медленно ползло, скрежеща и грохоча по деревянному мосту. Вот из тумана, разрывая его, вышел, засверкав гусеницами, трактор. За ним — высокая стрела. Ковш. Какая-то будка плывет в воздухе.

— Новый экскаватор! — прошептала Анна Васильевна и, привстав, взволнованно добавила: — Это к нам. В Куягаш. Для будущей плотины. Живет уже, живет большой план для Куягаша.

Она смотрит, как осторожно сходит с моста трактор, как, слегка покачиваясь, по-хозяйски твердо и уверенно

движется за ним землеройная машина, и чувствует прилив радости за новый день, который рождался на ее глазах, смело прорезываясь над едва заметными вершинами далеких отсюда Чуйских альп.

Анна Васильевна с восхищением смотрит на далекие отроги гор, посеребренные рассветом. А зори пламенеют всё больше, больше. Молодой, полный энергии и сил, вставал над горами новый день.

ЭПИЛОГ

Задержавшись в гостинице, Анатолий Жуковкин опоздал на концерт, пришел, когда уже выступала какая-то молоденькая певица. Он окинул взглядом театр, так хорошо знакомый еще со студенческих времен. Здесь не раз проходили молодежные собрания, комсомольские конференции, вечера. Он сам несколько раз выступал с этой сцены. И все-таки что-то изменилось здесь. Чего-то не хватало прежнего, но чего, он не знал и сам. Может быть, она, Люба, заставляла его смотреть тогда на все иными глазами? Может быть. Он старался сосредоточиться, напрягая внимание, слух, но мысли о прошлом мешали. «Она любила вон тот, седьмой ряд, шестое место», — вспомнил он.

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая... —

пела девушка. Анатолий почувствовал тревогу.

Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая...

«Неугасимая... Неугасимая», — прошептал он и наклонился к соседу.

— Кто эта девушка?

— Это? Вы не здешние?

— Приезжий.

— А, тогда другое дело. Это Оймок. Оля Саруева. Поет, знаете, с душой. Она и стихи печатает. Да.

Анатолий поблагодарил его и стал смотреть на певицу «Неугасимая... неугасимая», — билось в его голове.

Встречай меня, хорошая,
Встречай меня, красивая.

«Встречай... встречай», — больно задевали слова песни... Когда-то его ждали и встречали. Даже тут, в Красногорске.

Он тяжело вздохнул и сердито оглянулся назад. Кто-то тяжело сопел, обдавая его шею жаром.

— Гражданин! Будьте любезны... Так сгореть можно. Да и некрасиво.

— Чего? — хрипло проговорил сосед, и Жуковкина обдала волна винного перегара. Он сморщился и пожалел, что потревожил его.

Молодой певице долго и дружно аплодировали. Она вышла еще раз. Поклонилась, улыбнулась и на носках убежала за кулисы. Она чем-то напомнила ему Любу. Улыбкой ли этой застенчивой, или вот таким же смелым росчерком тонких бровей — неизвестно. Ему стало скучно и почему-то обидно. Вот все сидят. Все заняты, а он... Один. И никому нет дела до него. Сосед сзади снова сопит в шею, обдавая его горячим воздухом. «Скотина», — с раздражением подумал Анатолий и, решительно поднявшись, вышел в фойе, выпил в буфете стакан вина.

«Наверное, у меня вид утопленника, — подумал Жуковкин, поймав на себе любопытный взгляд буфетчицы. Он чувствовал какое-то угнетение. — Пожалуй, напьюсь сегодня, как там, когда сняли с работы. Но тогда — другое дело. Душевный разлад. Ну что ж. А теперь за то, что ты разобрался во всем и думаешь. Хорошо начать с того же самого Красногорска... Напьюсь». Но вместо этого прошел к выходу и, ничего не отвечая на удивленный взгляд контролерши, вышел из театра. Нашупав в кармане билет, он вытащил его, смял в руке и, скатав комочком, бросил в снег.

На небольшой площади около театра стояла вмерзшая в снег высокая пихта (в окрестностях Красногорска не было елок). По бокам в деревянных ящиках утрамбовывался снег, чтобы стать после каким-нибудь добрым зверем из сказки. «Где я встречу Новый год?, — подумал с тоской Жуковкин. — С Новым годом. С новым счастьем». — Он горько усмехнулся. «Счастьем». Было светло. «Кажется, Красногорск благоустраивается», — обратил он внимание на огромные белые шары, которые разливали вокруг мягкий, ровный свет. Эти шары походили на грозди винограда.

Столбы с электрофонарями шагали по всей улице в

центр города. И луны не видно за ними. «Хорошо», — подумал он, пошарив по темному небу взглядом.

Под валенками скрипели половицы замерзшего тротуара. Хрустел снег.

«Услышь меня, хорошая», — послышалось вдруг. Жуковкин обернулся. Никого не было. И он понял, что ему просто показалось. Каким-то теплом и горечью охватило его. «Оля. Чья она? — Салбашева... Санашева... Сабурова. Буква «у» в ее фамилии есть... Саруева... Да, Оля Саруева, — вспомнил он. — Хорошенькая. Чем она напоминает Любу? Может, такой же непосредственностью? Эта Оля, конечно, уже кого-нибудь любит. Она пользуется, видать, известностью».

От этих мыслей стало еще горше. Стало жалко себя. И зачем было связываться с этим проектом?

Жуковкин снова оглянулся: ему почему-то показалось, будто за ним наблюдают. Редкие прохожие, поскрипывая снегом, спешили куда-то, совсем не обращая на него внимания.

Так как же это произошло все?..

Прежнее начальство понимало его. Начальнику нравился исполнительный, сообразительный молодой человек. Жуковкину пообещали отдел. И вдруг всё полетело к черту! Начальнику не простили его новой дачи.

Отдела Жуковкин так и не получил. А ему (что там уж скрывать перед собой) очень хотелось заполучить его. Он бы справился!

Новый начальник почему-то не понял его. Он даже очень подозрительно, как казалось Жуковкину, и придирчиво стал относиться к его работе. И Жуковкин решил. Решил отличиться. Он ждал — и вскоре предоставился случай.

В одном из отдаленных районов края к нему обратился колхозный зоотехник. Вот и сейчас он перед ним: лысый, низенький, в глазах — робость. Он предложил проект скотного двора с утеплением. Это была замечательная мысль!

...Через несколько дней, утомленный и казалось безразличный, Жуковкин докладывал об усовершенствованном им проекте необычайного скотного двора.

— Целесообразность этих, внесенных мной изменений — очевидна, — сказал он. — И автор согласился на соавторство.

Начальник долго рассматривал проект, соображая что-то, потом вдруг весело заключил:

— Что ж, поздравляю... А я, признаться... я думал...

Начальник так и не сказал, что он думал. Хитро сощурив глаза, он протянул ему свою руку. И Жуковкин вышел из его кабинета воспрянувшим.

Прошло несколько дней. Начальник уезжал куда-то, советовался с кем-то, и вдруг...

Этот вечер запомнился ему навсегда. Его вызвали в кабинет начальника. Жуковкин, трепетавший в душе, но не подававший виду, бодро открыл дверь, прошел к креслу... и тут неожиданно из полутемного угла у окна донесся до него глухой, простуженный голос:

— Здравствуйте, товарищ Жуковкин. Вы уж меня извините... Мне безразлично, будьте соавтором, но ваше усовершенствование повредит животным.

Это был тот самый зоотехник.

Жуковкин плохо помнит, что произошло дальше. Это было неприятно и страшно. Начальник обвинил его в воровстве чужого проекта и в тот же вечер предложил покинуть управление... Он пережил тяжелые дни, после которых теплым и светлым воспоминанием поманил его к себе Красногорск.

И вот он в нем. Здесь тоже было холодно, одиноко. Куда теперь? А если в Куягаш попроситься?

Он вспомнил холодный, даже брезгливый разговор с ним Любы. Да и свое, высокомерное тогда поведение. Томительное тяжелое чувство овладело им снова. Нет. Туда нельзя. Туда, может быть, после.

В номере гостиницы было тепло, и это обрадовало. «Завтра, может, приедет Обручева, — мелькнула мысль. — Пойду. Буду проситься в Кызылук. Все-таки на тракте. Или, может, лучше куда-нибудь в сторону, глубже в горы? Можно бы в Улангайский аймак. Но ведь оттуда ни зимой, ни летом не выберешься. Так и в театр не съездишь. А из Кызылука на праздник в любое время можно попасть в Красногорск. В театр... А зачем?» Он улыбнулся. Перед ним снова встал образ молодой стройной левницы, но его тотчас заслонил другой. Вот, кто подогревает еще твои мечты и планы. Люба! «Она узнает, что я рядом. Поймет. Не может она... Нет».

Клавдия Степановна обрадовалась ему и удивилась.

— Неужели совсем?

— Совсем. Отсюда начинал. Сюда и пришел.

— Это, можно сказать, нам повезло, — сказала она. — Специалистов нужно дозарезу...

— Только, пожалуйста, не в аппарат...

— А почему? У меня все разбежались по аймакам. Одна кручусь. Маюсь. Вы же работали в управлении!

— Поэтому и не хочу больше.

— А может...

— Ни за что! — твердо сказал Жуковкин.

Обручева вздохнула.

— Жаль. Ей-богу, жаль. Куда ж вы думаете? Да, — вспомнила она о чем-то и весело блеснула глазами. — Вот бы в Куягаш. На Любино место. Да не поедете ведь, а?

— На Любино... место? — У Жуковкина перехватило дыхание. Клавдия Степановна пристально посмотрела на него.

— Э, да вы, батенька, кажется... Садитесь, пожалуйста... Поздно: Люба вышла замуж за геолога Полякова. Его перевели в другой трест. Пока они поехали на его родину. Жалею. Очень жалею о ней. Она помогла нам. Крепко помогла.

— Вон что. Значит, вышла? — растерянно пробормотал Жуковкин, криво улыбаясь, теребя в руках шапку.

— Прозевал, товарищ Жуковкин. Прозевал. Да не тужи. Мы тебе такую найдем невесту — любо-милу! — подбодрила его Обручева и, указав на стену, добавила: — А это наши первые лауреаты.

Жуковкин только сейчас обратил внимание на три больших портрета, висевших вряд на стене. Он, конечно, узнал их сразу. Да, ему было известно об этом. «Вот Русякова. Это Варя, а третья... третья... «Кульзах», — прочитал Анатолий.

— Знаю. Знаю, — тихо сказал он, поднимаясь с дивана. — Пухоносы. Куягашское золото.

Жуковкин взглянул на подпись под портретом Русаковой и вскинул брови:

— Директор зональной станции?

— Да. Чему ж вы так удивились?

Жуковкин потоптался у портретов, и вдруг почувствовал, что не может больше здесь находиться ни одной минуты. Он надел шапку, потом сдернул ее, затем машинально снова надел и пошел к двери.

— Что ж вы, товарищ Жуковкин? — остановил его удивленный басок.

— Ах, да, — спохватился он. — Я решу завтра. Можно завтра, товарищ Обручева? Вы к десяти приходите?

— Ну что ж. Приходите завтра, — медленно сказала Обручева, догадываясь, что он уже никогда не придет.

Жуковкин торопливо распрощался и вышел. В городе он почувствовал еще сильнее свое одиночество. И Кызылук, и Улангай, находившиеся где-то за этой розовой дымкой, которая курилась над горами, казались теперь мрачными, чужими.

Жуковкин зябко передернул плечами и пошел в гостиницу. Вдруг он остановился и стал лихорадочно шарить по карманам. Из верхнего карманчика костюмного пиджака вытащил квитанцию на сданный в кладовую чемодан, успокоился — ему показалось, что он выбросил вчера вместо билета на концерт эту квитанцию...

*Алтайский край, село Усть-Пристань
1951—1954 гг.*

Александр Михайлович ДЕМЧЕНКО
ЧУЙСКИЕ ЗОРИ

Редактор *В. Серебряный*
Художник *Р. Оввян*
Технический редактор *С. Каплан*
Корректор *Б. Пасынков*

*

Сдано в набор 13. IX. 1954 г. Подписано
к печати 14. XI. 1954 г. АГ 01590

*

Бумага $84 \times 108^{1/32} = 5,56$ б. л., 20,06 п. л.,
19,68 изд. лист. Тираж 30.000 экз.
Заказ № 1292. Цена 6 р. 90 коп.

*

Типография № 1 Полиграфиздата
Барнаул, ул. Льва Толстого, 29.

Горно-Алтайская
ГОРОДСКАЯ РАЙОННАЯ
Библиотечка

100 100
100 100
100 100
100 100
100 100

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. предыдущих выдач _____

24/II - 209

8/III - 221.

12/IV - 114.

5/V - 178.

с. р. 90 к.